

CAUCASO-CASPICA

Труды Института востоковедения
Российско-Армянского университета

Выпуск V
2020

Под редакцией
ГАРНИКА АСАТРЯНА

Ереван
Российско-Армянский университет
2020

УДК 93/94:008

ББК 63.3+71

Издание утверждено к печати
Редакционно-издательским советом и Ученым советом Института
востоковедения Российско-Армянского университета

Caucaso-Caspica: Труды Института востоковедения Российско-
Армянского университета/ Под редакцией Гарника Асатрян. – Ер.:
Изд-во РАУ, 2020. Выпуск V(2020).- 220 с.

Caucaso-Caspica V – очередной выпуск международной рецензируемой Серии, содержащей научные статьи по вопросам истории и литературы, культуры, языков, религии, мифологии, этнографии и фольклора народов Кавказско-Каспийского региона и шире. Серия включает также материалы аналитического характера, отражающие актуальные проблемы региональной и международной политики. В издании представлены работы на русском языке – с аннотациями на английском и русском – ученых из разных стран.

УДК 93/94:008

ББК 63.3+71

Издание выходит при поддержке Института автохтонных народов Кавказско-Каспийского региона, Ереван.

ISBN 978-9939-67-257-1

© Издательство РАУ, 2020

CAUCASO-CASPICA

Institute of Oriental Studies
Russian–Armenian University, Yerevan

Volume V
2020

Edited by
GARNIK ASATRIAN

Russian-Armenian University
Yerevan
2020

Редакционная коллегия

Виктория Аракелова (заместитель главного редактора, Ереван)
Паргев Аветисян (Ереван), Яна Амелина (Москва),
Андрей Арешев (Москва), Гариб Бабаян (Степанакерт),
Светлана Балхова-Мухтарова (Душанбе), Увэ Блезинг (Лейден),
Ваге Бояджян (Ереван), Маттиас Вайнрайх (Берлин),
Йост Гипперт (Франкфурт), Махмуд Джафари-Джонейди (Тегеран),
Евгений Зеленев (Санкт-Петербург), Анна Красновольска (Краков)
Ерванд Маргарян (Ереван), Ирина Начкебия (Тбилиси),
Надере Нафиси (Тегеран), Петер Николаус (Вена),
Антонио Панаино (Болонья), Джеймс Рассел (Гарвард),
Константин Рахно (Киев), Георгий Саникидзе (Тбилиси),
Тамерлан Салбиев (Владикавказ), Нугзар Тер-Оганов (Тель-Авив),
Шахбан Хапизов (Махачкала), Вольфганг Шульце (Мюнхен) †

Ответственный за выпуск

Гагик Саргсян

Редакционная группа

Анна Габриелян, Амир Зейгами,
Гоар Акопян, Рубен Ташян, Цовинар Киракосян,
Шушан Айвазян

DOI 10.48200/9789939672571_5

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПЕТРОГЛИФЫ ДАГЕСТАНА: АРЕАЛ, ИСТОРИЯ, ТИПОЛОГИЯ¹

Руслан Сефербеков

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
Федерального исследовательского центра РАН, Махачкала

Abstract

The article describes ochre and engraved cave paintings, widespread in Dagestan from the Mesolithic period until the Middle Ages, and is one of the types of monumental primitive art: images of people, animals, plants, inanimate objects, signs. They are found on the surface of rocks and large stones under the open sky, in caves and grottoes everywhere in Dagestan. In the Middle Ages, cave paintings, under the influence of Islam, disappear and flow into another type of ornamental art—engraved images on stone on objects of material culture.

The author classifies the petroglyphs of Dagestan according to their archaic nature, frequency of manifestation, cult significance into several types—solar signs, various geometric symbols, plots and ornamental motifs, zoomorphic and anthropomorphic images, battle and hunting scenes, Christian symbolism. Provides an interpretation of the semantics of geometric symbols of Dagestan.

Keywords: Dagestan, Cave Paintings, Petroglyphs, Symbolism, Semantics, Typology

Аннотация

В статье описываются распространенные в Дагестане с эпохи мезолита и до средневековья рисованные охрой и гравированные наскальные рисунки—один из видов монументального первобытного искусства: изображения людей, животных, растений, неодушевленных объектов, знаков. Они встречаются на поверхности скал и крупных камнях под открытым небом, в пещерах и гротах повсеместно в Дагестане. В средние века наскальные рисунки под влиянием ислама исчезают и перетекают в другой вид орнаментального искусства—гравированные изображения на камне на объектах материального культуры, которые бытовали вплоть до XX в.

Автор классифицирует петроглифы Дагестана по степени их архаичности, частоте проявления, культовой значимости на несколько типов—солнечные знаки, различные геометрические символы, сюжеты и орнаментальные мотивы, зооморфные и антропоморфные изображения, батальные и охотничьи сцены, христианскую символику. Приводит интерпретацию семантики геометрических символов Дагестана.

Ключевые слова: Дагестан, наскальные рисунки, петроглифы, символика, семантика, типология

Введение

Петроглифами (от др.-греч. πέτρος—камень и γλυφή—резьба) в широком смысле этого слова называют любые нанесенные краской (охра) или гравированные на камне изображения, сохранившиеся от эпохи палеолита до средневековья. К ним относятся и наскальные рисунки—один из видов монументального первобытного искусства:

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-09-00420.

изображения людей, животных, растений, неодушевленных объектов, знаков на поверхности скал и крупных камнях под открытым небом, в пещерах, гротах (Фролов 1991: 107-108). Они известны по всему миру, включая и территорию бывшего СССР (Формозов 1961; Формозов 1980; Шер 1980; Дэвлет 2005).

По мнению Натальи Жуковской, пещерные наскальные рисунки и петроглифы являются одним из показателей динамического освоения пространства первобытным человеком” (Жуковская 1986: 127). Владимир Марковин (2006: 205). считает древние и средневековые писаницы и петроглифы “ярким показателем самосознания, подданного нам через века”. Зоя Соколова полагает, что изображения животных связаны с ранними формами религии—тотемизмом, промысловым культом, зоолатрией (теротеизмом) и страхом перед животным (Соколова 1972: 202-203). Следы тотемизма в наскальных рисунках Дагестана находит и Валентина Котович (1984: 11-22).

Как считает Зелик Ямпольский, “для людей каменного века, созданные ими рисунки, не были искусством – они делались там, где их невозможно или трудно рассмотреть, нередко они наложены друг на друга. Субъективной целью создателей таких рисунков и изваяний была (утилитарная) магическая помощь охоте. Подавляющее большинство этих рисунков изображает животных, на которых охотились и сцены охоты, рисунки делались в местах охоты” (Ямпольский 1968: 153). На такой же точке зрения стоял и Аркадий Анисимов, который писал, что “в художественных образах пещерного искусства заветная мечта охотника—обладание добычей—дана в форме воспроизведения желаемого как реально свершившегося” (Анисимов 1967: 26), так как “согласно представлениям первобытного человека, изображение животного равно самому животному, так как в него вселяется душа этого животного” (Соколова 1972: 40).

Итак, как это видно, наскальные рисунки появились в глубокой древности были связаны с ранними формами религии, и вызваны утилитарной причиной—магической помощью в охоте.

Целью данной статьи является обзор исследованных специалистами наскальных рисунков Дагестана, а также описание гравированных на камне изображений на объектах материальной культуры с последующей классификацией и интерпретацией семантики символов.

Наскальные рисунки на природных объектах

По технике создания различаются наскальные рисунки на естественной или на искусственной поверхности скалы, камня, выполненные в виде контуров или силуэтов, красками или орудиями, резьбой или выбивкой разной глубины, в ряде случаев с последующей шлифовкой или заглаживанием контуров и силуэтов (Фролов 1991: 108).

В Дагестане рисованные охрой изображения фиксируются, начиная с эпохи мезолита (X-VIII тыс. до н.э.) и кончая средневековьем (доисламское время). Считается, что сохранившиеся в гротах и пещерах “Чинна-Хитта” и “Чуял хъвараб нохъо” наскальные рисунки оставлены обитателями Чохского поселения эпохи мезолита (Амирханов, 1987). Как отмечают специалисты, “в мезолите широкое распространение получает многофигурные композиции, где люди охотятся, преследуют животных, сражаются, танцуют. Исследователи ставят появление этих сюжетов в связь с изобретением лука, изменившего всю систему охоты, в которой весьма заметной стала роль отдельного охотника” (Котович 1986: 64).

Наскальные рисунки встречаются в Дагестане и в более позднее время. Например, древние писаницы конца эпохи неолита зафиксированы в местности “Харитани” в окрестностях с. Чирката Гумбетовского района Дагестана (Исаков 1966: 55, таб. 13; Котович 1976: 65-90).

Выполненные охрой зооморфные изображения (собака, лошадь, бык, осел, козел, олени, птицы, змеи), относящиеся к эпохам бронзы—раннего железа сохранились на скалах близ сс. Санжи и Трисанчи Дахадаевского района и с. Кара Лакского района (урочище Виттурзивалу) (Котович 1986: 7).

Как уже отмечалось, наскальные рисунки в Дагестане фиксируются вплоть до средневекового времени (Лавров 1959: 177-180, рис. 2, 3), когда они постепенно исчезают, видимо, под влиянием распространившегося ислама, считающего греховным изображения животных и людей (Ван дер Плас 1996: 123-143): большинство из известных на сегодняшний день наскальных изображений местное население называет “рисунками шайтана”.

Древние и средневековые наскальные рисунки Дагестана и Северного Кавказа целенаправленно изучались Котович (1976) и другими авторами (Марковин/Мунчаев 2003: 139-157; Марковин, 2004: 51-64). Определенный вклад в изучение этой проблемы внесли и мы: выполненные желтой, красной и коричневой охрой наскальные рисунки выявлены на территории Табасарана и введены в научный оборот нами. В местности “Цару гьарзар” (“Пестрые скалы”) недалеко от с. Хурсатиль Хивского района Республики Дагестан на стенах грота изображены обрамленные точечными знаками олени, козули, козел со скрещенными рогами; всадники верхом на лошадях и оленях, опоясанные мечом и держащие в левой руке ветку или оленьи рога в сопровождении животных—собак, жеребят, ослов (?). В двух километрах к западу от этого селения, в местности “Гемерикк хьар”, на поверхности скалы “Хьюрцлин мугар” (“Грачиные гнезда”) также имеются наскальные рисунки, выполненные желтой, красной и коричневой охрой. На ней изображено “синкретическое животное” (Сефербеков 2017а: 28-39) с широко расставленными ногами со шпорами, распростертыми крыльями и древовидными рогами; дерево, крона которого изображена в виде точечных знаков; козлы, собаки, всадники; “человечки” с подчеркнутыми мужскими половыми признаками, у которых за спиной находится непонятный предмет (лук?). Такие же рисунки, выполненные ярко красной охрой (олени с ветвистыми рогами, козлы с загнутыми рогами, люди с подчеркнутыми мужскими половыми признаками в сопровождении собак, пляшущие человечки и др.), нанесены и на поверхность “Кровавых скал” (“Ифтин гьарзар”), находящихся в двух километрах к югу от с. Цудук Хивского района (Сефербеков, Гашимов 2003: 77-78, 83).

Итак, как это видно, рисованные в основном охрой разных цветов и оттенков (желтый, красный, коричневой), наскальные рисунки фиксируются во многих районах Дагестана, начиная с эпохи мезолита и вплоть до средневековья.

Гравированные рисунки, выполненные на объектах материальной культуры

Особым видом орнаментального искусства Дагестана являются гравированные изображения на камне. Если наскальные рисунки Дагестана целенаправленно изучались исследователями, то изучением (сбор, систематизация и интерпретация) гравированных изображений на объектах материальной культуры занимались в меньшей степени

(Атаев/Марковин 1965: 342-371; Гольдштейн 1976: 134-152; Маммаев 1989; Хан-Магомедов 2000; Дебиров 2001).

Начиная со средневековья и кончая новейшим временем, они встречаются на фасадах жилищ, оборонительных, культовых и хозяйственных сооружениях и надмогильных памятниках.

То обстоятельство, что рисованные охрой (в предгорном, горном и высокогорном Дагестане) и гравированные (в равнинном и нижнепредгорном Дагестане) наскальные рисунки в средневековье практически не встречаются, дает основание считать, что они плавно перетекли в изображения, вырезанные на объектах материальной культуры. Вероятно, ислам более терпимо относился к изображениям геометрических символов и схематических изображений людей и животных на объектах материальной культуры в противовес их нанесенным на поверхности пещер и гротов аналогам. К тому же в средневековье, у основной массы населения Дагестана охота утратила свое утилитарное, дополняющее основные хозяйственные занятия (земледелие и скотоводство) назначение, превратившись во времяпровождение отдельных охотников. Следует также учитывать, устойчивость сохранявшихся довольно длительное время в материальной и духовной культуре народов Дагестана отголосков домотейстических верований (Булатов 1990; Гаджиев 1991). По мнению Соколовой, изображения животных и их частей тела на домах, одежде, предметах быта, орудиях труда и оружии являются “амулетами-оберегами”, связаны с тотемизмом и являются трансформацией обычая почитания животных (Соколова 1972: 39).

Для того чтобы исключить путаницу и разграничить рисованные охрой изображения на природных объектах (скалы, стены и потолки пещер и гротов) от их гравированных аналогов на объектах материальной культуры (жилища, оборонительные, культовые и хозяйственные сооружения, надмогильные памятники), мы предлагаем называть первых по-прежнему *наскальными рисунками*, а вторых— *петроглифами* (в узком смысле этого термина). Имеется немало примеров, когда сюжеты обоих видов орнаментального искусства перекликаются и повторяют друг друга.

Включенные в кладку фасадов, углов и боковых стен жилых, хозяйственных, культовых боевых и сигнальных сооружений и выполняющие декоративную и магическую функции, камни с петроглифами сохранились во многих селениях Дагестана. Например, они имеются в Шамильском (Гидатль, Келеб, Кахиб, Гоор и др.), Чародинском (Тленсерух, Карах и др.), Гунибском, Табасаранском, Хивском, Рутульском и др. районах Дагестана. Об этом свидетельствуют источники, литература и наш полевой материал.

Одним из регионов распространения петроглифов был Гидатль. На них обратил внимание посетивший этот район в 1927 г. Григорий Чурсин. Он писал: “Интересно, что в стенах всех гидатлинских башен, среди обыкновенных тесаных камней большею частью неправильной формы, местами вделаны четырехугольные каменные плиты с резным орнаментом, иногда с изображением лошадей, крестов и, наконец, охотничьих сцен (охота на оленя из лука). Кроме того, на некоторых камнях имеются высеченные на них надписи, большей частью арабским алфавитом. Сцена охоты на оленя имеется на Чухбиевской башне в Тидибе. На другом камне башни в Тидибе вырезан крест и по бокам его две человеческие фигуры в стоячем положении” (Чурсин 1995: 12-13).

О том, что в стенах домов и башен гидатлинского селения Урада “находились большие плоские камни с высеченными изображениями сцен

охоты, лабиринтами и различными геометрическими знаками” (Этнографический очерк Козловой 1945: 10) указывает и побывавшая в 40-х гг. XX в. в Гидатле К. Козлова. Эти дома и башни с петроглифами на них упоминает и Суракат Асиятилов, который писал: “Гидатлинские села и мое родное Урада украшают “большие” дома оригинальной конструкции и старинные башни. Почти в каждый дом вмонтированы камни с изображением людей, различных символических фигур, крестов, спиралей, животных...” (Асиятилов 2002: 21).

В ходе полевой экспедиции в селения Гидатля в 2017-2019 гг. нам также удалось зафиксировать некоторые петроглифы, сохранившиеся на старинных сооружениях. Они имеются, например, на стенах действовавшей вплоть до 90-х гг. XX в. старинной *джума-мечети* в с. Нижний Урада. На ее фасаде находятся камни, на которых схематично изображены всадники, а также шестиконечный крест в квадрате и спирали. Вблизи мечети, на одном из старинных домов сохранилось изображение многочастной композиции из двух переходящих друг в друга вихревых розеток, образующих спираль и лабиринт.

Петроглифы на жилищах в с. Урада наносились и в советское время. Например, на угловых камнях боковой северной стороны дома Магомеда Алиева, построенного в 1948 г., изображены традиционные символы: в обрамлении точечных знаков—“рука”, спираль, лабиринт, крест, розетка, а также советская символика—серп и молот.

Близки к петроглифам с. Урада рисунки другого гидатлинского селения— Мачада. На фасадах старинных жилищ здесь вмонтированы камни, относящиеся, вероятно, к средневековому периоду. На них изображен часто встречающаяся в Аварии заканчивающаяся спиралью вихревая розетка, переходящая в лабиринт; солнце в форме колеса со спицами; равносторонний крест, концы которого заканчиваются треугольниками; крест с концами в виде полукруглых наверший; схематичное “дерево мировое”, изображенное в виде креста; крест в круге; образующие меандр зигзаги; козел с загнутыми рогами и с выраженными мужскими половыми признаками на фоне креста “грузинского” типа; большой “грузинский” крест с тремя маленькими крестами сверху и по бокам в обрамлении сложного растительного орнамента по краям; схематично изображенная собака в обрамлении зигзагов.

Особенно много петроглифов имеется в расположенных рядом с Гидатлем селениях Келеба. Это—“дерево мировое”; лабиринты и заканчивающиеся спиралью вихревые розетки; образующие лабиринт вихревые розетки, завершающиеся спиралью; свастики—вихревые розетки, в обрамлении меандра из спиралей; левосторонняя свастика, концы которой завершаются сложной спиралью; правосторонние свастики с загнутыми концами; восьмиконечный крест с точечными знаками внутри; восьмиконечный крест, напоминающий скандинавскую руну “Шлем Ужаса”; геометрический знак, напоминающий скандинавский и славянский символ “Черное Солнце”; крест “грузинского” типа; косой крест в квадрате и в прямоугольнике; крест в ромбе; находящиеся друг в друге три ромба; образующие меандр зигзаги и чередующиеся поперечные и продольные линии; состоящее из двух находящихся друг в друге кругов (с ромбом и четырехлепестковой розеткой внутри них) солнце с загнутыми лучами; сюжеты “засеянное поле” и “рука”; “всадник” рядом с “грузинским крестом”; сцена охоты

лучника на козлов с загнутыми рогами, перечеркнутая косым крестом с полукругиями на концах.

Петроглифы были обнаружены нами и в ходе полевой экспедиции 2012 г. в карахское селение Урух-сота Чародинского района. Петроглифов в этом селении не так много, как в Келебе. Нам удалось обнаружить здесь изображенного очень условно и схематично всадника (аналогичного такому же “всаднику” на боковой стене ингушского храма “Тхаба-Ерды” (Акиев 1997); классический лабиринт; лабиринт, образованный из вихревой розетки с загнутыми концами; многочастный ромб; “древо мировое” в форме колоса, завершающегося находящимися друг в друге кругами и ромбом; шестилепестковую розетку в круге.

Совсем недавно, 25 декабря 2018 г., в Республиканском “Музее-заповеднике — этнографическом комплексе “Дагестанский аул” прошла выставка “*Рутул. Сад камней*”. На ней было представлено более 90 фотографий резных камней из Рутульского района Дагестана, включая наскальные рисунки, фрагменты архитектурного декора, резные строительные камни, надгробные стелы. Петроглифы (все рисунки—условно схематичные) изображали

кошачьего хищника (лев?) на фоне солнца (наподобие детского рисунка); битву всадника с копьём с пешим воином, который также вооружен копьём и защищается небольшим щитом.

Особое внимание привлекает условно антропоморфное изображение с широко расставленными ногами, упертыми в бока руками, длинной шеей, без головы. Под широко расставленными ногами расположен незамкнутый круг (женское начало?). Рисунок можно связывать с символикой плодородия и трактовать как момент коитуса. Примечателен также схематичный рисунок человека с расставленными ногами и раскинутыми по сторонам неестественно большими руками и пальцами. Аналогичный рисунок (“синкретический зверь”) (Сефербеков 2017а: 28-30), но выполненный охрой, зафиксирован нами в наскальных рисунках вблизи табасаранского селения Хурсатиль Хивского района.

Другие рисунки из Рутула изображают: образующие меандр спирали и круги, внутри которых—прямые и косые кресты; четырех- и восьмилепестковые розетки, заключенные в солнечный круг; шестиконечную звезду с кругом внутри; многочастную левостороннюю свастику; свастику с загнутыми концами рядом с арабскими буквами; условно-антропоморфную фигуру с неестественно большим туловищем и короткими ногами, с упертой в один бок рукой и второй—вытянутой в сторону трехпалой рукой; всадника; сцену загонной

охоты всадника на козую, где ему помогает пеший воин с саблей и тремя собаками, одна из которых у него на поводке; с выраженными половыми признаками коня с уздечкой.

Интересно отметить, что в имеющем развитые традиции орнаментального ковроткачества, резьбы по камню и дереву (Дебилов 1966; 1982; 2001; 2006) Табасаране, петроглифов больше наблюдается на надмогильных памятниках и в меньшей степени—на фасадах жилищ, культовых и хозяйственных сооружений.

Излюбленными сюжетами петроглифов, изображенных на средневековых надмогильных памятниках Табасарана (на которых имеются выполненные почерком *куфи* и *насх* арабские надписи) являются “древо мировое”; кресты “грузинского” типа; четырехлепестковая розетка в ромбе и круге, шестилепестковая розетка в квадрате, восьмилепестковая розетка в круге, вихревая розетка; классическая свастика; пятиконечная звезда; концентрические круги; спирали; ромб в круге; крест в круге, ромбе и прямоугольнике; шестиконечный крест внутри прямоугольника и круга; косой крест в квадрате; солнце с расходящимися лучами, выполненное наподобие детского рисунка; лабиринт; орнамент “плетенка”; сюжеты “рога”, “рука”; схематичные антропоморфные фигуры; квадрат с перекрещивающимися крестами и точками внутри него (засеянное поле?), молот, кузнечные щипцы и лемех, воловье ярмо и пахотное орудие – рало (Сефербеков/Гашимов 2003).

Следует отметить, что Табасаран—не единственный регион, где встречаются изображения петроглифов на надмогильных памятниках исламского времени. Например, они описаны Владимиром Марковиным в Чечне. Изучая раннемусульманские погребения XVII-XVIII вв. в ущелье р. Чанты-Аргун, он зафиксировал стелы с сочетанием элементов мусульманской обрядности с языческими пережитками (склеповидные сооружения над могилой, петроглифы, отсутствие подбоя, положение покойных на спине). Стелы различных форм, образующие целый каменный лес на мусульманских кладбищах Северного Кавказа, он считает следами язычества, так как ислам запрещает отмечать могилы какими-либо знаками—памятниками, камнями (Марковин 1963: 274-276).

Как нам кажется, редкость или обилие петроглифов в различных регионах Дагестана обусловлена такими факторами, как наличие удобных для обработки сортов камня и сложившимися местными школами резьбы по камню (Дебилов 1966). Например, петроглифы очень редко встречаются в Дидо и Бежта, что, на наш взгляд, объясняется распространением в данном регионе плохо поддающегося обработке камня. Однако это “недостаток” компенсировался развитой бронзовой антропоморфной пластикой в Дидо (Мегрелидзе 1951: 281-291; Сагитова 2004: 175-177; Брилева 2012), а в Бежта—изготовлением уникальных пряжек (Давудов/Маммаев 2011). Такую же слабую распространенность петроглифики в с. Кубачи можно объяснить давними традициями прикладного искусства металлообработки (Шиллинг 1949; Маммаев 2005).

Итак, можно отметить, что в Дагестане исторически сложились регионы с обилием гравированных изображений на объектах материальной культуры, что, видимо, связано со сложившимися школами орнаментальной резьбы по камню и дереву и древними традициями наскальной живописи. В то же время имелись районы, где петроглифика была слабо распространена, что можно объяснить распространением в них плохо поддающегося обработке камня, а также развитостью других форм орнаментального прикладного искусства.

Типология петроглифов

Многообразие образов и сюжетов петроглифики Дагестана вызывает необходимость их систематизации. Изучая “стиль обнаруженных писаниц”, археолог Котович делила их на две группы: 1) рисунки, выполненные силуэтом и контуром; 2) линейные и точечные рисунки. В рисунках первой группы, относимых ею к мезолиту—неолиту, она усматривала черты, присущие “реалистическим образам палеолитического искусства”. Изображения второй группы, более схематичные и условные, она датировала эпохой бронзы и раннего железа. Все писаницы Котович объединяла в 4 цикла: “соляренный, охотничий, аграрный и всаднический. Соляренные изображения характерны для обеих групп так же, как и охотничьи сцены. Аграрный цикл представлен только второй группой писаниц. Всаднический цикл еще требует изучения” (Котович 1971: 129).

Как нам кажется, все известные на сегодняшний день петроглифы Дагестана по степени их архаичности, частоте проявления, хозяйственной и культовой значимости можно классифицировать на несколько типов.

Астральные (соляренные и лунарные) знаки—кресты, свастики, вихревые и лепестковые розетки, спирали, ромбы, круги, пяти- и шестиконечные звезды и др. символы.

Различной формы геометрические символы, сюжеты и орнаментальные мотивы —“древо мировое”, “рука”, меандр, лабиринты, заштрихованные и с точечными знаками внутри прямоугольники и квадраты (“засеянное поле”).

Зооморфные (козлы с загнутыми рогами, олени с ветвистыми рогами, собаки, лошади, ослы и др.) и антропоморфные (человек, всадник) изображения. К этой же категории изображений относятся фантастические зооморфные (“синкретические звери”) и антропоморфные существа, часто с непропорционально увеличенными частями тела.

Всадники, иногда, вооруженные копьем, мечом, с флагом и нередко рядом с изображением креста “грузинского типа” (св. Георгий?).

Батальные и охотничьи сцены.

Христианская символика (кресты “грузинского” типа, всадник—св. Георгий).

Символы хозяйственных занятий (схема воловьей упряжки, лемех, рала и плуги, молот, щипцы и наковальня).

Интерпретация семантики графических символов

Важная проблема в изучении петроглифики—интерпретация семантики геометрических символов, сюжетов и мотивов. Насколько нам известно, общепринятой интерпретации символики не имеется, хотя она предпринималась отечественными (Рыбаков 1965а: 24-47, Рыбаков 1965b: 13-33; Рыбаков 1966: 107-120; Велецкая 1978; Голан 1994; Топоров 1994: 272-273; Бауэр/Дюмотц/Головин 1998; Андреева/Куклев/Ровнер 2004; Вовк 2005) и зарубежными (Тэрнер 1983; Купер 1995; Бидерманн 1996; Похлебкин 2001; Жорж Жан 2002) исследователями.

Изучением и интерпретацией дагестанских наскальных рисунков занималась Котович (Котович 1976; 1986а: 63-90; 1986b: 6-21; 1994) и другие исследователи (Дебилов 1959: 200-232; Исрапилов 1993, 2003; Марковин 2006).

Мы считаем, что семантика петроглифов Дагестана заключается в их функциональном назначении выступать в качестве графических магических символов,

призванных отвращать зло (апотропеи) (Чурсин 1929; Гаджиев 1996) и привлекать благодать (символика плодородия) (Булатов 1990; Гаджиев 1991).

Встречающаяся в основном в Северо-Западном Дагестане христианская символика петроглифов отражает влияние этой религии на средневековое искусство горного Дагестана, распространенное в этот период (Шихсаидов 1957: 54-76; Атаев 1958: 161-182, 1959: 182-185; Тахнаева 2004).

Интересно отметить, что ареалом распространения петроглифов является не только сельская местность с его устоявшимися традициями горской архитектуры, но и города, где бывшие сельские жители при строительстве домов, нередко наносят на фасады своих жилищ традиционные графические символы – розетки, круги, сюжет “рука”, советскую символику (пятиконечная звезда, серп и молот, ракета, самолет, олимпийские кольца и “мишка”). Очень популярными у городских жителей являются подвешенные на фасадах жилищ каменные кольца, имеющие ту же семантику замыкания, сковывания сглаза, “злых духов”, бед и несчастий, что и традиционные графические символы (лабиринт), и предметы (замок, цепь, узел) (Сефербеков 2017b: 40-98).

Приведем некоторые наиболее известные интерпретации графических символов.

Солярные знаки

Широко распространенные с древнейших времен в Дагестане солярные символы и имеющие отношение к солнцу мифологические образы, связаны с *солярными мифами*. В развитых мифологиях солнце включено в пантеон в качестве главного божества (Сефербеков 2009). В различных традициях получило представление о том, что солнце выезжает на колеснице, запряженной лошадьми, и объезжает четыре стороны света. В основе этого мифа лежит мифопоэтическое уподобление солнца колесу (Иванов 1994: 461-462).

Символику Солнца исключительно положительную, рассматривают обычно с двух точек зрения. Как источник тепла, Солнце символизирует жизненную силу, божественную созидательную энергию, вечную молодость и страсть, а в качестве источника света оно представляет истину, знание и интеллект. В мифологии большинства народов мира Солнце выступает символом мужского начала, а Луна – женского. Во многих традициях Солнце, почитавшееся как Владыка дня, олицетворяло божественное всевидящее око. В изобразительном искусстве Солнце символизируют звезда, спираль, кольцо, колесо, сердце, розетка, свастика (Вовк 2005: 58).

Солярная символика встречается и в орнаментике дагестанских ковров (Гусейнов 2006: 70, 106-107, 108-112).

Крест

Один из самых распространенных символов, нередко функционирующий как символ высших сакральных ценностей. Возникновение образа креста, видимо, относится к неолиту, хотя отдельные элементы этой фигуры возникали еще в верхнем палеолите. Он подчеркивает идею центра и основных направлений, ведущих от центра. Часто выступает как модель

человека или антропоморфного божества. Возможно, в формировании сложной символики креста участвовали такие мотивы, как солярный знак (перекрещивающиеся лучи) и схема воловьей упряжки. Крест выступает как геометризованный вариант древа мирового с теми же двумя основными координатами и семичленной системой космологической ориентации, но с обостренной антропоцентрической идеей. Символизирует жизнь, плодородие, бессмертие, дух и материю в их единстве, активное мужское начало (нередко соотносится с фаллосом). Крестами окружалось сакральное имя. Крестовый орнамент использовался как оберег. Вместе с тем крест—знак смерти. Общеизвестна ключевая роль перекрестка как выбора между жизнью и смертью. Крест и круг—соединение мужского и женского, единство и триада. Крест с равными лучами—связь мужского и женского, вертикального и горизонтального, положительного и отрицательного принципов (Топоров 1994: 12-14).

Крест—центр мира и, следовательно, точка соприкосновения между Небом и Землей, космическая ось, имеющая символизм *Космического Древа*, горы, колонны, лестницы. Олицетворяет *Древо Жизни*. Крест как целое образует первоначального андрогина. Это заключенный в природе дуализм и единство противоположностей. Это — фигура человека в полный рост (Купер 1995: 155-156).

Крест—один из наиболее древних геометрических символов, появившихся задолго до появления христианства. Символика креста многообразна. Первоначально он являлся универсальным символом *космоса*—две пересеченные линии креста обозначали четыре стороны света. Крест ассоциировался также с двойственностью и союзом, соединением. Крест выступал в качестве атрибута многих богов (Вовк 2005: 7).

Свою трактовку символики креста приводит и Ариэль Голан (Голан 1994: 97-108).

Розетка

Предваря интерпретацию этого символа, хотелось бы подчеркнуть, что в традиционной духовной культуре народов Дагестана избегают четных чисел, как негативных (чет—нечет), связанных с потусторонними силами (этот свет—тот свет), левой стороной (левый—правый), женским началом (женский—мужской), севером (север—юг) и западом (запад—восток), краем (край—середина), низом (низ—верх)

(Купер 1995: 370-385; Эсенов 1998: 62). Эти ассоциации связаны с встречающимися у многих народов мира представлениями о пространственно-временном континууме, Космосе и Хаосе, членении Космоса по вертикали и горизонтали (Кулемзин 1984: 170; Топоров 1994: 10; Лушникова 2002: 290).

Тем не менее, в петроглифике Дагестана довольно популярен сюжет четырех-, шести- и восьмилепестковой розетки. На наш взгляд, объяснение здесь кроется в символике парных чисел и прежде всего в магии числа 2. Как отмечает Владимир Топоров, число 2 лежит в основе бинарных противопоставлений, с помощью которых мифопоэтические и ранненаучные традиции описывают мир. Оно отсылает к идее взаимодополняющих частей монады (мужской и женский, небо и земля, день и ночь), к теме парности, в частности в таких ее аспектах, как четность, дуальность, близнецество (Топоров, 1994: 630).

Что же касается остальных, парных чисел, присутствующих в числе лепестков розетки, то число 4 знаменует всемогущество, вездесущность, всецелость, власть над временем и пространством. Оно ассоциируется с четырьмя элементами (земля, вода, огонь и воздух), четырьмя сторонами света, четырьмя сезонами года и суток (утро, день, вечер и ночь) (Вовк 2005: 39).

Число 4 занимало важное место в орнаменте (четырёхлепестковая розетка) Триполи эпохи энеолита (Рыбаков 1965а: 32). Судя по данным языка, в это время уже сформировались понятия “четыре стороны света”, “впереди”, “позади”, “налево”, “направо” и, очевидно, понятия юга и севера, востока и запада (Рыбаков 1965b: 31-32).

Число 6 символизирует союз, равновесие, баланс, гармонию, красоту, эмблему планеты Венера (Вовк 2005: 41), а число 8 – восстановление, обновление, возрождение, переход (Купер 1995: 47).

Свастика

Свастика (др.-инд., букв. “связанное с благом”)—один из архаичных символов, встречающийся в уже в изображениях верхнего палеолита. Является обозначением благоприятного, счастливого объекта (Свастика 1994: 420). Свастика является одним из самых значительных и могущественных символов древнего человека. Гаммированный крест или свастика имеет несколько ипостасей: она служила и солярным знаком, и галактическим, и даже вселенским, отражавшим движение космической материи и энергии. Различают правостороннюю и левостороннюю свастики, передающие идеи вечного движения. Желая акцентировать значение свастики как символа совершенства, вечности и космической гармонии, ее часто помещали внутри круга, треугольника или ромба. На Руси гаммированный крест назывался “коловратом” или “солнцеворотом”. Свастику нельзя рассматривать однозначно—это двойственный символ, отражающий двойственность всего сущего. Известны две основные формы свастики—правосторонняя и левосторонняя, пребывающие в состоянии неразрывного единства и вечной борьбы. И если левосторонняя свастика знаменует восходящее весеннее солнце, белую магию, свет, счастье и добро, то правосторонняя, напротив, символизирует, закатное осеннее солнце, черную магию, тьму, несчастье и зло. Две формы свастики, как две неразрывные половины судьбы, символизируют добро и зло, жизнь и смерть, созидание и разрушение. Общий и наиболее важный символизм, сконцентрированный в эмблеме свастики—жизненная сила, солнечная энергия, циклическое возрождение и движение космоса по четырем спиральям вокруг центра Вселенной (Вовк 2005: 21-24).

Свою трактовку свастики приводят Джеймс Купер (1995: 287-290) и Голан (1994: 119-122).

Следует отметить, что свастика очень популярный в Дагестане символ, встречающийся в наскальных рисунках, петроглифах, декоре резных деревянных изделий,

на коврах и надмогильных памятниках. У принявших ислам в последнюю очередь в Дагестане дидойцев (Шихсаидов 1969: 210) Клавдия Данилина в 1926 г. отмечает “как постоянный мотив орнамента” свастику и отпечаток руки на стенах и колпаках дымохода очага – “вделанный в мягкую глину, такие отпечатки почитают как память о покойных предках” (Данилина 1926: 23).

Завершая тему солярных и лунарных знаков, следует отметить, что они широко представлены в Трипольской орнаментике IV-III тыс. до н.э. (Рыбаков 1965а: 30-32).

Различные геометрические символы

Следует отметить, что подавляющее большинство петроглифов Дагестана являются геометрическими символами и в этом отношении мы солидарны с мнением Голана о том, “исконно горно-кавказскому, в том числе дагестанскому, искусству не свойственен растительный орнамент” (Голан 1994: 22). Среди наиболее часто повторяющихся геометрических символов встречаются следующие.

Прямая (иногда конкретизированная в виде стрелы), **ломаная** (прежде всего в виде зигзага), различные виды “правильных” **кривых** (спирали, волоты) соотносимы с громом, молнией, землей, водой, змеей и т.п. (Вовк 2005: 69). Спирали, двойные спирали, свастико-спирали зафиксированы. Селим Хан-Магомедовым и в Дагестане (Хан-Магомедов 2000: 139-161).

Особое распространение получил **меандр**, символизирующий отсутствие начала и конца, вечность (Вовк 2005: 71). Меандр в форме непрерывных спиралей, заканчивающихся крестами в круге на сосудах Триполи, Борис Рыбаков трактует как “бег солнца—бег времени”, схему солнечного пути по небу (Рыбаков 1965а: 42-43).

В иконографии молния принимала множество разнообразных форм: ее изображали в виде стрелы, огненного зигзагообразного пучка. Кстати, **зигзаг** молнии – древний символ власти, энергии, плодородия, борьбы и смерти. Молния символизировала божественный гнев или плодородное могущество, разрушительную или созидательную божественную силу (Вовк 2005: 69-71).

Круг означает целостность, непрерывность, первоначальное совершенство. Является символом всех солнечных богов (Купер 1995: 160).

Квадрат олицетворяет Землю как противопоставление кругу Небес (Купер 1995: 131).

Круг с квадратом—это Небо и Земля, интеграция, соединение; они предполагают друг друга, как время и пространство (Купер 1995: 161).

Ромб означает женский принцип, вульву (Купер 1995: 277).

Пятиконечная звезда, пентагон, правильный пятиугольник в виде звезды символизирует вечность, совершенство, вселенную. Применялся как амулет здоровья, знак на дверях для того, чтобы отгонять ведьм. Пятиконечная пентаграмма, именуемая также пентаклем, была символом защиты, безопасности, гармонии и мистических сил (Купер 1995: 53).

Шестиконечная звезда. Гексагон, правильный шестиугольник—символ изобилия, красоты, гармонии, свободы, брака, любви, милости, удовольствия, мира, взаимности, симметрии, образ человека (Топоров 1994: 272-273). Шестиконечная

гексаграмма (она же звезда Давида) символизировала союз в двойственности, выражала противоположные двойственные пары – огня и воды, мужского и женского начал (Вовк 2005: 53).

Лабиринт символизирует мир, вселенную, непостижимость, Вселенную, сложную проблему. Его непрерывная линия означает вечность, бесконечную длительность, бессмертие.

Лабиринт в одно и то же время разрешает и запрещает. Достичь центра могут лишь достойные, обладающие необходимым знанием. В этом случае он имеет символизм заколдованного леса. Лабиринт имеет отношение к символизму пещеры, идее подземного мира, таинственного путешествия в другой мир: к обрядам инициации, к погребальным обрядам, связанным со смертью и возрождением. Лабиринт разделяет символизм узла, связывая и отпуская. Лабиринт в квадрате означает космос и четыре стороны света и может быть связан со свастикой. Изображения лабиринта на домах имеют апотропеическое значение и являются магической формой, предназначенной для защиты от враждебных сил и злых духов. Спираль и лабиринт символизируют центр (Купер 1995: 171, 365).

Лабиринт очень популярен в дагестанской петроглифике. Например, в с. Тураг Табасаранского района Дагестана два классических лабиринта изображены на фасаде старинной мечети. В уже упоминавшемся нами Келебе Шамильского района Дагестана, они изображены на фасадах и угловых камнях многих жилищ. С. О. Хан-Магомедову, исследовавшему дагестанские лабиринты, удалось подобрать “ключ” к ним (Хан-Магомедов 2000: 10-47).

Кольцо означает могущество, достоинство, высшую власть, силу, защиту, делегированную власть, завершенность, цикличность времени. Оно отождествляется с личностью. Несет символику связи и узла (Купер 1995: 146). Кольцо в древности и средние века наделялось большой охранительной силой и рассматривалось как символ вечности, единства, цельности, защиты, власти, могущества и полномочий. Его изначальной функцией была защита человека от злых духов или магических чар, иными словами, кольцо служило древним в качестве амулета или талисмана. Оберегающая сила кольца заключалась в его универсальной замкнутой форме, направлявшей вражеский энергетический импульс по бесконечному кругу, вследствие чего он терял свою губительную силу (Вовк 2005: 336).

Встречающийся среди петроглифов Дагестана меандр, состоящий из **треугольников**, с расположенными книзу внешними углами, Рыбаков трактует как схематичное изображение коровьего вымени (Рыбаков 1965: 31-32).

Древо мировое—характерный для мифопоэтического сознания образ, воплощающий универсальную картину мира. С помощью *древа мирового* сводятся воедино общие бинарные противопоставления, служащие для описания основных параметров мира. При членении *древа мирового* по вертикали выделяются нижняя (корни), средняя (ствол) и верхняя (ветви) части. По вертикали обнаруживаются противопоставления: верх—низ, небо—земля, земля—нижний мир, огонь—влага. С помощью *древа мирового* различимы: основные зоны вселенной – верхняя (небесное царство), средняя (земля), нижняя (подземное царство); прошлое—настоящее—будущее; три части тела: голова, туловище, ноги; три элемента стихий: огонь, земля, вода. Троичность *древа мирового* по вертикали

подчеркивается отнесением к каждой части особого класса существ, чаще всего животных: с верхней частью связываются птицы, со средней частью—копытные, изредка пчелы, а более поздних традициях – человек; с нижней частью—змеи, лягушки, мыши, бобры, выдры, рыбы, иногда медведь или фантастические чудовища хтонического типа. *Древо мировое* отделяет мир космического от мира хаотического, вводя в первый из них меру, организацию и делая его доступным для выражения в знаковых системах текстов. Оно выступает как посредствующее звено между вселенной (макрокосмом) и человеком (микрокосмом) и является местом их пересечения (Топоров 1994: 398-406).

Принято считать, что *Древо Мировое* наиболее полно воплощает в себе трехчастную картину мира по вертикали: “Трехчастное деление пространства по вертикали, характерное для древних представлений о мироздании, универсально по своему смысловому содержанию: положительный верх (божественный мир)—середина (место проживания людей, смешение добрых и злых начал)—отрицательный низ (потусторонний мир)” (Лушникова 2002: 290).

Один из вариантов образа *древа мирового—древо жизни. Древо Жизни* часто изображалось одной ветвью (Купер 1995: 35).

Дерево—природный символ динамического роста, жизненной силы, сезонной смерти и регенерации. В мифологии многих народов мира особое место отводится *Мировому*, или *Космическому Древу*, аллегорическому центру мироздания, связывающему воедино естественный и сверхъестественный миры. Корни *Мирового Древа* омывают воды загробного мира, его ствол, взметнувшийся в небо, обвивает Змея —символ движущейся по спирали энергии земли, а крона пронзает космическое пространство. Растет *Мировое Древо* либо в раю, либо на священной горе. В большинстве случаев *Древо Жизни* плодоносит, и его плоды даруют бессмертие. Во многих традициях *Древо Жизни* соседствует с *Древом Смерти* (Вовк 2005: 107-108).

Гора олицетворяла мужское начало. Ее символами выступали треугольник, ступени, крест или звезда (Вовк, 2005: 79).

Рога—символ силы, власти, могущества, плодородия и процветания (Вовк, 2005: 359), солярный и лунарный символ, атрибут богов Солнца и Луны (Купер 1995: 274). Оленьи рога—атрибуты рогатого божества. Означают плодородие в природе и плодovitость в человеке или животном, а также сверхъестественные силы, власть над природой (Купер 1995: 226).

В петроглифах Дагестана часто встречаются бараньи рога. Например, “в одном из домов селения Амузги, что возле Кубачей, на резном камне кладки изображена человеческая голова с бараньими рогами” (Гольдштейн 1977: 29). Баран олицетворяет мужское начало, порождающее силу, творческую энергию. Он связан с богами Солнца и Неба. Спираль бараньих рогов считается символом грома и может связываться как с богами Солнца, так и с богинями Луны (Купер 1995: 21).

Собака олицетворяет преданность, верность, бдительность, знатность. Она охраняет границы между тем миром и этим, страж этого перехода, страж мира подземного, прислужница мертвых, *психопомп*. Посредник между лунными божествами. *Мать-богиня* часто называется “сукой” и изображается как щенящаяся *Черная собака*, олицетворяя колдовство, дьявольские силы, проклятие, смерть. Собака часто является культурным героем или мифическим предком. Собака, свинья и змея— громовые животные и податели дождя (Купер 1995: 63, 307). Собака—символ преданности и верности. Острое природное чутье четвероногого друга сделала его эмблемой бдительности (Купер 1995: 63). Собаки—охранительницы посевов

входили составной частью в один из важнейших культов—культ плодородия зерна и земли (Рыбаков 1965b: 25, 27).

Коза (Козел)—олицетворяют плодovitость (Вовк, 2005: 160). Коза и козел, первые прирученные животные,—устойчивый и повсеместный символ плодородия (Рыбаков, 1965b). Мифологические представления о козле подчеркивают его исключительную сексуальность (похотливость) и плодovitость. Отсюда его связь с божествами и другими мифологическими персонажами, олицетворяющими эти качества. Образ козла связывается также с астрономической и временной символикой (Топоров 1994: 663-664).

Олень символ чистоты, света, созидания, изобилия и духовности. В способности менять старые рога на новые усматривали эмблему обновления и возрождения (Вовк 2005: 189). Олень с ветвистыми рогами выражает идею плодородия и в обрядовых печенях у северных русских (Онучина 2002: 28-37).

Лошадь символизирует как жизнь, так и смерть (Купер 1995: 187). Лошадь—динамичный символ бурлящих жизненных сил и скорости, воплощение природной грации и красоты. В иконографии некоторые святые изображались верхом на коне, в частности—один из почитаемых в православии великомучеников—Георгий Победоносец, поражающий копьём дракона (Вовк 2005: 178, 181).

Начиная с эпохи энеолита (Гинчинское поселение) кости лошади постоянны в дагестанских памятниках. Население Кавказа познакомилось с коневодством в III тыс. до н.э., а уже в первой половине II тыс. до н.э. лошадь используется как вьючное и тягловое животное (Котович 1986: 75-77). Конь в мировоззрении древнего населения Дагестана и Кавказа служил проводником души в иной мир. Этим объясняется обычай захоронения коней или их частей вместе с человеком в погребениях албано-сарматского периода на территории Дагестана (Бакушев 2004: 17-19).

Змея в мифологиях связана с плодородием, землей, женской производящей силой, водой, дождем, с одной стороны, и домашним очагом, огнем (особенно небесным), а также мужским оплодотворяющим началом—с другой. В архаических космогонических мифах Евразии и Америки змей осуществляет разъединение и соединение неба и земли (Иванов 1994: 468-471). Змея—символ жизни и магической силы, мудрости и прорицания, земли и плодородия, покровительства и защиты, целительства и обновления, воплощение опасности и угрозы, олицетворение тьмы, хаоса и смерти (Вовк 2005: 152). Как существо убивающее, она означает смерть и уничтожение; как существо, периодически меняющее кожу,—жизнь и воскрешение. Это и солнечное начало, и лунное, жизнь и смерть, свет и тьма, добро и зло, мудрость и слепая страсть, исцеление и яд, хранитель и разрушитель, возрождение духовное и физическое. Фаллический символ. Змея сопровождает все женские божества, в том числе *Великую Мать*. Это посредник между Небом и Землей, между землей и подземным миром (Купер 1995: 101-102). Змея—владыка водной стихии, связана с обрядами перехода, предков, плодородия, анимизмом и тотемизмом (Гордеев 2002: 45-60).

Образ змеи, “являющейся, как известно, одним из наиболее устойчивых символов плодородия, тесно связанных с женским божеством в представлениях древних земледельцев” (Котович 1986: 69). Добрые змеи (ужи)—вестников дождя, охраняющие содержимое сосуда и жилище, представлены в изображениях Триполи (Рыбаков 1965b: 33-37, 44).

Рука—символ власти, силы, господства и покровительства. Правой рукой, олицетворявшей искренность, благословляли, а левой, выражавшей двойственность, посылали проклятия. Раскрытая рука—выражение искренности и добрых намерений (Вовк 2005: 249). Рука выражает силу, мощь, провидение, благословение (Купер 1995: 279). Засвидетельствованная у многих народов традиция изображения руки является древнейшей и имеет различные магические значения—культ солнца, амулет, символ

силы, твердости, власти (Меликишвили 1979: 168). Изображения руки – изначально символ *Великой богини*, затем вообще “рука божья”, а в случаях, относящихся уже к позднему времени, они могут представлять человека (Голан 1994: 155). В Дагестане знак руки воспринимается как охранительный жест от всякой нечисти (Марковин 1958: 147-162).

Посох олицетворяет мужскую силу, власть, достоинство, магическую силу. Символ Солнца и мировой оси (Купер 1995: 256). Посох—универсальный символ духовной власти пастыря. Символика посоха напрямую зависела от того, кому он принадлежал. Посох—знак высокого социального положения (Вовк 2005: 353-354). Два качества этого предмета: функциональность—это инструментарий пастуха, и символическое – инсигния власти (Смирнов 2004: 65-92).

Плуг—атрибут богов и богинь земледелия. Фаллический символ: его лемех оплодотворяет землю, а борозда символизирует женское начало (Купер 1995: 251).

Пляшущие человечки. Танец—космическая созидательная энергия, трансформация пространства вовремя, ритм вселенной, имитация божественной “игры” творения, поддержание силы, эмоций, активности (Купер 1995: 324). Ряд данных свидетельствует о том, что ритуальные танцы были особенно характерны для обрядности, связанной с культом *Великой богини* (Голан 1994: 170).

Как указывает Котович, “в мезолите широкое распространение получают многофигурные композиции, где люди охотятся, преследуют животных, сражаются, танцуют. Исследователи ставят появление этих сюжетов в связь с изобретением лука, изменившего всю систему охоты, в которой весьма заметной стала роль отдельного охотника” (Котович 1986: 64).

Мы уже приводили информацию о сюжете наскальных рисунков “пляшущие человечки” в местности “Кровавые скалы” (“Ифтин гьарзар”), находящихся в двух километрах к югу от с. Цудук Хивского района (Сефербеков, Гашимов 2003: 83). Эти рисунки по аналогии можно так же датировать эпохой мезолита, хотя последнее слово здесь за археологами.

Меч (атрибут) —символ огня, солнца и неба (Чеснов 1970: 91), войны, силы и власти. Меч означал божественный разум, пронизательность, фаллическую мощь, огонь, свет, разделение или смерть. В мифологии многие божества вооружены грозными карающими мечами (Вовк 2005: 271).

Копье—символ победы, мужского начала, фаллической мощи и плодородия земли (Вовк 2005: 277).

Стрела – символ солнечной энергии, стремительного проникновения света, любви и смерти. Стрела может олицетворять и войну, и мир (Вовк 2005: 289).

Двусторонняя секира (лабрис)—символ неразрывного единства противоположностей (Вовк 2005: 283). Она присутствует среди знаков на средневековой надмогильной стеле с. Тураг Табасаранского района (Сефербеков, Гашимов 2003: 66).

Знамя, флаг, стяг, хоругвь, штандарт—священный символ военной силы, власти, победы и божественного покровительства. В религии древних народов знамена предстают как материальное воплощение грозных богов войны и духов победы (Вовк 2005: 316).

Мужской **пояс** символизирует зрелость, силу и мужество. Женский же пояс олицетворял целомудрие и верность. Пояс – знак военной силы государства. Богато украшенные пояса служили показателями богатства, благородства, высокого положения. “Распоясаться”—презреть общепринятые нормы, выйти за рамки дозволенного (Вовк, 2005: 356-358).

Засеянное поле. Ромбу, внутри которого крест с точками внутри, присутствующий в орнаментике трипольских сосудов эпохи энеолита, Рыбаков дает образную характеристику—“она понесла во чреве” (Рыбаков 1965а: 31-32).

Подобного рода ромбы, квадраты и прямоугольники с точечными знаками внутри заштрихованного поля нередки среди петроглифов Дагестана. Как указывает Котович, “к концу неолита в Горном Дагестане завершается переход от присваивающего хозяйства к производящему. В энеолите и бронзовом веке оседлое земледельческое хозяйство составляло прочную основу местных племен” (Котович 1965: 13). К этому же времени относится утверждение и широкое распространение среди тематики наскальных изображений многообразных сюжетов “земледельческого” цикла, отражающих складывающуюся систему идеологических представлений древних дагестанских земледельцев. Совершенно очевидно, что ведущим в этой системе был культ плодородия, олицетворенный образом божества плодородия, образом богини *Матери*. В неолитических росписях Хаританинского панно образ этот представлен облаченной в клетчатую юбку женской фигурой с раскинутыми и поднятыми вверх руками, в позе оранта—характерной позе моления (Котович 1986: 65). Такие изображения в древневосточном искусстве приобрели характер канона (Котович 1983: 6).

Изображения **всадников** в наскальных рисунках Виттурзивалу. Котович датирует IV-III тыс. до н.э. “Совершенно очевидно, что фигура всадника появляется в искусстве позже, чем отдельное изображение лошади”,—полагает она (Котович 1986: 75-77, 78). Сюжеты наскальных рисунков “**воин-лучник**”, “**человек сражающийся**” Котович относит к XII-X вв. до н.э. (там же).

Всадника, изображенного в наскальных рисунках, сделанных три тысячи лет тому назад, и на надмогильных стелах позднего средневековья Аркадий Гольдштейн считает богом солнца (Гольдштейн 1977: 193).

Как отмечают исследователи, “разнообразные антропоморфные изображения отражают представления о необходимости поддержания связи с предками, гарантами продления рода” (Дэвлет/Дэвлет 2005: 273). Это представления касаются не только антропоморфных рисованных изображений: “связаны с культом предков антропоморфные лики, вырезанные на каменных поверхностях (там же).

Такие лики, например, встречаются на фасадах старинных жилищ с. Кубачи и других селений Дахадаевского района Дагестана. О них писал Гольдштейн: “В отдельных случаях встречаются камни с изображением человеческого лица. Очевидно, это идол, изображение божества” (Гольдштейн 1977: 29).

Антропоморфные мотивы (*Богиня-мать*, всадник на коне, пляшущие человечки и др.) встречаются и в орнаментике дагестанских ковров (Гусейнов 2006: 70, 106-107, 108-112).

Синкретические изображения. Мифические чудовища можно осмыслять и как внешних врагов, и как реальных диких животных и змей (Соколова 1970: 24).

Аномалии (преувеличенные части человеческого тела, уродства). Как правило, все аномальное обладает магическими силами, зачастую хтоническими (Купер 1995: 14).

Итак, как это видно, семантика петроглифов разнообразна и многогранна, наполнена глубоким философским смыслом и отражает мировоззрение древнего и средневекового населения Дагестана, их хозяйственный и бытовой уклад. Как это видно, во многих случаях интерпретация основных сюжетов, нанесенных на камень рисованных изображений дагестанцев, совпадает с подобными толкованиями у других народов мира.

Заключение. Изучение рисованных охрой на природных объектах и гравированных на элементах материальной культуры изображений привело нас к определенным выводам и обобщениям. Рисованные охрой наскальные рисунки были вызваны утилитарно-магическими причинами обеспечения удачи в древнейшем занятии человека—охоте. Они выражали мировоззрение и мировосприятие древнего человека и были связаны с ранними формами религии – магией, зоолатрией, тотемизмом. С переходом человечества от присваивающих к производящим типам хозяйства—комплексному земледельческо-

скотоводческому хозяйству, охотничьи сюжеты в наскальных рисунках вытесняются связанные с культом плодородия символическими изображениями, главным из которых был культ *Великой Богини-матери*. Наряду с ними продолжали бытовать и другие древние символические изображения—солярные знаки, изображения *Древа мирового* и другие геометрические символы.

Ареалом бытования рисованных охрой и реже гравированных изображений на поверхности скал, пещер и гротов были все природно-географические зоны Дагестана — равнина с нижним предгорьем, горы и высокогорье. Хронологические рамки распространения наскальных рисунков, изображенных древним человеком на природных объектах, фиксируются временем мезолита—средневековья. В средневековье, в связи с распространением ислама с его запретом на изображения человека и животных, первобытное наскальное искусство исчезает, а если точнее— плавно перетекает в другой вид орнаментального искусства—гравированные изображения на объектах материальной культуры. Эти изображения также связаны с проявлявшимися устойчивостью языческими воззрениями. Однако, в петроглифах доминируют не зоо- и антропоморфные изображения, и сцены охоты, а в большей степени графические геометрические символы—солярные знаки, условно-схематические изображения животных, людей, всадников, сюжетов “Древо мировое”, “рука”, “засеянное поле”, батальные сцены и др., к запретам на которые мусульманская религия была не так категорична. В связи вытеснением охоты основными хозяйственными занятиями—земледелием и скотоводством, охотничьи сюжеты в петроглифах единичны и являются скорее отголосками прежних верований. Такими же рудиментами прежних христианских верований являются петроглифы на христианскую тематику (кресты, св. Георгий). Семантика петроглифов на объектах материальной культуры так же связана с культом плодородия, а также магическим стремлением обезопасить жилые, хозяйственные, оборонительные и культовые сооружения и их обитателей от действия сглаза, порчи, злых духов, бед и несчастий. Такую же символику, связанную с культами плодородия и предков, вероятно, выполняли петроглифы (солярные и хозяйственно-бытовые знаки), нанесенные на надмогильные стелы и культовые сооружения. Ареал бытования петроглифов так же охватывает весь Дагестан, а хронологические рамки—от средневековья до XX в. Следует подчеркнуть широкую распространенность петроглифов в районах, населенных аварцами (Гидатль, Келеб, Гоор, Кахиб, Тленсерух, Карах, Гуниб), а также в Южном Дагестане (Табасаран, Рутул).

Ареал бытования петроглифов на объектах материальной культуры ограничивается такими обстоятельствами, как наличие пригодного для нанесения гравированных изображений строительного камня, а также развитыми школами других видов декоративно-прикладного искусства (ювелирного, оружейного и др.). В Табасаране, вероятно, под влиянием развитых школ орнаментального ковроделия, искусства резьбы по камню и дереву, а также проявляющих устойчивость древних идеологических воззрений, широкое распространение получил обычай нанесения петроглифов на надмогильные стелы. Примечательно, что петроглифы по традиции наносятся и на фасады современного городского жилища.

Следует отметить, что сюжеты петроглифов имеют свои параллели в резьбе по дереву, орнаменте ковров и др. В этой связи, на наш взгляд, одной из задач исследователей является сопоставление сюжетов петроглифов с орнаментикой ковров, декора на дереве, металле, одежде, хлебе, татуировками.

В советское время сюжетная линия петроглифов пополнилась новыми символами—изображениями серпа и молота, пятиконечной звезды, олимпийских колец, “олимпийского мишки”, самолетов и ракет.

Для того чтобы исключить путаницу и разграничить рисованные охрой изображения на природных объектах от их гравированных аналогов на объектах

материальной культуры, мы предлагаем называть первые по-прежнему *наскальными рисунками*, а вторые—*петроглифами* (в узком смысле этого термина).

В отличие от большинства народов Северного Кавказа в Дагестане почти не известен такой жанр фольклора, как нартский (и другие виды) эпос. Однако этот “недостаток” был компенсирован другими фольклорными жанрами (исторические песни, сказки, предания, легенды, волшебные сказки, пословицы, поговорки, обрядовые, колыбельные, семейные и любовные песни, причитания и др.), развитой системой традиционных верований, мифологией, не имеющих аналогов декоративно-прикладным искусством аулов мастеров, а также обилием отражавших идеологические воззрения древнего и средневекового населения Дагестана знаков и символов петроглифики.

Как нам кажется, выявление, фиксация сохранившихся рисованных охрой наскальных изображений и гравированных на камне петроглифов с последующим их тщательным анализом, классификацией и изданием каталогов этого вида орнаментального искусства является одной из насущных задач археологов, этнографов и искусствоведов Дагестана.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акиев Х.А. (1997), “О чем говорят рельефы храма Тхаба-Ерды”, *Нравы, традиции и обычаи народов Кавказа* (Тезисы общероссийской конференции 23-25 сентября 1997 г.), Пятигорск: 6-8.
- Амирханов Х.А. (1987), *Чохское поселение: Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана*, Москва.
- Андреева В./Куклев В./Ровнер А. (2004), *Символы, знаки, эмблемы*, Москва.
- Анисимов А.Ф. (1967), *Этапы развития первобытной религии*, Москва- Ленинград.
- Асиятилов С.Х. (2002), *Гидатль – талисман мой совесть моя: политический портрет*, Махачкала.
- Атаев Д.М. (1958), “Христианские древности Аварии”, *Учен. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР*, Т.4, Махачкала: 161-182.
- (1959), “Каменные кресты из окрестностей Хунзаха”, *Материалы по археологии Дагестана*, Т. I, Махачкала: 182-185.
- /Марковин, В.И. (1965), “Петроглифика горной Аварии”, *Учен. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР*, Т. 14, Махачкала: 342-371.
- Бакушев М.А. (2004), “Конь в погребальной обрядности населения Дагестана албаносарматского времени”, *XXIV Крупновские чтения*, Москва: 17-19.
- Бауэр В./Дюмотц, И./Головин, С. (1998), *Энциклопедия символов*, Москва.
- Бидерманн Г. (1996), *Энциклопедия символов*, Москва.
- Брилева О.А. (2012), *Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. – X в. н.э.)*, Москва.
- Булатов А.О. (1990), *Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в.*, Махачкала.
- Ван дер Плас Д. (1996), “Запрет на изображения в монотеистических религиях”, *Вестник древней истории*, N 2: 123-143.
- Велецкая Н.Н. (1978), *Языческая символика славянских архаических ритуалов*, Москва.
- Вовк О.В. (2005), *Знаки и символы в истории цивилизаций*, Москва.
- Гаджиев Г.А. (1991), *Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана*. Москва.
- (1996), *Амулеты и талисманы народов Дагестана*, Махачкала.
- Голан А. (1994), *Миф и символ*, Москва.

- Гольдштейн А.Ф. (1976), “Надмогильные стелы Дагестана”, *Дагестанское искусствознание*, Махачкала: 134-152.
- Гольдштейн А. (1977), *Башни в горах*, Москва.
- Гордеев Н.П. (2002), “Змея в обрядово-религиозных системах различных народов”, *Этнографическое Обозрение*, N 6: 45-60.
- Гусейнов К.М. (2006), *Ковровый промысел аварцев (конец XIX – начало XX в.)*, Махачкала.
- Давудов О.М./Маммаев М.М. (2011), *Художественный металл Западного Дагестана VIII – X вв. (зооморфные пряжки)*, Махачкала.
- Данилина К.Г. (1926), *Дидои (цеза): Этнографический очерк*, Научный архив Института ИАЭ ДНЦ РАН, фонд 5, опись 1, документ 53, лист 23.
- Дебилов П.М. (1959), “О художественных образах в народно-декоративном искусстве аварцев (По материалам петрографии)”, *Учен. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР*, т. 6, Махачкала: 200-232.
- (1966), *Резьба по камню в Дагестане* (отв. ред. Р.О. Шмерлинг), Москва.
- (1982), *Резьба по дереву в Дагестане*, Москва.
- (2001), *История орнамента Дагестана: Возникновение и развитие основных мотивов*, Москва.
- (2006), *Ковры Дагестана: традиционное и современное искусство ковроткачества*, Махачкала.
- Дэвлет Е.Г./Дэвлет, М.А. (2005), *Мифы в камне: Мир наскального искусства России*, Москва.
- Жорж Жан (2002), *Знаки и символы: Энциклопедия*, Москва.
- Жуковская Н.Л. (1986), “Пространство и время в мировоззрении монголов”, *Мифы, культы, обряды народов Зарубежной Азии*, Москва.
- Иванов В.В. (1994), “Змей”, *Мифы народов мира: Энциклопедия* (гл. ред. С.А. Токарев, т. 1, Москва: 468-471.
- (1994), “Солярные мифы”, *Мифы народов мира: Энциклопедия*. (гл. ред. С.А. Токарев), Москва: 461-462.
- Исаков М.И. (1966), *Археологические памятники Дагестана*, Махачкала: Таблица 13.
- Исрапилов М.И. (1993), *От Кегера до Стоухенджа: рассказывают наскальные рисунки Дагестана*, Махачкала.
- (2003), *Наскальные рисунки Дагестана и изменения полюсов и наклона оси земли в голоцене*, Махачкала.
- Козлова К. (1945), *Поселения и жилища аварцев: Этнографический очерк*. Научный архив Института ИАЭ ДФИЦ РАН, ф. 5, оп. 1, д. 32, л. 10.
- Котович В.Г. (1965), “О хозяйстве населения Горного Дагестана в древности”, *Советская Археология*, N 3: 13.
- (1971), “Первые итоги изучения древних рисованных наскальных изображений в горном Дагестане”, *Тезисы докладов, посвященные итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР (Археологические секции)*, Тбилиси.
- (1976), *Древнейшие писаницы горного Дагестана*, Москва.
- (1983), “Некоторые данные о связях населения Дагестана и Передней Азии”, *Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности*, Москва: 4-11.
- (1984), “Следы тотемических верований в древних изобразительных памятниках Дагестана”, *Мифология народов Дагестана*, Махачкала: 11-22.
- (1986a), “Зооморфные образы древнеземледельческого культа плодородия в горном Дагестане”, *Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана*, Махачкала: 6-12.
- (1986b), “Антропоморфные образы в древних наскальных рисунках Горного Дагестана”, *STUDIA PRAEHISTORICA*, т. 8, София.

- (1994), *Путешествие в тысячелетия: (Записки дагестанского археолога)*, Махачкала.
- Кулемзин В.М. (1984), *Человек и природа в верованиях хантов*, Томск.
- Купер Дж. (1995), *Энциклопедия символов*, Москва.
- Лавров Л.И. (1959), “Археологические разведки в верховьях р. Самур”, *Материалы по археологии Дагестана*, т 1, Махачкала: 177-180.
- Лушникова А. (2002), “О священности севера и левой стороны в мировоззрении индоиранских народов”, *Астрономия древних обществ: Материалы конференции “Астрономия древних цивилизаций” Европейского общества астрономии в культуре* Москва, 23-27 мая 2000 г., Москва: 290.
- Маммаев М.М. (1989), *Декоративно-прикладное искусство Дагестана: истоки и становление*, Махачкала.
- (2005), *Зирхгеран – Кубачи: Очерки по истории и культуре*. Махачкала.
- (1989), *Декоративно-прикладное искусство Дагестана: истоки и становление*. Махачкала.
- Марковин В.И. (1958), “Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана”, *Советская этнография*, N 1: 147-162.
- (1963), “Раннемусульманские погребения в ущелье р. Чанты-Аргун”, *Древности Чечено-Ингушетии*, Москва: 274-276.
- (2004), “Наскальные изображения Северного Кавказа и некоторые проблемы в их изучении (очерки)”, *Памятники археологии и древнего искусства Евразии: Сборник статей памяти В.В. Волкова*, Москва: 51-64.
- (2006), *Наскальные изображения предгорий Дагестана* (отв. ред. Х.А. Амирханов), Москва.
- /Мунчаев, Р.М. (2003), *Северный Кавказ: Очерки древней и средневековой истории и культуры*, Тула.
- Мегрелидзе И.В. (1951), “Археологические находки в Дидо”, *Советская археология*, N 15: 281-291.
- Меликишвили Л.Ш. (1979). “Некоторые стороны осетинского свадебного ритуала”, *Кавказский этнографический сборник*, т. V/2, Тбилиси.
- Онучина Т.А. (2002), “Календарные мотивы в холмогорском обрядовом печенье”, *Этнографическое обозрение*, N 6, Москва: 28-37.
- Похлебкин В.В. (2001), *Словарь международной символики и эмблематики*, Москва.
- Рыбаков Б.А. (1965а), “Космогония и мифология земледельцев энеолита”, *Советская археология*, N 1: 24-47.
- (1965b), “Космогония и мифология земледельцев энеолита”, *Советская археология*, N 2: 13-33.
- (1966), “Религия и миропонимание первых земледельцев Юго-Восточной Европы (IV – III тыс. до н.э.)”, VII *Международный конгресс доисториков и протоисториков: Доклады и сообщения археологов СССР*, Москва: 107-120.
- Сагитова М.Д. (2004), “Культовая гора Кидилишавни: новые находки”, *Международная научная конференция “Древний Кавказ: ретроспекция культур”, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа): Тезисы докладов*, Москва: 175-177.
- Свастика (1994), *Мифы народов мира: Энциклопедия* (гл. ред. С.А. Токарев), т. 2, Москва: 420.
- Сефербеков Р.И. (2009), *Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология, характеристика, персонификации)*. Махачкала.
- (2017а), “Синкретический зверь’: Этнографическая параллель изображениям наскальных рисунков”, *Вестник Дагестанского научного центра*, N 67: 28-30.

- (2017b), “Изменения в жилище горожан Дагестана в новейшее время (вторая половина 80-х гг. XX в. – начало XXI в.)”, *Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти В.П. Дзагуровой*, вып. XV, Махачкала: 254-259.
- /Гашимов М.Ф. (2003), *Памятники истории и культуры Табасарана*. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН.
- Смирнов А.М. (2004), “Изображение посохов на антропоморфных изваяниях эпохи энеолита в Северном Причерноморье и Средиземноморье: Аналогии, интерпретации”, *Памятники археологии и древнего искусства Евразии: Сборник статей памяти В.В. Волкова*, Москва: 65-92.
- Соколова В.К. (1970), *Русские исторические предания*, Москва.
- Соколова З.П. (1972), *Культ животных в религиях*, Москва.
- Тахнаева П.И. (2004), *Христианская культура средневековой Аварии в контексте реконструкции политической истории (VII-XVI вв.)*, Махачкала.
- Топоров В.Н. (1994), *Мифы народов мира: Энциклопедия* (гл. ред. С.А. Токарев), т.1-2, Москва.
- Тэрнер В. (1983), *Символ и ритуал: Исследование по фольклору и мифологии Востока*, Москва.
- Формозов А.А. (1961), *Очерки по первобытному искусству: Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР*, Москва.
- (1980), *Памятники первобытного искусства на территории СССР*, Москва.
- Фролов Б.А. (1991), “Рисунки наскальные”, *Народные знания. Фольклор. Народное искусство: Свод этнографических понятий и терминов*, вып. 4, Москва: 107-108.
- Хан-Магомедов С.О. (2000), *Дагестанские лабиринты: К проблеме автохтонности и топонимии. Архитектура Дагестана*, вып. 3, Москва.
- Чеснов Я.В. (1970), “Миф о мече и начало государственности в Восточном Индокитае”, *Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии*, Москва.
- Чурсин Г.Ф. (1929), *Амулеты и талисманы кавказских народов*, Махачкала.
- Чурсин Г.Ф. (1995), *Авары: Этнографический очерк. 1928 г.*, Махачкала.
- Шер Я. А. (1980), *Петроглифы Средней и Центральной Азии*, Москва.
- Шиллинг Е.М. (1949), *Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды*, Москва-Ленинград.
- Шихсаидов А.Р. (1957), “О проникновении христианства и ислама в Дагестан”, *Учен. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР*, т. 3, Махачкала: 54-76.
- (1969), *Ислам в средневековом Дагестане. VII – XV вв.*, Махачкала.
- Есенов Ч.Д. (1998), “‘Гурджак ойны’ – пляска культа плодородия у туркмен”, *Этнографическое обозрение*, N 2: 57-66.
- Ямпольский З.И. (1968), “О происхождении религии (в порядке обсуждения)”, *Вопросы этнографии Грузии*, Тбилиси: 150-154.

DOI 10.48200/9789939672571_27

ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ: “УМНАЯ СИЛА” ПРОТИВ ВАРВАРСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИОНАЛЬНОСТИ

Ерванд Маргарян

Институт гуманитарных наук
Российско-Армянского Университета, Ереван

Abstract

Due to its geographical location, Armenia had to be the first to take on the attacks of the combined forces of nomads and mountaineers. Every time, when another charismatic leader appeared in the steppe, consolidating different, often hostile to each other, tribes into a single military nomadic community, the Armenian kings and naxarars pulled their forces to the Northern borders in order to give another tough rebuff to the enemy Horde at Kura. As long as the Armenian Kingdom existed, the country's military and political elite managed to successfully restrain the mountaineers and nomads, and keep the nearest tribal and state associations of Aluank in their sphere of influence. But after the fall of the Kingdom, the Armenians were forced to change their tactics and use mainly “soft”, or rather “smart” force in the fight against the mountaineers and nomads. This was reflected in the desire of the Armenians, who were the first to adopt Christianity as the state religion, to convert their Northern neighbors and introduce them to the high Armenian Christian culture. For this purpose, groups of Armenian missionaries were sent to the North, one after another, under the leadership of the younger members of the family of the house of Enlighteners. Half a century later, immediately after the invention of the Armenian script by Mesrop Mashtots and the translation of the Holy Scriptures into Armenian, attempts were made to translate the Bible and other Church literature into local languages. New parties of missionaries were “landed” to the North, who, with varying success, preached the teachings of Christ, pushing paganism further and further to the periphery. Being familiar with the local languages, the Armenian enlighteners, with the help of local neophytes, translated entire passages of Scripture and basic prayers into local languages.

Keywords: Greater Armenia, Aluank, North Caucasian Tribes, Steppe Nomads, “Soft Power” Policy, Christianization of Barbarian Peoples

Аннотация

В силу географического положения, Армении приходилось первой принимать на себя удары объединенных сил кочевников и горцев. Каждый раз, когда в степи появлялся очередной вождь-харизматик, консолидировавший разные, часто враждебные друг другу, племена в единое военно-кочевое сообщество, армянские цари и нахарары подтягивали свои силы к северным рубежам, чтобы у Куры дать очередной жесткий отпор вражеской

орде. Пока существовало Армянское царство, военно-политической элите страны удавалось успешно сдерживать горцев и кочевников, и держать ближайшие племенные и государственные объединения Алуанка в сфере своего влияния. Но после падения царства, армяне были вынуждены изменить тактику и применять в борьбе с горцами и кочевниками преимущественно “мягкую”, точнее “умную” силу. Это выразилось в стремлении армян, первыми принявшими христианство как государственную религию, обратить своих северных соседей, и приобщить их к высокой армянской христианской культуре. Для этого на Север, одну за другой, были направлены группы армянских миссионеров под предводительством младших членов семьи Дома Просветителей. А спустя пол столетия, сразу после изобретения армянской письменности Месропом Маштоцем и перевода Священного писания на армянский, были сделаны попытки перевести Библию, и иную церковную литературу, на местные языки. На Север были “десантированы” новые партии миссионеров, которые, с переменным успехом, проповедовали учение Христова, выдавливая язычество все дальше на периферию. Будучи знакомы с местными языками, армянские просветители, с помощью местных новообращенных, перевели на местные языки целые отрывки Священного писания и основные молитвы.

Ключевые слова: Великая Армения, Алуанк, северокавказские племена, степные номады, политика “мягкой силы”, христианизация варварских народов

Идолопоклонство – интеллектуальное и морально ущербное и слепое обожествление части вместо целого, твари вместо творца и времени вместо вечности. (А. Тойнби. Постижение истории)

А блаженный (Маштоц), продолжал учительствовать, измерял (взвешивал) и завершал, ...отдалил их от преданий предков, что позабыли они все свое прошлое и стали говорить: “Позабыл я свой народ и отчий дом”.(Корюн. Житие Маштоца)

Аланы—племя дикое и долго неизвестное нашим, так как они сдерживались внутри вместе с прочими дикими и неукротимыми племенами непроходимостью местности внутри страны и запором железной двери... (Амвросий. О разрушении города Иерусалима)

Введение

В III–IV вв. царство Великая Армения, подобно большинству стран Переднеазиатского региона и Средиземноморья, переживала сложные времена, обусловленные переходным состоянием от эллинизма к христианству и классическому феодализму. Причем в Армении эти процессы начались гораздо раньше, чем в большинстве сродных стран и протекали более интенсивно и болезненно. Активная трансформация, помимо прочего,

была детерминирована географическим положением страны, ее пограничным состоянием между двумя мир-системами. На западе Армения находилась в орбите влияния Римской державы, которая была еще достаточно сильной, чтобы навязывать Армении свою “дружбу и союзнические отношения”, на востоке набирала мощь новая, амбициозная и агрессивная сила—Сасанидский Иран, заменивший пришедшую в упадок дружественную армянским Аршакидам Парфию. Раздираемая этими двумя противоборствующими державами, Великая Армения, в конце концов, оказалась политически расколота на две, а позднее и на три неравные части.¹ Однако Армении удалось противопоставить ущемляющему вызову политических аномалий в регионе и надлому постэллинстического периода духовный, преображающий ответ, который привел к усложнению внутренней структуры общества и дал импульс формированию новой цивилизационной идентичности, опережающему интеллектуальному и духовному развитию нации на многие столетия вперед. Этот ответ проявился в христианизации страны и интеллектуализации творческого меньшинства, формированию новой элиты общества—священства и сплотившегося вокруг него нахарарства. Новой элите удалось воплотить в жизнь мистический “жизненный порыв”, удержать власть в стране и выстоять против внешней агрессии Сасанидского Ирана и Римской империи, противопоставить натиску внешнего пролетариата Севера стойкость духа и нацеленное упорство первых христиан.

Основным объектом данного исследования являются взаимоотношения Великой Армении с внешним пролетариатом—евразийскими степняками и влившимися в их ряды разномастными северокавказскими племенами—аланами, алуанами (албаны) и др. родственными им нахско-дагестанскими народами, обитавшими к северу от Куры, которые, вплоть до конца XVIII в. выполняли функцию жизнеопасного раздражителя как для Армении, так и для соседней Иберии. Часть их со временем оказалась в составе племенного союза алуанов, другая, большая часть, так и не вошла в это протогосударственное образование, считая, что любой (кроме военного) постоянный альянс ограничивает их свободу.

1. Алуанк и населяющие его народы до принятия христианства. Античные авторы сообщают отрывочные и часто противоречивые сведения об этих племенах. В древности эти северные народы не имели своей государственности, но с энтузиазмом воевали в составе персидской, понтийской, армянской и др. имперских армий. Страбон так описывает их войско и отношение алуанцев к войне: “*К вопросам войны, государственного устройства и земледелия они относятся беззаботно. Однако сражаются они как в пешем строю, так и верхом в полном и тяжёлом вооружении подобно армянам* [то есть в пластинчатых доспехах, покрывающих всадников и коней].

Войско они выставляют большее, чем иберы. Именно они вооружают 60 тысяч пехотинцев и 22 тысячи всадников,² со столь многочисленным войском они выступили

¹ В 387 г. царство Великая Армения было разделена между Римской империей и Сасанидским Ираном. При этом Иран передал два граничащих с Албанией наханга (административн. едн.) Великой Армении—Арцах и Утик царству Арран (Адонц 1908: 225).

² Численность армянского войска в это же время составляла 84-86 тыс. Так, в 53 г. до Р.Х. “друг и союзник римского народа” царь Великой Армении Артавазд II приехал в Сирию к Марку Крассу в сопровождении 6 тысячной элитной царской конной гвардии, состоящей из выходцев из знатных семей, и обещал для ведения боевых действий против Парфии дополнительно предоставить половину от общей

против Помпея. Албаны вооружены дротиками и луками; они носят панцири и большие продолговатые щиты, а также шлемы из шкур зверей, подобно иберийцам. Албаны чрезвычайно склонны к охоте, однако не столько благодаря умению, сколько по страсти к этому занятию” (Strabo IV, 5). Как видим, численность и состав албанского войска вполне сопоставимы с числом войска, которое, согласно античным авторам, во время войны выставляли армянские цари. Иметь под боком, хотя и плохо организованное, но многочисленное албанское войско, лишь немного уступающее в вооружении армянской армии, было весьма некомфортно.

В начале I тысячелетия к северу от Куры, у сопредельных границ Великой Армении, начинают формироваться первые протогосударства—*вождества* (chiefdom). Впервые албанское царство упоминается в римской копии Анкирской надписи Октавиана Августа (14 г. до Р.Х.). Страбон из Амасии (ок. 63 до Р.Х. — ок. 23 г. по Р.Х.) сообщает о 26 племенах, объединившихся в царство с центром в Капалаке (арм. Չիճիճիճ; др. греч. Χαβαλα): *“Теперь, правда, у них один царь управляет всеми племенами, тогда как прежде всякое разноязыкое племя управлялось собственным царём. Языков у них 26, так что они нелегко вступают в сношения друг с другом”* (Strabo IV, 4). Из этого краткого, но емкого сообщения видно, что алуаны были многоплеменным и разноязыким народом, находящимся на разных стадиях развития. В дальнейшем, большую часть сведений об алуанах и др. лезгиноязычных народах мы черпаем из средневековых армянских источников (V–XVI вв.) и у более поздних арабских авторов (IX–XII вв.), единичные упоминания имеются в сочинениях византийских и грузинских авторов. Все они описывают народности, обитающие по ту сторону Куры, как вечно враждующие друг с другом полудикие разбойничьи племенные объединения, промышленяющие грабежом и вымогательством.

Самыми развитыми среди алуанских и др. кавказских племен, по мнению современников, были обитавшие в мягком климате и на плодородных почвах Ширванской долины³ и в предгорьях Кавказа гаргары⁴ и удины. Того же мнения придерживаются сов-

численности своего войска—10 тыс. конницы и 30 тыс. пехоты (см. Плут. Красс: 19). В общей сложности армянское войско в эпоху эллинизма составляло из 86 тыс. человек, не считая обоза и вспомогательных подразделений и ополченцев, численность которых варьировала в зависимости от политической и военной ситуации. Любопытно, что число армянской армии не менялось на протяжении столетий. Так, Ксенофонт (ок. 444 до Р.Х.—ок. 356 до Р.Х.) утверждает, что в первой половине VI в., в эпоху мидийского владычества, при Ерванде Кратковечном, армянская армия поставляла мидийскому царю 24 000 воинов, из коих пехоты 20 000 и конницы 4000, что составляло приблизительно половину от общего числа армянской армии (Ксен., Кир.: II 6, 1). В 539 г. армяне принимали участие в знаменитом походе Кира против Вавилона. Как и во времена Астиагеса армянская армия подразделялась на пехоту, которую возглавлял Тигран Ервандян, и конницу, которой командовал Эмбас, с общим числом войска в 24 000 воинов (Ксен., Кир.: V 3, 42). В “Киропедии” прямо указывается количество войск царя в составе 8000 конницы и 40000 инфантерии, половина от этого числа призвана была выступать по первому требованию персидского царя, а вторая, состоящая из ветеранов и молодых бойцов, оставалась дома для защиты страны (там же: III 7, 33)—городов, крепостей, горных перевалов, дорог и мостов и пр. Лишь при Тигране II численность собственно армянской армии (без союзных подразделений) достигала 100 и более тыс.

³Страбон не без зависти повествует о благодатности края и его удобном географическом расположении: *“Впрочем, быть может, такого рода людям море вовсе и не нужно, ведь они даже землей не пользуются по ее достоинству, так как эта земля производит не только всевозможные огородные плоды, но также всякие растения; действительно, на ней произрастают даже вечнозеленые растения. При этом земля не требует ни малейшего ухода, но все земные блага без паханья и сева взрастают* (Од.: IX, 109)...” (Strabo IV, 3).

ременные исследователи (Тревер 1959), считающие, что они в большей степени, нежели остальные, были подвержены культурному влиянию соседних народов – армян и персов (Newsen 1982: 27-40).⁵ Именно о них повествует в своей “Географии” Страбон: “*Албаны больше привержены к скотоводству и стоят ближе к кочевникам; однако они не дики и поэтому не очень воинственны. (...) Люди там отличаются красотой и высоким ростом, вместе с тем они простодушны и не мелочны*” (Strabo IV, 4).

Остальные лезгиноязычные и ираноязычные племена, оторванные от торговых магистралей, обитатели гор, отличались брутальным нравом и культом силы, на фоне скуденности населения и скудности ресурсов, готовые по первому кличу какого-либо харизматичного лидера, выступить в поход “за зипунами”. Особенно часто лезгинские племена вливались в ряды ираноязычных сарматов, аланов и роксоланов,⁶ которые по образному выражению Аврелия Виктора были “...хуже всякой беды”, римский географ I в. Помпоний Мела характеризует их как “*племя воинственное, свободное, непокорное... жестокое и свирепое*”. Христианские авторы и вовсе называли их “бичом Божиим”. Эти народы, подобно эктопаразитам⁷ жили за счет высокоразвитых южных народов-

Ему вторит Мовсэс Каланкатуаци: “*Благолепна и желанна страна Алуанк с высочайшими гребнями Кавказских гор, [полная] всяких благ. Великая река Кура плавно и величаво несет [свои воды], принося с собой рыб, больших и малых и, извиваясь, впадает в Каспийское море. По берегам ее [простираются] поля, где много хлеба и вина, нефти и соли, шелка, хлопка и где [растет] несметное [число] оливковых деревьев. В горах добывается золото, серебро, медь и желтый ладан. Из зверей водятся львы, барсы, пантеры, онагры, а из пернатых—множество орлов, ястребов и им подобных*” (I, V).

⁴Едва ли название *гаргар* можно считать эндомичным, вероятнее всего—это экзонимичное звукоподражательное название, подобно греческому βάρβαρος и лат. *Barbaros*. Название *гаргар* скорее всего имеет пейоративное, звукоподражательное происхождение и возникло в армянской среде в процессе общения народами восточного Кавказа, после чего было заимствовано у армян другими народами. Для армян гортанная речь нахско-дагестанских народов звучала как “гар-гар-гар”, со временем это звукоподражание стало обозначать народы Севера и превратилось в собирательное название некоторых племен Кавказа.

⁵“На развитие Албании оказывали влияние соседние страны, в первую очередь, Армения и сасанидский Иран. Армянское влияние было особенно сильно, потому что юго-западные области Албании довольно долго входили в состав Великой Армении и были организованы как нахарарства. Находилась в зависимости от Армении и Каспиана с центром в Пайтакаране, правители которой считали себя Аршакидами”. (*Всемирная история* 1956).

⁶ Аммиан Марцеллин дает такое описание аланам: “*Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения... Им доставляет удовольствие опасность и войны. У них считается счастливым тот, кто выпускает дух в сражении...*” (Аммиан Марцеллин XXXI 2: 22). См. также: Ермолова 1999: 336-347.

⁷ Джиованни Лукка—итальянский монах Доминиканского ордена, автор описания повседневной жизни крымских татар, ногайцев, черкесов, абхазов и грузин. Приблизительно в 1634 г., находившийся в качестве префекта доминиканской миссии в Крыму, в Каффе, он так описывает нравы черкесов: “*Кроме войны, всецело их занимающей, они не знают другого занятия*” (*Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов* 1974: 72). Знатные воины на Кавказе издревле считали постыдными такие обычные для Переднеазиатских стран виды деятельности, как торговлю, работу в поле и на огороде. Не заторным считалось только пастушество – пасти овец и лошадей, особенно в детстве и юности, а также заниматься охотой и ковкой оружия было в порядке вещей для горцев и номадов. Всю тяжелую работу по дому и в поле выполняли невольники или невольницы (а также их дети—домочадцы), которых захватывали во время набегов на ближние и дальние страны. Важной статьей дохода была продажа *ясырирабов*, особенно женщин и детей. Оптовыми покупателями живого товара были перекупщики разных национальностей на невольничьих рынках Трапезунда и Каффы, Хаджи-Гархана. Другой прибыльной статьей дохода для горцев и номадов было вымогательство—выкуп родными и близкими знатных пленных, поэтому знатных воинов стремились не убивать, а заарканив, утащить в свой стан, где их подолгу держали в довольно сносных условиях, а получив выкуп, доставляли до границы своих владений и отпускали восвояси.

донаторов, вынужденных откупаться от агрессивных соседей, или нанимать других северных варваров для обороны от их же сородичей, тем самым, жертвуя малым, ради сохранения большего.⁸ При этом сарматские вожди и их кавказские соседи, нередко “*приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени, отправлялись на помощь и к той, и к другой (сторонам, Е.М.)*” (Тац., Анн, VI: 33).

Однако при всей готовности к войне, подвигу и разбою, собственными силами организовать горцев на военную кампанию было невероятно трудно. Причиной тому была вековая вражда между племенами (причем близкими в этническом и языковом отношении), а также из-за непрекращающейся вендетты между тейпами (кланами), недоверия и зависти горцев, в основе которой была все та же бедность ресурсов и жесткая непрекращающаяся борьба за место под солнцем (пастбища, водоемы, контроль над караванными путями), но никак не религиозные, идейные или культурные различия. Подобно курдам, северокавказские народы никогда не играли самостоятельной политической роли (см., в частности, Асатрян 1998: 59; Asatrian 2009: 1-58). За всю свою долгую историю, горцам Кавказа не удалось создать своего государства,⁹ но стоило в евразийских степях появиться очередному вождю-харизматику, объединившему под своим началом орду кочевников (киммерийцы, скифы, мазкуты, гунны, хазары, сельджуки, монголы, туркмены, османы, ногайцы и пр.) (Пиков 2010: 21-22; Маргарян 2016: 41), жаждущих наживы и славы, как горцы, забыв на время о своих дрязгах, вливались в надплеменные и надэтнические конфедерации номадов—*супервождества* (Крадин 1995: 11-61), чтобы вторгнуться на территорию урбанистических цивилизованных стран Передней Азии. Конечно все эти образования—“кочевые империи”—однодневки (подробно см.: Маргарян 2016: 18-43; Маргарян 2017: 15-27), не имея под собой прочной этнической и цивилизационной основы, держались исключительно на авторитете военных лидеров, их хваткости, удачливости и щедрости, и распались сразу после или задолго до их смерти.

⁸Характерный эпизод приводит псевдо-Захария, который рассказывает о том, как гунны, угрожая войной Сасанидскому Ирану, потребовали от шаха выкуп, угрожая, в противном случае войной. На вопрос персидского владыки, зачем они скопились перед воротами Дербента, те, согласно автору, ответили: “...*Нам недостаточно того, что дает нам персидское государство, как бы подать людям—варварам, которые подобно злосчастным зверям изгнаны богом в северо-западную страну. Мы живем оружием, луком и мечом и подкрепляемся всякой мясной пищей. Император Ромейский через послов, которых он прислал, обещал нам умножить подать, если мы разорвем дружбу с вами, персами. Поэтому мы запаслись и приготовились в путь. Или дайте нам, сколько (предлагают) ромей, и мы утвердим с вами союз, или, если не дадите, принимайте войну*” [15, 150]. Персидский царь, не желая разорения своей страны, согласился на условия “ркетиров”-гуннов.

⁹В виде исключения можно назвать Аланское царство и вождество Сарир, созданное на Кавказе протомонголо-восточноиранскими племенами. Сарир сменило Аварское нучальство (княжество, ханство) и Северокавказский имамат, сформировавшийся в ходе сопротивления Российской экспансии на Кавказе. Имамат вел ожесточенные войны в 1785-1791 и 1817-1864 гг. Первая война закончилась поражением России и потерей ею Грузии, Чечни, Дагестана и Черкесии, вторая война более жестокая и кровопролитная, несмотря на упорство и героизм горцев, и победы, одержанные вначале войны, в конце концов, привели к истощению края и закончилась их поражением. В 1878 г., во время последней Русско-турецкой войны, горцы еще раз выступили против русского владычества и попытались возродить Северокавказский имамат, однако восстание было жестоко подавлено, а лидеры его были публично казнены в Грозном. Замирение Кавказа успешно завершил Микаел Таризелович Лорис-Меликов. Ему удалось перевернуть самые основы традиционного жизнеустройства на Кавказе без каких-либо серьезных эксцессов, ни разу не прибегнув к оружию, исключительно методами убеждения и взаимных уступок.

При этом, чем более развитыми и богатыми становились южные соседи прикаспийских и кавказских племен, тем больше возникало соблазна объединиться в военную коалицию, с целью прорвать многоэшелонированный пограничный кордон и вломиться на территорию высокоразвитого соседа. Справедливо замечание Н. Н. Крадина о взаимосвязи цивилизованных стран и кочевников: “Степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации” (Крадин 2000: 319). Пожалуй, первым упоминанием в источниках такого рода *вождества* в регионе стала Хайаса—одно из самых древних государственных образований на территории Армянского нагорья.¹⁰ В раннем средневековье периодически такие вождества возникали на Кавказе и прилегающей степной зоне, особо крупные вождества создали “пылки” аланы барсилы (баслы), массагеты (маскуты, мазкуты).

2. Взаимоотношения с Арменией. Великая Армения как лимитрофный пояс и одновременно контактная зона между народами Севера и Переднеазиатскими цивилизациями. Армения, в силу географического положения, играла роль фронтального пояса, буфера между цивилизованными странами Передней Азии и внешним пролетариатом. Продавив армянский заслон, рейдеры оказывались в “мягком подбрюшье” Передней Азии—Персии, Сирии, Месопотамии, Малой Азии и странах Леванта.¹¹ Приведем несколько характерных эпизодов из сочинений античных, армянских

¹⁰Характерны взаимоотношения Хайасы, высокогорной страны на западе Армянского нагорья, с суровым климатом и бедной почвой, искони населенной беспокойными племенами хайев-армян с Хеттской империей. По мере усиления Хайасского племенного союза и постепенной трансформации его в сильное и агрессивное государственное образование, которое вполне можно дефинировать как чифдом, хеттские цари Муршилис и Суппилулиумас были вынуждены откупаться от хайасских царьков-харизматиков Ании, Хукканаса и др. щедрыми “дарами”, выдавать за них своих дочерей, обмениваться заложниками. Аналогичным образом поступали римляне с местными вождями в Подунавье, в прирейнских землях и в Британии, а также китайские императоры с предводителями сяньбинцев (Maenchen-Helfen 1973; Крадин 2001-2002; Кычанов 2004: 631).

¹¹В 552 в Восточное Закавказье вторглись хазары и савиры (сабиры—племя от названия которого, возможно, образовался топоним Сибирь, позднее, осколки этого племени влились в славянскую стихию. Лев Гумилев считал, что ослабевшие потомки савиров стали северянами, позже известные под названием севрюки). Обосновавшись на Северном Кавказе, они затерроризировали своих бывших союзников—кавказские племена и княжества, особенно алуанцев. Савиры Прикаспия активно участвовали в войнах ведущих держав своего времени, выступая в качестве наемников, в составе то одной, то другой армии. В середине VI века савиры владели Прикаспийским проходом Чора (Артамонов 1962: 184). Позже савиры (сувары) встречаются в Среднем Поволжье, где они растворились среди волжских булгар. Пол столетия спустя сабиры были разбиты аварами и персами. Для того, чтобы положить конец бесконечным вторжениям кочевников, персидский шах Хосров I Ануширван (531-579 гг.) упразднил алуанское царство, превратив его в рядовое марзпанство, под управлением своего родственника, и в 562 г. в районе Дербента, на месте обветшалых укреплений из сырцового кирпича шах развернул строительство грандиозного комплекса фортификационных укреплений—знаменитый Чор или Дару банд (“Заключенные двери”), античных источниках известный так же как Κάστρια πύλαι. Эти укрепления были призваны перекрыть узкий проход в 8 римских миль длиной и шириной в одну колесницу (перевал Chamag между Narca-Koh и Siah-Koh) между Каспийским морем и Кавказскими горами и стать заслоном на пути кочевых племен. Сюда были перебросены военные поселенцы из внутренних областей Ирана и Северной Армении (жители Сюнии). Из них вербовалась стража ворот (claustra Caspiarum) (Tac. hist. 1, 6. Arr. 3, 19, 2. 20, 2. 4. 7, 10, 6). Значительную часть средств на строительные работы, по требованию Хосрова, предоставил император Юстиниан I (Rubin 1995: 227-298; Prokhorios Kesaras'ı 1976; Табари 1956: XXIII). Целое столетие крепость сдерживала натиск кочевников, но в 626 г. торгшесее хазарское войско под командованием Шада захватило Дербент и вновь разграбило Алуанк. Мовсес Каганкатвацци так описывает это событие: “Гайшах [персидский наместник из агванских князей] видел, что произошло с защитниками великого города Чора и с войсками, находившимися на

и грузинских средневековых авторов, повествующих о том, как армянские цари сдерживали натиск северных варваров. Так, в “Истории страны Алуанк” армянского средневекового автора Мовсеса Каланкатуаци/Дасхуранци,¹² со ссылкой на выдающийся труд отца армянской истории Мовсеса Хоренаци, повествуется о том, как в годы правления Арташеса I (189–ок.160): “... аланы, вступив в союз со всеми горскими [племенами], отчасти и с иверцами, собрав огромное полчище, вторглись в [пределы] Армении. Арташэс, также собрав свои войска, [выступил] против них и разбил лагерь на берегу реки Куры. В жаркой битве царевич аланский попал в плен к Арташэсу, который за него взял себе в жены царевну Сатеник и вернулся [вновь] восстановив мир. Вскоре умер отец Сатеник и некто воцарился насильно, а брата ее изгнал [из страны]. Тогда наставник Арташэса Смбат, прибыв [туда] с большим войском, прогнал насильника, брата Сатеник возвел на отцовский престол, сам же вернулся в Армению с большой добычей и множеством пленных” (Мовсес Каланкатуаци 1984, 1, VIII).

Описывая события 32-37 гг., Тацит (Анн. VI, 33 (5)) сообщает: “Царь Иберии Парсман ведет успешные войны против Парфии и ее союзника Армении. Он получает поддержку албанцев, поднимая сарматов; иберы, хозяева этой страны, быстро пропустили (их) по Каспийской дороге, двинув против армян”.

Опустошительный набег на Армению объединенных алан, по образному выражению Амвросия, “вместе с прочими дикими и неукротимыми племенами” был произведен в 72 г. по наущению царя Иверии Митридатом II. Эти события хорошо документированы, и известны нам по сочинениям Иосифа Флавия, епископа Амвросия, Мовсеса Хоренаци и Леонти Мровели. Мровели обстоятельно перечисляет названия племен, напавших на Армению: “Тогда цари Картли Азарк и Армазел призвали овсов и леков, привели царей овских—братьев-голиафов по имени Базук и Анбазук—с войском овским. И привели они собой пачаников и джиков. Пришел к ним также царь леков и привел дурдзуков и дидоев...” (Леонти Мровели 1979: 33). По сути, в этом объединенном нашествии на стороне алан-овсов приняли участие практически все северокавказские горские племена.

“Собрались тайно, спешно и искусно, прежде чем смогли собраться войска армян” (там же: 34). Воспользовавшись неожиданностью своего вторжения иверы, аланы и джики рассеялись по гаварам армянским и “...стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну... и возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи” (там же: 34). Однако далеко уйти им не удалось. Леонти Мровели повествует о том, что спарапет армян Сумбата Бивритиана (Смбат Бюрат), спешно собрал войско и одновременно отправил к аланам и горцам гонцов с предложением оставить себе награбленные “...скот, золото, серебро и ткани”, лишь вернуть пленных. Но аланы самонадеянно отказали армянскому военачальнику, вдобавок оскорбив его, и тот перешел Куру, нагнал войско алан, джиков и иверов и встал лагерем напротив. Базук не стал уклоняться от встречи и вызвал Смбата на поединок. “Сумбат облачился в доспехи, воссел на коня своего и прошелся перед готовыми [к бою] рядами.

дивных стенах, для построения которых цари персидские изнурили страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы для построения великого здания, которое соорудили между горой Кавказом и великим морем восточным...” (М. К. 2 XI).

¹²Большинство современных исследователей считает Мовсеса Каланкатуаци и Мовсеса Дасхуранци одним лицом.

Навстречу выступил Базук, и с громкими криками столкнулись. [Сумбат] поразил копьем по чреслам, пронзил его насквозь, сорвал с седла и грянул оземь” (Леонти Мровели 1979: 34). Точно также пал от руки Смбата и Анбазук, поспешивший на помощь брату, но пронзенный копьем, которое в него метнул полководец армян, испустил дух. Однако смерть этих великих воинов не отрезвила кочевников, иверов и горцев, которые яростно атаковали армян. Согласно Мровели, Жестокая битва, закончилась истреблением “многих овсов и леков”, “картлийцев же спаслось больше, ввиду хорошего их знакомства с дорогами отступления. Оба раненных царя Картли сбежали в Мцхету” (там же). Смбат в отместку за причиненные армянам беды разорил Иверию—зачинщицу войны. “И стали овсы мстить армянам. Пришли в Картли и сдружились с картлийцами. Смешались воедино овсы и картлийцы и долго воевали с армянами...” (там же). Вероятно, в этом фрагменте Мровели скомбинировал описания двух похожих событий—вторжения аланов в Армению при Арташесе I, основателе династии Арташесидов, и Тиридате I—основателе династии Аршакидов. В обоих случаях подстрекателями вторжения аланов и северокавказских горцев были иберы, которые, после смены династии стремились воспользоваться сложным положением страны, поживиться за счет военной добычи и по возможности отторгнуть некоторые северные территории Армении. В обоих случаях этим планам не было суждено сбыться—аланы были разбиты и отброшены за Куру, видимо были и другие сходные обстоятельства, что и стало причиной путаницы.¹³

По сведениям Светония, вскоре после описанных событий, при Веспасиане (69-79), “Валарш, царь парфян, настоятельно просил против алан военной помощи под командованием одного из сыновей Веспасиана, но Домициан употребил все усилия к тому, чтобы ему быть посланным. А когда это дело не состоялось, он пытался других царей Востока дарами и обещаниями склонить к тому, чтобы этого же потребовали они” (Светоний 1993: 2). Цари Иверии “укрепили города и крепости и заполнили их войсками, призванными из Овсети” и начали военные действия против Армении—союзницы Парфии. Армяне в свою очередь осадили Мцхету. После пятимесячной осады объединенные иверо-аланские силы запросили мира, “изъявили покорность” и обещали повиноваться армянам. Но обещания не сдержали и, воспользовавшись обострением отношением между армянами и римлянами вновь “беспрерывно стали нападать на армян”. Боевые действия длились несколько лет. “Наконец, стало тяжело картлийцам и овсам, начали они просить мира, изъявили покорность и обещали не мстить да [впредь] повиноваться им. Тогда царь армян внял их мольбе, поклялись [друг другу в верности]. Подчинил армянский царь картлийцев и овсов и удалился” (Леонти Мровели 1979: 35).

В это время окончательно складываются два тандема между армянами и алуанцами, с одной стороны, и иверцами с аланами—с другой. Алуанцы будут в основном оказывать военную помощь армянам и парфянам, а иверы, как было отмечено Г.А. Меликишвили, будут вовлекать аланов в свое соперничество с армянами и их союзниками парфянами (Меликишвили 1959: 29-30; Ковалевская 1984: 86). Для римлян и их союзников иверов (Ломоури 1981: 163; Лордкипанидзе 2010: 183-191), аланы

¹³ У Кассия Диона сохранилось следующее любопытное сообщение: “В конце зимы, в консульство Геллия и Нервы, Публий Канидий Красс, выступив против здешних иберов, победил в бою царя их Фарнабаза, привлек его к военному союзу и, вместе с ним вторгнувшись в соседнюю Албанию, покорил их [албанов] и царя их Зобера и привлек их на сторону римлян таким же образом” (Касс. Дион: XLIX 24). Как видим, имея поддержку римлян, иверы совершали набеги не только на Армению, но и на Албанию.

представляли особую ценность благодаря своим прославленным “звонконогим” скакунам (иверы почти не имели конницы, основу их войска составляли пешие копейщики в войлочных доспехах). Кроме того, современники в один голос указывают на малочисленность иверского войска¹⁴ (см. выше свидетельство Страбона). В V в. ситуация не изменилась, Лазар Парбеци так характеризует соотношение сил в регионе: *“Ибо я хорошо знаю силу и дерзость ариев, слабость и лживость ромеев... А о царе Грузии и гуннских войсках – Грузия (взятая) в отдельности, страна маленькая, с малым числом воинов. Но о гуннах, кто их знает, согласятся прийти или нет”* (Лаз. Парб., III 66). Этот фрагмент нуждается в пояснении: здесь рассказывается о том, что царь Иверии Вахтанг подбивал армян на восстание против Сасанидской державы, однако армянские нахарары сомневались в целесообразности этого мероприятия, поскольку само грузинское войско было малочисленным и не представляло серьезной силы. Присоединиться к восстанию имело резон только если к иверам на помощь подоспеют степняки—лишь в тандеме с гуннами Иверия превращалась в ощутимую угрозу для соседей.

Как свидетельствуют античные авторы, начиная со времени правления полуполюгендарного Фарнаваза I,¹⁵ иверийцы неплохо манипулировали своими северными соседями. Причину такой успешности иверийских царей нужно искать в географической близости и возможности осуществлять контроль над “Дар-и-алан (отсюда современное название Дарьяла). По сути, в руках у иверийских царей был ключ от замка ворот в Переднюю Азию.¹⁶ Из ранних укреплений, охранявших движение через ущелье, источники упоминают крепость Кумания. Они запирали этот замок, когда было нужно, или наоборот отпирали и впускали буйную кочевую стихию и горцев, получая за это определенный процент от добычи мародеров, как “наводчики” и “отмыки”. К сарматам с удовольствием примыкали и местные картлийские, иногда и колхидские князьки, любители покурлесить и пожить. Иверийские цари использовали сарматов как инструмент для политического шантажа и давления на соседей, в первую очередь на Армению, Алуанк и Иран, а также как своего рода жупел для запугивания правителей экономически развитых стран региона и выколачивания из них “ценных даров”. Так, в

¹⁴Колхида-Лазика, некогда бывшая отдельным самостоятельным царством, затем была завоевана Понтом, после перешла к римлянам.

¹⁵Согласно традиции, в три года Фарнаваз, чье имя имеет иранские корни (как и имена других иверийских царей—Сумарга, Горгасара), остался сиротой и воспитывался в горах среди алан и вайнахов. В юности ему было видение, благодаря которому он обнаружил пещеру с сокровищами. Золото он использовал для найма аланов и горцев, с помощью которых сверг “узурпатора” Азона и заложил основы новой династии Фарнавазидов. За помощь, оказанную в борьбе с “узурпатором”, свою вторую сестру Фарнаваз отдал в жены осетинскому правителю. Сам Фарнаваз женился на женщине из северокавказского племени дзурдзуков.

¹⁶Рим имел на Кавказе в основном военно-стратегические интересы: Иберийское и Албанское царства (албанский царь также считался “другом и союзником” римлян) были важны для Рима потому, что, с одной стороны, они помогали держать под ударом Армению и западные области Парфии, а с другой—контролировали важнейшие горные проходы, которые вели с Северного Кавказа в Южный Кавказ. Действительно, иберы и албаны в ряде случаев помогали Риму в борьбе против парфян... Войны на стороне Рима способствовали укреплению внешнего положения Иберии, расширению её влияния в прилегающих областях, сулили войскам богатую добычу и рабов. Что касается защиты горных проходов Кавказа, то здесь интересы Иберии и Рима совпадали ещё больше. Кочевые скотоводческие племена Северного Кавказа время от времени совершали набеги на Южный Кавказ и прилегающие области Передней Азии. Эти набеги угрожали и восточным провинциям Римской империи и Иберии. Поэтому для Рима было выгодно, что иберы защищают горные проходы, и он старался им в этом помогать” (*Всемирная история* 1956: 688).

сочинении Элия Спартиана имеется описание внешней политики императора Адриана, который: “... оказывал большое уважение многим царям, у многих покупал мир; за это некоторые относились к нему с презрением. Многим он дал непомерные подарки, но самые большие—царю иберов, которому, сверх великолепных даров, он подарил еще слона и когорту в пятьдесят человек. Получив от Фарсмана огромные подарки, и в их числе также золоченые хламиды, он—в насмешку над его дарами—выпустил на арену триста преступников в золоченых хламидах” (XVII, 10-12) (Braund 1991: 211).¹⁷

Следующий раз, как сообщает Кассий Дион, в 135-136 гг., “...Фарасман побудил аланов (они же массагеты) начать другую (войну, Е.М.), [которая] сильно опустошила Албанию и Мидию, затронув Армению и Каппадокию. Прекратилась же она после того, как, с одной стороны, аланы были умиротворены дарами Вологеса, а с другой—устрашились Флавия Арриана, правителя Каппадокии” (Кассий Дион 2014, LXIX, 15, 1). Очевидно, уstraшенные демонстрацией силы римского наместника, они сочли благоразумным отступить за Дон, удовлетворившись немалой добычей, которую до этого успели захватить.¹⁸ Согласно Мовсесу Хоренаци, в 213 г. аланы и северокавказские горцы вновь напали на Великую Армению, и вновь армянам пришлось воевать (см. Тревер 1959: 130; Ковалевская 1984: 87; Rapp 2003: 289–290).

В середине III в. алано-иверийский тандем начал разваливаться. Закрепившись в регионе, аланы более не нуждались в картлийской помощи и не хотели быть ведомыми, инструментом в чужой политической игре. Они чувствовали себя хозяевами в регионе, поэтому объектом их набегов теперь стала, и сама Иверия. Как сообщает Леонтий Мровели, впервые за два с половиной столетия, аланы пришли на Куру не через Дарьял, через который обычно их пропускали цари Картли, а через Двалетский перевал. Картлийский царь Амазасп собрал своих эриставов и выступил против осадивших Мцхету алан. В поединке он победил знатного аланского богатыря¹⁹ по имени Хуанхуаи и еще двух бумберазов (витязей), пытавшихся помочь своему соплеменнику. Как сообщает Мровели, вскоре войско овсов и вовсе было разбито, был убит царь и множество воинов. “На следующий год призвал он войско из Армении, собрал собственную рать и явился в Овсети. И никто не мог противостоять, полонили всю Овсети и с победой вернулись восвояси” (Леонти Мровели: 36).

Вскоре иверы и вовсе потеряли контроль над Дарьяльским перевалом, и он перешел к персам: “Когда прекратилось царство в Картли, усилились персы и покорили Герети и Армению. Но Картли сильнее покорили и вступили к кавказцам и соорудили врата Овсети, одни большие ворота в Овсети же и двое—Двалетии, и один—в Парчуане Дордзокетском и тех горцев поставили сторожевыми” (Леонти Мровели 1979: 47).²⁰ В начале IV в. призванные иверами аланы с леками, при активной поддержке армян, вновь совершили набег на Иран.

¹⁷Римляне часто заигрывали с иверами, “помогая” им “нести бремя” по охране Дарьяльского ущелья и дорог, ведущих к портам Черноморского побережья Кавказа. Подробнее об этом см.: Syme 1984: 50; Первалов 2006: 318-335.

¹⁸См.: Debevoise 1938: 242-243; Bosworth 1977: 228-230; Кузнецов 1984: 16-17; Нефедкин 1999: 173-188; Первалов 2006: 334-335.

¹⁹Как и любой социум “героического века”, аланы имели военную знать. Об этом имеются свидетельства в армянском житие “Мученичество Воскрянов” (V в.). В нем, говорится: “Но мужи... (Алании, Е.М.) были прославлены и могучи, принадлежали к высшему сословию и первые в войне”.

²⁰См. Также Дзатгиаты 2019.71.31144; Туаллагов 2018. Vol. XIII. №1, 2.

В “Истории страны Алуанк” армянского автора Мовсеса из села Каланкуатуйк описывается вторжение барсиллов²¹ в Алуанк и помощь, оказанная алуанцам армянским царем Тиридатом III (287–332): *“Трдат великий, царь армянский, собрав войско, сошел на поле гаргарийцев и жестокой битвой встретил северян. Царь баслов вышел на единоборство с ним, набросил аркан на храброго Трдата, но не сумел одолеть его, и сам был разрублен им пополам. Трдат, истребляя, гнал их до [страны] гуннов. Пали многие и из армянского войска, пал также спарпет армян Артавазд Мандакуни. Трдат взяв там заложников и присоединив к себе северные народы, двинулся на персидского царя Шапура”* (Мовс. Каланк. I, XII).

В 336 г., согласно Фавстосу, царь мазкутов Санесан, по наущению персидского царя Шапура I, призвал воинственные кавказские племена, и совершил набег на Армению и захватил Аратскую долину со столицей. Лишь через год, в двух битвах, варвары были разбиты и по большей части истреблены (Фавстос_Бузанд_VI_VII; Мовс. Хор. III, 3,9; Мовс. Каланк. I, XIV), о чем подробно будет рассказано ниже.

Алуанцы и иные кавказские племена и в дальнейшем не упускали ни единой возможности напасть на Армению с целью наживы и захвата пленных. В канун знаменитого сражения у горы Нпат на Дзиравском поле в 371 г. *“албанский царь Урнаир со своим отрядом”, собравшийся сражаться армянским и ромейским войсками, так наставлял своих военачальников: “...когда мы заберем в плен греческие войска, то многих из них надо оставить в живых, мы их свяжем и отведем в Албанию и заставим их работать как гончаров, каменотесов и кладчиков для наших городов, дворцов и других нужд”* (Мовс. Каланк.V, 4). Каждый раз, когда персидский или иной правитель нападал на Армению, в составе его армии обязательно были алуанские и северокавказские дружины. Характерный пример являет описанное Фавстосом Дзиравское сражение: *“Армянский спарпет Мушег бил жестоким боем персидские войска и, дождавшись встречи с албанским отрядом, разгромил и эти войска. Он настиг также албанского царя Урнаира, когда тот пустился в бегство. Подъехав близко, он концом своего копья долго бил его по голове, приговаривая: “Будь благодарен, что ты царь и носишь венец на голове, я царя не убью, если даже меня ждет наказание за это”. И он позволил ему бежать вместе со своими всадниками в албанскую страну”* (V, 4). В той же битве был сражен другой союзник персидского царя Шапура предводитель легов (леков) Шаргир, которого очевидно привел с собой алуанский царь Урнаир. *“В сумятице битвы Спандарат Камсаракан натолкнулся на большой отряд, в котором находился храбрый Шергир, царь леков, твердо державшийся во главе центра боевого строя. Напав на отряд, Спандарат рассек его, опрокинул и обратил в бегство и поверг храбреца на землю, словно пораженного молнией... Вместе с ними вытеснили с поля битвы и Урнаира, царя Алвани, израненного Мушелом, сыном Васака Мамиконеана”* (М.Х. III, 37).

3. Христианство и просвещение как “мягкая сила”. Ведущие державы того времени помогали армянам и иверам сдерживать натиск кочевых племен и горцев. Естественно, имперские нации, традиционно строившие отношения с другими странами на основе пре-

²¹ Средневековое племя, родственное хазарам и булгарам либо тесно связанное с ними. (Гадло 1979: 67-68; Новосельцев 1990: 84).

восходства, полагались больше на свою военную мощь, которая, вкупе с военной силой армян, иверов, некоторых, окультуренных алуанских племен (утии, гаргары и пр.), была эффективным инструментом сдерживания внешнего пролетариата. Однако, в кризисные для империй эпохи, армяне и окультуренные алуаны нередко оставались без поддержки извне, лицом к лицу с грозным врагом. Не имея достаточно ресурсов для военного противостояния северным номадам и горцам, армяне прибегали к стратегии так называемой “мягкой” или “умной силы”, чтобы усмирять северную варварскую стихию, как оружием, так и другими методами.

Особенно после раздела Армении 387 г. и прекращения Армянского царства в 428 г. свою стратегию правящие элиты Армении предпочитали строить на умении избегать фронтальных столкновений с варварами, применяя обходной маневр, косвенное воздействие, обеспечивая, тем самым, возможность взаимоперехода стратегического потенциала. Желая предотвратить возможные вторжения периферийных племен, правители Армении посылали горским вождям дары, заключали с ними династийные браки (типичный пример—брак Арташеса и Сатеник), вовлекали некоторые варварские племена, особенно их вождей, в сферу своего влияния, включали в армяноцентристскую модель “мира”, задабривая их, в расчете на позднейшее их подчинение, “перекраивание” и “переваривание” более высокой армянской культурой.²² Так была арменизирована значительная часть удин и гаргаров.²³ Используя различные стратегические технологии, армянские элиты вовлекали в свою систему иерархии одних варваров, чтобы с их помощью защитить свои границы от других варваров или иных своих врагов. Так Мовсес Каланкатуаци, со ссылкой на Мовсеса Хоренаци, повествует “...о войнах Артавазда с римлянами... когда [Артавазд] собрал многотысячное войско в Атрпатакане, то призвал также могучие племена с Кавказских гор, а также войска Алуанка и Иверии, двинулся в Месопотамию и с их помощью прогнал войска римлян” (1, VIII). В период восстаний 450-451 гг. и 481-484 гг. армяне, иверы, алуанцы отправляли посланников к степнякам и кавказцам за помощью в войне против Сасанидского Ирана. В 451 г., после того, как немногочисленный конный армянский отряд под командованием Вардана Мамиконяна, при поддержке алуанского войска, разбил под Халхалом армию персов и лпинов, “комендантом ворот” был назначен князь Вахан из рода албанских царей, ему “...поручено было идти в страну гуннов и другие земли варварские, помогающие гуннам, чтобы заключить с ними мирный договор и стать заодно против неприятеля” (Елише 1971: 79).

При этом взаимоотношения с прикаспийскими и кавказскими племенами строились не на основе симбиоза, который часто бывает паразитическим и выгодным лишь

²²“Христианизация закавказских стран имела важные последствия и для развития местной культуры. На рубеже IV-V вв. появилась армянская письменность, созданная Месропом Маштоцем. Не без его помощи были изобретены и национальные алфавиты в Грузии и Албании. Но если в Армении и Грузии почти сразу возникла богатая местная переводная и оригинальная литература разных жанров, то в Албании этого не случилось. На албанский язык были переведены Евангелие и некоторые другие книги, но просуществовала эта литература недолго. Причина в том, что так называемый албанский язык был языком населения не большой, в ту пору центральной области Албанского царства (вокруг столицы—Партава). В остальной части страны функционировали иные языки и наречия. В Албании, в отличие от Армении и Грузии, не сложилось единой народности, и последующие политические изменения привели к исчезновению едва народившейся албанской культуры” (*История Востока* 1997).

²³ Гукасян 1969; *История древнего мира* 1989: 286; Armenian History Attributed to Sebeos 1999: xii.

одной из сторон, а по принципу мутуализма, который зиждется на партнерских отношениях, хотя и не всегда паритетных. По сути, взаимодействие Армении и алуанских племен строилось по принципу *quid pro quo* и имело обоюдовыгодное значение. С появлением на политической арене тюрков, этническая картина в регионе стала меняться,²⁴ но в целом ролевое распределение между номадами и оседлыми народами осталось неизменным. То же касается северокавказских горских народов.

Для решения своих политических задач армянские элиты, по возможности, старались использовать возросшую военную силу номадов. Начиная с V в. армянская знать устанавливает тесные контакты с гуннским племенным союзом. Подобно тому, как некогда армянские Аршакиды, и особенно иверийские Фарнавиды, привлекали аланов и северокавказских горцев для давления на своих политических оппонентов, так же армянские нахарары в *период самоправия* (Маргарян 2007: 86-95; Маргарян 2008: 100-117) привлекали гуннов для борьбы с Сасанидским Ираном и империей Ромеев. Далеко не единственным, но очень характерным примером не только самоправия, но и использования номадов в качестве действенного политического инструмента, стала попытка призвать в регион гуннов накануне и во время антиперсидского восстания 449-451 гг. Так, в "Истории Армении" Лазара Парбеци приводится содержание письма Васака Сюни Вардану Мамиконяну, который, не веря в решимость армянских нахараров начать восстание против персов, намеревался со своей дружиной перебраться в Империю ромеев, и поступить на службу к императору, чтобы в составе имперской армии воевать против ненавистного Ирана. Однако фактический правитель Армении Васак Сюни убедил Вардана вернуться и возглавить армянское войско в грядущей войне против персов: "... *вернись, и мы направим послание императору, и вручим себя ему в услужение, и он уверится, что по собственной воле вручаем ему столь большой край как наш, с ликованием и по доброй воле пошлет нам войско. Они и мы, объединившись, создадим постоянные трудности владыке ариев и неариев. Если же император, рассудит иначе и не увидит* (в нашем мероприятии, Е.М.) *своей выгоды, не беда: в бытность мою марзпаном Иверии, когда ворота Алуанские были в моих руках, многие предводители гуннского войска²⁵ завели со мной дружбу, скрепив ее обетами и клятвами, и сегодня с клятвами приезжают ко мне. И все подати страны Армянской поступают мне, и все горцакалы под моей рукой, а также огромное состояние, которое я отъял у персидских горцакалов в Армении, все это в моей сокровищнице, и если часть этого пошло гуннам,*

²⁴В 70-х годах IV века гунны покорили аланов, а затем разгромили остготское государство Германариха. В начале VI в. на Северный Кавказ мигрировало гуннское племя савиров, которое ненадолго стало ведущей военной силой в регионе. В середине VI в. савиры были разгромлены аварами и потерпели поражение от Сасанидов, в результате чего часть савиров была насильно переселена в Прикаспийские степи. С осколком савирского объединения традиционно связывается "царство гуннов" (хонов), существовавшее в Дагестане в VII — начале VIII веков (*Кляшторный, Султанов 2009: 205*). Населявшие до прихода племен гуннского круга Прикаспий ираноязычные мазкуты и аорсы, а также народ камаки (кама, камариты), в результате военных, культурных и политических контактов интегрировались с тюркоязычными гуннами (Гадло 1979: 36). Несмотря на это, упоминания о мазкутах содержатся в источниках и в VII веке н. э., что говорит о сохранении ими своей идентичности. В Армянской Географии VII века названы три народа гуннского круга: гунны, базилы, савиры (Гмыря 1995: 97).

²⁵Как было убедительно показано Манасеряном (2011: 70-71), речь идет о военачальнике Атиллы, который в конце 440-х намеревался совершить поход в Переднюю Азию и завладеть Сасанидским престолом.

то выведу гуннов в таком количестве, что всей персидской земли им на добычу не хватит” (Р‘агрес‘і, II, 45, перевод наш, Е.М.).

Исследователями было верно подмечено, что в этом пассаже был допущен огрех переписчика, который ошибочно вместо названия Аланских ворот упоминает Албанские ворота (Манасерян 2011: 52-53). Это достаточно распространенная для своего времени ошибка. Даже, как было отмечено А. А. Кудрявцевым, “...в раннесасанидских надписях, где упоминаются Албанские ворота (Нахш-и-Рустамская надпись Картира в Иране), они имеют одинаковое написание с Аланскими” (Кудрявцев 1982: 50; Манасерян 2011: 52-53). И действительно, будучи марзпаном Иверии Васак Сюни мог контролировать только Аланские (Дарьяльские) ворота, блокировать их или наоборот пропускать через них в Переднюю Азию орды номадов и приблудившихся к ним северокавказских племен.

Начиная с IV в., главным инструментом окультуривания алуанцев и других лезгиноязычных племен Кавказа, аланов и даже гуннов, стало христианство. Большая часть горцев Кавказа не хотела менять образ жизни, и придерживалась прежних традиций, связанных с войной и культом силы, в противоположность им уже давно, попавшие в орбиту влияния армянской культуры элиты равнинного Алуанка с готовностью приняли христианство. Так, родом из этих краёв, армянский историк Мовсес Каланкатуаци (I, IX) повествует о том, как царь алуанцев узнав, о том, что армянский царь Тиридат III и его окружение приняли христианство, и крестили всю страну Армянскую, сам пожелал приобщиться к новой вере: *“Храбрый Урнайр, услышав обо [всем] этом, не стал [более] медлить ... со своими вельможами, нахарарами и множеством войск прибыл в Армению и предстал перед исполином Трдатом, царем [армянским]. Тот принял его по-братски, с любовью и радостью, ... при святом Григоре и всем множестве армянского войска. Поклонился царь ваш [Урнайр], встал на колени перед ним, обнял ноги его, припал к руке св. Григора, рассказал обо всех заблуждениях языческих и покаялся во всех прежних грехах, совершенных по неведению. Ободрил его святой Григориос пришествием Сына Божьего во плоти... И услышав об этом, царь ваш сам и все его войско, находившееся при нем, сорок дней предавались посту... И на пятидесятый день после того, как они уверовали в Святую Троицу и отреклись от дьявола и всех его дел, царь со всем своим войском вошел в пресвятую воду. И совершил над ними первосвященник обряд возрождения... В это самое время некоего мужа блаженного, родом из Рима, прибывшего [в Армению] вместе с царем Трдатом, тут же рукоположили в епископы и отправили [в Алуанк].*

*Так, преисполненный небесных благ возвратился Урнайр в страну Алуанк...”*²⁶

²⁶Думается, большой патриот Алуанка и Алуанской церкви, Мовсэс Каланкатуаци, сочинил эту красивую историю, дабы удревнить историю принятия христианства в Алуанке в качестве официальной религии и удревнить историю Алуанской церкви. Согласно версии Мовсэса, Алуанская церковь оказалась чуть ли не древнее Иверийской. Мовсэсу необходимо было показать, что христианство было получено алуанцами непосредственно из рук равноапостольного Григория Просветителя, и инициатором этого акта был храбрый царь Урнайр, родственник Тиридата Третьего Великого и других Аршакидов, потому Алуанская церковь является второй, после Армянской, а не третьей, после Иверийской, как было принято считать прежде. Армянская церковь после событий в VII в. уже не возражала против такой постановки вопроса и, скорее всего, дала свое согласие на пересмотр истории христианизации стран Предкавказского региона, ведь, ко времени написания “Истории страны Алуанк” (X в.), усилиями епископа Кюриона, Иверийская церковь уже отложила от Армянской и была почти поглощена Византийской, тем самым потеряв благорасположение иерархов Армянской Апостольской церкви.

В свою очередь в “Истории Армении” Фавстоса рассказывается о том, как еще при жизни крестителя армян равноапостольного Григория Просветителя, незадолго до того, как тот ушел в пустынь и стал отшельником, названный в его честь внук Григорис, едва достигший 15-летнего возраста, был рукоположен в епископы и стал первым предстоятелем церкви Алуанка (ок. 334 г.). Новый пастырь Армянской церкви Вртанес, отец Григориса, направил юного Пахлава в Восточный край для укрепления здесь позиций христианства. Многие сочли это назначение безрассудным, ибо задача, поставленная юному Григорису, была не по плечу даже многоопытным миссионерам, однако св. Григорий и Вртанес не пожалели юного отпрыска своего великого рода и бросили его в самое полыхающее языческой стихии.

Как это бывает, поначалу все шло хорошо. Пока Григорис пребывал в приграничных с Арменией областях, находящихся в сфере политического и военного влияния Великой Армении, успех сопутствовал ему. Однако, окрыленный первоначальным успехом Григорис решил развить его на территории области Маскут. Мовсес Каланкатуаци (1, VI) так описывает дальнейшие события: *“Что касается епископа Григориса, сына Вртанеса, брата Иусика, который был католикосом стран Иверии и Албании, то приняв свой сан, он еще в молодых годах построил и восстановил все церкви тех стран, вплоть до гаваров, граничащих с Атрпатаканом... Приведя в порядок и восстановив все церкви, находящиеся в той стороне, он прибыл в стан аршакидского царя мазкутов, имя которого было Санесан, ибо и их цари и армянские цари были одного и того же происхождения и рода. И он пошел и представился маскутскому царю, повелителю многочисленных войск гуннов, встал перед ними и стал проповедовать христово евангелие, говоря им: познайте Бога! Сперва они послушались, приняли и подчинились; потом же, когда они стали разбираться в христовых законах и узнали от него, что Богу ненавистны грабежи, хищничество, убийство, жадность, присвоение чужого, чужезаидство, страсть к чуждому имуществу, когда они сообразили это, то обозлились на его слова и сказали: “Если мы не будем похищать, если не будем грабить, если не будем отнимать чуждого имущества, то как же можем мы прокормиться с таким множеством войска?” И хотя он на тысячу ладов старался благорасположить их, но они его не хотели слушать, а говорили друг другу: “Он явился, чтобы такими речами лишить нас мужества, запретить нам добычу, которой мы живем; если мы слушаемся его и обратимся в христианскую веру, то чем нам жить, если по исконному нашему обычаю не садиться на коней? Но,—говорили они,—это делается по наущению армянского царя. Это он послал его к нам, чтобы этим учением пресечь наши грабительские набеги на его страну. Давайте изыдем его и совершим набег на Армению и наполним страну нашу добычей”.* И царь изменил свою мысль и внял словам

На самом же деле, официальное принятие христианства, скорее всего, следует отнести ко времени правления “десятого по счету царя Алуанка... боголюбивого царя Вачагана Благочестивого” (М. К. 1, XIV). Вачаган III Благочестивый был младшим братом Вачэ, сыном Азкерта (М. К. 1, XIV). Не случайно, что в самой древней, национальной редакции “Истории Армении” Агатангелоса, где описывается история крещения армян, нет даже упоминания ни самого царя Урнайра, ни страны Алуанк. Первые упоминания о том, что равноапостольный Григорий Просветитель послал проповедников в сопредельные Великой Армении страны иверов, лазов и алуанцев, встречается в более поздних редакциях “Истории” Агатангелоса, греческой и арабской (Агатангелос 2011: 10). Очевидно эти, более поздние интерполяции и были использованы Мовсесом Каланкатуаци при написании этого красочного фрагмента истории крещения алуанского царя Урнайра и его подданных.

своего войска. Тогда они поймали дикого коня, привязали юного Григориса к хвосту его и пустили по полю вдоль берега великого северного моря, за пределами своего лагеря, по полю Ватнеан, и таким образом они погубили добродетельного проповедника христового, юного Григориса. Затем люди, прибывшие с ним из гавара Хабанд, взяли его тело и перевезли в свой гавар Хабанд, находящийся в стране албанской, на границе Армении²⁷, в деревню под названием Амарас. Его похоронили около той церкви, которую построил дед Григориса, первый Григорий, великий первосвященник армянской страны. И каждый год народы этих стран и гаваров собираются в этом месте и торжественно празднуют день, посвященный памяти его подвига”.²⁸

Сразу после этого обозленный царь мазкутов Санесан развернул гонения на христиан по всему Алуанку. Мовсэс Каланкатуаци (2, V) сообщает о том, что за время проповеди в Албании, а также в Мазкутском царстве святитель Григорис приобрел себе учеников—это были сыновья царя мазкутов Санатрука (Санесана): Моисей, Даниил и Илия; “вместе с ними [были] и три тысячи восьмьсот семьдесят мужей. [Укрываясь от преследования], все они поспешили поселиться на горе Дизапайт и жили там, питаясь только травами. Преследуя их, сюда пришел Санесан и предал их мечу девятого числа месяца Навасарда”.

Возмущенный попыткой армян повлиять на образ жизни номадов и горцев, сменить их цивилизационную парадигму, царь массагетов “...проникся враждой к сородичу своему, армянскому царю Хосрову, и собрал... все войска,—гуннов, похов, таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов и гларов, гугаров, шичбов и чилбов, и баласичев и егерсванов, и несметное множество других разношерстных кочевых племен, все множество войск, которым он повелевал. Он перешел свою границу, большую реку Куру и наводнил армянскую страну. Не было числа множеству его конных полков и счета пешему войску, вооруженному палицами, так что и сами они не могли сосчитать свое войско... Они нахлынули, наводнили и затопили всю армянскую страну; разрушили, заполнили, вконец разорили ее и простерлись по всей стране до маленького города Сатал, до Гандзака, находящегося в пределах Атрпатакана. (Добычу и пленных) они согнали в одно установленное место, в Айраратском гаваре, где у войска образовался большой лагерь. И армянский царь Хосров уклонился от встречи со своим братом, то есть мазкутским царем Санесаном, и укрылся в сильной крепости Дарюнк в стране Ковг. С ним был также престарелый армянский патриарх Вртанес. Там они стали поститься и просить бога, чтобы он избавил их от этого лютого палача... А тот (Санесан), насильственно захватив всю страну, держал ее почти год. В это время поспел полководец Великой Армении Ваче, сын Артавазда, из рода Мамиконянов, который в то время совершал далекое путешествие по греческой стране. Он собрал храбрых из нахараров, составил весьма многолюдное войско и напал на лагерь (Санесана) в утренний час, во время богослужения. Они стояли лагерем на горе по названию Цдуглук. (Ваче) всех их предал мечу, никого в живых не оставил и отбил всех пленных. Затем он собрал добычу, продолжал поход и прибыл на равнину гавара Айрарат. Там он настиг в городе Вагаришапате мазкутского царя Санесана с коренным полком, с несметным множеством

²⁷Здесь необходимо сделать уточнение: ко времени, когда Мовсес Каланкатуаци (Дасхуранци) писал эти строки, упомянутые территории уже были отделены от Великой Армении Сасанидами и переданы Алуанку (Связян 2015: 48-57.).

²⁸Подробнее об этом см.: Mahé 2008: 34-35.

войск. Ваче со своим войском внезапно напал на город, и господь предал их в его руки. Когда враги увидели, что он напал на них, то выбежали из города и бросились на каменистое плато в сторону крепости Ошакан, уповая на пустынную и каменистую местность. Произошло крайне ожесточенное сражение, и соратники армянского полководца—Багарат Багратуни, Мегундак и Гарегин Рштуни, и Ваган, нахает рода Амадуни, и Вараз Каминакан – набросились, били, громили войска аланов и мазкутов, и гуннов, и других племен и все каменистое поле устлало трупами... Немногочисленные же остатки они гнали перед собой до страны баласичев. И голову великого царя Санесана принесли армянскому царю. А он, когда увидел, расплакался и сказал: “Братом он был моим, родом Аршакуни” ... Страна утихомирилась на некоторое время. Так они отомстили за святого Григория царю Санесану и его войску, ибо из них никто в живых не остался” (Фавстос Бузанд, 3, VII).

Мовсес Каланкатуаци в своей “Истории Алуанка” (1, XII) также описывает это сражение, однако в его версии Санесан упомянут под именем Санатрука: “А после смерти Трдата некий Санатрук воцарился в Алуанке в городе Пайтакаране и восстал против армян. Хосров, сын Трдата, призвал Антиоха с греческими войсками, Багарата с войском Запада и Михрана, бдешха Иверши... Антиох, взяв большую добычу и подати царские, возвратился к императору. Улучив время, Санатрук, по повелению Шапуна, собрал алуанское войско числом около тридцати тысяч воинов и вторгся в Армению. Один из полководцев его, копьеносец, великан безобразный, одетый в войлок, смело дрался в битве на скалистой местности близ Ошакана. Когда ему наносили удары оружием, оно не поражало [его], а отскакивало. Тогда храбрый Вахан Амадуни, взглянув на церковь, воскликнул: “Приди на помощь!” и, направив копьё в круп лошади его, повалил наземь страшного великана”. После этого войско врагов дрогнуло и обратилось в бегство.

Однако даже после разгрома и гибели царя мазкутов Санесана/Санатрука, и возобновления миссионерской деятельности в Алуанке гонения на христиан в этих краях не прекращались. Мовсес Каланкатуаци (1, XIV) приводит интересный эпизод: “В то самое время укрепленный город Цри восстал против царя Алуанка и подчинился персидскому царю. Пришли аргесцы и взяли город. Нашли там священника Даниела, служителя святых, рукоположенного св. Григорисом и отрока одного, чилба, найденного священником и возрожденного христианским крещением. Этот, слушая [проповеди] о вере Христовой, уверовал в Христа, принял христианское крещение и стал учеником священника, желая вести жизнь, достойную христианства. Бросив обоих в темницу, [аргесцы] пытками стали принуждать их поклониться пеплу и поганым дэвам. И когда не смогли насилем добиться своего, стали уговаривать отрока чилба, говоря; “Ты же человек из нашей страны, исполни нашу волю, и мы будем почитать тебя под нашей властью”. И блаженный ответил: “Лучше мне умереть во имя Христа раньше священника [сего], чем жить под кровом грешников”. Оба они немедленно были обезглавлены мечом и приняли венец блаженства и торжество победы прекраснейшего мученичества вслед за своим духовным отцом, отроком Григорисом. Некие сирийские иноки, подобрав их [тела], увезли в село Аку. Там похоронили их в могиле и на том месте построили монастырь. По сей день, говорят, там находятся мощи блаженных.

Случилось это при храбром Вачэ, царе Алуанка”.

Следует отметить еще одну причину, ради которой армянские миссионеры прилагали героические усилия и даже жертвовали жизнями. Дело в том, что IV-V вв. стали временем кризиса и внутреннего раздора Римской империи, одновременно пришли в движение варварские народы, которые разрывали средиземноморскую цивилизацию на куски. И хотя народы Передней Азии, и среди них армяне, оказались более жизнестойкими и, в отличие от Западной части империи, выстояли перед натиском варварской стихии, им тоже пришлось нелегко. Рим был не в состоянии оборонять дальние рубежи империи и ее союзников, Кавказский рубеж, вплоть до византийской эпохи, и вовсе был исключен из числа приоритетных задач. Сасанидский Иран тоже не всегда торопился помочь армянам и иверам, особенно после того, как те приняли христианство, все больше сближавшее эти страны с Римской империей. Наоборот, персидские владыки нередко натравливали кавказцев и кочевников на армян. Армени приходилось самостоятельно отбиваться от участвовавших набегов кочевников, играя, по сути, роль кордона между цивилизованными странами Передней Азии и северными варварами, в особенности после того, как в V-VI вв. на исторической арене появились турки.

Роль нахско-дагестанских и ираноязычных народов Северного Кавказа, а также ираноязычных прикаспийских кочевых племен в этом новом раскладе была еще не ясна. Ситуация могла повернуться в пользу той или иной стороны. Либо эти народы осознают свою принадлежность к Переднеазиатской восточнохристианской цивилизации и объединяются с армянами, иверами, персами и византийцами, и становятся частью северного лимеса, пограничного кордона, либо они вольются в разбойничью стихию новых степняков из южнорусских степей и сметут северные рубежи Переднеазиатской мир-системы.

В этих условиях необходимо было действовать гибко и оперативно, в первую очередь усилить цивилизационное давление на Албанию, а через нее на народы Северного Кавказа. Армянская церковь десантировала все новых миссионеров по ту сторону Куры. Однако, несмотря на все усилия, армянским миссионерам не удалось распространить христианство за близлежащие от Великой Армении области Кавказской Албании. Жители этих краев так и остались идолопоклонниками, колеблясь между различными монотеистическими религиями, лишь в XVIII-XIX вв., сделав окончательный выбор в пользу ислама.

Для дальнейшего распространения христианства армянским миссионерам необходимо было изыскать новые более действенные методы воздействия на северные народы. Исследователь языков и истории кавказских народов П. К. Услар писал: «Нет сомнения, что богослужение в горах никогда не совершалось ни на одном из туземных языков; посему смысл его всегда оставался непонятным для горцев» (Услар: 1869: 17). Имея за спиной более чем вековой опыт христианизации страны, армянские церковные иерархи и политическая элита осознавали, что слово Божье может проложить путь к сердцам местных жителей только через разум. Поэтому армянские миссионеры пошли уже испробованным путем, незадолго до этого утвердившим в Армении позиции христианства на века, а именно, совершить культурную революцию—создать для *«дикомыслящих, празднобродящих и суровых людей страны Агванк»* письменность. Предполагалось, что после перевода на местные языки Священного писания, жители

Северного края поймут суть его, проникнутся духом христианства и умиротворятся. Этот героический труд взял на себя инициатор перевода Библии на армянский язык, создатель армянской письменности Месроп Маштоц. Им были приложены огромные усилия для создания иверской и алуанской письменности.

Корюн (1962: 15) так описывает это важнейшее в истории Кавказа событие: *“Затем спустя некоторое время любимец Христа (Маштоц) позаботился также о варварских странах. И принялся он составлять письма на иверского языка, милостью, дарованной ему Богом. Начертил он, расположил и наладил, как надлежало, и, взяв с собою кое-кого из лучших учеников своих, пустился в путь и прибыл в края иверов. Тут он представился царю иверов, по имени Бакур, и епископу страны Мовсэсу. Царь и воинство вместе со всеми областями по Божьему велению покорно слушались его.*

И он, развернув перед ними свое искусство, наставлял и увещевал их. И все они обязались исполнить желание его (Маштоца). И (тогда) нашли одного переводчика иверского языка, мужа просвещенного и верующего, звали которого Джала. Затем царь иверов велел из разных областей и из разноплеменных гаваров своего владычества собрать отроков и отдать вардапету (на обучение)”. Далее он сообщает: “В это самое время приехал к нему некий иерей, алуанец по имени Бениамин. Он (Маштоц) расспросил его, расследовал варварские слова алуанского языка, затем своей обычной проницательностью, ниспосланной свыше, создал письма (для алуанцев) и милостью Христа успешно взвесил, расставил и уточнил”.

“И затем, после этого он простился (с иверами, Е.М.), чтобы отправиться в страну Алуанк. И поехал он в тот край, и прибыл в местопребывание царей, повидался со святым епископом Алуанка, звали которого Иеремией, а также с их царем Арсвалом и всеми азатами. Все они именем Христа покорнейше приняли его. И когда они спросили его, он изложил им цель приезда своего. И они—оба равные—епископ и царь, согласились принять эту письменность и издали приказ привезти из разных гаваров и местностей владычества своего отроков для обучения письменности, собрать их, распределить по группам в школах, в удобных и надлежащих местах и назначить содержание на (их) пропитание.

И когда это приказание на деле было претворено в жизнь и завершено, блаженный епископ Иеремия немедленно принялся за перевод божественных книг, с помощью которых (варварские), празднобродящие и диких нравов люди страны Алуанк вскоре узнали пророков, апостолов, унаследовали Евангелия, были осведомлены о всех божественных преданиях. Тем более, что богобоязненный царь Алуанка с прямотушной поспешностью отдал строгое повеление сатанинскому и предавшемуся идолам народу отречься от прежних суетных преданий и покориться наилегчайшему ярму Христа” (там же: 17).

Какие мотивы лежат в основе подвижничества Маштоца в Кавказской Албании? Прежде всего, христианское усердие, стремление обратить как можно больше язычников в христианство, бросить *“...их в горнило учения”*, соскрести, по образному выражению Корюна, *“с них зловонную ржавчину и грязь дьявольскую и суеверное поклонение идолам”* (там же: 15). Однако помимо очевидных, сугубо религиозных причин, была и политическая подоплека: усиление авторитета армянских церковных иерархов и как

следствие укрепление роли Армянской церкви в регионе, и что не менее важно— смягчение нравов народов Кавказа.

Как видно из приведенных отрывков, огромную роль в распространении Божьего слова в пограничных областях Армении и диких краях Севера сыграли армянские нахарары и должностные лица Алуанского и Иверского царств. Они оказывали всемерную поддержку армянским миссионерам.²⁹ Не будь ее, местные жители просто выдворили бы назойливых миссионеров из своих краев, а в случае чрезмерного рвения, миссионеры вполне могли удостоиться венца мученика за веру. Что побуждало алуанских царей оказывать армянским миссионерам столь рьяную помощь? На то, конечно, были свои причины: помимо христианского рвения и желания поддерживать дружеские отношения с армянским царем и церковью, цари Алуанка не могли не осознавать, что христианство сплачивает и стирает межплеменные различия, способствует укреплению власти и порядка, укреплению семьи и нравственности, усилению позиций царя в стране, распространению письменности и грамотности, повышению международного авторитета страны в цивилизованном мире, изживанию грубых языческих обычаев: кровной мести, человеческих жертвоприношений, кровосмешения,³⁰ многоженства. Все это было возможно, если народ верит в единого Бога.³¹

²⁹В книге Корюна перечисляются все активные деятели просвещения Армении, Иверии и Агванка первой половины V века. На этом поприще выступают государственные деятели (в Армении—царь Врамшапук, хазарпет Ваан Амагуни, ишханы Васак, Сюни, Вардан Мамиконян и др., в Иверии—цари Бакур, Арчил, князь Ашуша и др., и в Агванке—царь Арсвах и др.), церковные деятели (католиконы и епископы Саак, Мовсес, Еремия, Самуэл и др.). Здесь же упомянуты сирийские и греческие государственные и церковные деятели (импер. Феодосий, стрателат Анатолии, епископы Акакий, Пакидас, (Бабилас) Рабулас, патриарх Аттик и др.), принявшие участие в просветительстве всех трех стран. Наконец, здесь даны сведения о первых культурно-просветительских деятелях и их работе (Езник Кохбацци, Иоанн Пахнаци, Иосеп, Гевонд, Корюн, Джага, Вениамин, Ропанос и др.).

Все перечисленные деятели—люди одного поколения, современники, которые помогли друг другу, содействовали завершению великого дела по просвещению армян, иверов и агван.

³⁰См. главу “Стории страны Алуанк” Мовсеса Калакатуаци: “Сватовство и кровосмесительные браки нахараров Алуанка. Их предают проклятию” (2, ХХХII).

³¹При царе Вачагане Благочестивом (487—510) проводится активная христианизация населения и вообще наблюдается культурный подъём. Мовсэс Каланкатуаци сообщает: “[Вачаган] установил строгие наказания и пени тем, кто строил капища или занимался колдовством, или поклонялся каким-нибудь скверным кумирам, кто не хранил в целостности и неизменности порядки христианские. А если колдуны и чародеи, и жрецы после неоднократного наставления все же продолжали те же злосудные дела, то, подвергая ужасным пыткам, избивая прутьями, на привязи, приводили их к царскому двору, и царь их тяжело наказывал”. “Царь Вачаган III принялся разыскивать, преследовать и разузнавать злую секту персторезов, ибо у них (у чародеев, гадателей и жрецов) существовали секты человекоубийства” (1, ХVIII).

На этом борьба с языческими верованиями не закончилась, Вачаган развернул гонения на самых выраженных сторонников архаических культов – персторезов и беспочитателей и “много других лжеучений уничтожил он в Албании” (1, ХVIII). “[Затем] он взялся разыскать, обличать и расследовать дела злой секты персторезов и отравителей, ибо это были секты, губящие людей...

Царь хватал их и, [подвергая] страшным пыткам, истреблял в своей стране. Он искоренил в Алуанке и других вредных суеверов и разбойников, как это делает заботливый и трудолюбивый земледелец” (1, ХVIII).

“Вачаган повелел собирать детей колдунов, чародеев, жрецов, персторезов, отравителей и отдавать их в школы, обучать божественной вере, и жизни христианской, дабы утвердить их в исповедании Троицы, направлять по пути богопочитания их отцовский неверующий род.

Многих же отроков он собрал в своем собственном селении Ростак, выделил им на пропитание и назначил над ними учителей, приказав обучить их и сделать знатоками христианских порядков.

И каждый раз, когда царь приезжал в свое селение совершать богослужение в память святых, он заходил и в школу, собирал вокруг себя детей колдунов и жрецов, и те окружали его большой толпой,

Вместе с тем, местная знать и армянские вельможи имели свои интересы. Население этих краев от века отличалось беспокойным, строптивым нравом, корни которого кроются в неизжитых родоплеменных отношениях и слабо выраженной социальной дифференциации. Что касается живущих вперемишку с туземным населением армянских поселенцев, составляющих значительный процент не только на правом, но и на левом берегах Куры, то и они, подобно всем жителям пограничья, тоже выделялись вольнолюбием и упрямством. Как правило, на север переселялись люди буйные и ослушливые. Однако армянские нахарары и быстро феодализирующаяся верхушка албанского общества стремились любой ценой урезонить “буйную чернь”, заставить ее поубавить норы. Методы принуждения не всегда оказывались действенными, поэтому армянские и албанские князья связывали определенные надежды с распространением христианства в этих краях, ведь христианство призывает хозяев к милосердию и смиренномудрию, а простолюдинов к кротости и покорству. В Послание Иакова сказано: “...*Бог гордым противится, а смиренным дает благодать*” (Иак. 4:6).

Корюн (1962: 10) утверждает, что Маштоц и его ученики преуспели в своих начинаниях, им удалось смягчить нравы даже в стране маров, и направить местных жителей на стезю праведности и христианского послушания: “*Вскоре (Маштоц) получил повеление царя начать (обучение) с диких (жителей) краев маров, которые были труднодоступны не только из-за дьявольско-сатанинских чудовищных нравов, но также из-за весьма ломанного и грубого языка. Долгие годы, взявшись за воспитание многих отроков, они (Маштоц и соратники его) сделали их ясноговорящими, красноречивыми, образованными, познакомили их с мудростью, дарованной Богом. И так глубоко они вникли в законы и заветы (господа), что даже вовсе вышли из своего прежнего естественного (грубого) состояния*”.

Однако основная опасность для Армении и сопредельных стран все же исходила из более отдаленных мест на севере—из Евразийских степей. Подобно тому, как сорвавшийся с обрыва камень провоцирует камнепад, так набеги кочевых народов “подталкивали” другие кочевые племена и кавказских горцев, которые лавинообразно неслись на юг, оставляя за собой обезлюдившую выжженную землю. Естественно, что элиты Переднеазиатского региона в наибольшей степени были заинтересованы в умиротворении евразийских номадов, ибо, как уже говорилось, горцы в состоянии объединиться лишь под давлением внешних факторов: по собственной инициативе они совершали хоть и частые, но локальные набеги, причем далеко не всегда успешные.

Как и следовало ожидать, армянские элиты пытались применять в отношении номадов те же методы, что и к другим народам севера—христианизацию и окультуривание варварских народов. Характерным примером является история миссии армянского епископа Кардоста в стране гуннов, сохранившаяся в сирийской хронике Захария Ритора Метиленского, известного также под именем Псевдо-Захарий. Он повествует о том, как “*епископу земли Аран*” по имени Кардост, “*что переводится по-гречески Теоклетос, а по-арамейски “призванный Богом”*”, явился ангел и направил его с группой христианских проповедников в “*пределы гуннов*”. “*...Сказал им ангел: “Пойдите, вступите в область (языческих) народов и крестите детей мертвых,*

кто с книгами, кто с псалмами в руках. Тогда царь приказывал им громко читать хором, а сам слушал и, радуясь, гордился ими больше, чем человек, нашедший огромный клад” (1, XVIII).

поставьте им священников, дайте им таинства, подкрепите их. Вот я с вами, сделаю вас там любимыми, вы будете делать там среди (языческих) народов знаменья и вы найдете все, что требуется для вашего служения” (Пигулевская 1941: 166). Пройдя через труднодоступные горные перевалы и кубанскую степь, проповедники проникли в кочевья гуннов. Здесь они стали помогать гуннским невольникам, стараясь облегчить их участь, лечить и кормить всех нуждающихся. “... И в земле, где нельзя найти покойного местопребывания, находили эти семь мужей священников из вечера в вечер семь хлебов и кувшин воды... Когда они прибыли, они говорили с пленными, многих окрестили и обучали (некоторых) из гуннов. Они оставались там семь лет (буквально “неделю годов”) и выпустили там писание на гуннском языке” (там же: 166). По сути, Кардост и его помощники создали гуннскую письменность, и осуществили переводы на гуннский язык церковных книг.³²

Не совсем понятно, какую письменную систему использовал Кардост, переводя фрагменты Священного писания на гуннский. Поскольку Кардост был армянским епископом из Алуанка, логично будет предположить, что использовал он хорошо знакомую ему письменность – армянскую или, что более вероятно, алуанскую. Едва ли Кардост и сопровождающие его клирики, стали бы использовать письмо, которым сами не владели, или владели плохо. Однако в литературе встречается предположение, о том, что при переводе фрагментов из священного писания Кардост использовал раннюю, дославянскую (так называемую “круглую”) форму глаголической (глаголицкая) письменности, которую в Европе принято было называть “готским письмом”.³³ По мнению Гамкрелидзе и Лолуа, готское письмо, как и глаголица, внешне были похожи на хуцури—раннюю форму письма, созданную Месропом Маштоцем для грузин (Гамкрелидзе 1989). Другие исследователи видят больше сходства между глаголицей и сирийской “эстрангело” (которая дала затем несколько производных: яковитскую, несторианскую, мандейскую, уйгурскую и др.), а также коптской, эфиопской, армянской и нубийской письменными системами. Вместе с тем, мы не исключаем вероятность того, что в основу алуанской и савирской письменностей, были положены так называемые *даниеловы письма*, которые, согласно Корюну, Месроп получил от сирийского епископа Даниела и некоторое время пытался приобщить к ним своих учеников. Скорее всего, это письмо, подобно эфиопскому, было слоговым и не миссионерским, и даже дохристианским. Такие письменные системы применялись для тайнописи внутри жреческой касты в некоторых странах Передней Азии. Возможно поэтому и из-за неоправданной сложности этой слоговой письменной системы Маштоц, в конце концов отказался от нее в пользу созданной им самим алфавитной и миссионерской письменности (о миссионерской сущности армянского письма свидетельствуют многие графемы армянского алфавита и их расположение в алфавитном порядке).

Некоторые исследователи полагают, что Кардост проповедовал христианство среди гуннов-савир (и находящихся у них пленников-зороастрийцев из Амида и

³²Подробнее об этом см.: Adonc 2006: 189-197; Пигулевкая 1939: 114-115, 166-167; Stein 1950: 1326; Ulubabayan 1979: 96-104.

³³На соборе епископов Далмации и Хорватии в Сплете в 1509 г. говорилось о том: “...что готские письма были придуманы неким еретиком Мефодием, который на этом самом славянском языке написал много ложного против учения католической веры; из-за этого, говорят, он был Божьим судом наказан скорой кончиной” (Фома Сплитский 1997: 48).

рожденных в неволе детей, некрещенных и неграмотных), ведь именно их становища ближе всего располагались к Дербенту.³⁴ Среди спутников Кардоста не все были священнослужителями, помимо клириков “...с ними пошли четверо других”—скорее всего, переодетые в монашескую одежду эмиссары, имевшие, помимо христианизации и окультуривания гуннов, и другие цели. Обращает на себя внимание то, что Кардост со своими спутниками “...не вошли в ворота (Дербента, Е.М.), но были проведены через горы” (Пигулевская 1941: 166), очевидно через труднопроходимые тропы Халтанского перевала, по которому позднее прошел другой продолжатель его дела, епископ Исраэл (Акопян 2015: 139). Это означает, что Кардост и его спутники не желали, чтобы о миссии знали в зороастрийском Иране. Возможно, они опасались, что миссию развернут, как это не раз будет происходить, спустя полтора столетия, во времена арабского владычества, когда путь христианским проповедникам через Дербент будет наглухо закрыт и будут создаваться условия наибольшего благоприятствования для мусульманских проповедников. Но если о миссии ничего не знали в Ктесифоне, то, конечно же, хорошо были осведомлены в Армении и Алуанке, и не исключено, что знали в Византии.³⁵ Можно предположить, что армяне и алуанцы не оставляли попыток использовать гуннов для борьбы с Ираном, и в степь, для тайных переговоров, были посланы эмиссары из Армении и Алуанка, возможно и из Иверии, ведь путь в “пределы гуннов” пролегал через восточные границы этой страны. Мы лишь отчасти согласны с Н. В. Пигулевской, считавшей, что Кардоста и его миссию направила в “пределы гуннов” “рука Византии”. Мы склонны считать, что за Кардостом стояли армянские политические элиты и церковные круги Армении, Аррана и возможно Иверии. Захария Мелитенский вообще считает Арран и Гурзан частью Армении.

Не станем отвлекаться на дискуссию о том, был ли армянский священник “Кардост, что переводится по-гречески Теоклетос, а по-арамейски “призванный Богом” Месропом Маштоцем. По мнению Л. А. Тер-Петросяна и Р. А. Габриелян, Кардост и Маштоц—одно и то же лицо, с одним именем, но на разных языках (Ter-Petrosyan 1981: 107–119), чьи ученики, или ученики учеников дошли до “пределов гуннов” и продолжили там миссионерскую традицию, заложенную их учителем. Ясно одно, миссионерская традиция, заложенная Григорием Просветителем и Рипсимянскими девами, Григорисом Отроком, Маштоцем и его учениками, не прекращалась на протяжении многих столетий.

³⁴Псевдо-Захария в “пределах гуннов”, локализуемых им за Каспийскими воротами, к северу от них, упоминает 13 народов: “Авгар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сирургур, бапрасик, кулас, абдел, ефталит—эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием...” (Пигулевская 1941: 67).

³⁵В Истории Захарии Мелитенского по этому поводу имеется примечательный пассаж: “Случилось в то время, что был послан туда Пробос с посольством от императора, чтобы купить из них воинов для войны с (языческими) народами. Когда он узнал относительно гуннов от этих святых и был осведомлен относительно пленных, он весьма возревновал и пожелал повидать их. Он увидел их, был ими благословлен и очень почтил их в глазах этих народов. Когда наш император узнал от него относительно события, совершенного так господом, как выше описано, из городов под ромейской державой, расположенных поблизости, было погружено 30 мулов, и он послал их с пшеницей, вином, маслом, льном, другими плодами и священной утварью. Мулов он дал им в подарок, так как Пробос был муж верующий, мягкий и был усерден в таких добрых делах, как это” (Пигулевская: 166-167). Либо император заранее знал о миссии Кардоста (не исключено, что среди четырех мирян в миссии Кардоста были и его эмиссары), либо ему донесли о деятельности проповедников, и он, будучи заинтересован в успехе миссии, приказал своему чиновнику Пробосу поддержать ее материально, чтобы монахи не свернули с начатого пути.

Насколько миссия Кардоста была успешной трудно судить. Едва ли он сразу добился больших успехов в христианизации и окультуривании гуннов. Но армянские монахи во все времена отличались настойчивостью и упорством в достижении целей, достаточно вспомнить Месропа Маштоца. *“Через 14 лет (буквально “две недели лет”) он (Кардост, Е. М.) ушёл, и был другой армянский епископ по имени Макара, он был хорошо подготовлен и вступил (туда) по своей воле, вместе со священниками. Он построил церковь из кирпичей,³⁶ (Thesaurus syr. II, ст. 1886), насадил растения, посеял различные семена, совершил знаменья и многих крестил. Когда властители этих народов увидели что-то новое, они очень удивились и обрадовались мужам, почтили их, и каждый звал их в свою сторону, к своему племени и просил, чтобы они были ему учителями. И вот они там до настоящего времени”* (Пигулевская 1941: 166). Для народа, “живущему в палатках” (там же: 165), строительство кирпичных строений было делом исключительным и поражало воображение.

Ситуация не изменилась и в годы арабского владычества. Армянские проповедники продолжали свою миссионерскую деятельность, медленно, но уверенно распространяя армянское апостольское христианство, и вместе с ним армянское влияние на север. На это указывает факт принятия в VII в. христианства Алп-Илитвером, великим князем Савира, расположенного, как уже отмечалось, на территории современного Дагестана, с резиденцией в Варачане (Беленджер). Алп-Илитвер был вассалом хазарского кагана. Он, не единожды совершал набеги, в основном, на Алуанк и Джурзан (Грузия), входящие в состав Армянского наместничества Арабского халифата (Тер-Гевондян 1977: 50-51, 80; Шагинян 2008: 68-85), со столицей в Двине. Характерная деталь: алуанцы, до принятия христианства и постепенной арменизации разношерстных алуанских племен, сами совершали набеги на Армению, теперь же они сами превратились в объект набегов северных народов, превратившись в своего рода кордон между Арменией и северянами.

В 664 г. Алуанк подвергся очередному бандитскому набегу гуннов из Савира, князь Джеваншир был разбит и, согласно неизвестному автору “Истории страны Алуанк” (X в.), запросил мира у Алп-Илитвера. Тот откликнулся на просьбу и даже вернул часть захваченной в Алуанке добычи и многих пленных. Взамен Джеваншир признал вассальную зависимость от “великого князя хонов”, и женился на его дочери. После убийства ишхана Алуанка Джуаншира знать этой страны избрала правителем племянника убитого Вараз-Трдата. Дабы отомстить за убийство зятя, разгневанный Алп-Илитвер вторгся в пределы Алуанка, но посланный навстречу ему Вараз-Трдатом католикос Алуанка Елиазар сумел убедить владыку савиров в непричастности нового албанского князя к убийству дяди.

Дабы оградить свою страну от повторного нашествия, Вараз-Трдат отправил к Алп-Илитверу посольство во главе с епископом гавара Мец Колманц (Мец Куенк) по имени Израэл. Поездка Израэла была согласована с армянским католикосом Сахаком III Дзорапоречи (677–704) во время аудиенции, данной ему предстоятелем Армянской церкви в Святом Эчмиадзине, и одобрена правителем Григором Мамиконяном (662/3–685). *“На шестьдесят втором году южного царств надменного Магомета Вараз Трдат,*

³⁶Живущие в юртах, кочевники-гунны были непривычны к такому виду стационарных сооружений, однако позитивно отреагировали на разного рода культурные новшества, вводимые армянскими священниками (См.: Артамонов 1962: 94).

князь Адуанка, посоветовался с нахарарами—родичами своими и католикосом Елиазаром и сказал: “Эти подати, которыми обложило нас лютое племя тачиков, слишком уж тяготеют и теснят нас. Другое невыносимое бедствие для нас—это набеги полчищ гуннов на нашу страну, повторяющиеся из года в год. Так, насилие неприятелей с двух сторон разорило и опустошило нашу страну. Давайте, близкие мои и любимцы, изберем епископа одного из нашей страны и отправим его к [этим] двум государям для нашего же спокойствия, чтобы он с Божьей милостью склонил их к миру и нерушимой дружбе с нами, чтобы мы не смотрели на них с опасением и враждой”.

И когда все князья и нахарары согласились с ним, тут же выбрали мудрого и скромного епископа гавара Мец Колманк по имени Израэл и настоятельными просьбами [уговорили] отправиться [к гуннам]. И так как своей благопристойной жизнью и мудростью души он истинно отличался среди всех остальных и умел завоевывать души других и не преступал заветов покорности и любви, то он согласился немедленно двинуться в путь в далекую страну гуннов” (Мовс. Каланк. 2, XXXIX).

Преодолев нелегкий путь (см. подробно, Акопян 2015: 139), Израэл, в конце концов, достиг Варачана—высокогорной летовки гуннского вождя (см. Еремян 1939: 134) и встретился с Алп-Илитвером, который встретил его с большим почетом и неподдельным уважением. В конце 684 г. епископ Израэл склонил Алп-Илитвера и многих савир к принятию христианства, после чего, Алп-Илитвер и его вельможи, с присущим неопитам рвением, приступили к искоренению язычества в Дагестане. Разрушили языческие капища, срубили священные рощи и жестоко расправились со служителями старой религии—жрецами и кудесниками,—их сожгли на кострах, при дорогах. Вместо старых объектов поклонения были воздвигнуты новые: из священного дерева был сделан громадный крест, разукрашенный изображениями животных и блестящими крестами, которому и должны были теперь поклоняться новообращенные, вместо дуба. Был утвержден айрапетский престол, то есть основана самостоятельная церковь с айрапетом-католикосом во главе. “Он старался постепенно прекратить иступленный плач над мертвыми и бешеную резню и, поняв, что отечественные верования скверны и отвратительны, он дал перед всеми обет [разрушить] капища Аспандиата запретить жертвоприношения другим языческим богам и повелел поклоняться только живому Богу, Творцу небес и земли, а также Сыну Единорожденному и Духу равносильному. Выбросив вон из головы своей всю скверну зла, он, как младенец новорожденный, жаждал цельного молока. Во многих местах он воздвигал церкви и умножал почести священников Божьих” (там же: 2, XLI).

Согласно Мовсесу Каланкатуаци и др. источникам, Алп-Илитвер провозгласил христианство единственной государственной религией в Великом княжестве Гуннском и позволил Израэлу при дворе установить Крест, торжественно освященный им же в день (пасхального) сочельника, который в 682 г. по армянскому канону приходился на 29 марта. Так, хотя еще за полвека до этого позиции Армянской церкви пошатнулись в большей части соседней Иверии и Алании, но на Восточном Кавказе и в Поволжье – в Великом княжестве Гуннском и далее на север, в сопредельных областях Хазарии армянские миссионеры достигли значительного успеха. Предпринятая Алп-Илитвером эта грандиозная религиозная реформа имела целью укрепить государственную власть в Гуннском княжестве, цивилизовать, насколько это возможно номадов и Северокавказских

горцев, чьи тейпы находились в подчинении гуннского вождя, и создать своего рода Гуннскую национальную церковь с автокефальным патриархатом. Видимо Алп-Илитвер в лице армянского христианства желал получить идеологическое оружие в борьбе за полную государственную независимость от языческой Хазарии (см. Новосельцев 1990: 147), одновременно противопоставив себя мусульманскому Халифату и халкидонитской Византии. Молодые государственные образования того времени стояли на перепутье, стараясь выбрать для себя оптимальную монотеистическую конфессию: одни выбрали халкидонизм, другие иудаизм (хазары), третьи ислам, а иные остановили свой выбор на католической конфессии. Большую роль в выборе конфессии играли проповедники, их талант и настойчивость. Возможно, деятельность Исфаэла, во многом предопределила конфессиональный выбор гуннской элиты княжества Савир. Алп-Илитвер проникся уважением к армянскому епископу алуанской церкви, находившейся в вассальной зависимости от Армянской Апостольской церкви. Именно его он захотел возвести на патриарший престол Савира. Имея такого харизматичного лидера как Исфаэл, через какое-то время гуннская церковь непременно выровнялась бы в статусе с Алуанской, и стала бы продвигать армянское христианство дальше на север, в кочевья других тюркских народов—булгар и хазар и пр.

И все же, несмотря на первоначальные успехи, юридически гуннской церкви еще не существовало. Очистив страну от язычества и создав “плацдарм” для распространения христианства в своей стране, Алп-Илитвер направил посольство к ишхану Алуанка и католикусу этой страны во главе со своими вельможами Итгин-хурсан и Чат-хазр, с просьбой об установлении в Стране гуннов епископства и о назначении главою гуннской церкви епископа Исфаэла, уже немало потрудившегося на ниве распространения христианства в восточном Дагестане. Однако Алуанская церковь находилась под юрисдикцией Армянской Апостольской церкви и была неправомочна самостоятельно решать столь важные вопросы, как учреждение новой епархии, и тем более айрапетства (патриаршество), только католикос Армении, согласно сложившейся на тот момент иерархии, мог принимать такие решения. Поэтому посольство также снабдили письмами к католикусу Армянской церкви и ишхану Армении.

Однако послы Алп-Илитвера не сразу получили то, зачем приехали, вначале ишхан Вараз-Трдат и католикос Алуанка Елиазар, под благовидным предлогом отвергли кандидатуру Исфаэла, несомненно, следуя указаниям из Эчмиадзина: “Он (Исфаэл, Е.М.) не может оставить совсем доверенную ему Богом паству и быть с вами” (Мовс. Каланк. 2, XLV). Взамен послам был предложен другой кандидат, надо полагать, более приемлемый для Эчмиадзина и Партава. Однако посланники Алп-Илитвера возмущенно отвергли это предложение, и продолжили настойчиво просить отпустить с ними в Варачан епископа Исфаэла. Наверняка в их просьбе содержалась и скрытая угроза: “Недовольные [отказом, они все же были вынуждены] согласиться и сказали: “Пусть же не медлит посетить нас [Исфаэл], чтобы не рушилась у нас уже заложенная им основа веры, и мы не остались сиротами, ибо мы не будем слушаться другого **вардапета** и не подчинимся ему”, да и сам “блаженный епископ [Исфаэл] по приветливому нраву своему добровольно согласился поехать к гуннам” (там же). Армянским и алуанским духовным и светским владыкам ничего другого не оставалось, как согласиться с требованием гуннов. Чтобы сохранить лицо, в сложившейся ситуации,

было найдено компромиссное решение. *“Но мы велим ему, чтобы он, по мере сил своих, приезжал к вам и возвращался и утвердил вас в вере Христовой, и сохранил нерушимую любовь, которая установлена между нами. На это мы согласны, ибо, будучи посредником между нами и вами, он положит конец вражде, и утвердятся любовь и мир между нами”* (там же). В ответном письме гуннам говорилось: *“И хотя мы и наша страна далеки от вас телом, но любовью сердца нашего мы как бы видим вас рядом с нами. Что же касается вашей просьбы отправить к вам епископа Исраэла, то это трудное дело, ибо не может же паства остаться без пастыря. Теперь вот нам тяжело и трудно не исполнить просьбы вашей, но есть причины тому: он же под властью престола не нашего, но престола Алуанка. Мы хотели бы и согласны, чтобы он всегда был с вами, но право и власть над ним имеет наш сопрестольник Елиазар, **хайранет** Алуанка. Это его дело”* (там же: гл. XLV).

Надо полагать, в Эчмиадзине и Партаве хотели иметь в Варачане не самостоятельного **хайранета**, хоть и вассального Эчмиадзинскому католикосу, как предстоятель церкви в Алуанке, а послушного назначенца из ближайшего окружения армянского католикоса. Однако думается, это не могло быть гарантией преданности Эчмиадзину. Достаточно вспомнить пример иверийского патриарха Кюриона, которому некогда бесконечно доверял его наставник и покровитель, армянский католикос Мовсес Ехвардеци (575-604). Именно он назначил Кюриона вначале канцлером католикосской службы Армянской Апостольской церкви, а после того, как скончался преданный Армении и Армянской церкви престарелый католикос Иверии, по рекомендации и активной поддержке Мовсеса Ехвардеци, в 598 г., Кюрион был избран новым католикосом этой страны. Вначале Кюрион скрывал враждебные намерения в отношении Армянской церкви, да и сам престарелый католикос отказывался верить донесениям Цуртавского епископа о том, что его любимец Кюрион готовит заговор: ведет переговоры с картлийской знатью и византийскими эмиссарами. Едва дождавшись смерти Мовсеса Ехвардеци, не дожидаясь избрания нового католикоса армян, Кюрион отделил грузинскую церковь от армянской, объявив ее халкидонитской. После этого грузинская церковь попала под влияние греческой церкви, став, по сути, ее частью. Едва ли этнический армянин Исраэл пошел бы по этому пути, и стал бы плести заговоры против армянского и алуанского католикосов с целью отъединить Гуннскую церковь от материнской Армянской церкви, да и сам Алп-Илитвер нуждался в союзниках в грядущих столкновениях со своим бывшим сюзереном хазарским хаканом. Но как сложились бы обстоятельства в случае победы Алп-Илитвера и обретения им полного суверенитета, трудно сказать.

Так или иначе, планам Алп-Илитвера не суждено было сбыться. Хазарский хакан, обеспокоенный тем, как развиваются события на Кавказе и в Армении (особенно его раздражали новости об учреждении Армянской дочерней церкви в Савире), организовал нашествие степняков, во время которого погиб ишхан Армении Григор Мамиконян и многие его соратники. Крещеные гунны не смогли стать заслоном на пути тюрок из приволжских степей. Попытка Алп-Илитвера создать независимое владение в пределах Приморского Дагестана при поддержке армян и алуанцев, также провалилась. Едва началось хазарское вторжение, Алп-Илитвер, напуганный его размахом, чтобы сохранить жизнь и престол пошел на попятную, и со своими конниками присоединился к хазарскому

войску, вторгшемуся в пределы Иверии, Алуанка и Армении. Одновременно он отказался от христианства и реставрировал язычество. Так окончилась неудачей еще одна попытка утвердить христианство у прикаспийских номадов, и учредить в Дагестане автокефальную церковь.

Помимо политических и прочих факторов, о которых говорилось выше, распространению христианства среди гуннов помешала их неготовность к принятию какой-либо монотеистической религии и сопутствующих новых идей, и цивилизационных ценностей. Говоря о неудачной попытке распространения христианства среди хазар, болгар и гуннов А. П. Новосельцев справедливо отмечал: “Очевидно, в этом не было необходимости. Языческая Хазария вела успешно (полностью или частично) войны, которые обогащали хазарскую знать добычей, и старые языческие боги, с точки зрения этой знати, прекрасно выполняли свою роль” (Новосельцев 1990: 170). Так, спустя три с половиной столетия в прикаспийских степях трагедия повторилась, история, в очередной раз, наступила на те же грабли. Только теперь армянским миссионерам не удалось обратить в христианство другой кочевой народ—гуннов, пришедших на смену маскутам (мазкутам).³⁷ Причина все та же—нежелание отказываться от разбойного образа жизни, кардинально менять культурную парадигму.³⁸ В ответ на успешные действия армянских проповедников кочевники отвечали очередным разрушительным набегом, имевшим для Армении и Алуанка тяжелые последствия.

Попытки обратить в христианство номадов и горцев совершали и другие христианские нации. Так, в 548 г. послы готов-тетракситов явились в Константинополь с просьбой дать им епископа. В VI в. под влиянием византийских и грузинских проповедников началась христианизация Алании. В VIII в. в период арабо-хазарских войн за Северо-Восточный Кавказ империя предпринимала попытки распространить христианство в Хазарии и тем самым подчинить себе каганат. В конце VIII в. в Крыму Византия учредила Готскую митрополию, в которую вошло семь епархий, находившихся на хазарской территории. Но желание отторгнуть от каганата Крым и Боспор, где ромеи постоянно интриговали против хазар, явно не способствовали расположению кагана к христианству. После арабо-хазарских войн эти противоречия стали отчетливо проявляться и способствовали принятию иудейства как официальной религии каганата.

Начиная со второй половины VII в. христианство повсеместно начинает терять позиции, а миссионерство идет на убыль. Виной тому, на наш взгляд—раскол вселенской церкви и недалновидная политика византийских императоров и иерархов греческой церкви, крайне ревностно относившимся к успехам армянских проповедников и активно проводивших подрывную политику против армянских миссионеров. Так или иначе, не

³⁷Лишь небольшая часть маскутов (гуннов) была христианизирована, и получила название хечмитаки или хачматаки (от армянского “хач”—крест), и долгое время придерживалась армянского вероисповедания. Они осели в прикаспийской низменности у самого подножья Дагестанских гор и основали город Хачмас, ныне самый популярный курорт в Азербайджане.

³⁸“И все же вполне допустимо, что именно Алп-Илитверу, первокрестителю Кавказской Гуннии был установлен предками памятник на его родине в Варачане. Это подтверждается кумыкскими преданиями, согласно которым вблизи Карабудахкента находилась каменная статуя, представлявшая собой всадника, в полном вооружении сидящего на жеребце. Всадник держал три пальца правой руки на лбу, как будто для того, чтобы креститься. Кумыки рассказывали, что статуя эта представляет эрмели (христианина), который обратился в камень, когда мусульмане хотели его убить” (*Дагестанские сказки* 1882: 140).

только победы арабов сказались на ослаблении христианства и обеспечили триумфальное шествие ислама в VII—начале VIII вв.

Мы вовсе не считаем самоотверженную деятельность армянских миссионеров донкихотством. История знает немало случаев успешной миссионерской деятельности, приведшей к внедрению и утверждению новой религии и вместе с ней новых цивилизационных ценностей. Большую роль, при этом, в укоренение новой религии играло переведенное на родной язык священное писание. Достаточно вспомнить христианизацию болгар и сербов, успех которой был во многом обусловлен переводом с греческого на старославянский Библии и другой церковной литературы. После обращения болгар и сербов, набеги южных славян на внутренние области Византии практически прекратились, сами же славяне и поволжские булгары перешли к оседлому жизни, став заслоном для Византии на ее западных границах. Точно также варяжские дружины киевских князей прекратили набеги на Царьград и Крым после того, как в Киев с Византии пришло христианство и старославянское письмо.

Армянская миссионерская традиция всегда отличалась адаптационизмом. По сути, любую миссионерскую традицию, не навязывающую новообращённым народам свой язык, письменность и культуру, пытающуюся создать для новообращенных свою письменность и перевести с ее помощью на местные языки Священное писание и другую религиозную литературу, можно назвать адаптационистской.

Триумфальное шествие арабов в регионе в значительной степени ослабило позиции христианства и убило зороастризм. Буквально за пол столетия после установления власти арабов Иране ислам стал если не единственной, то доминирующей религией в стране. В это же время начинается дехристианизация Алуанка. Столица страны—Партав—превращается в опорный пункт арабов в регионе. Сюда из Двина они переносят административный центр наместничества Арминийа. Армянский перестает быть официальным языком Алуанка, вытесняясь арабским и персидским. Город становится преимущественно мусульманским, хотя гонений на армян и армянскую церковь в Алуанке тогда еще не было. Дехристианизация лезгиноязычных народов Алуанка, даже удин и хачматиков, имеет лишь одно объяснение—христианство не успело пустить корни в Алуанке и оставалось чуждой непонятной религией для большинства племен, проживавших в этой стране. То же относится к алуанской письменности, которая по мере исламизации местных народов вытеснялась арабским письмом (кстати, тоже не получившим большого распространения среди местного населения). История показала, что алуанская письменность, созданная Маштоцем для перевода Священного писания и приобщения кавказских народов к христианским ценностям, оказала безусловно позитивное влияние на коренные народы, жившие вперемешку с армянами, в бассейне Куры, вплоть до предгорья Большого Кавказа. Но на культуре и образе жизни непосредственно кавказцев и прикаспийских номадов христианство почти не отразилось. Они просто не нуждались в каких-либо изменениях в своем образе жизни. Жители края, по сути, не созрели для перехода от гомогенного родового общества к социально дифференцированному, и к соответствующим переменам в способе мышления. Дело в том, что усложнение социальной структуры в позднеродовом и раннеклассовом обществе предполагает усложнение человеческой деятельности и расширение накопленного опыта, необходимость сохранения и передачи знаний, потребность в теоретическом обобщении

знаний об окружающем мире, наиболее древней формой, которого является философия и теология. Они начинают играть все большую роль в духовной жизни общества, оттесняя в глубинные пласты коллективного подсознательного мифологические формы мировосприятия, которые полностью никогда не изживают себя, продолжая существовать в псевдорациональных конструкциях. Однако кланово-родовое общество северокавказских народов по-прежнему придерживалось доэтических форм сознания, отвергая письменную культуру³⁹ и сопротивляясь всему, что подтачивало основы родоплеменного устройства их бытия, и могло подтолкнуть к революционному, по сути своей, переходу от Мифа к Логосу.

Поэтому, все успехи миссионеров, армянских, византийских, иудейских, позднее грузинских и русских, по распространению христианства на Кавказе носили временный и очень поверхностный характер. Петр Услар (2005: 384-387) категорически отрицал повсеместную христианизацию народов Кавказа, как в древности, так и в Новое время: “Книги священнаго писанія никогда не были переведены на туземные языки... Мнимые кавказскіе христіане были просто язычники”,—писал он.⁴⁰ Джорджио Интериано в своих путевых заметках, озаглавленных: “Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование”, так описывает быт черкесов: “*Они не имеют письменности и не пользуются никаким алфавитом—ни собственным, ни иностранным. Священники у них служат по-своему, [употребляя] греческие слова и начертания, не понимая их смысла. Когда же случается им писать кому-нибудь, хотя это бывает очень редко, то большею частью пользуются услугами евреев и еврейскими письменами, но чаще передают друг другу вести на словах, через посланцев*” (Адыги, балкарцы и

³⁹По меньшей мере странно выглядят попытки современных авторов, пытающихся “доказать”, что албаны имели письменность задолго до Маштоца и даже до принятия христианства (см., например, Никоноров 2004; Гаджиев 2015: 178). Зачем создавать письменность, если ею никто не собирается пользоваться, ведь как показал дальнейший ход истории, письменность кавказцам оказалась не нужна, они практически не воспользовались ни письменностью, созданной для них Маштоцем, ни какой-либо другой. Элита албанского общества пользовалась армянским языком и армянской письменностью, остальная часть общества была бесписьменной. “Подобно тому, как в Армении языком письменности много веков был не армянский, а арамейско-иранский или греческий, а с введением христианства богослужение долгое время велось по-сирийски, так и в Алвании первое время языком письменности и богослужения мог, конечно, быть только армянский: вспомним, что в Алвании (как и много позже в родственном Дагестане) ещё не было не только собственной системы письма, но даже и общего языка-койнэ, а христианство сюда было введено из Армении” (“Закавказье и сопредельные страны между Ираном и Римом” 1983). Еще дальше пошли тюркские “албановеды” из фонда поддержки тюркоязычных государств. Так, например, вслед за азербайджанскими и казахскими тюркологами-албановедами киргизский “историк” Бахтияр Тунджай, утверждает, что “богатейшая” албанская литература создана кыпчаками-христианами (Тунджай 2014: 314), и была записана на огузо-кыпчакском языке, письмом, созданным задолго до армянского (там же: 85). По мнению киргизского автора, после принятия христианства, албаны продолжали говорить на албанском, который лег в основу современного “азербайджанского” языка. Из этого следует, что агуаны были вовсе не лезгиноязычным народом, родственным удицам и табасаранцам, а тюркоязычным.

⁴⁰“Сколько известно, не только Священное Писание, не только литургия, но ни одна даже молитва не была переведена проповедниками ни на одно из горных наречий. Во всяком случае, нет никаких следов таковых переводов. В армянской истории повествуется, что св. Месроп, изобретатель армянской азбуки, нашёл ее недостаточною для суроваго агованскаго языка и потому составил для последняго особую азбуку. Который из горских языковъ былъ этотъ агованскій? Было-ли что когда-либо написано на немъ? Одно лишь можно сказать утвердительно, что въ настоящее время не существуетъ ни одной древней надписи ни на одномъ изъ горскихъ языковъ, между темъ какъ, кроме арабскихъ и пегльвийскихъ, встречаются въ самой глубли горъ надписи грузинскія, армянскія и греческія. Нетъ сомненія, что богослуженіе въ горахъ никогда не совершалось ни на одномъ изъ туземныхъ языковъ; посему смыслъ его всегда оставался непонятнымъ для горцевъ” (Услар 1869: 17)

карачаевцы в известиях европейских авторов 1974: 47). Спустя почти пол столетия, в 1634 г., посетивший этот край доминиканец Дживанни Лукка застал ту же картину, он подтверждает слова своего соотечественника о том, что черкесы так и не восприняли ни христианства, ни письменной культуры: “Эти страны очень приятны, хотя мало населены... У них нет ни писаных законов, ни церковных обрядов, они христиане только по имени. Они торгуют рабами, кожами...” (там же: 72).

Современник Ланк-Тимура архиепископа персидского города Султанийи Иоанн де Галонифонтибус в своем сочинении “Книга познания мира” (Глава 9. Черкесия), написанная в 1404 г., сообщает: “Монахов они не имеют. Их священники женятся подобно другим мужчинам и холостых священников у них не бывает. Они большие мошенники и воры. Одно село нападает на другое в открытую, похищает детей и мужчин, хотя они могут делать это тайно, если захотят, и затем тут же на берегу моря они продают захваченных работорговцам” (там же: 14).

В этом культурном противостоянии проиграли все, и горцы, не меньше остальных. Со времен Маштоца сопротивляющиеся христианизации кавказцы, в отличие от иверов, отвергли предложенную им письменность и письменную культуру. Письменность и христианство могли сформировать литературный алуанский язык и общекавказское койне на основе гаргарского или удинского, что, в конечном счете, сплотило бы народы Кавказа, сделало их единым народом, смягчило нравы, сняло напряжение между армянами и грузинами, с одной стороны, и кавказскими народами—с другой. Вместо этого, принявшая христианство и несомые им ценности, элита албанского общества арменизировалась, остальные алуанцы, принявшие в эпоху арабского и особенно сельджукского владычества ислам, тюркизировались. Окончательная тюркизация алуанцев произошла во время владычества Сефевидов.

Что касается народов Кавказа, всегда стихийно тянувшихся к прикаспийским и поволжскимномадам, и видящим в них своих естественных союзников и предводителей будущих набегов, они также в немалой степени подверглись тюркскому влиянию. Если в древности и в раннем средневековье союзниками в основном выступали ираноязычные народы (аланы и родственные им мазкуты), то в более поздний период их начали оттеснять гунны и хазары, а затем и вовсе сельджуки. Немало тюрков осело по эту и по ту сторону Кавказского хребта, изменив этноконфессиональную картину, и стало играть заметную роль в культурной жизни края.⁴¹ Тюркская речь надолго стала доминирующей на Кавказе и в некотором роде играла роль *lingua franca*; до установления советской власти даже в среде казаков многие владели тюркским.⁴² Многие тюркоязычные

⁴¹ Кумыки издревле были главными врагами христиан на Кавказе и воевали с русскими начиная со времен Петра I и до последней Русско-турецкой войны.

⁴² В повести “Казаки” Л.Н. Толстой дал живую и исчерпывающую характеристику облика “русского” казака второй половины XIX в. и того, насколько глубоко затронули процессы тюркизации тех, кто по определению должен был служить главным заслоном против “туретчины”: “Живя между чеченцами, казаки переродились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там, во всей прежней чистоте, русский язык и старую веру.... Еще до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченскими, и любовь к свободе, праздности, грабежу и войне составляют главные черты их характера... Казак, по влечению, менее ненавидит джигита-горца, который убил его брата, чем солдата, который стоит у него, чтобы защищать его станицу, но который закурил табаком его хату. Он уважает врага-горца, но презирает чужого для него и угнетателя солдата. Собственно русский мужик для казака есть какое-то чуждое, дикое и презренное существо, которого образчик он видал в заходящих торгашах и переселенцах малороссиянах, которых казаки презрительно называют

этнические группы Кавказа—кумыки, балкарцы, карачаевцы—это тюркизированные автохтоны, прежде всего—аланы и черкесы, с небольшой примесью кыпчакской крови⁴³.

Джиованни Лукка (там же) так описывает тюркизацию черкесов: *“Говорят они по-черкесски и по-турецки. Одни из них магометане, другие следуют греческому обряду, но первых больше. Хотя еще священник, живущий в Терки, приходит иногда к ним совершать таинство крещения, но он мало наставляет их в [христианском] законе, так что они постоянно мусульманяты; они от греческой веры только сохранили обычай носить съестные припасы на могилы покойников, да соблюдают некоторые посты. Эти деревни повинуются московскому царю и некоторым мурзам или особенным боярам его двора...”*.

В XIX в. многие российские деятели (Лорис-Меликов, Петр Услар и др.) основным условием для “замирения” Кавказа и продвижения в этом крае “русского дела” видели в ослаблении влияния тюркского языка и культуры, бывших основным инструментом мягкой силы турок на Кавказе и источником антирусских настроений. Думается, что Петр Услар, создавая письменность для нахско-дагестанских народов, стремился ослабить позиции тюркского языка на Кавказе, и тем самым ограничить турецкое влияние на народы края. Осознавая невозможность русификации кавказцев, они стремились, по крайней мере, остановить тюркизацию горцев, предложив взамен им некую национальную идею. По сути, Лорис-Меликов и Услар проводили на Кавказе деятельность сродни той, которую проводил в Албании Маштоц, с той разницей, что Маштоц добился больших успехов в деле просвещения местных жителей, нежели в XIX в. барон Услар.

4. В заключение обобщим основные посылы нашей статьи. На протяжении не одной тысячи лет армянам приходилось иметь дело с разными враждебными странами и народами. Среди них были империи, в разные периоды истории, игравшие роль ядра той или иной цивилизации. Они оказывали как негативное, так и положительное воздействие на Армению. Были среди соседей Армении и очень древние, но консервативные народы, которые “застыли” в своем развитии, и не смогли подняться до уровня цивилизации. Империи и цивилизации сменяли друг друга, а эти народы оставались в своих исконных местах обитания, доставляя Армении и ее народу много невзгод и неприятностей. В Армении их было принято называть “народы Севера”, которые стали синонимом губительной стихии, необузданной дикости, варварства (см. Степанян 1990: 21-22, 144-146). Эту стихию воплощали племена, населявшие Северный Кавказ и Прикубанские степи. Большинство этих племен говорило на нахско-дагестанских и иранских языках, позднее часть из них была вытеснена или ассимилирована пришлыми носителями тюркских языков.

Основным источником существования этих народов были охота, скотоводство и набеги на соседей, главной целью которых было пополнение скудных ресурсов и поддержание некоего прожиточного минимума. В условиях суженного производства

шаповалами. Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу. Лучшее оружие добывается от горца, лучшие лошади покупаются и крадутся у них же. Молодец-казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски” (Толстой 1936: 15-16).

⁴³ Абдушелишвили 1994; Карачаевцы и балкарцы 1999: 5-6; Кузнецов 2004: 93, 138; Герасимова 2013: 52-71.

родоплеменная верхушка и ее ближайшее окружение не представляли иных способов обогащения, кроме войн и грабежа. Важным источником дохода для элит горских народов было кондотьерство. Целые племенные объединения готовы были служить тем, кто больше заплатит, или просто пообещает легкую и богатую добычу в набеге или локальной войне. Большинство горских племен не обладало пассионарностью не только для того, чтобы создать свою государственность, но и даже чтобы самоорганизоваться для нападений на соседей. Из-за консервативности мышления, горцы не имели политических амбиций, но готовы были присоединиться к любому вождю-харизматику, как правило, из степных номадов, храбро сражаться в рядах его ордынцев и, не колеблясь, погибнуть в случае поражения.

Проблема северян, в силу географического положения, стояла перед Арменией, пожалуй, острее, чем перед другими странами Передней Азии. Армянские политические власти строили свои отношения с северянами ситуативно. Иногда, когда не было альтернативы, приходилось воевать, чтобы отбиться от их набегов, и в случае успеха, преследовать недобитые вражеские дружины до Куры и предгорья Кавказа. Благо, организация у северян была слабая, и единое командование носило скорее формальный характер, поэтому, несмотря на численное превосходство и отчаянную храбрость горцев, отбиться от них было трудно, но вполне возможно. Иногда, когда враг шел лавиной, приходилось обращаться за помощью к могущественным соседям, заинтересованным в том, чтобы вторжение северян не распространилось за пределы Великой Армении. Временами армянским элитам удавалось привлечь на свою сторону северные народы и использовать их военный потенциал в своих целях, к примеру, против Рима или Сасанидского Ирана. Иногда одних варваров использовали, чтобы обороняться от других варваров.

Начиная с IV в., сразу после принятия христианства Арменией, армянские элиты, осознали цивилизующую роль новой религии и ее возможности как “мягкой силы”. Эту силу решено было применить для умиротворения северных народов и вовлечения их в орбиту влияния армянской субцивилизации. Первыми из соседей были христианизированы иверы и алуаны—жители “Восточного края”, ближе всего расположенного к Великой Армении и достаточно давно находящиеся в орбите ее благотворного культурного влияния. Роль христианства в Алуанке трудно переоценить, оно подняло страну на новый уровень развития. Особую роль в распространении христианства в Алуанке и сопредельных областях сыграла проповедническая деятельность Месропа Маштоца и его учеников. Следующим этапом христианизации народов Севера стало миссионерство в Прикаспийской низменности и далее в прикубанских степях. Во всех известных нам миссиях, христианизация сопровождалась созданием письменности на местных языках, и переводом Священного писания и других христианских текстов.

Поначалу казалось, что проповедническая деятельность армянских монахов увенчалась успехом и “мягкая сила” дала желаемые результаты, но арабские завоевания и последовавшая за ними мусульманская реакция свели на нет усилия армянских, сирийских и византийских христианских проповедников. Сказалась неготовность народов Северного Кавказа (будь то суровые горцы, или беспокойные степные номады) к восприятию цивилизационных ценностей оседлых народов. Христианство воспринималось кавказцами и номадами как религия слабых, воспитывающая трусость и

безволие, тлетворная зараза, которую несут коварные христианские проповедники, дабы лишить силы воинственных горцев, культивирующих культ силы и бесстрашие перед врагом. Поэтому кавказцы и многие тюрки вплоть до нового времени оставались идолопоклонниками, а в более поздние эпохи, из монотеистических религий остановили свой выбор на исламе. И все же героические культурегерские попытки армянских христианских проповедников не пропали втуне, они оставили свой след в культуре северных народов и, пусть ненадолго, способствовали смягчению нравов у народов Кавказа и степных кочевников.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абдушелишвили М. Г. (1994), “Антропология древних и современных народов Кавказа”, *Народы Кавказа. Антропология, лингвистика, хозяйство*, Москва.
- Адонц Н. (1908), *Армения в эпоху Юстиниана: Политическое состояние на основе нахарарского строя*, Спб.
- Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв.* (1974), Нальчик.
- Акопян А. А. (2015), “К хронологии завершения этноконсолидации удинов и лезгин (период ослабления Арабского халифата)”, *Alba Nia Caucasia*, Вып. I (предисл., подгот. А.К. Аликберов, М.С. Гаджиев), Москва: 129-148.
- Аммиан Марцеллин (1994), *Римская история* (отредактированный перевод Ю. Кулаковского и А. Сонни), СПб.
- Артамонов М. И. (1962), *История хазар* (под редакцией и с примечаниями Л.Н. Гумилёва), Ленинград.
- Асатрян Г.С. (1998), *Этюды по иранской этнологии*, Ереван.
- Всемирная история* (1956), том 2 (ред. А. Белявский, Л. Лазаревич, А. Монгайт), Москва.
- Гаджиев М. С., “К интерпретации сведений о создании письменности Кавказской Албании”, *Alba Nia Caucasia*, Т. I. Москва, 2015.
- Гадло А. В. (1979), *Этническая история Северного Кавказа IV—X вв.*, Ленинград.
- Гамкрелидзе Т. В. (1989), *Алфавитное письмо и древнегрузинская письменность (Типология и происхождение алфавитных систем письма)*, Тбилиси (<https://amkob113.ru/gkr/gkr-96.html>).
- Герасимова М. М. (2013), “К вопросу о происхождении балкарцев”, *Вестник антропологии*, N 3(25): 52-71.
- Гмыря Л. Б. (1995), *Страна гуннов у Каспийских ворот*, Махачкала.
- Гукасян В. Л. (1969), “Опыт дешифровки албанских надписей Азербайджана”, *Известия Академии наук Азербайджанской ССР*, N 2: 52-74.
- Дагестанские сказки* (1882), *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*, вып. 2, Тифлис, http://starieknigi.info/Zhurnalny/SMOMPK/Sbornik_materialov_dlya_opisaniya_mest_nostej_i_plemen_Kavkaza_02_1881.pdf (дата обращения 20.10. 2020).
- Дзаттиаты Р. Г. (2019), “О крепостной стене в касарском ущелье”, *Известия СОИГСИ*, 32 (71): 5-12
- Егише (1971), *О Вардане и войне армянской* (пер. с древнеармянского И.О. Орбели), Ереван.
- Еремян С. Т. (1939), “Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу”, *Записки Института востоковедения АН СССР*, т. VII, М.-Л.: 130-155.
- Ермолова И. Е. (1999), “Аммиан Марцеллин и античная традиция о Северном Причерноморье”, *Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997 гг.*

- Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения*, Москва: 336-347.
- “Закавказье и сопредельные страны между Ираном и Римом. Христианизация Закавказья” (1983), *История древнего мира*, т. 3 (ред. И.М. Дьяконов, В. Д. Неронова, И.С. Свенцицкая), Москва: 201-220.
- История Армении Фавстоса Бузанда* (1953), (пер. с др.-арм. и коммент. М. А. Геворгяна, под ред. С.Т. Еремяна, вступит. ст. Л. С. Хачикяна), Ереван.
- История Востока. Восток в средние века*. (1997) Москва.
- Карачаевцы и балкарцы: этнография, история, археология* (1999) (отв. ред. С. А. Арутюнов), Москва.
- Кассий Дион Коккейан (2014), *Римская история. Книги LXIV-LXXX* (пер. с древнегреческого под редакцией А. В. Махлаюка, предисловие А. В. Махлаюка), Санкт-Петербург.
- Кляшторный С.Г./Султанов Т.И. (2009), *Государства и народы Евразийских степей*, Санкт-Петербург.
- Корюн (1962), *Житие Машицоа. История жизни и смерти блаженного мужа, святого варданета Машицоа, нашего переводчика, (написанная) учеником его варданетом Корюном* (перевод Ш. В. Смбатяна; К. А. Мелик-Оганджяна), Москва.
- Ковалевская В.Б. (1984), *Кавказ и аланы. Века и народы*. Москва.
- Крадин Н.Н. (1995), “Вождество: современное состояние и проблемы изучения”, *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. Москва: 11-61.
- (1999), *Империя хунну* (диссертация на соискание степени доктора исторических наук), (<http://chelovek Nauka.com/imperiya-hu N Nu#ixzz5uj7xWBRi>).
- (2000), *Кочевники, мир-империи и социальная эволюция. Альтернативные пути к цивилизации* (ред. Н. Н. Крадина и др.), Москва.
- (2001-2002). *Империя Хунну*, Москва.
- Кудрявцев А. А. (1982), *Древний Дербент*, Москва.
- Кузнецов В. А. (1984), *Очерки истории алан*, Орджоникидзе.
- (2004), *Введение в кавказоведение (историко-этнологические очерки народов Северного Кавказа)*, Владикавказ.
- Кычанов Е. И. (2004), *Властители Азии*, Москва.
- Леонти Мровели (1979), *Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана* (перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая), Москва.
- Ломоури Н. Ю. (1081), *Грузино-римские взаимоотношения*, Тбилиси.
- Лордкипанидзе Г. (2010), “Парадигматика ‘Запад-Восток’ и античная Грузия”, *Кавказ и глобализация. Журнал социально-политических и экономических исследований*, 4 (3-4): 183-191.
- Манасерян Р. Л. (2011), *Европейские гунны и Ближний Восток*, Ереван.
- Маргарян Е. Г. (2007), *Аршакаванская эллинистическая политея и Град Небесный Нерсеса Великого*, Ереван.
- (2007), “Нахарарский строй как особенность армянского этнического идентитета”, *Сборник научных статей “Годичная конференция РАУ (3-7 декабря, 2007 г.)”*, часть 1, Ереван: 100-117.
- (2016), “На стыке древних мир-систем: пролегомены”, *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории*, N 59, Москва: 18-43.
- (2017), “Поднебесная как мир-империя: особенности и сродство с другими мир-империями древности и нового времени”, *Сборник научных статей (По*

- материалам 2-ой международной научно-практической конференции *Конфуцианские чтения (26-27 апреля 2016 г.)*, Ереван: 15-27.
- Миличишвили Г.А. (1959), *К истории древней Грузии*, Тбилиси.
- Мовсэс Каланкатуаци (1984), *История страны Алуанк* (перевод с древнеармянского, предисловие и комментарии Ш. В. Смбатяна), Ереван: Изд. АН Арм. ССР.
- Мовсес Хоренаци (1990), *История Армении* (пер. с древнеарм. языка, примечания Г. Саркисяна; ред. С. Аревшатян), Ереван.
- Нефедкин А. К. (1999), “Кампания Арриана по отражению аланского набега на Каппадокию в 135г.”, *Археология и культурная антропология*: 173-188.
- Никоноров Алексии (иеромонах) (2004), *История христианства в Кавказской Албании* (диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия), https://baku.eparhia.ru/history/albania/?fbclid=IwAR1mgECV5xUoqv2V6GqagGk4exlSWZpxibBIX8QlReoJ89X5RTgW3pSe1_c (дата обращения 20.09.2020).
- Новосельцев А. П. (1990), *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*, Москва.
- Перевалов С.М. (2006), “Аланский набег 136 г. н.э. в страны Закавказья: проблемные вопросы”, *Античная цивилизация и варвары*, М.: 318-335.
- Пигулевская Н. В (1939), “Сирийский источник VI в. о народах Кавказа”, *Вестник древней истории*, N1, Москва.
- (1941), *Сирийские источники по истории народов СССР*, М.-Л.
- Пиков Г. Г. (2010), “О ‘кочевой цивилизации’ и ‘кочевой империи’”, *Вестник НГУ* (История, филология), т. 9, вып. 1: 19-32.
- Связян Г. С. (2015), “Снова о южной границе Албании (I в. до н. э.- сер. V в. н. э.)”, *Albania Caucasia*, вып. I: 48-57.
- Светоний Транквилл (1993), *Жизнь двенадцати цезарей*, Книга 8 (*Домициан*) (пер. М. Гаспарова), Москва.
- Степанян А. А. (1991), *Развитие исторической мысли древней Армении и Мовсес Хоренаци. Миф. Рационализм. Историописание*, Ереван.
- Страбон (1964), *География* (пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского), Ленинград.
- Табари (1958), “Истории пророков и царей” (перевод А.Э. Шмидта), *Материалы по истории Средней Азии и Ирана. Ученые записки Института востоковедения, том 16* (<http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Tabari/frameset.htm>).
- Тацит (1993), *Сочинения в двух томах*, Том I, *Анналы. Малые произведения* (перевод и комментарий А. С. Бобовича), Москва.
- Тер-Гевондян Н.А. (1977), *Армения и Арабский халифат*, Ереван.
- Толстой Л.Н. (1936), *Казачи*, Москва.
- Тревер К. В. (1959), *Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в. до н.э. (источники и литература)*, Москва–Ленинград.
- Туаллагов А. А. (2018), “Дарьял—‘ворота алан’”, *Nartamo Ngæ*, Vol. XIII (1, 2): 249-308.
- Тунджай Б. (2014), *Письменное наследие Кавказских албан*, Бишкек.
- Услар П. (1869), “Начало христианства в Закавказье и на Кавказе”, *Сборник сведений о кавказских горцах*, вып. II., Тифлис, http://aps Nyteka.org/816-uslar_p_izbra_N_Nye_stati.html (дата обращения 20.06.2020).
- (2005), *Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX–нач. XX вв.)* (сост. Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А.), Сухум.
- Фавстос Бузанд (1953), *История Армении* (пер. с др.-арм. и коммент. М. А. Геворгияна), Ереван.
- Фома Сплитский (1997), *История архиепископов Салоны и Сплита* (пер., вступ. ст. и коммент. О. А. Акимовой), Москва.

- Шагинян А.К. (2008), “Система административного деления и управления Арабского халифата в Армении и Арминийи”, *Вестник Московского университета*, Москва: 68-85.
- Armenian History Attributed to Sebeos* (1999) (Translation and notes by R. W. Thomson, historical commentary by James Howard-Johnson, with assistance from Tim Greenwood), Liverpool.
- Adonc N. (2006), “Tarkun hin hayeri mot”, *Erker hing hatorov*, 1, Erevan: 86-96.
- Asatrian G.S. (2009), “Prolegomena to the Study of the Kurds”, *Iran and the Caucasus*, 13.1: 1-58.
- Prokopios Kesarac'i (1976), *Gatni patmut'yun* (translated to Armenian by H. Bart'ikyan), Erevan.
- Bosworth A.B. (1977), “Arrian and the Alani”, *Harvard Studies in Classical Philology*, 81: 218-255.
- Braund D. (1991), “Hadrian and Pharasmanes”, *Klio*, vol. 73, #1: 208-219.
- Debevoise N.C. (1938), *A Political History of Parthia*, Chicago.
- Hewsen R. H. (1982), *Ethno-History and the Armenian Influence upon the Caucasian Albanians. Classical Armenian culture: Influence and creativity*, Philadelphia, 1982.
- Maenchen-Helfen O. (1973), *The World of the Huns*, Los Angeles and London.
- Mahé Jean-Pierre (2008), “L'historiographie arménienne de la conversion des Albanien”, *Philologie et historiographie du Caucase chrétien*.
- Rapp S. H. (2003), *Studies in Medieval Georgian Historiography: Early Texts and Eurasian Contexts*, Leuven.
- Rubin Z. (1995), “The Reforms of Khusro Anurshivan”, *The Byzantine and early Islamic Near East*, vol. 3, Princeton 1995: 227-298.
- Stein E. (1950), *Justinos I Pautus Realneyclopad re der clfssishen Altertumswissenschaft*, X, 2, Cambridge, Massachusetts.
- Syme R. (1984), *Hadrian and the Senate*, *Athenaeum*, 62: 31-60.
- Ter-Petrosyan L. (1981), “Maštoc'yan ałandnerə ev hayoc' afak'elut'yunə honac' ašxarhum”, *Patma-banasirakan handes*, N 1: 107-119.
- Ulubabyan B. (1979), *Voske št'a*, Erevan.

DOI 10.48200/9789939672571_65

ХРИСТИАНСКИЕ ХРАМЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АВАРИИ

(историко-географический обзор)

Шахбан Хапизов

Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала

Abstract

Speaking about the geographical framework of the spread of Christianity in the kingdom of Sarir (medieval Avaria), we cannot point to almost a single region of any significance in the territory, in which material evidence of once widespread Christianity (churches, Georgian and Georgian-Avar epigraphy, stone crosses and images of crosses on rocks, Christian cemeteries). At the same time, the geography of the spread of Christian temples on the territory of the Avarya river is the most obvious indicator of both the depth of this process and its territorial scale.

The most important evidence of the spread of Christianity in the mountain Avaria is the presence of Christian monuments here. This issue requires a profound study, which would give a holistic view to the phenomenon. The present article as kind of a preparatory stage for such a study. During ethnographic trips to different Avar regions of Dagestan in 2012-2015, the author found several stones and fragments of crosses with Georgian inscriptions in the collections of local historians and in the walls of houses. So far, we can talk about the remains of more than 40 churches in the territory of Sarir/Avaria. Their highest concentration has so far been noted on the Khunzakh plateau—the historical center of mountainous Avaria.

Keywords: Sarir, Avar Nutsaldom, Georgia, Church, Epigraphy

Аннотация

Говоря о географических рамках распространения христианства в царстве Сарир (средневековая Авария), мы не можем указать практически ни одного сколь-нибудь значимого по территории региона, в котором не были бы обнаружены материальные свидетельства былого распространения христианства (церкви, грузинская и грузинско-аварская эпиграфика, каменные кресты и изображения крестов на камнях, христианские могильники). Вместе с тем, география распространения христианских храмов на территории Аварии является наиболее показательным индикатором не только глубины этого процесса, но и его территориального охвата, масштаба.

Важнейшим свидетельством распространения христианства в горной Аварии является наличие здесь памятников христианского зодчества. Это явление нуждается в обобщающем исследовании, которое позволит иметь целостное представление о данном явлении. Данную статью мы рассматриваем как подготовительный этап к такому исследованию. В ходе этнографических поездок в разные аварские районы Дагестана в 2012-2015 гг., автору удалось обнаружить, в собраниях местных краеведов и в стенах домов, несколько камней и обломков крестов с грузинскими надписями. К настоящему времени мы можем говорить о наличии более чем 40 остатков церквей на территории Сарира/Аварии. Наибольшая их концентрация пока отмечена на Хунзахском плато— историческом центре горной Аварии.

Ключевые слова: Сарир, Аварское нучальство, Грузия, церковь, эпиграфика

Говоря о географических рамках распространения христианства в Аварии, мы не можем указать практически ни одного сколь-нибудь значимого по территории региона, в котором не были бы обнаружены материальные свидетельства былого распространения христианства: церкви, грузинская и грузино-аварская эпиграфика (Хапизов 2013, 2014, 2015а, 2015б), каменные кресты и изображения крестов на камнях, христианские могильники. К середине 1960-х годов в Аварии было известно более 50 камней, с изображениями крестов. Они были обнаружены в селениях Урада, Тидиб, Мачада, Хотода, Гента, Тлях, Накитль, Хуштада, Кванада, Ашильта, Кудияб-росо, Датуна. Кроме того, скульптурные воспроизведения крестов были обнаружены в сел. Гиничутль, Хунзах (местность Тад раал), Урада, Батлаич, Ботлих, Гоцатль (Атаев/ Марковин: 345). К настоящему времени их количество уже перевалило за 100, а их география охватила практически всю горную Аварию.

Трудно не согласиться с Г. Гамбашидзе (1983: 2-3), который на конкретных примерах показывает несостоятельность точки зрения отдельных исследователей, согласно которой существование христианства на Северном Кавказе—явление “чуждое” и “поверхностное”, не затронувшее глубинные слои мировоззрения народов Северного Кавказа. Наиболее ярким и значимым свидетельством, показывающим глубину проникновения христианской религии и культуры в среду местного населения и уровень общественного и культурного развития является наличие в Аварии большого количества христианских храмов, многие из которых являются памятниками местного народного зодчества (там же: 2, 6). Одним из таких памятников является христианская церковь XI-XIII вв. у с. Амитль Хунзахского района, раскопанная дагестано-грузинской археологической экспедицией. Как верно отметил Г. Гамбашидзе, такого типа культовые постройки, хотя и не выделяются архитектурно-декоративными данными, но важны в историко-социологическом плане—построенные сельчанами для религиозной службы, они являются доказательством проникновения христианской религии вглубь, в среду местного населения (там же: 7).

Вместе с тем, география распространения христианских храмов на территории Аварии является наиболее показательным индикатором не только глубины этого процесса, но и его территориального охвата, масштаба.

На севере горной Аварии расположено раннесредневековое укрепленное городище Гелбах (авар. *Гелбахъ*—“у переправы”). Находится оно в ущелье реки Сулак у выхода ее на равнину, в 3 км к югу от современного сел. Гелбах (Верхний Чирюрт). У выхода ущелья к равнине, оно загорожено с севера укрепленной стеной. Она должна была ограждать поселения, расположенные в ущелье от степного мира. В Гелбахском (Верхнечирюртовском) городище М.Г. Магомедовым раскопаны остатки четырех церквей VI-VII вв. (Магомедов 1979: 27), которые можно считать наиболее ранними христианскими храмами, известными на территории горной Аварии. По мнению М.Г. Магомедова, Гелбах, до его разрушения арабами в 737 г., мог являться очагом распространения христианства в горной Аварии.

Хронологически, типологически и территориально близко к гелбахским церквям стоят два культовых здания, обнаруженные в Аркасе—крупном (26 га) средневековом городе Сарира, существовавшем в VIII-XIV вв. Это церкви, построенные, вероятно, в VII-VIII вв., а в конце XIV в. превращенные в мечети (Атаев/ Гаджиев/Сагитова 1989: 114-122). Находки крестов в могильниках в Аркасе и Агачкале, а также близость памятников

христианской культуры северных аварских районов (Гелбах, Аркас) с аналогичными памятниками Хунзахского плато (Пищулина 2006: 20-21), свидетельствуют о преемственности христианской культуры на территории Аварии.

Из числа церквей на территории Аварии наиболее известна единственная сохранившаяся в Дагестане Датунская церковь, датируемая рубежом X-XI вв. (Гамбашидзе 1983: 6-7). Расположена она в Шамильском районе, недалеко от одноименного селения Датун (другое название *Малиданахъа*).

Другие известные христианские культовые сооружения средневековой Аварии датируются X-XIV вв. и являются следствием активного культурного и экономического влияния Грузии. Одним из регионов, в котором христианство пустило глубокие корни, является Гидатль—“сердце Аварии”. Здесь, практически в каждом селении (Урада (Атаев 1963: 201), Тидиб (там же), Мачада (Тахнаева 2004: 81), Хотода (там же)), обнаружены остатки церквей, христианские могильники, изображения крестов на камнях и т.д. (Атаев 1958: 165; Абакаров/Давудов 1993: 191-194; Атаев 1963: 200-201; Тахнаева 2004: 80-81). Ниже по реке Авар-ор (Аварское Койсу) в исторических селениях Корода, Гонода, Кудутль также часты подобные находки. В соседнем с Гидатлем, Келебском ущелье, в 3 км к северу от сел. Ругельда нами было зафиксировано наличие урочища с остатками строения, которое местное население называет *ГьатЛанихъ* (авар.—“часовни”).

Гаганида (Атаев 1958: 175; Атаев 1963 204-205) (в 2 км к северу от сел. Заиб); на поселении Галла (Гамбашидзе 1977: 13), сел. Гиничутль (там же), к западу от Хунзаха, в с. Обода.

Особый интерес представляет горное плато Акаро и остатки расположенного на нем храма. При изучении остатков храма ДГАЭ было выявлено 16 грузинских надписей молебного-мемориального содержания, исполненных древнегрузинскими шрифтами “асомтавури” и “нусхури”. Датируются они X-XI вв. и исходя из частого упоминания в них “двенадцати апостолов”, Г. Гамбашидзе делает вывод о том, что этот храм, как и мцхетский собор “Светицховели” был освящен во имя “Святых двенадцати апостолов” (Гамбашидзе 2000: 77-78). Акаро, по преданиям, был укреплением с постоянным гарнизоном. Эти сведения подтверждаются наличием здесь “остатков толстых стен, сложенных из массивного камня на извести”. Кроме того, с вершины Акаро просматривается почти вся центральная Авария и потому как наблюдательный пункт его можно считать идеальным (Алиханов-Аварский 1896).

Однако, главным центром христианства в Аварии являлся его историческая столица—Хунзах. Здесь были выявлены несколько церквей:¹ в 5 км к югу от с. Хунзах на территории поселения Акаро;² у с. Амитль, к юго-востоку от Хунзаха;³ у северной окраины Хунзаха—в местности Тадраал (Тахнаева 2004: 81); к юго-востоку от Хунзаха, в с. Хини (Гамбашидзе 1983: 6-7); недалеко от него в местности

¹ Главным образом, в результате раскопок, проведенных дагестано-грузинской археологической экспедицией под руководством Г.Г. Гамбашидзе.

² Храм X-XIV вв. (Гамбашидзе 1983: 5-7).

³ Церковь XI-XIII вв. (там же).

Обращает на себя внимание малое количество свидетельств о наличии в Цунте (Дидоэти) памятников христианской культуры, несмотря на его близость к Грузии и традиционное ее политическое влияние на этот регион. Исключение составляет лишь устное сообщение, согласно которому, на холме близ села Хупри Цунтинского района находилась церковь, разрушенная кызылбашами (вероятно, имеется в виду проникновение из Кахети отрядов шаха Аббаса I в 1614 и 1616 г.). По нашим полевым материалам хупринская церковь располагалась в местности *Ихъа*, имеются также сведения о наличии руин церкви в местности *Элль* напротив с. Хамаитли. Остатки христианского храма, согласно преданиям, расположены и близ сел. Гинух Цунтинского района. В грузинских источниках имеются сообщения о том, что еще в VI в. дидойцы принимали христианство. Вместе с тем, однако, сведения этих же источников начала XIII в., первой половины XVII в. и начала XVIII в. (частично) утверждают, что дидойцы были язычниками (Вахушти Багратиони 1976: 153). Вероятно, в Цунте, в отличие от остальных регионов Аварии, на смену приходящему в упадок христианству пришел в свое время не ислам, а возродившееся язычество. Такие процессы имели место в Ингушетии и Чечне (Гамбашидзе 1983: 2-3).

Другим очагом христианства в средневековой Аварии принято считать южную часть Гунибского района—исторические регионы Андалал и Гуржих (авар. *Гуржихъльи*—“грузинство”). Имеются сведения о былом наличии здесь церквей в селах Наказух (Тахнаева 2004: 91-92), Ругуджа (Гамбашидзе 1983: 13), Согратль (Ройнов 1889: 3), Гамсутль (Иоселиани 1862: 36) и чохском хуторе Ходоб.⁴

Известны сведения о наличии церквей на западе (Хуштада (Ройнов 1889: 3), Гагатли, Гунха, вместе с тем традиционная идентификация же топонима Миясулгатан, упоминаемого в известном источнике XV в.—“Завещании Андуника”, с сел. Миарсо вряд ли достоверна, поскольку данное селение образовано примерно в XVII в. в результате переселения части ботлихцев на новое место), юге (Анцух, остатки часовни близ Камилуха (Тахнаева 2004: 92-93)) и востоке (Кулецма⁵ (Ройнов 1889: 3)) горной Аварии.

В целом, на территории горной Аварии по более ранним подсчетам (Тахнаева 2004: 72-94) можно насчитать 18 церквей, существование которых можно установить по различным источникам (предания, археологические раскопки, сведения грузинских летописей и т.д.). Помимо указанных церквей, уже можно добавить еще почти три десятка христианских храмов, упоминания о которых встречаются в научной и краеведческой литературе, а также выявленных автором и не введенных в научный оборот. Не вызывает сомнений то, что список этот (из 45 храмов) существенно пополнится археологическими изысканиями, которых, к сожалению, последние десятилетия в аварских районах Дагестана, практически не проводится.

В частности, предания указывают на наличие христианского храма в черте селения Мугурух Чародинского района, граничащего с регионом Гуржих, который позже был перестроен под общественные нужды. По преданиям, церковь располагалась и в соседнем населенном пункте Гецеб (регион Гуржих) на территории Гунибского района, от которого сейчас остались лишь руины. Недалеко от Гецеба и Наказуха расположен исторический памятник, почитавшийся местными жителями как могила Тамары (авар. *Тамарал хоб*). Тамара эта, по рассказам местных жителей, жила отшельницей, а ее

⁴ Информация предоставлена к.и.н., историком Тахнаевой П.И.

⁵ Еще в XIX в. Е.И. Козубский высказал предположение о связи названия села *Къулецма* с грузинским *Къвела-цлмнда*, т.е. “все святое”. Первоначально это могло быть названием церкви, а в последствии перешло в целом на название села. Упоминание в конце XVIII в. наряду с расположенными вокруг Кулецмы селениями (Чугли, Апши, Урма, Дженгутаем и др.) Мехтулинского ханства и населенного пункта “Калацаминда”, говорит о реальности нашей версии. В Калацаминда (наряду с этим дана и более близкая к современной форма названия села—“Улюцме”) легко угадывается изначальная *Къвела-цлмнда* (Тихонов 1958: 130).

проживание здесь и деятельность следует рассматривать в русле христианской миссионерской деятельности. Недалеко от места захоронения Тамары, располагалось также укрепление *Тамарал гьен*, а там, по рассказам местного населения—жителей сел. Бацада, якобы располагалась названная также ее именем часовня или церковь. В соседних селениях Караха также были найдены памятники христианской культуры: в сел. Цулда—каменный крест, в сел. Гидиб и Мощоб—изображения крестов на надмогильных камнях, в сел. Талух и Сачада—железные кресты.

В сел. Косрода Чародинского района, автором была обнаружена часть надмогильной стелы, на которой выбито изображение креста. Камень этот использован при строительстве водопровода и находится в сельском квартале

Гуржи авал (авар. “грузинский квартал”), который считается исторической частью села, вокруг которого возник современный населенный пункт. В этом же квартале жители показывали жилой дом, который в прошлом, по их словам, был церковью (авар. *гьатлан рукъ*—“церковный дом”). Такой же “церковный дом”, по преданиям, находился и в населенном пункте Гимитль (*Гьимикъ*) Чародинского района, где в прошлом, по тем же данным, находилась усадьба христианского князя Дарзи—наместника нуцала, сидевшего в Хунзахе. На западе Аварии—в регионе Ункратль, а точнее в с. Силди на холме *Гьатан гохI* (авар.—“церковный холм”) известны остатки церкви (Гусейнов 2006: 14).

Интересные данные по изучаемой нами теме предоставляет топонимия аварских районов. По информации, предоставленной нам топонимической лабораторией Дагестанского института научной экспертизы и мониторинга (ДИНЭМ), в нескольких аварских населенных пунктах есть топонимы, говорящие о наличии здесь в прошлом христианских храмов (*гьатлан*). Такие названия имеются в 3 км к востоку от сел. Средний Арадерих Гумбетовского района расположена местность—“церковная вершина” (авар. *Гьатланил цоб*) и близ сел. Тлайлух Хунзахского района есть также возвышенность (здесь много контуров строений) “церкви” (авар. *Гьатланоби*).

На южных склонах Главного Кавказского хребта, в аварских селениях также расположены остатки грузинских и албанских средневековых церквей: на северной и восточной окраине сел. Махамал-росу (*ДаахIраб килиса* и *ДаахIрачIеб килиса*), западнее сел. Пашан (в лесу *БацIлазул рохъ*), в Катехском ущелье (одна на развалинах городища Микилкан и две выше сел. Кебец-дара), к северу (авар. *БагIараб килиса*— “красная церковь”) и востоку (авар. *НакIклазул килиса*—“Наккаевых церковь”) от сел. Динчи, к западу от сел. Нухбик (*АргъачIхъала* и *КIудагъанул килиса*), к западу от сел. Бехе Чардах (*Гъанухъ килиса*), на северной окраине сел. Хетавазул-росу (*Нурул килиса*), на территории сел. Мацех (*Ахузул килиса*) и Эхеда Чардах (*Хъурул килиса*), к востоку и югу от сел. Эхеда Тала (в местности Пипан—две церкви и в Чудулоб— одна), на территории Закатальского аэропорта (*Котанал*) и в местности Парзуван.

Особый интерес вызывает упоминание одной из церквей в синодике XIV в., хранящемся в грузинском монастыре на Синае. Это—приписка от 1318 г., сделанная в Евангелии, принадлежащем Л.А. Магалашвили. Она впервые была опубликована М. Джанашвили (ингилойским грузином из сел. Кахи), в 1895 г. на грузинском языке. Согласно этой записи, “блаженный патриарх наш Евфимий”, совершая обход подведомственных епархий в 1310 г., побывал и в приходе церкви апостола Петра в некоем

населенном пункте *Ta...саран* (Генко 1930: 728-729), которое отождествляется с аварским селением Тарасан в верховьях реки Самур. В аварских селениях Кусур и Тарасан к тому времени ислам, по всей видимости, уже занял доминирующую роль, о чем свидетельствуют находки куфических строительных надписей и эпитафий, датированных XII в., в этих селениях (Айтберов/Хапизов 2011: 268-283). В этой ситуации, строительство храма в Тарасане, предпринятое вероятно в XIII в., силами грузинской православной церкви, следует признать как одно из свидетельств активной миссионерской деятельности в южной Аварии в этот период. Об активной деятельности христианских миссионеров среди аварцев свидетельствует анонимный грузинский “Хронограф” XIV в. (“Жамтагмцерели”), написанный в период монгольского господства в Грузии. В связи с событиями конца 1270-х—начала 1280-х гг. грузинский летописец упоминает процесс христианизации аварцев (вероятно не столько Закавказья, сколько живущих в бассейнах рек Сулак и Самур): “В ту же пору блистал Пимен Блаженный, что ушел из Гареджи и поселился в одной из пещер в Белакани; он обратил из язычества [в христианство] племя леков, которые и пребывают в вере христовой” (Цулая 1980: 201).

В верховьях р. Джурмут известно восемь селений, три из которых были образованы в период исламизации переселенцами из укрепленного городища Ботло-ген (авар. *Больо-гьен*—“Лестница-укрепление”). Население Ботло-гена исповедовало, по преданиям, христианство, а чуть ниже него по течению реки Джурмут располагалась часовня Амал-гатам (авар. *Гьамал-гьатлан*—“Амы часовня”) у сел. Чорода. По рассказам старожилов селений Салда, Гортноб и Улгёб, каждую весну из-за хребта на кобыле приезжал некий грузинский священник Ама (авар. *Гьама*; его именем названа часовня) и несколько недель обслуживал духовные запросы местного населения: отпевал покойников, крестил родившихся за время его отсутствия младенцев и проводил службы. После, Ама переходил в другую часовню, которая расположена выше нее, под селением Герел, и тоже известна как *Гьамал-гьатлан*, а после в часовню близ Камилуха. Проведя в Джурмуте летние месяцы, этот Ама уходил с первыми холодами обратно в Кахети. По всей видимости, деятельность Амы проходила накануне принятия джурмутцами ислама, поскольку в народной памяти отразилась информация о том, что он приезжал в часовни и после исламизации местного населения. “Только через несколько лет, когда уже ислам пустил прочные корни в Джурмуте, наши предки посоветовали Аме больше не приезжать в наши селения во избежание конфликтов с молодежью”—рассказывали автору в селениях Салда, Улгёб и Гортноб.⁶ Третья часовня, о которой рассказывали информаторы, была расположена на окраине поселения Анажи (*Гьанажи*), что в 4 км к северо-востоку от с. Камилух по дороге в ущелье Гленсерух Чародинского района. Таким образом, духовные запросы населения верховий р. Джурмут обслуживали три часовни с одним приезжим служителем из Кахети.

Эпиграфика как источник по истории церковного строительства в Аварии представляет большой интерес своей малой изученностью. Автором уже была прочитана точно датированная грузинско-аварская надпись из сел. Ругуджа Гунибского района, которая рассказывает о строительстве церкви в этом населенном пункте в 1365 г. представителем рода аварских нуцалов (Хапизов 2015б: 36-45). Сейчас же хотелось бы остановиться на прочтении другой надписи, которая также рассказывает о строительстве церкви, но уже в Хунзахе—исторической столице Аварского нуцальства.

⁶ Алиев Исмаил 1935 г.р. из с. Салда; Алиевы Мухамад 1942 г.р. и Раджаб 1946 г.р. из с. Улгёб; Хуршилов Мухамад 1937 г.р. из с. Гортноб. Кстати, последний рассказывал, что является потомком жителя Ботло-гена по имени *Партун* (авар.—“Арутюн”), который с сыновьями принял ислам и основал сел. Гортноб. Доисламские имена носили и основатели с. Салда, переселившиеся из Ботло-гена: *Вижсрав* (авар.—“рожденный”), *Палав* (авар.—“молодой”) и *Тезьрав*.

Видимо этот камень с надписью на грузинском языке был вывезен из Хунзаха в 1870-х гг. в Тифлис—центр кавказской администрации Российской империи и попал в Музей славы (ныне Национальный музей Грузии им. С. Джанашиа). Впервые об этой находке сообщил на V-м археологическом съезде в 1881 г. А.В. Комаров (Мансветов 1882: 124). Текст ее еще в 1904 г. опубликовал Е. Такайшвили, который в его переводе выглядел следующим образом: “Построили эту церковь в честь святых Космы и Домина мы Учададон...” (Такайшвили 1904: 63). Этот камень с надписью о постройке церкви, дагестанский археолог, коренной хунзахец Д.М. Атаев относил к найденным в местности Тадраал (Атаев 1958: 170). Выбор места для расположения храма не случаен. Располагаясь на небольшом возвышении на краю обширного каньона, а вместе с тем на окраине тесно застроенного Хунзаха, недалеко от христианского кладбища, эта церковь была видна издали и, следовательно, создавала необходимый для религиозного здания эффект эмоционального воздействия на паству.

Несмотря на публикацию начала XX в., настоящее местонахождение эпитафического памятника не было точно известно. В первой половине ноября 2015 г. автору удалось поработать в Национальном музее Грузии с целью выявления эпитафических памятников из Дагестана и благодаря помощи заведующей “Фонда каменных памятников” Н. Датунашвили, обнаружить камень с надписью на грузинском языке (სტდ №23), который, согласно музейному каталогу, привезен в 1879 г. “из Хунзаха”.

Камень представляет собой обломок белого плотного известняка, размерами 28x11 см (11 см в толщину). На нем сохранилось три строки текста, выведенного грузинским шрифтом асомтаврული хуцури (средн. размеры литер—1,5x1,2 см). Судя по сохранившемуся фрагменту, имелась как минимум еще одна строка в нижней части камня, в которой уверенно можно идентифицировать лишь верхнюю часть грузинской литеры დ (д).

По палеографическим данным, на наш взгляд, надпись можно датировать XII–XIV вв., причем наиболее вероятно ее отнесение к первой половине XIII в. (написание литер: ბ, დ, ო, ლ, წ, ზ (н, д, о, л, ц, з). Мы предлагаем следующее прочтение надписи (с учетом реконструкции утерянной, в результате откола краев камня, части надписи группой грузинских исследователей, подготовивших к изданию вышеуказанный музейный каталог 1953 г.):

(1) (სახელთა ღმერთისადთა აღმ(ენა)

“(Сахелита Гъмერთისайта агъеш(ена)”.

(груз.—“Во имя Бога построена”)

(2) ესე ეკლესიაჲ უზად(ა)დობ

“эсэ эклესиай Учад(а)дон”

(груз.—“эта церковь Учададоном”)

(3) წ(მიდა)თა კ(ო)ზმ(ა)ნ და დამი(ანეს)

“ц(мида)та К(о)зм(а)н да Дами(анес)”

(груз.—“святых Козмы и Дамиана”)

(4) (სახელსა) ზ(ე)დ(ა)

“(сахелса) з(е)д(а)”

(груз.—“во имя”).

Таким образом, с раскрытием титулов и реконструкцией (исходя из прочтения аналогичных грузинских надписей) некоторых слов, оказавшихся на отколотой части камня, надпись читается следующим образом: “Эта церковь построена Учададоном во имя святых Козмы и Дамиана”.

Под именем Козмы и Дамиана (в русской традиции—Кузьма и Демьян) православной церкви известны святые, предположительно жившие во второй половине III—начале IV вв. в Малой Азии (в районе турецкого города Искендерун) и Сирии.

и грузинских средневековых авторов, повествующих о том, как армянские цари сдерживали натиск северных варваров. Так, в “Истории страны Алуанк” армянского средневекового автора Мовсеса Каланкатуаци/Дасхуранци,¹² со ссылкой на выдающийся труд отца армянской истории Мовсеса Хоренаци, повествуется о том, как в годы правления Арташеса I (189–ок.160): “... аланы, вступив в союз со всеми горскими [племенами], отчасти и с иверцами, собрав огромное полчище, вторглись в [пределы] Армении. Арташэс, также собрав свои войска, [выступил] против них и разбил лагерь на берегу реки Куры. В жаркой битве царевич аланский попал в плен к Арташэсу, который за него взял себе в жены царевну Сатеник и вернулся [вновь] восстановив мир. Вскоре умер отец Сатеник и некто воцарился насильно, а брата ее изгнал [из страны]. Тогда наставник Арташэса Смбат, прибыв [туда] с большим войском, прогнал насильника, брата Сатеник возвел на отцовский престол, сам же вернулся в Армению с большой добычей и множеством пленных” (Мовсес Каланкатуаци 1984, 1, VIII).

Описывая события 32-37 гг., Тацит (Анн. VI, 33 (5)) сообщает: “Царь Иберии Парсман ведет успешные войны против Парфии и ее союзника Армении. Он получает поддержку албанцев, поднимая сарматов; иберы, хозяева этой страны, быстро пропустили (их) по Каспийской дороге, двинув против армян”.

Опустошительный набег на Армению объединенных алан, по образному выражению Амвросия, “вместе с прочими дикими и неукротимыми племенами” был произведен в 72 г. по наущению царя Иверии Митридатом II. Эти события хорошо документированы, и известны нам по сочинениям Иосифа Флавия, епископа Амвросия, Мовсеса Хоренаци и Леонти Мровели. Мровели обстоятельно перечисляет названия племен, напавших на Армению: “Тогда цари Картли Азарк и Армазел призвали овсов и леков, привели царей овских—братьев-голиафов по имени Базук и Анбазук—с войском овским. И привели они собой пачаников и джиков. Пришел к ним также царь леков и привел дурдзуков и дидоев...” (Леонти Мровели 1979: 33). По сути, в этом объединенном нашествии на стороне алан-овсов приняли участие практически все северокавказские горские племена.

“Собрались тайно, спешно и искусно, прежде чем смогли собраться войска армян” (там же: 34). Воспользовавшись неожиданностью своего вторжения иверы, аланы и джики рассеялись по гаварам армянским и “...стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну... и возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи” (там же: 34). Однако далеко уйти им не удалось. Леонти Мровели повествует о том, что спарапет армян Сумбата Бивритиана (Смбат Бюрат), спешно собрал войско и одновременно отправил к аланам и горцам гонцов с предложением оставить себе награбленные “...скот, золото, серебро и ткани”, лишь вернуть пленных. Но аланы самонадеянно отказали армянскому военачальнику, вдобавок оскорбив его, и тот перешел Куру, нагнал войско алан, джиков и иверов и встал лагерем напротив. Базук не стал уклоняться от встречи и вызвал Смбата на поединок. “Сумбат облачился в доспехи, воссел на коня своего и прошелся перед готовыми [к бою] рядами.

дивных стенах, для построения которых цари персидские изнурили страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы для построения великого здания, которое соорудили между горой Кавказом и великим морем восточным...” (М. К. 2 XI).

¹²Большинство современных исследователей считает Мовсеса Каланкатуаци и Мовсеса Дасхуранци одним лицом.

- Гамбашидзе Г.Г. (2000), “Грузинские лапидарные надписи из христианского храма на горе Акаро над Хунзахом (Дагестан)”, *Кавказ и степной мир в древности и средние века*, Махачкала: 77-79.
- Генко А.Н. (1930), “Из культурного прошлого ингушей”, *Записки коллегии востоковедения при Азиатском музее АН СССР*, V, Ленинград: 681-761.
- Глонти А.А. (1986), *Картвельские собственные имена*, Тбилиси.
- Гусейнов М. (2006), *Союз сельских обществ Ункратль в XIX — начале XX в.*, Москва.
- Иоселиани П. (1862), *Путевые заметки по Дагестану в 1861 году*, Тифлис.
- Магомедов М.Г. (1979), “Раннесредневековые церкви Верхнего Чирюрта”, *Советская археология*, 3: 186-202.
- Пищулина В. В. (2006), *Христианское храмовое зодчество Северного Кавказа периода средневековья*, Ростов на Дону.
- Мансветов И.Д. (1882), *Пятый Археологический съезд в Тифлисе*, I, *Труды предварительных комитетов*, Москва.
- Ройнов А. (1889), “Памятники древнего христианства в Дагестане”, *Рукописный фонд Института рукописей им. К.С. Кекелидзе АН Грузии*, 33.
- Такайшвили Е. (1904), “Грузинские надписи на археологических предметах, хранившихся в Кавказском музее в Тифлисе”, *Известия Кавказского отделения Московского археологического общества*, I, Тифлис: 56-73.
- Тахнаева П.И. (2004), *Христианская культура средневековой Аварии в контексте реконструкции политической истории (VII - XVI вв.)*, Махачкала.
- Тихонов Д.И. (1958), “Описание северного Дагестана. 1796 г.”, *ИГЭД*, Москва: 125-137.
- Хапизов Ш.М. (2013), “Грузинская надпись из юго-восточной Аварии”, *Материалы III международного конгресса кавказоведов*, Тбилиси: 205—206 (на англ. яз.); 468—470 (на рус. яз.).
- (2014), “О грузино-аварских надписях на каменных крестах”, *Вестник ДНЦ РАН*, 54, Махачкала: 67—74.
- (2015а), “Ругуджинская надпись (о распространении христианства и ислама в Аварии)”, *Вестник ДНЦ РАН*, 56, Махачкала: 36—45.
- (2015б), “Урадинская надпись (к вопросу о развитии аварской письменности на основе грузинского алфавита)”, *Вестник Дагестанского научного центра РАН*, 58, Махачкала: 65—70.
- Цулая Г.В. (1980), “Грузинский “хронограф” XIV в. о народах Кавказа”, *Кавказский этнографический сборник*, VII, Москва: 193—208.
- Шмерлинг Р. (1968), “Церковь в с. Датуна в Дагестане”, *Мацне*, 2, Тбилиси: 211—217.

Иллюстрации

1. Крест с грузинско-аварской надписью из местности Halla близ Хунзаха. Дагестанский национальный музей им. А. Тахо-Годи. Фото Ш. Хапизова. 2016 г.
2. Грузинско-аварская надпись о строительстве церкви в Ругуджа в 1365 г. Местонахождение неизвестно.
3. Каменный крест IX-XI вв. из хунзахского квартала Самилах. Хунзахский историко-краеведческий музей. Фото Ш. Хапизова. 2016 г.

DOI 10.48200/9789939672571_75

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРОССКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ГОСУДАРСТВА ТИМУРЛЕНГА В КОНЦЕ XIV ВЕКА

Самвел Маркарян

Институт востоковедения Российско-Армянского университета, Ереван

Abstract

The article discusses changes in the ethnic compositions of the Golden Horde and Chagatai Ulus at the end of the 14th century, which resulted on the almost complete disappearance of the ethnic Mongols in the territories of these states and their replacement by the Polovtsians (Cumans), Turks and autochthonous ethnic groups having previously inhabited this area. As a result of a long military conflict between the mentioned states, the ethnic map of the entire region of the North Caucasus, the Volga river, the Southern Urals and Western Siberia, as well as Central Asia and Kazakhstan, North-Western Iran and the South Caucasus, radically changed.

Keywords: Mongols, Tatars, Polovtsians (Cumans), Tokhtamysh, Golden Horde, Timurleng, Ethnic Processes

Аннотация

В статье рассмотрены процессы изменений этнического состава населения Золотой Орды и Чагатайского Улуса (государства Тимурленга) в конце XIV века, которые привели к практически полному исчезновению этнических монгол на территориях этих государств и их смене на половцев, тюрок и автохтонные этносы, ранее проживавшие в данном регионе. В результате длительного военного конфликта между указанными государствами этническая карта всего региона Северного Кавказа, Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири, а также Средней Азии и Казахстана, Северо-западного Ирана и Южного Кавказа серьезно изменилась.

Ключевые слова: Монголы, татары, половцы, Тохтамыш, Золотая Орда, государство Тимурленга, этнические процессы

Завоевания монголов при Чингиз-хане в начале XIII века привели к образованию обширного государства от Китая до европейских границ и от русских княжеств до Персидского залива. На всем этом пространстве в несколько млн. кв.км надо было организовать государственные структуры, наладить регулярный сбор налогов, обеспечить хозяйственное освоение захваченной и опустошенной территории (см. подробно Allsen 2001: 8-11; Biran 2004: 339-341). Этнических монголов явно не хватало для решения этих задач уже в последние годы жизни Чингиз-хана.

Возникает вопрос, откуда же черпали монголы человеческие ресурсы и в каких именно кросскультурных коммуникациях с другими народностями и племенами они находились—ведь монгольские государства продержались на завоеванных землях до конца XV века (в Китае—до 1368 г.). Уже спустя столетие, в середине XIV в., монголов в Золотой Орде называли *татарами*; в Китае они вообще китаизировались и практически растворились. И только в Иране они сохранились под своим собственным этнонимом вплоть до середины XIV в. К тому же периоду в Центральной Азии—в Моголистане и

Мавераннахре—они сохранились в состоянии, наиболее близком к характеристикам раннего периода XIII в.—с соблюдением *Ясы*, кочевым образом жизни и остатками пассионарности времен Чингиз-хана. Именно эта часть монголов стала источником людских и военных пополнений и последнего всплеска пассионарности и воинственности в государстве Тимурленга (Арапов 2004: 62-64).

Исследователей истории и этнополитических процессов, которые привели к исчезновению этнонима «монгол» и появлению на фоне этого процесса десятков новых народностей, среди которых нет ни одного с самоназванием «монгол», это, по сути, растворение этнонима победителей подвергает в культурный шок—исчезновение монголов на бесконечных просторах Великой Степи (*Даит-и Кипчак*) трудно и слишком легко объяснить «триумфом побежденных татар» (Измайлов 2011: 38-54). Следует, на мой взгляд, обратить более пристальное внимание на катастрофические, в цивилизационном плане, вторжения хорасанских и чагатайских полчищ Тимурленга и поголовное повсеместное истребление, в первую очередь, монголов и кипчаков (половцев) на территории Золотой Орды и заселение этой опустевшей и обезлюдевшей земли скрывшимися от тотального истребления «железным хромцом» автохтонными народностями, смешавшимися с уже появившемуся к тому времени метисному полуэтносу и остатками истинных монголов. Однако следует отметить, что тюркизация и смешение в этническом плане с ираноязычными народностями и в Хорасане, и в Мавераннахре, и в Могилистане имели место в значительных масштабах, но именно здесь сохранились и пользовались большой популярностью легенды и предания о подвигах Чингиз-хана и его багатуров (богатырей) (Aigle 2014: 121-132).

Из всех монгольских государств, возникших сразу после завоеваний Чингиз-хана, наибольшую площадь занимали Золотая Орда и Чагатайский Улус в Средней Азии. Во второй половине XIV в. эти монгольские государства делились на Синюю Орду, Белую Орду и Золотую Орду, вместе составлявшие Улус Джучи, и Чагатайскую Орду в Средней и Центральной Азии, которая делилась на Могилистан (степную часть) и Мавераннахр (междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи с городскими оазисами и центрами древней персидской культуры). Отметим, что Лев Гумилев считал Улус Джучи политической химерой и никакого политического единства в нем не видел (Гумилев 1993: 616).

Когда в 1208 г. Чингиз-хан выделил старшему сыну Джучи земли от Иртыша на запад—«все, что удастся ему завоевать», в помощь ему каждый из сыновей монгольского Кагана должен был выделить одну пятую часть своих войск (Рашид ад-Дин 1952b: 68-70, 274-275). Данный военно-политический формат монгольский Каган завещал своим четырем старшим сыновьям—Джучи, Чагатаю, Угедю и Толую, наследники которых, согласно традиции заложенной им же, составляют замкнутый аристократический «золотой круг» (*алтын уруг*) (Утемиш-хаджи 1992: 112).

Согласно источникам, Чингиз-хан выделил Джучи всего 4 тыс. воинов (племена сиджиут, кингит, хуран, хушин), что явно было недостаточно для «великого Западного похода». Поэтому ряд исследователей полагает, что речь должна идти не о 4 тыс. монгольских воинов, а о четырех *туменах*¹ монгольских войск, подчиненных Джучи (Сафаргалиев 1996: 175; Почекаев 2010: 187; Миргалеев 2011:25). Но и этого было явно недостаточно для столь амбициозного плана, и поэтому остальные сыновья получили приказ выделить Джучи на время данного похода одну пятую часть своих войск. По всей видимости, эти 4 тумена и составили основу армии Бату-хана, к которым прибавилось еще 18-20 тысяч этнических монголов из других армий (согласно китайским источникам, собственно войска монголов при Чингиз-хане, без учета других кочевников и

¹ Тумен— самая крупная единица монгольского войска XIII-XV вв. численностью в 10 тыс. всадников.

вспомогательных войск из покоренных народов—*танма*— составляли 129 тысяч воинов (Сокровенное сказание 1941: 138-139; Рашид ад-Дин 1952b: 266-278).

Таким образом, мы получим 58-60 тысяч этнических монголов в армии Бату-хана и еще примерно столько же присоединенных к нему других кочевников, присоединившихся к армии Батые по мере ее продвижения. Именно эти монголы и присоединившиеся к ним половецкие племена составили основной массив господствующего этноса на просторах владений Золотой Орды. Территория Золотой Орды делилась на более мелкие улусы от Крыма и Добруджи до Урала и Хорезма—их насчитывалось 23, каждый из них условно должен был выставлять один тумен воинов (Селезнев 2009: 12). Однако, на практике удавалось собрать едва ли половину этих условных войск. Добавим, что в 1208 г. Чингиз-хан выделил Джучи и «лесные народы» Забайкалья—ойратов, бурятов, урсугов, хаоханадов, хапкасов (хакасов), тубаков, киргизов и онгутов (Сокровенное сказание 1941: 147,173-175). Из письма Батые к Удегею от 1239 г. нам также известно об 11 завоеванных им народах: канглы, кипчаки, бачжигирды (башкиры), ороси (русские), манчжары (венгры), ясы (осетины), серксуты (черкесы), кешамиры(?), болары (болгары), краалы (корелы ?), куралы(?), к которым можно добавить еще и мордву, удмуртов, весь, саксины, бургасы (чуваши-?), мари, пайдавы (там же: 172,193-195). Остается добавить, что, помимо воинов, в двигавшейся орде всегда находились женщины и дети, старики и слуги. Учитывая все эти факторы, некоторые ученые определяют численность орды Батые в 375 тыс. человек (Сафаргалиев 1996: 30). Кроме того, следует иметь в виду, что большой массив населения на захваченных землях, не уничтоженный монголами, принимал непосредственное участие в этнополитических процессах. Помимо разных половецких племен, там жили предки адыгов, касогов (кабарды), осетин, аварцев и лезгин, ираноязычное городское население Хорезма и угро-финские племена Урала—мадьяры, мари, мордва, манси и ханты, а также степные кочевники Западной Сибири. Вся эта территория была заселена с различной степенью плотности—если русские княжества и Крым имели сравнительно устойчивое население, то в Западной Сибири и на Урале жителей было немного. Однако, именно в Белой Орде (Урал и Сибирь) Тохтамышу удалось набрать 9 туменов (то есть 90 тыс. воинов), которые стали основой его армии после утверждения его ханом Синей и Белой Орды в 1378 г. (Sharaf al-Din Ali Yazdi 1723, 1: 264; Шараф ад-Дин Йезди 2008: 140). Судя по сообщению источника, именно на Южном Урале и в Западной Сибири обитали в конце XIV в. монгольские племена ширин, кайат, барин, аргун, а также кипчакские племена (Утемиш-хаджи 1992: 114-115).

Когда в 1256 г. Хулагу-хан начал поход в Западный Иран и на Ближний Восток, теперь уже Золотая Орда выделила ему одну пятую часть своих войск. В то же время, после того как Багдад был взят и Халифат уничтожен, уже в 1261 г. Хулагу-хан вступает в конфликт с Берке-ханом Золотоордынским, а джучидские войска становятся опасным контингентом вражеских войск. Хулагу-хан приказал окружить их и уничтожить. Но монголы из войск самого Хулагу-хана пока еще не были готовы уничтожать своих соплеменников также, как десятки других иноверных и иноэтничных народов.

Полагаю, в этом кроется причина того явления, что из 25-27 тысяч золотоордынцев несколько тысяч сумели прорваться через Дербенд к себе в Сарай (Киракос Гандзакечи 1976: 227-228). Называются также возглавлявшие войска Джучидов «начальники (полководцы) улуса батыева: Гул, Балахай, Тутхар и Гатахан», еще несколько тысяч сумели бежать на восток в Хорасан и стали основателями здесь Никудерийской Орды (Рашид ад-Дин 1960: 91; он же 1946:29, 92). Войска золотоордынцев, бежавших в Хорасан и Систан, возглавил внук Чагатая Никудер-оглан (Рашид ад-Дин.1946:91-92), они и стали впоследствии основным ресурсом для формирования армий эмира Тимурленга. А что вообще невероятно—около 2-3 тысяч сумели прорваться с оружием в руках к мамлюкам султана Египта Бейбарса—смертельного врага Хулагуидов, а остальные были уничтожены (Киракос Гандзакечи

1976: 236). «А великий Хулагу беспощадно и безжалостно истребил всех находившихся при нем и равных ему по происхождению знатных и славных правителей из рода Батыя и Беркая: Гула, Балахая, Тутхара, Мегана, сына Гула Гатахана» (Киракос Гандзакечи 1976:236;Рашид ад-Дин 1946: 33, 40, 54, 59; Селезнев 2009: 46).

Уже через несколько десятилетий караунасы-никудерийцы представляли из себя серьезную военную силу, на которую пытался опереться сначала хулагуид Газан-хан (1295-1304), а в последние 30 лет XIV в.—эмир Тимурленг. Никудерийцы всегда носили монгольские косички, подчеркивали свою верность «Ясе» Чингиз-хана и жили по старинным монгольским обычаям и традициям. При этом они охотно смешивались с местным иранским населением, усвоили персидский язык, хотя в быту между собой и продолжали пользоваться монгольским. Никудерийцы сохраняли верования предков—язычество, тенгрианство и шаманизм (Рашид ад-Дин 1960: 91-92). Термин «караунасы» имел значение «метис», «смешанный по происхождению» и обозначал тех, кто появился на свет от браков монголов с местными женщинами иранского происхождения (Арапов 2004: 65-66).

Таким образом, в конце XIII—в середине XIV вв. в Чагатайском Улусе, в Хорасане и Систане утверждается монгольское племя, хорошо интегрированное в иранское общество и поддерживавшее интенсивные отношения с жителями городских оазисов и городов-крепостей Хорасана, Систана, Белуджистана, Гарчистана, Кабулистана и Мавераннахра. Часть никудерийцев позже, в XVI—XVIII вв., волилась в состав племенного союза хазарейцев (Арапов 2007: 24-25). До наших дней на территории Афганистана часть кочевников в составе хазарейских племен называет себя никудерийцами.

В конце XIV в., после двадцатилетней междоусобицы, казалось, что Золотая Орда распадается и дни ее как государства монголов сочтены. От нее отделяются и ведут себя как автономные политические образования, пусть и признающие номинальное старшинство хана Золотой Орды, восточные части—Синяя Орда, располагавшаяся от реки Урал до полуострова Мангышлак и Хорезма на юге, и Белая Орда, кочевавшая на южном Урале и в западной Сибири (Утемиш-хаджи 1992: 112; Миргалеев 2003:83). Среди всех кочевников и в Золотой Орде, и в Чагатайском Улусе именно в XIV в. утверждается особое, сакральное, отношение к членам клана Чингиз-хана, которых определяли в надплеменное сословие избранных—*алтын уруг*. Ханом мог быть признан и авторитетом пользовался только родившийся в этом счастливом кругу. Поэтому при появлении Тохтамыш в середине 70-х гг. XIV в. в столице Самарканде даже грозный Тимурленг выражает дружелюбное и располагающее отношение (Шараф ад-Дин Йезди 2008: 121; Утемиш-хаджи 1992: 112-113), хотя Тохтамыш и явился к нему как беглец—без армии, без богатств и даже пока без титула. Решающим был факт его принадлежности к узкому кругу избранных, «истинных монголов» из семьи самого Чингиз-хана.

Известно, что Тохтамыш происходил из рода Джучи—его тринадцатый сын от очередной жены по имени Тугай-Тимур и стал основателем рода Чингизидов-«тугайтимуридов» (Рашид ад-Дин 1960: 89). К этому же роду принадлежала семья (фамилия) Крымских ханов Гиреев с 1441 г. Молодой Тохтамыш вел жизнь вполне себе эпического монгольского героя—с самого детства и в юношеские годы (а родился он в 1342 г. в пределах Белой Орды, где-то на южном Урале) он участвовал в бесконечных стычках небольших монгольских отрядов с половцами, оттачивая воинское мастерство и приобретая масштабы мышления подлинного Чингизида. Ему было больно, по всей вероятности, наблюдать разложение и разброд в монгольских улусах и особенно в Золотой Орде. Он был отлично осведомлен и о положении в Моголистане, погрязшем в междоусобицах, и о положении дел в государстве Хулагуидов в Иране, которое пало уже в 1353 г. И если на территории Ирана за хулагуидское наследство развернулась борьба между джелаиридом султаном Ахмедом (но он не Чингизид!) и тюркскими конфедера-

циями племен Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, то в Мавераннахре, западной части Чагатайского улуса (Моголистана) ярко засверкала звезда номинального монгола из племени барлас Тимурленга. Стоит отметить, что барласы одними из первых монгольских племен оказались оторочены и резко, за несколько десятилетий, смешались с местными тюркскими племенами, приобщенными через ислами к персидской культуре. Фанатичная и показная религиозная ортодоксальность в отстаивании исламских ценностей у Тимурленга удивительным образом сочеталась с адекватным восприятием воинов Никудерийской орды, носившими монгольские косички и демонстративно поклонявшимися чингизовой «Ясе». Источники ничего не говорят о каких-либо требованиях со стороны Тимурленга к никудерийцам относительно смены веры или внешнего вида.

В отличие от Тимурленга, его оппонент из Золотой Орды демонстрирует полное пренебрежение конфессиональными особенностями—во время вторжения в Дербенд и Ширван, Тебриз и Марагу хан Тохтамыш разрушил и сжег десятки мечетей и медресе по всему Северному Ирану и особенно в Тебризе (Шараф ад-Дин Йезди 1723, 1: 138; Шараф ад-Дин Йезди 2008: 140; Хафиз Аbru 2007: 241, 245; Товма Мецопеци 1976: 22). В то же время, мы не должны забывать, что Золотая Орда с 1312 г. усилиями хана Узбека (1312-1343), объявившего ислам государственной религией, стала мусульманским государством, и уничтожение религиозных центров ислама никак не вяжется со статусом такого государства. Известно, что значительная часть монгольской знати выступила за сохранение традиционных степных ценностей времен Чингиз-хана, а хан Узбек безжалостно истребил 120 царевичей-чингизидов и нойонов в 1312 г. (Почекаев 2010: 194; также Сафаргалиев 1996: 178).

Когда недовольные бесконечными поборами и бесчисленными налогами жители Исфахана подняли восстание в 1388 г. и перебили гарнизон тимуридских войск, эмир Тимурленг, подавив восстание, велел сложить пирамиду из 70 тыс. отрубленных голов жителей города. При этом источник с возмущением добавляет: «Как будто они не были мусульманами» (Woods 1977: 49-50; The Cambridge History of Iran 2008: 54-55), что, на наш взгляд, как раз демонстрирует, что фанатизм войск Тимурленга в отношении христиан на территории Грузии не носил сугубо конфессионального характера, а был вызван в том числе военно-политическими причинами (месть Грузии за поддержку вторжения хана Тохтамыша в 1385-1386 гг.). Это была обычная для монголов со времен Чингиз-хана политика в отношении народов, посмевших оказать сопротивление. Как и Чингиз-хан, предводители войск тимуридов считали, что «только страх может удерживать в повиновении покоренные народы». Разорение Йезда с процветающей текстильной промышленностью было настолько катастрофичным, что город более столетия не мог восстановиться. Та же судьба постигла и такие мирные иранские города, как Кашан, Шуштар, Дизфуль, Дамган, Рей, Боруджирд и другие.

Фактически, Тимурленг методично уничтожал персидские города и культуру, следуя в этом политике Чингиз-хана. Ему было важно процветание только Самарканда как личной столицы, без этнической привязки к определенной культуре или религии.

Города Ирана, судя по его действиям, он рассматривал как промежуточные стоянки на Великом Шелковом пути. Говоря о его невероятной жестокости в отношении Сарая (столицы Золотой Орды), Хаджитархана (Астрахани), Азака (Азова), Таны (Танаиса), Солхата (Старого Крыма), Солдаие, Каффы (Феодосии), которые он буквально сравнял с землей и чье население в жуткий мороз угнал зимой 1396 г. через Дербенд в Хорасан и Систан (Sharaf al-Din Ali Yazdi 1723, 1: 515; Шараф ад-2008: 150; Груссе 2005: 270-271), то совершенно четко проглядывает тенденция полного уничтожения тех городов, которые в XIII-XIV вв. служили опорными пунктами международной торговли по Великому Шелковому пути.

Итальянские путешественники во времена временщика Мамаю насчитывали в гавани Каффы до 200 торговых кораблей одновременно из различных европейских стран,

а венецианцы в Тане принимали по 60 кораблей в неделю (Калан 2012: 106-123; он же 2018: 143-152; Калан/Бызылхан/Хузин 2012: 379-382). Известно, что после образования Золотой Орды и в связи с войнами в улусе Чагатаидов в XIV в. северный маршрут Великого Шелкового пути функционировал более интенсивно и именно по нему направлялась основная часть китайских товаров в Европу. Совершенно очевидна попытка эмира Тимурленга уничтожить этот маршрут по территории Золотой Орды и повернуть караваны на юг—через Мавераннахр и Иран в Сирию, Ливан и Константинополь. в Европу, как и было ранее, до XII в.

Судя по документам Золотой Орды, до конца XIII в. там пользовались уйгурским письмом, а с XIV в.—арабо-персидским. Однако, массе кочевников и простого городского населения персидский не был известен. Поэтому языком межэтнического общения с XIV в. выступает тюркский язык кипчаков (половцев), а языком литературы и официального делопроизводства—персидский язык. Кочевники Чагатайского Улуса и Золотой Орды вполне могли понять друг друга—подавляющее большинство из них владело и постоянно пользовалось тюркским языком, а знать и часть монголов (и даже такие метисы, как никудерийцы) сохранили в быту и для секретных разговоров монгольский язык.

В упорном противостоянии Золотой Орды при Тохтамыше и государства Тимурленга некоторые исследователи склонны видеть борьбу за Хулагуидское наследство (Миргалеев 2003: 43-47; он же 2011: 28; Сафаргалиев 1996: 167-168; Султанов 2006: 49). А французский востоковед Рене Груссе считает случайным совпадением целого ряда обстоятельств взлет державы Тимурленга (Груссе 2005: 269-270). Он, в частности, пишет, что в чагатайском улусе монголов к концу XIV в., собственно, не осталось—они поголовно тюркизировались. Основой успехов Тимурленга Груссе считал жесточайшую дисциплину в армии: «Его воины становились в одну шеренгу раньше, чем он успевал отдать об этом приказ» (Груссе 2005: 270). Если принять точку зрения Груссе, то сложно объяснить «случайными факторами» многочисленные победы и присоединения целого ряда стран эмиром Тимурленгом, как и его победы над ханом Золотой Орды Тохтамышем. Вряд ли в борьбе с Тохтамышем Хулагуидское наследство в Иране было конечной целью Тимурленга. Мы видим, что Тохтамыш вполне трезво оценивал ситуацию и, скорее всего, понимал, что ограбить и опустошить Северо-Западный Иран и Южный Кавказ он может, а вот удержать их под своим контролем практически невозможно.

На наш взгляд, упорное противостояние между Тохтамышем и Тимурленгом происходило, прежде всего, из желания обоих вернуть себе лавры Чингиз-хана, стать «вторым Чингиз-ханом» (Шараф ад-Дин Йезди 2008: 140; Султанов 2006: 197-198; Селезнев 2009: 185; Почекаев 2010: 255-259; Aigle 2014: 121-130; Sela 2011: 49-54; Quinn 1998: 149-152; Woods 1987: 89-94). Речь шла о возрождении могущества монгольской империи во всемирном масштабе—другими словами, речь шла о реализации задачи мирового господства, поставленной еще Чингиз-ханом, но еще в XIII в. так и не решенной монголами. И хан Тохтамыш, и *эмире бозорг* Тимурленг понимали, что монгольские войска обоих сильно отличаются и этническим составом, и пассионарностью, и презрением к смерти от «людей длинной воли—людей степей» времен Чингиз-хана. При этом оба стремились утвердить и в среде своих поликонфессиональных и полиэтничных войск, и в среде населения подвластных территорий необходимость жертвенности во имя достижения мирового господства монгольской идеи. Но даже претвори они свои планы в жизнь, это было бы уже не монгольское государство с законами «Ясы» или идеями нового Халифата, а некая мировая империя совершенно иного порядка.

И хан Тохтамыш, и эмир Тимурленг боролись не за ирано-кавказское наследство Хулагуидов—это, на самом деле, было не более, чем локальная, промежуточная задача. Тимурленг после побед над Тохтамышем, а затем—над османским султаном Баязидом Молниеносным, не видел более могущественного врага, чем Китайская империя Мин. И

поэтому в 1405 г. он направился с более чем 250-тысячной армией в поход на Китай. И не скончался он в самом начале этого похода, дальнейшие события развивались бы иначе.

Безусловно, разгромив Тохтамыша, *эмире бозорг* Тимурленг очень близко подошел к полному покорению Золотой Орды, что могло привести к увеличению подвластной ему территории сразу в два раза. При этом, следует обратить внимание, что, несмотря на громкие победы над Золотой Ордой, Тимурленг не терял трезвости ума и не собирался полностью присоединять ее к своим владениям, иначе почему же он нигде на землях Улуса Джучи он не назначал наместников (*хакимов*), что он многократно делал и в Хорезме, и в Иране, и в Северной Индии, и в Афганистане. В Золотой Орде он передал престол и правление чингизиду Тимур-Кутлугу, а вот степные области южного Урала и западной Сибири, по-видимому, хотел инкорпорировать в свои владения.

Интересно, каким образом Тохтамыш пришел к идее мирового господства и необходимости расшевелить и поднять монголов на новые походы. Слава удалого воина не давала ему причитающихся царевичу из рода Чингиза дивидендов—ни престола, ни войск, ни богатств у него не было. Вероятно, он чувствовал себя оскорбленным и униженным разложением Золотой Орды и теми событиями, которые захлестнули ее с 1361 г. Власть в Синей Орде и на полуострове Мангышлак в 1363 г. захватил Урус-хан, который спустя какое-то время убил отца Тохтамыша. Бежавший на южный Урал к Белой Орде Шейбанидов Тохтамыш первоначально думал не о ханском троне Золотой Орды, а об отмщении за смерть отца и элементарно о собственном выживании.

В это время возшла слава Тимурленга в Мавераннахре. Тохтамыш знал о монгольском происхождении племени барлас, из которого вышел *эмире бозорг* Самарканда. Чагатайский Моголистан тем временем терпел от Тимурленга одно поражение за другим. И Тохтамыш решил обратиться за помощью к Тимурленгу. Уже в 1375 г. он появился при дворе эмира Тимурленга в Самарканде (Утемиш-хаджи 1992: 114; Sharaf al-Din Ali Yazdi 1723, 1: 511), где был принят с большим почетом—и слуги, и покой, и содержание соответствовали высокому рангу Чингизида из круга избранных. Однако амбиции «истинного чингизида» не давали покоя Тохтамышу (Гумилев 1993: 635), и через несколько месяцев он уговорил Тимурленга выделить ему несколько тысяч воинов, с которыми он надеялся разбить Урус-хана и захватить власть в Синей Орде. Время было выбрано очень удачно—Урус-хан вмешался в борьбу с беглярбеком Мамаем за власть в Сарае и Золотой Орде, а в Синей Орде оставил за старшего своего сына Кутлуг-бугу. Тохтамыш был разбит и снова бежал через Хорезм в Самарканд. Вражда с Урус-ханом усилилась. Через год, в 1377 г., Тохтамыш дважды пытается захватить власть в Синей Орде и, потерпев поражение, оба раза бежит к Тимурленгу. Причем, второй раз он остался не только без войск и телохранителей, но еще и сам был ранен обломком стрелы в ногу. Его нашли в камышах на берегу Аральского моря и привезли в Самарканд. Рана зажила через месяц, а через два месяца он уже снова скакал во главе десятка тысяч хорасанских воинов в Синюю Орду. Был самый конец 1377 г., уже выпал снег в степи и тут пришло известие из ставки Урус-хана, что он скончался, а знать и рядовые монголы и кипчаки ждут Тохтамыша, чтобы признать его своим ханом. Таким образом зимой 1378 г. Тохтамыш возглавил Синюю Орду. Кочевники Белой Орды и городское население Хорезма также признали его главой Улуса Джучи, но надо было еще занять Сарай и отчеканить там монеты.

И.М. Миргалеев (Миргалеев 2003: 56-57), на основании нумизматического материала, считает, что захват Сарая произошел в 1379 г., но источник (Утемиш-хаджи) говорит о том, что Сарай был занят Тохтамышем после Куликовской битвы (сентябрь 1380 г.), в октябре 1380 г. Возможно, Тохтамыш и занял Сарай в 1379 г., воспользовавшись тем, что Мамай усиленно готовился в Крыму к походу на Московское княжество. Тогда становится понятно, почему, потерпев поражение в Куликовской битве, беглярбек Мамай бежал не в Сарай, а в Крым. Впрочем, это его не спасло: когда в октябре

1380 г. на реке Калке встретились войска Мамай и Тохтамыш, воины Мамай спешили и тут же принесли присягу верности «истинному чингизиду»—хану Тохтамышу (ПСРЛ, Т.8: 41; там же, Т.16: 118; там же, Т.18: 130). Увидев это, как сообщают литовские хроники, Мамай бросил поле боя и бежал в Каффу, где и был убит генуэзцами. А Тохтамыш проявил свое недовольство тем, что генуэзцы позволили себе расправу с одним из видных монголов — он, якобы, приказал перевезти останки Мамай в Сарай и похоронить с почетом,² а двух его сыновей принял к себе на службу (Sharaf al-Din Ali Yazdi 1723, 1: 521; Шараф ад-Дин Йезди 2008: 151). Тохтамыш таким образом давал понять, что внутренние дела монголов и Золотой Орды не могут быть поводом для расправы инородцами над политическим деятелем Золотой Орды, пусть и с мятежником. Теперь Золотая Орда вместе с Синей Ордой и давно уже признавшей власть Тохтамыша Белой Ордой снова стала единым государством с площадью более чем в 3 млн.км². В 1382 г. Тохтамыш сжег Москву и заставил Дмитрия Донского согласиться на выплату накопившихся с 1374 г. долгов по монгольской дани. Придворные летописцы и вельможи в Сарае громогласно провозгласили Тохтамыша новым Чингиз-ханом (Утемиш-хаджи 1992: 118; Бартольд 1968: 565-567; Почекаев 2010: 161; Biran 2004: 351-354; Woods 1987: 99-102).

Казалось бы, хан Тохтамыш достиг вершин человеческих желаний и должен теперь думать о благоустройстве и укреплении своего государства. Но истинный чингизид, вместо благодарности эмиру Тимурленгу, начинает противостояние с ним. В этом проявилась потестарно-политическая позиция первых чингизидов и его собственный опыт политических коммуникаций в период борьбы за власть. Строительству цивилизованного государства он предпочитает вновь утверждать себя войнами и походами. Однако это было уже другое время: «людей степей—людей длинной воли» уже сменили в Великой Степи кипчакские племена и метисы, рожденные от союзов с местным автохтонным населением. Далеко не все из них были готовы к бесконечным войнам по всему периметру границ.

А Тимурленг с 1381 г. приступил к завоеванию Западного Ирана, Сирии, Ирака, Южного Кавказа и Анатолии. Он был спокоен за свои северные границы и не ожидал вторжения со стороны Золотой Орды (The Cambridge History of Iran 2008: 56; Aigle 2014: 128-129; Allsen 2001: 136-137). Уже весной 1385 г. он захватил большую часть Ирана, жестоко расправился с сербедарами, от него бежал в мамлюкский Египет шах Багдада и Тавриза Ахмед Джелаирид, а Мусаффариды Ширази и Фарса были покорены и уничтожены. А зимой 1385-1386 гг., поступили известия о вторжении золотоордынских войск через Дербенд и Дарьяльское ущелье на Южный Кавказ и в Северный Иран— войска Тохтамыша дошли до Тавриза, взяли его штурмом и разорили. Золотоордынцы увели в плен в Сарай свыше 90 тыс. ремесленников, купцов и женщин (Товма Мецопеци 2005: 21-22; Шараф ад-Дин Йезди 2008: 111-112; 130-131); возможно, речь идет о пленниках со всего Северного Ирана, а не только из Тавриза. В это же время *эмире бозорг* Тимурленг жесточайшим образом (замуровывая в крепостные стены заживо) расправляется с сербедарами в Мазендаране и Гиляне (Маркарян 2010: 255-258). Войска его бросились к Тавризу вдогонку за Тохтамышем, прошли Дербенд, но в степях Северного Кавказа золотоордынцы побросали половину награбленной добычи и пленных и оторвались от преследования. Решающее генеральное сражение так и не состоялось. Придворный летописец Тимурленга пишет, что у Тохтамыша было в этом походе 9 туменов коренных кочевников из монголов и кипчаков из Белой и Синей Орды и тех вассальных народности из Золотой Орды, которые покорились ему снова после 1380 г. (Шараф ад-Дин Йезди 2008: 130-131). Можно предположить, что армия Тохтамыша насчитывала не менее 150 тыс. воинов, в числе которых были упомянутые в источниках

² По другой версии, Мамай был похоронен в Крыму (Почекаев 2010: 73).

аланы (овсы), черкесы, касоги (кабардинцы), башкиры, русские и крымские греки, готы и остатки хазар. Войска Тимурленга, пройдя Дербент, на просторах степей Северного Кавказа вели себя в незнакомой местности осторожно и, не дойдя до Волги, повернули обратно. Здесь были пленены несколько десятков тысяч половцев и алан, которых вместе с семьями депортировали через Северный Иран в Хорасан и Систан. На этот раз Тимурленг не рискнул дойти до Сарая и середины земель Золотой Орды. Возможно, он посчитал, что своими действиями уже ослабил Тохтамыш. Но Тохтамыш дал о себе знать уже в 1387 г.—он прошел берегом Каспийского моря через территорию Синей Орды к Аральскому морю, отбил у тимуридских войск Хорезм, разграбил Отрар, Сабран, Сирам, Бухару, Ташкент и весь Мавераннахр, но не смог взять Самарканд. Ему сообщили о возвращении из Ирана основных войск Тимурленга, и он срочно ретировался в северные степи Синей Орды. Одновременно около 50 тыс. золотоордынцев пытались снова прорваться через Дербенд в Северный Иран. Однако, на этот раз их встретил на берегах Куры сын «железного хромца» Мираншах. Он успел с помощью местных жителей возвести укрепления и валы в местах переправы через Куру и сумел отбиться от войск Тохтамыша. Но после ухода войск золотоордынцев через Дербенд на север чагатаи Тимурленга в очередной раз разграбили восточную Грузию, столицу Тбилиси и древнюю Мцхету, затем обратились на юг, в Араратскую долину, и разграбили армянские города и крепости Карс, Сурб Мари, Хлат, Бжни, Гарни, Карби, Хизан и всю область Сюника и Арчеша (Товма Мецопеци 2005: 24-26).

Война с Золотой Ордой продолжилась и в 1391 г. По совету беглеца из Золотой Орды беглярбека Едигея, правитель Мавераннахра решил нанести неожиданный удар по Тохтамышу через северные степи южного Урала на Волгу. Два года шла подготовка к походу, и в январе 1391 г. армия чагатаев Тимурленга двинулась к Ташкенту, оттуда в Отрар и к северным берегам Аральского моря. Далее армия Тимурленга направилась к реке Урал, но золотоордынских войск нигде не было. Возможно, Тохтамыш завлекал своего противника в малолюдные районы и рассчитывал на истощение войск чагатаев. Однако, Тимурленг не испугался и устроил облавную охоту по примеру Чингиз-хана на берегах Урала, а через неделю продолжил движение к верховьям Волги. Там, где небольшая речка Кондурча впадает в приток Волги реку Самару (примерно в районе современного города Самара) он догнал армию Золотой Орды. Тимурленг хитростью заманил войска Золотой Орды на невыгодные позиции и в кровопролитном генеральном сражении 18-го июня 1391 г. разгромил их. Победа далась дорогой ценой—потери армии чагатаев были столь велики, что Тимурленг еще 27 дней стоял на месте и только в середине июля выступил в обратный путь. Уже в середине октября войска Тимурленга достигли Ташкента, а в октябре—Самарканда.

Выходит, войска Тимурленга прошли около 3-х тысяч км. до р. Кондурча за пять месяцев, а обратно—за три с небольшим. Известная каменная надпись, сделанная по приказу Тимурленга на южном Урале при возвращении домой, позволяет уточнить численность армии чагатаев—около 200 тыс. воинов (Григорьев и др. 2004: 3-24). Но и у Тохтамыша было не меньше войск: по данным источников он потерял в битве при Кондурче 18 туменов. Если допустить, что половина воинов погибла, получается, что Тохтамыш потерял около 90 тыс. воинов (Sharaf al-Din Ali Yazdi 1723, 2: 301-303; Шараф ад-Дин Йезди 2008: 290-291). Но ему удалось быстро восстановиться и укрепиться в Сарая—уже в 1392 г. московский князь Василий Первый отвозит дань ему в этот город (ПСРЛ, Т.11, 2000:148). А уже в 1393 г. Тохтамыш сам нападает на Хорезм и отбивает его у тимуридских войск. Возникает вопрос, откуда взялись людские резервы после столь сокрушительных поражений 1387 г. и 1391 г. и депортаций населения. Остается предположить, что под давлением обстоятельств Тохтамыш набирает в армию уже не столько монголов, сколько представителей коренных народов Поволжья, Южного Урала и Южной Сибири, а также Северного Кавказа и Крыма. Если описывая его походы 1385-

1387 гг. на Южный Кавказ и Северный Иран, источники говорят о контингентах войск Золотой Орды из всех этих регионов как вспомогательных инородческих (*танма*) войсках, то после 1391 г., надо признать, именно эти войска становятся основной частью армии Золотой Орды, потому что термин «танма» после 1391 г. исчезает из источников при перечислении войск Золотой Орды, тогда как контингенты воинов из всех регионов по прежнему продолжают упоминаться в источниках.

Поход 1391 г. чагатайских войск и хорасанцев вместе с никудерийцами оказался сильным ударом по Золотой Орде, но еще не сломил ее окончательно. Когда Тимурленг понял это, он стал готовить новое нападение на Улусу Джучи. В 1393-1394 гг. его внимание отвлекли восстания в Иране, а весь 1394 г. шла деятельная подготовка к вторжению на север. Для сокрытия своих планов Тимурленг приказал распространить информацию о якобы готовящемся походе на мамлюкский Египет или Османскую Турцию (Sinor 1989: 344-347; Sela 2011: 227). Заготовливались продукты для армии, средства переправы через реки, перегонялся скот в Ширван и Северный Иран. Все эти приготовления не остались незамеченными Тохтамышем—он отправил гонцов во все концы Улуса Джучи с приказом прислать войска к берегам Терека. Тохтамыш, конечно же, не поверил слухам о походе чагатайских войск на мамлюков или османов. Вопрос в том, сумел ли он эффективно подготовиться к вторжению чагатайских войск. Судя по косвенным данным, Тохтамышу удалось собрать не более 110-120 тысяч войска, из которых более половины составили горские народы Дагестана, овсы (осетины), черкесы, русские, чуваша, мордва, башкиры и хорезмийцы, тогда как кочевниками— кипчаками и монголами—было представлено меньше половины армии Золотой Орды. Уже сам этот состав армии свидетельствует о значительном и, возможно даже, коренном изменении этнического состава населения Золотой Орды в результате войн с Тимурленгом. В марте 1395 г. войска эмира Тимурленга прошли Дербенд и вышли к берегу Терека. На другом берегу реки их уже поджидала армия Тохтамыша (Sharaf al-Din Ali Yazdi 1723, 2: 304; Шараф ад-Дин Йезди 2008:194-196). Несколько дней обе армии шли параллельными путями, золотоордынцы никак не давали переправиться чагатайским войскам. Надо полагать, главную роль в неоднократном срыве переправы (причем действуя при этом малыми силами) сыграли контингенты войск из горцев Дагестана, хорошо знакомых с местностью. И тут снова проявился талант полководца Тимурленга—он приказал передеть воинами со шлемами всех женщин, слуг, рабов и пленных и продолжать параллельное движение, а сам ночью с основной частью армии быстрым маршем вернулся назад и на рассвете беспрепятственно переправился на северный берег (Гонсалес де Клавихо 1990:144).

В трехдневной генеральной битве, состоявшейся в середине апреля 1395 г., войска Золотой Орды были разбиты. В битве приняли личное участие и Тохтамыш, и Тимурленг, лично воодушевлявшие своих воинов (Шараф ад-Дин Йезди 2008: 195; Гонсалес де Клавихо 1990: 144—146). Снова хан Тохтамыш был вынужден бежать, но на этот раз не в глухие удмуртские леса на север, как в 1391 г., а на северо-запад, в Москву (по некоторым данным, он более месяца отсиживался здесь в ожидании ответа из Литвы от Великого князя Витовта на свою просьбу о помощи). Получив положительный ответ от Витовта, уже осенью (в сентябре) он был в Литве в сопровождении 3-х тысяч всадников, где получил на постой город Лиду.

Тимурленг же на этот раз довел до логического конца полное уничтожение всех городов Золотой Орды и основной части кочевников. Он сравнял с землей Хаджитархан (Астрахань), Сарай, Азак, Каффу, Солхат, Керчь, Солдайю, Евпаторию, Тану, Укек, Маджар и другие города. Кроме того, источники говорят об истреблении всего христианского населения этих городов и уводе в плен в Хорасан около сотни тысяч оставшихся в живых (Sharaf al-Din Ali Yazdi 1723, 1: 307-309; Шараф ад-Дин Йезди 2008: 199-200, 204). При этом полностью были истреблены и рассеяны по степям племена парлан, корбука, гулчи,

юркун. По-видимому, это те монгольские племена, которые до конца поддерживали Тохтамыш. От этого катастрофического удара Золотая Орда уже так никогда и не оправилась.

Через год после этого похода хану Тохтамышу удалось восстановить свою власть в Крыму и Сарая, но уже в 1397 г. он был изгнан из Сарая и вновь оказался в Великом княжестве Литовском в Киеве. Сарай (вернее, то, что от него осталось) был занят войсками другого монгольского царевича Тимур-Кутлуга, которому на помощь беглярбек Едигей привел 20 тыс. хорасанских войск и никудерийцев (Sharaf al-Din Ali Yazdi 1723, 1: 515; Шараф ад-Дин Йезди 2008: 292; Утемиш-хаджи 1992: 115). В 1399 г. Великий князь Витовт и Тохтамыш совершили поход на Сарай. Битва с армией Тимур-Кутлуга и Едигея состоялась на реке Ворскла. Накануне битвы Едигей потребовал выдачи Тохтамыш, на что Витовт отреагировал решительным отказом (Шараф ад-Дин Йезди 2008: 291). Несмотря на наличие огнестрельного оружия, литовцы проиграли битву, а Тохтамыш бежал на этот раз на восток, во владения Шейбанидов Белой Орды в Западной Сибири. Вероятно, логично будет считать 1399 г. последним годом правления хана Тохтамыш в Золотой Орде. Еще шесть лет он кочевал по степям Южного Урала и Западной Сибири, но снова собрать армию ему так и не удалось. Его выследили и убили воины Едигея. Так закончил свою жизнь последний пассионарный чингизид из «алтын уруга», пытавшийся остановить начавшийся распад Золотой Орды.

Ни хан Тохтамыш, ни *эмире бозорг* Тимурленг ничего иного не могли предложить своему населению, кроме идеи объединения, со второй попытки, монголов всей обитаемой части суши под рукой одного правителя с признаками неограниченной деспотической власти. Агония монгольского начала или, скорее, все еще воспринимаемого по инерции как монгольского, отразилась и в нежизнеспособности предложенной идеи мирового господства. Ни Тохтамыш, ни Тимурленг не были озабочены планами процветания и благоустройства своих земель, повышения уровня жизни своих подданных. Исключение можно видеть лишь в одном городе, Самарканде, который засверкал дворцами и мечетями, созданными руками и умом согнанных туда пленников со всего Ближнего Востока, с Южного Кавказа и с территории Золотой Орды.

Оба правителя в кросскультурных коммуникациях с подвластными народами рассматривали их как поставщиков военной силы и источник безжалостной дани. Не может быть никакого сравнения этих военно-кочевнических государств с предшествовавшими им державами Буидов или Тахиридов в Иране, где государства были выстроены в потестарных традициях и навыках жизни с состоявшимися рычагами власти, отлаженными механизмами фискальной системы, заботой об обеспечении жизненного минимума крестьян и кочевников. При подобном подходе Тохтамышу и Тимурленгу, возможно, удалось бы опереться на коренное население завоеванных территорий и создать куда более прочные государства. Однако, и Тохтамыш, и Тимурленг пошли известным им со времен Чингиз-хана путем—они избрали в качестве своей опоры остатки старых монгольских племен и их смешанный с местным населением состав (к примеру, тех же никудерийцев; а в Золотой Орде это были кипчакские племена, которые, приняв ислам, сумели перемолоть в себе остатки монголов). Уже в XV веке никто ни в Золотой Орде, ни, тем более, в тимуридских владениях, не вспоминал о своем монгольском происхождении. С отделением Крымского ханства, а позже—Казанского ханства (в 30-ые гг. того же XVв.) Золотая Орда, фактически, прекратила свое существование.

Само появление государства Тимурленга явилось ярким всплеском старой монгольской пассионарности XIII века, но уже в составе новых исполнителей—кипчаков, тюрок, хорасанских персов (и кочевников, и горожан), гуров, гарчистанцев, никудерийцев, пуштунов и нескольких племен собственно монголов. А в Золотой Орде процесс ассимиляции и уничтожение в ходе войн с Тимурленгом последних носителей чингизовой воли и упорства привел к преобладанию новых народностей—татар Крыма и Казани,

Урала и Сибири, казахских племен и киргизской народности. В отличие от государства Тимуридов, так и не приобретшего политонима, в Золотой Орде политоним «татары» становится маркером населения обширной территории и заменяет первоначальный этноним «монголы». Это уже новая народность, вобравшая в себя черты и автохтонного местного населения Поволжья, Северного Кавказа, Крыма и Причерноморья, Южного Урала и Западной Сибири, и этнохарактеристики кочевников—монголов, кипчаков, тюрок, алтайцев, уйгуров и других. При сравнении кросскультурных связей и этнополитических аспектов процессов ассимиляции, взаимодействия и противостояния различных этнических составляющих на безбрежных просторах и одного, и другого государства, выявляется более мягкое и бесконфликтное протекание формирования новых народностей в Золотой Орде.

Могущество обоих государств угасает в XV веке в отсутствии политических, военных, экономических и этнических скрепов. Победив Золотую Орду под знаменем единства всех монгольских улусов—сыновей Чингиз-хана, государство Тимурленга не предложило десяткам покоренных народов ничего, кроме серьезного налогового бремени.

Просматриваемые кросскультурные связи и контакты позволяют говорить о растворении монголов в преобладавшей среде автохтонного местного населения. Полиэтничность населения степей Поволжья и Южного Урала, Северного Кавказа и Крыма хорошо просматривается по археологическим данным регионов до конца XIV века (Иванов 2015: 149, 162, 205; Иванов/ Гарустович/Пилипчук 2014: 74, 126, 153), а уже в XV веке летописцы не упоминают кипчагские племена токсоба, бурлы, йетай, дурут, карабирикли, андоглы, джузан, кангу, карабар, бурджоглы, котян, проживавшие прежде на всех этих территориях от Черного моря до Уральских гор; к тому времени все они уже обозначаются единым этнонимом «татары» (как и остатки монгольских племен). При этом, отметим, что башкиры, чувашаи, мордва, осетины, адыги, кабардинцы, дагестанские народы, греки Крыма сумели сохранить себя как отдельные этнические общности, хотя все они в той или иной мере приняли участие в процессе этноконсолидации народности «татары».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арапов А.В. (2004), «Караунасы-никудерийцы и их роль в чагатайской истории», *Общественные науки Узбекистана*, Ташкент, 2-3: 61-67.
- Арапов А.В. (2007), «Никудерийская орда как фактор чагатайской истории», *Труды Байсунской научной экспедиции*, том 1, Ташкент: 138-154.
- Бартольд В.В. (1968), «Токтамыш», *Сочинения*, том 5, М.: 564-567.
- Гонсалес де Клавихо Руй (1990), *Дневник путешествия ко двору Тимура (1403-1406)* (перев. с испанского, предисловие и примечания И.С. Мироковой), М.
- Григорьев А.П./Телицын Н.Н./Фролова О.Б. (2004), «Надпись Тимура 1391г.», *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*, выпуск 21, СПб.: 3-24.
- Груссе Рене (2005), *Империя степей. Аттила, Чингиз-хан, Тамерлан* (перев. с франц. Х.К. Хамраева), т. 1-2, Алма-Ата.
- Гумилев Л.Н. (1993), *Древняя Русь и Великая степь*, М.
- Иванов В.А. (2015), *Кочевники Золотой Орды*, Уфа.
- /Гарустович Г.Н./Пилипчук Я.В. (2014), *Средневековые кочевники на границе Европы и Азии*, Уфа.
- Измайлов И.Л. (2011), «Татары в империи Чингиз-хана и его наследников: триумф побежденных», *Золотоордынское наследие*, вып.2, Казань: 38-54.
- Калан Э./ Бызылхан Н./Хузин Ф.Ш. (2012), «Великий Шелковый путь и его северные ответвления», *Bulgarica*, Москва-Казань: 370—389.

- Калан Э. (2018), «Средневековый Великий Шелковый путь как главный торговый путь, соединявший Восточную Европу и Азию», *Journal of Turkish World Studies*, 18/1: 143-152.
- Киракос Гандзакечи (1976), *История Армении* (перев. с древнеармянск., предислов. и комментарий Л.А. Ханларян), М.
- Маркарян С.А. (2010), *История Ирана в средние века—от Сасанидов до Каджаров*, Ростов-на-Дону.
- Миргалеев И.М. (2003), *Политическая история Золотой Орды периода правления Тохтамыш-хана*, Казань.
- Миргалеев И.М. (2011), «Тохтамыш и Тимур: реставрация антимамалюкской коалиции», *Золотоордынское наследие*, выпуск 2, Казань: 27-32.
- ПСРЛ—Полное Собрание Русских Летописей, 8 (1998), 11 (2000), 16 (2000), 18 (2007).
- Почекаев Р.Ю. (2010), *Ханы Золотой Орды. Тохтамыш, или «новый Чингиз-хан»*, СПб.
- Рашид ад-Дин (1946), *Сборник летописей*, Том III (перев. А. К. Арендса), М-Л.
- (1952а), *Сборник летописей*, Том I, Книга 1 (перев. Л.А. Хетагурова), М-Л.
- (1952б), *Сборник летописей*, Том I, Книга 2 (перев. О.И. Смирновой), М-Л.
- (1960), *Сборник летописей*, Том II (перев. Ю.П. Верховского), М-Л.
- Сафаргалиев М.Г. (1996), *Распад Золотой Орды. На стыке континентов и цивилизаций*, М.
- Селезнев Ю.В. (2009), *Элита Золотой Орды*, Казань.
- Сокровенное сказание*. (1941) *Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol-un nigūča tobčiyan: Юань чао би ши, Монгольский обыденный изборник* (перев. текста С.А.Козин), М-Л.
- Султанов Т.И. (2006), *Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть*, М.
- Товма Мецопеци (2005), *История Тимурленга и его преемников* (перев. с древнеармянского, предисл., примеч. К. С. Давтян), Ереван.
- Утемиш-хаджи (1992), *Чингиз-наме* (перев. и коммент. В.П. Юдина, указатели М.Х. Абусаитовой), Алма-Ата.
- Хафиз Абру (2007), *Зайл-и джамиат-Таварих-и Рашиди* (перев. с персидск., предисл., коммент., примеч. и указатели Э.Р. Тальшханова), Баку.
- Шарафад-Дин Йезди (2008), *Зафар-наме* (перев. и издан. А. Ахмедова), Ташкент.
- Aigle D. (2014), *The Mongol Empire between Myth and Reality*, Leiden-Boston.
- Allsen T. (2001), *Culture and conquest in Mongol Eurasia*, Cambridge.
- Biran M. (2004), “The Mongol Transformation from the Steppe to Eurasian Empire”, *Medieval Encounters*, 10.1-3: 339-361.
- Sinor D. (1989), “Diplomatic practices in Medieval Inner Asia”, *The Islamic World from classical to Modern Times* (Eds. C. Bosworth, Ch. Issawi and R. Savory), Princeton: 337—355.
- Sela R. (2011), “The Legendary biographies of Tamerlane”, *Islam and Heroic Apocrypha in Central Asia*, Cambridge: 225-331.
- Quinn Sh. (1998), “Notes on Timurid legitimacy in Three Safavid Chronicles”, *Iranian Studies*, 31.2: 149-158.
- Sharaf al-Din Ali Yazdi (1723), *The History of Timur-Bec, known by the name of Tamerlain the Great, emperor of the Moguls and Tatars: being an historical journal of his conquests in Asia and Europe* (trans. by J. Darby), Vols 1-2, London.
- The Cambridge History of Iran* (2008), Vol. VI., Cambridge.
- Woods J. E. (1977), “A Note on the Mongol capture of Isfahan”, *Journal of Near Eastern Studies*, 36. 1: 49-53.
- (1987), “The Rise of Timurid Historiography”, *Journal of the Near Eastern Studies*, 46.2: 81-102.

DOI 10.48200/9789939672571_89

ИРРЕГУЛЯРНОЕ ВОЙСКО, ШАХСКАЯ ГВАРДИЯ И АРТИЛЛЕРИЯ КАДЖАРСКОГО ИРАНА XVIII-XIX ВВ.

Нугзар Тер-Оганов

Центр иранских исследований *Альянс*,
Университет Тель-Авива

Abstract

This article examines the role of Irregular armed forces, consisting of ad hoc and standing forces, that is of the Irregular army, Shah's bodyguard and Artillery corps in the Qajar state in XVIII-XIX cc. Despite the formation of Regular army units in Iran, through the XIX c. the Irregular armed forces continued to play a significant role in the socio-political life of the Qajar state.

By exploring the military system of that period, we can attain an in-depth understanding of some socio-political aspects of the Qajar state. The paper explores the relationship between the branches of the military and between competing elements within society, and how the Irregular armed forces reflected some characteristic features of traditional Iranian society.

Keywords: Qajar Iran, Qajar Irregular Army, Tribal Cavalry, Provincial Militia, Shah's Bodyguard, Gholāms, Tofangchis, Jazāirchis, Shamkhālchis, Joushan-Pushān, Artillery, Tupkhāneh, Qurkhāneh, Jabakhāneh

Аннотация

В военной структуре государства Каджаров отразилась тенденция привлечения гражданского населения к военной службе в качестве противовеса кочевым племенам. Конечной целью подобной политики было достижение баланса интересов различных фракций иранского традиционного общества. Социально-этнический состав каджарского войска является наглядным примером того, как власть использовала в своих интересах противоположность позиций, занимаемых в обществе кочевым и оседлым элементом.

Как на рубеже XVIII-XIX вв., так и на всем протяжении XIX в., несмотря на формирование отдельных частей регулярной армии в Иране иррегулярные вооруженные силы продолжали играть заметную роль в социально-общественной жизни страны.

В исследуемом периоде вооруженные силы Каджарского государства состояли из иррегулярного войска, представленного иррегулярной кавалерией кочевых племен и провинциальным, или территориальным ополчением, а также личной гвардией шаха и корпусом пушкарей. В отличие от временного иррегулярного войска, шахская гвардия представляла собой полурегулярную, постоянную военную силу и она активно функционировала вплоть до создания Персидской казачьей бригады в 1879 г. Артиллерия, на рубеже XVIII-XIX вв. не представляла собой серьезной военной силы из-за своей функциональной ограниченности и отсутствия качественной материальной базы.

Ключевые слова: Каджарский Иран, иррегулярное войско, кавалерия кочевых племен, провинциальное ополчение, шахская гвардия, голямы, тофангчи, джазаирчи, шамхалчи, джоушан-пушы, тупхане, курхане, джабахане

Введение

В конце XVIII в. длительные внутрифеодальные войны в Иране завершились победой племени Каджаров—его вождь Ага-Мохаммад-хан огнем и мечом объединил раздробленную страну и основал новую царскую династию, правившую в стране более 130 лет. Хотя новому иранскому шаху и удалось объединить Иран, однако, как замечает Н. А. Кузнецова: “Процесс создания государства—определения границ, создания государственного аппарата, упорядочения жизни и т.п.—растянулся на несколько десятилетий и завершился, в основном, к концу правления Фатх Али-шаха” (Кузнецова 1978: 11).

Правление Каджарской династии в Иране началось в период сильной политической турбулентности на европейском континенте, когда на рубеже XVIII-XIX вв. геополитические интересы ведущих европейских стран схлестнулись на просторах Большого Ближнего Востока. Оказавшись перед лицом фактической “потери” Восточной Грузии в 1801 г. Каджарский Иран для противостояния продвижению российской империи в Закавказье стал искать союзников в Европе. Особенно это стало актуально после начала Первой русско-иранской войны в 1804 г. Тогда, потерпев ряд военных поражений от русской армии, Иран обратился за военной помощью сперва к Наполеону Бонапарту, а затем к англичанам поскольку иранское иррегулярное войско оказалось неспособно противостоять русской регулярной армии. Тем не менее, несмотря на удачи и провалы в формировании регулярных частей, на всем протяжении правления Каджаров иррегулярное войско, наряду с шахской гвардией, продолжало функционировать.¹

Иррегулярное войско было одним из центров силы, на которое опиралось государство. Оно использовалось шахской властью не только для ведения военных действий против иноземцев, но и для поддержания порядка и подавления центробежных сил внутри страны.

Следует заметить, что несмотря на некоторые изменения в экономической, социально-общественных отношениях, серии реформ, иранское общество продолжало пребывать в тисках традиционного образа жизни, под воздействием которого и сформировался характер иррегулярного войска. Роль племен, начиная с Сефевидов и кончая Афшарами, в общественно-политической жизни страны была огромна. По этому поводу справедливо замечание иранского историка Али Асгара Шамима (1398: 15) о том, что “три последние столетия это история военно-политических движений племен”.

Следует заметить, что история исследования каджарской эпохи не так богата из-за политической конъюнктуры—при правлении династии Пехлеви (1925-1979 гг.) всячески умалялась роль предыдущей шахской династии Каджаров, что нашло отражение и на состоянии исследования ее исторического наследия. В этой связи совершенно справедливо, конечно, с некоторыми оговорками,² заявление американской исследовательницы Роксаны Фарманфармаян (2008: 2-30) о том, что за последние два десятилетия после свержения династии Пехлеви значительно возрос научный интерес к эпохе Каджаров, чему, по ее мнению, во многом способствовали новая интерпретация имеющегося материала, а также доступность к недавно обнаруженным документальным источникам и артефактам из архива Шахского дворца, а также из библиотек Ирана, Грузии и России.

¹Несмотря на утверждения Роксаны Фарманфармаян о том, что со временем произошли постепенные структурные изменения военной системы, а именно имел место переход от племенно-феодальной лояльности к образованию одной, централизованной военной силы, т.е. регулярной армии, история вооруженных сил Каджарского Ирана показывает, что в полной мере достичь этого в исследуемой эпохе не удалось. Регулярная армия не смогла заменить полностью иррегулярное войско.

²Справедливости ради необходимо отметить, что эта эпоха нашла довольно широкое научное освещение в советской иранистике.

Тем не менее, следует отметить, что до настоящего времени в современной историографии по Ирану отсутствовали исследования, за исключением некоторых работ,³ посвященные изучению роли и места иррегулярных вооруженных сил в социально-политической жизни этой страны.

Исследование роли и места иррегулярного войска, представлявшего собой непостоянную вооруженную силу, а также шахской гвардии и артиллерии, как постоянной вооруженной силы в жизни каджарского общества, дает нам возможность проследить систему взаимоотношений между вооруженной силой с одной стороны, и властью и обществом с другой, а также понять суть всей военной конструкции Каджарского Ирана, рассчитанной на соблюдение баланса сил как внутри страны, так и за ее пределами.

“Иррегулярность” войска проявлялась в нескольких характерных особенностях, к которым следует отнести отсутствие комплектования войска на постоянной основе, архаичность его структуры, зависимость его функционирования от степени взаимоотношений шаха с вождями племен. Иррегулярным или неупорядоченным также был механизм обеспечения войска всем необходимым, что было вызвано отсутствием отлаженных военных институтов. Разнообразие в вооружении было еще одним признаком “иррегулярности” Каджарского войска.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые специально изучается роль и место иррегулярного войска, шахской гвардии и артиллерии в государстве Каджаров, показаны их организационные структуры, принципы комплектования, сбора войска, условия призыва и прохождения службы, вооружение и др. вопросы. В исследовании на историческом материале показана зависимость вооруженных сил от характера социально-общественных отношений в государстве. В структуре вооруженных сил Каджарского государства отразилась давняя тенденция привлечения в Иране гражданского населения к военной службе в качестве противовеса кочевым элементам государства. Ее конечной целью было сбалансирование влияния кочевых племен через подключение оседлого элемента к военной службе. Социально-этнический состав каджарского войска является наглядным примером того, как власть использовала в своих интересах противоположность позиций, занимаемых в обществе кочевым и оседлым элементом.

Для того, чтобы понять, как на характере иррегулярного войска отражалось положение традиционного иранского общества в исследуемом периоде, следует рассмотреть такие его аспекты, как сбор иррегулярного войска, его организация, управление и структура, снабжение, его потенциал как вооруженной силы, а также роль этой вооруженной силы в военно-политической жизни Каджарского Ирана.

В качестве материала для написания данной статьи послужили первоисточники XVIII—начала XX вв. на европейских, прежде всего на русском, а также на персидском и грузинском языках. Полезные сведения по данной теме мы находим в Российском военно-историческом архиве, а также в коллекции исторических документов, представленных в Актах Кавказской археографической комиссии (1866, 1868). Ценные сведения о состоянии вооруженных сил Ирана того периода содержатся в “Записке о персидской армии” генерал-майора русской службы Франкини, отправленного в Иран в 1877 г. для исследования военного потенциала Ирана. В трудах иранских историографов того периода, из которых следует выделить Абд ар-Резак-бега Домболи, Джанхангир-мирзу Каджара, Реза Кули-хан Хедайията и Мохаммад Хасан-хана Сани од-Доуле, также можно найти богатый материал для изучения основных характеристик иррегулярной армии.

³ См., например, нашу диссертационную работу, в которой мы предприняли попытку изучения характерных особенностей вооруженных сил Каджарского Ирана (Тер-Оганов 1984: 51-84; Rabi/Ter-Oganov 2012: 333-354).

Особую ценность в этом ключе представляют собой работы грузинского царевича Теймураза Багратиони “История Давида Багратиони” и “Персидский дневник или кровью написанные мысли”, которые чрезвычайно уникальны и вместе с тем полезны своим подробным и живописным описанием иррегулярного войска Каджаров.

В свою очередь, отчеты западных, в основном, английских дипломатов и путешественников того периода, содержат обширную информацию об иррегулярном войске Каджаров. Они дают нам возможность взглянуть на него с европейской точки зрения, не совпадающей с взглядами иранских источников. Следует заметить, что благодаря анализу русского архивного материала и западных документальных источников нам удалось уточнить значение многих персидских военных терминов, обильно встречаемых в работах иранских историографов, что в конечном счете помогло в уточнении функций отдельных частей иррегулярного войска.

Западные дипломатические отчеты и книги путешествий по Ирану, включая книгу Альфреда Гардана (1865), “Миссия генерала Гардана в Персию при первой империи. Исторические документы”, “Историю Ирана” Джона Малькольма (1815), “Путешествие по Персии, Армении и Малой Азии в Константинополь в 1808 и 1809 гг.” и “Второе путешествие по Персии, Армении и Малой Азии в Константинополь между 1810 и 1816 гг.” Джеймса Мориера (1812), “Путешествия в разные страны Востока, особенно в Персии” Уильяма Аузли (1819; он же 1923), а также других авторов богаты ценными сведениями о вооруженных силах каджарского периода.

Характерные особенности иррегулярного войска Каджаров

В рассматриваемый период, как и в прежние века, Каджарский Иран представлял собой страну с традиционно-патриархальными производственными отношениями с сильным присутствием кочевых элементов. Наличие многочисленных кочевых и полукочевых племен отрицательно влияло на экономическое и культурное развитие страны, что оставило след и на военном деле. Как писал В. В. Трубецкой (1978: 176), “племена были источником постоянных смут и усобиц в истории Ирана, олицетворяя основные центробежные силы, противостоящие процессу образования централизованной феодальной империи”. Но, с другой стороны, не следует забывать, что в свое время именно их военная сила в лице семи кызылбашских племен способствовала образованию Сефевидского государства.

Большим влиянием в Иране традиционно пользовались кочевые племена разных этнических групп, из которых, помимо пришедшего к власти племени каджаров, можно назвать бахтияр, курдов, афшар, карагузлу, арабов, кашкайцев, белуджей, туркмен и др.

Каждое кочевое или полукочевое племя имело своего вождя в лице *амира*, *ильхани*, *ильбеги* или *шейха*, с которым приходилось считаться центральному правительству. Шах часто назначал вождя племени правителем провинции, тем самым превращая его в государственного чиновника (Lambton 1960: 130). В случае неповиновения кочевых племен шахский двор, если, конечно, он располагал достаточной силой, дробил и расселял их по разным районам страны, как это активно практиковали в гораздо крупных масштабах шах Аббас I и Надир-шах Афшар. Несмотря на то, что центральная власть временами прибегала к таким крутым мерам для подчинения непокорных кочевых племен, тем не менее, она всегда проявляла особую осторожность в отношениях с ними. Шахский двор избегал раздоров с вождями племен, так как только в случае их благорасположения он мог рассчитывать на их военную помощь. Следует отметить, что особенности организационной структуры кочевых племен давали им возможность в кратчайший срок выставить необходимое количество вооруженных всадников. Именно поэтому военную службу в государстве на протяжении веков несли в основном кочевые племена, хотя в период правления Надир-шаха стали призывать на военную службу и *райатов* (Арунова/Ашрафян 1958: 130).

Согласно историческим сведениям, основатель династии Каджаров Ага Мохаммад-хан проявлял большую заботу по отношению к своему войску. По сообщению Дж. Малькольма (1815, 2: 309), “он был щедр и милостив к своим воинам, нежели к любому другому сословию своих подданных”. Стремясь расположить к себе воинов, Ага Мохаммад-хан не только регулярно платил им жалованье и исправно давал полагающееся им довольствие, но часто разрешал им грабить население страны, что являлось эталоном их поведения и было широко распространено среди племен региона (там же: 310). Вместе с тем он требовал от своих воинов беспрекословного подчинения и исполнения приказов. С целью исключить любое неповиновение со стороны войска, он завел у себя шеститысячный конный “отряд заграждения” из туркмен, в задачу которого входило пресечение попыток войска отступить назад. Как известно, этот отряд был поставлен в тыл иранского войска во время ожесточенной битвы с героическими защитниками Тифлиса в 1795 г. (Багратиони 1972а: 34-35).

Можно сказать, что на рубеже XVIII-XIX в. Иран представлял собой огромный военный лагерь, что не ускользнуло от внимания Дж. Малькольма (1815, 2: 482). Он вполне справедливо охарактеризовал шахское правительство того периода, как “военно-деспотическое”. По определению Ф. Энгельса (1962, 28: 221), “правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансов (ограбление своей страны), войны (ограбление своей страны и чужих стран) и общественных работ (забота о воспроизводстве)”. В этом отношении каджарский Иран полностью соответствовал этому определению. Действительно, наипервейшей заботой каджарских шахов было войско, так как с его помощью не только вели борьбу против внешних и внутренних врагов, но производили насильственный сбор налогов.

На рубеже XVIII-XIX вв., еще до создания регулярной армии в Иране, основной вооруженной силой государства были иррегулярные вооруженные силы,⁴ состоявшие из кавалерии кочевых племен и территориальных ополчений или милиции, а также шахской гвардии и артиллерии. Следует заметить, что даже в ходе длительного процесса формирования регулярных частей в Иране иррегулярное войско по-прежнему играло важную роль в военно-политической жизни каджарского государства.

Между тем, несмотря на формирование регулярной армии, западные источники всегда подчеркивали отсутствие порядка в системе военной организации как иррегулярной, так и регулярной армий. Например, английский путешественник Джеймс Б. Фразер (1820-1821 гг.) (1984: 223) особо отметил отсутствие “регулярности” вообще в иранских вооруженных силах: “Пытаясь обозреть военные ресурсы Персии, читатель должен избавиться от малейшей мысли, напоминающей ему об атрибутах регулярной армии; шах не обладает ничем подобным”. В целом они подтверждают, что военные порядки в Иране не претерпели существенных изменений в период правления Каджаров и все это, конечно, не могло соответствовать западным взглядам на армию.

Управление иррегулярным войском, его структура и численность

В персидских нарративных и документальных источниках исследуемого периода иррегулярное войско упоминается под следующими названиями: *лашкяр* (لشکر), *кошун* (قشون), *сенах* (سپاه) и *чярик* (چریک). По сведениям европейских авторов, ополчение кочевников Хорасана называлось “илджари” (البلجاری).⁵

В период правления Ага Мохаммад-хана Каджара военное ведомство, впрочем, как и весь государственно-административный аппарат, было весьма неупорядоченным и несовершенным. Военным ведомством, которое фактически выполняло роль военной канцелярии, ведал *лашкарневис-баши* (لشکر نويس باشی). Под его начальством находилось

⁴ РГВИА. Ф.76.Оп.1. Д.378.Л.23

⁵ См., например: Бернс 1849, III: 128, а также Conolly 1834, I: 219.

несколько *мирз* (میرزا)—писцов и *мостуфи* (مستوفی)—финансовых чиновников. Помимо главного лашкарневиса, в каждой провинции при наличии в ней войска находился лашкарневис. В 1806 г. Фатх Али-шах упразднил должность лашкарневис-баши и назначил в качестве военного министра *вазир-е лашкяра* (وزیر لشکر), с сохранением его прежних служебных обязанностей лашкарневис-баши. Согласно сообщению иранского историка Реза Коли-хана Хедайата (1339: 416-417), отныне всеми делами войска стал ведать вазир-е лашкяр. В его обязанности входило назначать пенсии, жалованье и довольствие воинам. Он же должен был устраивать в присутствии шаха смотр войску, а также вести учет воинов.

Согласно официальным сообщениям персидских *Сал-наме* (ежегодных календарей-альманахов), иррегулярное войско состояло из крупных отрядов *дасте* (دسته) и *джамаатов* (جماعت) (Сани од-Доуле 1294: 14-18). Контингент дасте или джамаата не был четко определен, так как их размер зависел от численности каждого племени. Командование этих отрядов всегда находилось в руках племенной знати.⁶

Как правило, во главе дасте (джамаата) стоял *саркярде* (سرکرده)⁷—командир. В целом же командование войска возлагалось на опытного хана, которому присваивалось звание *сардара* (سردار)—командующего. Как правило, *сардар* командовал всеми вооруженными силами провинции.⁸ По традиции звание сардара считалось весьма почетным. В период правления Каджаров на пост сардара нередко назначались принцы. Так, например, по сообщению автора *Фарс-наме-йе Насери* Хасана Фасаи, в годы царствования Ага Мохаммад-хана наследник престола—принц Фатх Али-хан (впоследствии шах Ирана)—“был назначен сардаром Ирака [имеется в виду Персидский Ирак—Н. Т.-О.] и было ему приказано охранять границы Исфакхана и Фарса” (Fasai 1972: 39). Кроме принцев, на пост сардара могли назначаться *бегларбеги*, т.е. правители провинций, куллярэгасы, насакибаши и другие чиновники царского двора (Мохаммад Хасан-хан Сани од-Доуле 1306: 224, 269, 319). Назначение *сардара* происходило по желанию и личному указанию шаха (Хедайат 1339: 285, 340). Высшим воинским почетным званием в Иране считалось звание *сенахсалара* (سپاهسالار) (там же: 417), однако, оно присваивалось кому-либо очень редко.

Иррегулярное войско имело архаичную структуру, которая подразумевала деление вооруженной силы на тысячи, сотни и десятки воинов, что берет начало в далекой древности. Вот как описывает руководитель французской военной миссии в Иране генерал Гардан структуру иррегулярного войска: “Хан стоит во главе 8-10 тыс. человек, султан—сотни, элибаши—пятидесяти, баши—десяти солдат” (Баторский 1886, XXIII: 80). Почти аналогичную картину организации иррегулярного войска дают английский путешественник Р.Кер Портер лишь с той разницей, что в качестве синонимов этих воинских званий он употребляет соответственно “элибаши”,

⁶ РГВИА. Ф.446. Д.5. Л.2об.

⁷Звание *саркярде*, как и другие иранские воинские звания, существовало и в восточно-грузинском царском войске, что следует из составленного в начале XIX в. на русском языке документа—“Табель чинам, бывшим в Грузии при царях, 1801 года”, где все без исключения воинские звания иранского происхождения (*сардали*, *саркардари*, *минбаши*, *пунсаббаши*, *юзбаши*, *панджабаши* и *дахбаши*) (АКАК 1866, I: 194).

⁸В эпоху Сефевидов ополчение провинции находилось в подчинении у правителя—бегларбега, который всегда был носителем как гражданской, так и военной власти в провинции. (И. Петрушевский 1949: 118). Позднее, в частности, во времена Надир-шаха Афшара гражданской частью ведал бегларбег, а войско находилось под начальством сардара (Арунова/Ашрафян 1958: 127). Вполне возможно, что тем самым Надир-шах хотел избежать чрезмерного усиления правителей провинций. Следует заметить, что тенденция к разделению власти на гражданскую и военную сохранялась и в начале XIX в., хотя и были отдельные случаи, когда оба ведомства находились в руках бегларбега (Домболи 1242: 269).

“панджабаши”, “баши” и “дахбаши” (Porter 1822, 2: 583-584) и Э.Уоринг. По сообщению Э. Уоринга (1807: 82), войско подразделялось на тысячи, сотни и десятки. Во главе тысячи стоял мембаши (правильнее минбаши—مینباشی)—тысячестольник, сотни—юзбаши (یوزباشی), десяти—онбаши (انباشی). Все вышеперечисленные начальники подчинялись хану.

Англичанин Джеймс Морьер (1818: 278) во время своего второго путешествия в Иран отметил, что некоторые из племен, которые служили в шахской армии, такие как бахтиары, афшары и шахпасанды, были организованы в соответствии с установленным у них племенным порядком. Следует заметить, что целью группирования частей иррегулярной кавалерии в рамках племен являлось предотвращение межплеменных трений перед военной кампанией. Традиционная практика комплектования частей иррегулярной кавалерии по племенам предусматривало сохранение внутриплеменных связей для использования их сплоченности на пользу государства. Со своей стороны и племена предпочитали подобное устройство, поскольку это не нарушало их единства.

Сопоставление сведений европейских авторов с данными персидских нарративных источников показывает, что в рассматриваемую эпоху в иррегулярном войске Ирана действительно существовали вышеперечисленные воинские звания, находившиеся в строгой субординации; однако вместе с тем выясняется, что число воинов под командой того или иного начальника, как правило, не соответствовало ни воинскому званию начальника, ни заявленному штатному составу. Обычно штатное количество воинов было во много крат ниже реального состава. Так, например, еще в годы правления Керим-хана Зенда, по сообщению Ниебура, под командой какого-нибудь *пансадбаши* (پانصدباشی)—пятисотника—нередко находилось всего 50 воинов (Раджаби 1350: 4). Таким образом, можно заключить, что деление ополчения на тысячи, сотни и десятки носило всего лишь формальный характер.

Следует признать, что установить действительную численность иррегулярного войска по сведениям персидских источников не представляется возможным, поскольку она постоянно колебалась и зависела от многих факторов. Вместе с тем, учитывая традиционное тяготение иранской официальной историографии к преувеличению военных достижений шахов и потенциала иранской армии, исследователь должен проявлять максимальную осторожность в оценке сведений персидских нарративных и документальных источников того периода, включая шахские фирманы и хокмы (шахские указы), особенно когда это касается численности войска, которая могла быть произвольно преувеличена или же использована манипулятивно (Мориер 1970: 207-208).

Вместе с тем следует заметить, что сведения западных источников о количественном составе иррегулярного войска сильно расходятся. Так, например, согласно русскому архивному материалу, составленному после окончания Первой русско-иранской войны (1804-1813 гг.), в начале XIX в. в провинциальном ополчении числилось более 150 тыс. человек, кроме того шах был способен собрать 80 тыс. кавалерии, набранной исключительно из кочевых племен.⁹ По оценкам двух западных обозревателей Джона Малькольма и Морица фон Коцебу, в указанном периоде вся иррегулярная кавалерия состояла всего из 80 тыс. человек (Тер-Оганов 1984: 64). Согласно же русскому полковнику Энегольму, в конце 20-х годов XIX в. только племя каджаров, кочующее в окрестностях Тегерана, было способно выставить 40 тыс. всадников.¹⁰

По сообщению русского штабного офицера И. Бларамберга (1853, VII: 57), количественный состав иррегулярной кавалерии значительно уменьшился в 1830-х годах. Согласно сведениям полковника Коломбари, в период правления Мохаммад-шаха Каджара (1834-1848) численность кавалерии, как иррегулярной, так и регулярной, достигала 190 тыс. человек (Eskandari-Qajar 2005, 5: 69). В течение 1860-х, согласно

⁹ РГВИА Ф.446.Д.168.Л.7-8об., см. также, Франкини 1883, IV: 21-22.

¹⁰ РГВИА Ф.446. Д.10 Л.27об.

докладу другого русского офицера, она составляла всего 30 тысяч человек.¹¹ Что касается кавалерии кочевых племен, то по сообщению генерал-майора Франкини (1883, IV: 21), племена были способны выставить 150 тыс. человек, однако даже при самых благоприятных условиях иранское правительство могло собрать лишь 70-80 тыс. малоэффективной кавалерии кочевников.¹² По его оценке, кавалерия кочевых племен не была способна противостоять серьезной внешней силе.

Состав иррегулярного войска

Иррегулярное войско Каджаров состояло из двух частей: иррегулярной кавалерии кочевых племен и провинциального ополчения, или территориальной милиции.

Иррегулярная кавалерия кочевых племен

На протяжении всей истории Ирана кочевые племена всегда играли ведущую роль в системе вооруженных сил страны благодаря своей племенной структуре, образу жизни, клановым связям, влиятельным вождям, мобильности и традиционным межплеменным союзам. Особое значение при этом играли личные связи шаха с вождями племен. Племенная элита традиционно командовала крупными конными частями, чей военный потенциал во многом зависел от возможностей этих племен.¹³ Некоторые могущественные племена, такие как афшары, шахсевены, атабаи и другие, часто комплектовали для армии несколько кавалерийских частей в виде дасте или джамаатов. Именно эти части и составляли костяк иранской иррегулярной кавалерии и представляли самый сильный сегмент вооруженных сил. Грузинский царевич Геймураз Багратиони (1972b: 199), наблюдая за иррегулярной кавалерией во время Первой русско-иранской войны (1804-1813 гг.), писал: "...в этот день прекрасная кавалерия из кочевых племен прибыла из Казвина... Мы были ошеломлены их искусной ездой, метанием копыя, стрельбой из ружья и метанием джарида (дротика)".

Традиционно кавалерия кочевых племен была самой боеспособной частью иррегулярного войска. Как уже отметили выше, с древнейших времен кавалерия всегда занимала ведущее место в иранском войске, тогда как пехота выполняла лишь вспомогательные функции (Waring 1807: 81).

В начале XIX в., согласно сообщениям Дж. Малькольма и Г. Коцебу, конница кочевников насчитывала 80 тыс. всадников. По мнению же генерал-майора Франкини (1883, IV: 21), в 70-х годах XIX в. кочевые племена могли выставить 150 тыс. всадников. По своим боевым качествам иррегулярная кавалерия кочевников заметно выделялась из всего войска, однако набрать ее было очень трудно, поэтому в иррегулярном войске была представлена лишь ее часть. Участие кочевых племен в войне сильно зависело от степени взаимного доверия между шахской властью и племенами. Следует отметить, что после создания регулярной армии в Иране численность иррегулярной кавалерии кочевников заметно сократилась. В связи с этим офицер русского Генерального штаба И. Ф. Бларамберг (1853, VII: 57) писал: "Огромные массы иррегулярной кавалерии, составлявшие прежде большую часть персидской армии, исчезли с тех пор, как Аббас-мирза и после него Мухаммед-шах увеличивали регулярную пехотную армию, которая пополняется рекрутами и из кочующих племен". Конечно же, иррегулярная кавалерия кочевников не прекратила своего существования, однако, как отмечал генерал-майор Франкини (1883, IV: 21), "надежду на помощь со стороны кавалерии кочевников правительство должно было иметь только в случае их сочувствия войне."

¹¹ РГВИА Ф.446. Без описи. Д.39. Л.12об.-13об.

¹² РГВИА.Ф.446. Д.41. Л.59об.

¹³ РГВИА. Ф.446. Д.5. Л.2об.

Как известно, кочевым племенам были пожалованы шахом земли, пастбища, право пользования которыми обуславливалось несением военной службы. Вождь племени был обязан, по требованию шаха, выставить определенное количество всадников, вооружить и снарядить которых должно было само племя. Когда кавалерия кочевников подключалась к боевым операциям, государство назначало каждому всаднику небольшое жалование, не превышающее 5-6 туманов в год, а в виде провианта выдавались ему два вьюка пшеницы (Malcolm 1815, 2: 496-497).

Хотя кочевые племена обычно не несли постоянную воинскую службу, однако, как свидетельствуют персидские нарративные источники, в исследуемый период центральная власть ввела постоянную службу и организовала отряд всадников из кочевых племен, так называемый *саваре-йе дивани* (سواره دیوانی, т.е. кавалерия правительственной канцелярии). Всадники подчинялись т.н. управлению кавалерии дивана, которое входило в состав Министерства финансов высокого двора. В календаре *Сал-наме* за 1888/1889 гг., который приложен к сочинению придворного историка Мохаммад Хасан-хана Сани од-Доуле *Аль-Маасир ва аль-Асар*, приведен состав кавалерии дивани. Согласно ему, в ней числилось 2020 всадников из племен: дувеирен – 500 всадников, афшар—500 всадников, хаджевенд—500 всадников, асанлу—200 всадников, хадавенд—150 всадников. Кроме этих отрядов в составе кавалерии дивани находились и карасураны¹⁴ казвинской дороги—170 всадников (Сани од-Доуле 1306: 37).

Следует отметить, что во главе каждого из этих отрядов стоял *саркярде*, т.е. командир в звании полковника или генерала. По сообщению русского офицера, штабс-капитана артиллерии Туманского (1896, XV: 20), в 90-х годах XIX в. кавалерия *дивани* полностью состояла из заложников, взятых их самых влиятельных семей различных племен. Очевидно, таким путем правительство хотело исключить любую возможность антиправительственных выступлений со стороны племен.

Кавалерия кочевников не раз использовалась непокорными вождями племен, а также политической оппозицией в борьбе против шахской власти и для подавления народного движения. Так, например, при активном содействии племени бахтиар, вставшей на “защиту” иранской конституции, в июле 1909 г. был свергнут с престола Мохаммад Али-шах Каджар.

Провинциальное ополчение, или территориальная милиция

Большая часть иранского иррегулярного войска, которую мы условно называем “провинциальным ополчением” или “территориальной милицией”, комплектовалась по территориальному принципу и была предназначена, в основном, для несения службы на местах. Она использовалась в качестве жандармерии для поддержания внутреннего порядка. Согласно Дж. Малькольму (1815: 498), в каждой иранской провинции существовала милиция, в которой поровну были представлены кочевники, жители городов и деревень.

Провинциальное ополчение должно было сбалансировать чрезмерное влияние племенно-кочевоего элемента в армии и государстве. Как известно, эта тактика поддержания баланса сил между племенами и оседлым элементом не являлась каким-то новшеством. Она была использована Шах Аббасом I (1587-1629) в самом начале XVII в. В XIX в. этот процесс стал выкристаллизовываться, т.е. принимать определенную форму, что стало свидетельством более глубокого понимания необходимости соблюдения внутренней гармонии между различными элементами иранского общества. Позднее шахская власть стала использовать воинскую повинность, а также формирование частей регулярной армии в качестве механизма, с помощью которого она могла править Ираном, ослабляя и вместе с тем балансируя центры силы. Таким образом, иранские крестьяне—

¹⁴ На карасуранах (قراسوران) лежала обязанность охранять караванные дороги.

райаты—стали набираться как в территориальное ополчение, так и в регулярную армию для уравнивания влияния племенного компонента в вооруженных силах страны.

Провинциальное ополчение, как правило, носило название той провинции, где оно комплектовалось, и состояло как из конных, так и из пеших воинов. Главной обязанностью ополченцев в мирное время была охрана порядка в провинции. Гарнизоны ополченцев—*сахлу* (ساخلو)—защищали крепости и основные стратегические пункты Ирана (Кузанлу 1315: 708). При необходимости ополченцев отправляли в отдаленные провинции для несения гарнизонной службы. Так, например, по свидетельству Джахангир-мизы, накануне Второй русско-иранской войны (1826-1828 гг.) отряду стрелков (тофанчи) из Демавенда в составе 1 тыс. человек была поручена охрана Аббас-Абадской крепости (Каджар 1327: 10).

Таким образом, хотя традиционно воинскую повинность несли в основном кочевые племена, однако в этот период на службу призывались также городские и сельские жители, что стало обычным явлением еще в период правления Надир-шаха Афшара. Например, в историческом сочинении Абд ар-Резак-бега Домболи (1242: 312) есть сообщение о призыве в ряды ополченцев жителей г. Тавриза. К сожалению, это сообщение не дает возможность выяснить какая именно социальная группа городского населения несла воинскую повинность. В отличие от иранского автора, Дж. Мориер дает интересную справку о социальном составе милиции, набранной из горожан. По сообщению Дж. Мориера, когда корабль, на борту которого находилось посольство Харфорда Джонса, вошел в гавань г.Бушира, шейх—правитель города—для встречи посольства выделил отряд, составленный из горожан. Это, по свидетельству английского автора, была милиция района, не получавшая жалованья. Состояла милиция из ремесленников, среди которых Дж. Мориер (1812: 13-14) называет красильщиков, лудильщиков и портных.

Кавалерия провинциального ополчения—*саваре* (سواره), которую Г. Друвиль называет “хатли” (правильнее—“атли”(тур. “всадник”) (Flandin 1851, II: 501), в начале XIX в. существовала почти во всех провинциях (Друвиль 1826, II: 107). По вооружению она делилась на две части: первую составляли всадники, вооруженные ружьями, вторую—копейщики. Каждая из этих частей имела своего командира (там же, II: 108). Следует заметить, что эта кавалерия не отличалась высокой боеспособностью, в частности, потому что не существовал постоянный, испытанный в боях контингент; не способствовал повышению боеспособности и порядок призыва в ополчение. Например, всадник, который не мог или не желал идти в ополчение, имел право послать вместо себя в войско своих сыновей, племянников или родственников. Такое положение вещей устраивало самих командиров, поскольку их больше всего интересовал штатный состав отряда, нежели его качество (там же: 107).

Между прочим, когда была создана регулярная армия, кавалерия провинциального ополчения стала утрачивать свое значение, и, соответственно, ослабло его влияние на общественно-политическую жизнь страны и, как следствие, сократился и его численный состав. Уже в 70-х годах XIX в., согласно подсчету генерал-майора Франкини (1883, IV: 21-22) в иранских провинциальных ополчениях числилось всего около 30 тыс. человек—25 тысяч конных и 4 тысячи пеших ополченцев. В 80-х годах XIX в. в провинциальном ополчении по провинциям насчитывалось следующее количество отрядов: Азербайджан—22 дасте, Мазандаран—2 джамаата, Астарбад—8 дасте, Персидский Ирак—31 джамаат, Керман—1 дасте, Гударзи и Бастам—1 дасте, Нардин—1 дасте, Хорасан—32 джамаата и дасте (Сани од-Доуле 1299: 14-17; Тер-Оганов 1984: 69-71). Пехота провинциального ополчения—*ниаде* (پياده)—состояла из отрядов *тофанчи* (تفانگچی), *джазаирчи* (جزایرچی) и *шамхалчи* (شمخالچی).

Персидские нарративные источники исследуемого и предыдущего периодов часто упоминают о них, но ничего не говорят о различиях между этими частями.

Сравнительный анализ ряда источников дал нам возможность высказать мнение о том, что различие между этими пешими ополченцами состояло, главным образом, в их вооружении, а точнее—в типах ружей. К сказанному следует добавить, что в начале XIX в. в пешем ополчении Ирана были в употреблении лишь фитильные ружья (*О военной силе Персии 1828*, 1: 176-177).

Как известно, в результате проведенной по инициативе шаха Аббаса I военной реформы была создана 12-тысячная постоянная пехота, солдат которой прозвали *тофангчи*, т.е. стрелки.

Традиционно, большую и к тому же самую боеспособную часть пешего ополчения выставляли прикаспийские провинции. Провинциальное ополчение Гиляна, по сообщению И. Ф. Бларамберга (1853, VII: 141), состояло только из пеших *тофангчи*. К концу 30-х годов XIX в. в Гиляне насчитывалось в целом 6800 *тофангчи* (там же: 141). По требованию гилянских правителей тальшские ханы должны были выставлять 600 пеших *тофангчи* (Holmes 1845: 75). В провинциальных ополчениях Мазандерана и Астарабата, которые комплектовались как из числа пеших, так и конных *тофангчи*, большинство ополченцев составляли пешие *тофангчи*. Общее их число равнялось 14 тыс. человек (там же: 83).

Следует отметить, что вооружение *тофангчи* прикаспийских провинций не было однородным. Если к началу XIX в. подавляющее большинство *тофангчи* было вооружено фитильными ружьями, то уже в 40-х годах XIX в. на вооружении тальшских и мазандеранских *тофангчи* находились в основном кремневые ружья, тогда как астарабатские *тофангчи* по-прежнему были вооружены фитильными ружьями (Holmes 1845: 186, 289).

История возникновения института *джазаирчи*¹⁵ неразрывно связана с именем Надир-шаха Афшара. В период создания постоянной армии им был организован 12-тысячный пехотный корпус *джазаирчи*. По свидетельству исторических хроник того периода, *джазаирчи* были вооружены тяжелыми мушкетами, вес которых достигал 18 кг (Арунова/Ашрафян 1958: 132).

Шамхалчи или вооруженные шамхалами¹⁶ ополченцы составляли значительную часть провинциального ополчения Хорасана. *Шамхалчи*, по сообщению А. Ржевусского

¹⁵Слово *джазаирчи* (جزايرچی) обозначает вооруженного ружьем *джазаир*, стрелка из *джазаира*. Как выясняется из персидских нарративных источников XVII в., ружье *джазаир* употреблялось в Иране еще задолго до Надир-шаха Афшара. О нем упоминается, например, в сочинении придворного историка Аббаса I Искандер-бег Монши *Тарих-е аламарайе Аббаси* (Торкман 1350, 2: 1052). Сведения о *джазаирчи* оставили авторы последующей эпохи (Morier 1812). Несмотря на это, в процессе исследования мы нигде не встретили детальную характеристику *джазаира*. Например, согласно сообщению В.Бebutova, *джазаир* был фитильным ружьем (ЦГВИА. Ф.446. Д.5. Л.4.). Однако, известно, что в начале XIX в. все ополченцы были вооружены фитильными ружьями разного типа. В “Толковом словаре грузинского языка” *джазаир* объясняется как “старинное, длинное ружье в раструбом” (Толковый словарь грузинского языка 1964, VIII: 1551). *Джазаир*, или *джазаил*, по мнению известного американского знатока оружия Дж.Стоуна—афганского происхождения. “Первоначально они [джазаирчи—Н.Т.-О.] были фитильными ружьями, однако на многих были установлены европейские замки, а затем они были переделаны на кремневые ружья” (Stone 1961: 332).

¹⁶ В литературе можно найти лишь скудные сведения о *шамхале*, поэтому целесообразно обратиться к персидским толковым словарям. Деххода (см.: 1350, 169: 572) в своем *Логат-наме* так объясняет значение слова *шамхал*: “старое, грубое и тяжелое ружье, наподобие нарезного ружья”. Другой иранский исследователь Моин (1342: 2075) о *шамхале* пишет следующее: “Шамхал это заряжающееся с дула огнестрельное оружие, которым пользовались в старину солдаты”. Конечно же, толкование *шамхала*, данное Деххой, существеннее и конкретнее, чем у Моина. Деххода не ошибается, когда указывает на большой вес *шамхала*. Верность этих слов подтверждается сообщением английского офицера А. Конолли (1834, I: 242), согласно которому, *шамхал* был большим ружьем, по причине чего во время стрельбы его ставили на сошки. Сошки были

(1890, 5-6: 208), выглядел так: на голове у него была надета остроконечная папаха, за спиной висело длинное ружье, а на боку сабля, за широкий пояс были заткнуты два пистолета. Согласно сообщению автора *Новой истории*, хорасанский принц Хасан Али-мирза имел под своим началом 700 *шамхалчи* (Каджар 1327: 102). Мохаммад Хасан-хан Сани од-Доуле (1294, 2: 16-17) указывает, что во время мятежа Саяра в 1849 г. в защите г. Мешхеда от правительственных войск участвовали и отряды *шамхалчи*, как конные, так и пешие (там же: 147).

Если в начале XIX пешее провинциальное ополчение существовало почти во всех провинциях Ирана, то в последней трети этого столетия оно сохранилось лишь в некоторых районах страны. По официальным данным справочника шахского двора (1882 г.), пешее провинциальное ополчение продолжало существовать в следующих провинциях: в Хорасане—2 дасте: *шамхалчи* и *джазаирчи* Серахса; в Астарабаде—12 дасте: Федерески, Котул, Максудлу, Астарабадрустаки, Балашахкуи, Паиншахкуи, Саданрустаки, Анзана, Темескин, Севери, Ливана и Силсепара, Белуджей; в Гиляне—3 дасте: Салтиана, Анзана и Шефта; в Мазандеране—2 джамаата: Голабада и Ашрафа.

Сбор и смотр иррегулярного войска

Сбор иррегулярного войска, как обычно, происходил весной, поскольку в это время года, помимо хорошей погоды и просохших дорог, можно было пользоваться пастбищами, что имело огромное значение для войска, так как его самую многочисленную и вместе с тем боеспособную часть составляла кавалерия. Обычно, сразу с наступлением зимы боевые операции прекращались.¹⁷ Иранский историограф Абд ар-Резак-бег Домболи (1242: 260) по этому поводу замечает: “Приближение зимы, когда борцы за веру отдыхают, опечалило его величество”.

По весне, во время празднования Нового года (*Ноуруза*), из столицы вождем племен отправляли гонцов с уведомлением о времени и месте предполагаемого смотра войска.¹⁸ Войско собирали в Хорасане, иногда в Фарсе, но чаще всего в Персидском Ираке (Жобер 1322: 136). Смотр войска, на котором нередко присутствовал сам шах, устраивался ежегодно.¹⁹

Для сбора и смотра войска—*сан дидан* (سان دیدن)—обычно подбирали местность, изобилующую водой и травой, часто ею было Султанийское поле (چمن سلطانیه). Жобер (1322: 183) поясняет: “Султанийское поле овальное по форме. Его длина с востока на запад два-три фарсаха.²⁰ Он окружен голыми горами, по которым течет множество ручьев. Земля этого поля богата травой и водой. Оно является прекрасным пастбищем для кавалерии”. Кстати, Султанийское поле не случайно было выбрано для сбора войска, поскольку в Султанье находилась летняя резиденция Фатх-Али-шаха Каджара (Жобер 1997: 28). Следует заметить, что смотр войска проводился не только за городом, но и на центральной площади столицы. В эпоху Сефевидов (1501-1722), как правило, использовалась главная площадь Исфахана—*Мейдан-е Наки-е Джахан* (Мейдан Шах). По преданию, во время таких смотров шах Аббас I находился в павильоне *Али-Капу*, откуда он наблюдал за прохождением войска (Белозерский 1887, XXIII: 29, 31). В столице Каджаров—Тегеране—аналогичную функцию выполняла центральная городская площадь—*Мейдан-е Топхане* (Артиллерийская площадь).

обязательным атрибутом шамхала. В одной из корреспонденций, опубликованной в газете “Кавказ” (1853, 17), читаем: “В Хорасане шах-заде Гюсамю-Салтане собрал войско, известное под названием Шамханчи (вооруженные длинными ружьями из коих стреляют с сошек) и занимается его устройством”.

¹⁷ РГВИА. Фонд “Военно-Ученый Архив”. Д.4338. Л.17об.

¹⁸ Смотр войска (سان دیدن) проводился иногда до наступления ноуруза (АКАК 1868, II: 159).

¹⁹ РГВИА. Ф.446. Д.5. Л.5.

²⁰ *Фарсах*, или *фарсанг*—старая иранская мера длины, равная приблизительно семи километрам.

В случае войны сбор войска происходил по шахскому фирману, в котором обычно указывалось, сколько конных и пеших воинов должно было выставить лицо, получившее фирман, и куда следовало явиться с ополчением.²¹ В нашем распоряжении находится шахский фирман о всеобщей мобилизации, датированный 11 марта 1804 г. Ниже приводим сокращенный перевод текста: “Знайте, что в связи с вторжением русского войска мы объявили войну России. Ареной военных действий избрали Кавказ. Концентрация сил намечена у берега р.Аракс. Посему приказываю явиться со своими вооруженными и снаряженными мулазимами [вооруженными слугами—*H. T-O.*] к месту сбора 20 зихедже 1218 г. [2 апреля 1804 г.]. Должны быть в полной готовности, чтобы тотчас суметь направиться на поле брани. Явитесь с воинами и слугами, имейте при себе оружие, боеприпасы, одежду, довольствие и лекарства. Приказываю явиться к назначенному месту по коротким и главным дорогам; у придорожных жителей, кроме фуража и воды, ничего не брать” (Кузанлу 1315: 695-696).

Церемонию переклички и смотра ополченцев красочно описывает грузинский царевич Теймураз Багратиони, находившийся в то время при ставке наследника престола Аббас-мирзы:

“Второго дня марта... расположился государь в своем дворце. Собрались на площади для переклички хорошо вооруженные всадники, готовые для похода в Грузию. Стояли все вельможи в строю перед государем. Перед войском напротив государя стоял *лашкарневис*. Держал он в руках список воинов и мирзы стояли подле него. Рядом с ними находился и *джарчибаши* (جارچيباشی)— глашатай. Лашкарневис сперва произносил имя саркярде. Затем джарчибаши громогласно повторял его. Готовый сей саркярде в сопровождении своей свиты, восседая на отменном коне, пересекал всю площадь, делал поклон государю и следовала за ним его конная свита. После его прохождения один из стоявших поблизости джарчи громко изрекал: [*азир* налицо—Н. Тер-Оганов]. Проходил сперва саркярде и становился по ту сторону площади. Таким же образом проходил и минбаши. Произносил его имя лашкарневис, затем джарчи повторял его громко, а стоявшие рядом писцы записывали имя его, после чего один из джарчиев оповещал о его присутствии. Таким же образом происходил смотр юзбашей, дахбашей, а за ними следовали конные по одному, согласно порядку. Перекличка пеших велась так же, как и конных. Перед нашим выступлением из Тегерана каждый день велась перекличка конных и пеших, иногда в количестве трех тысяч, двух тысяч и тысяч” (Багратиони 1972b: 199).

Иррегулярное войско в походе; лагерная стоянка

Во время походов иррегулярное войско значительно увеличивалось в размере, особенно, когда его возглавлял сам шах. В таких случаях при шахе находились его гвардия, весь государственно-административный аппарат, царский двор, принцы, гарем, а также множество слуг, ремесленников и торговцев. По словам Теймураза Багратиони, в походе “у всех большой запас вещей и нет лучшего времяпрепровождения...” (Багратиони 1972b: 202).

Несмотря на то, что громоздкий обоз и, следовательно, большое число вьючных животных значительно ограничивали маневренность и скорость продвижения войска, оно тем не менее было в состоянии проходить в среднем за сутки шесть фарсангов (*О нынешнем персидском шахе* 1825: 364). Обычно поход начинался на рассвете, в полдень же делали привал. В жаркие летние месяцы, по сообщению Друвиля (1826, II: 146), передвигались только в ночное время. Причем на свете факелов и в сопровождении “шумной музыки” (Жобер 1997: 166). В целях отражения внезапного нападения противника выделялся авангард, т.н. *каравол* (قراول) в составе одного дасте, который шел впереди главных сил (Багратиони 1972b: 202). Для сооружения нового лагеря и его

²¹ РГВИА. Ф.446. Д.5. Л.2.

благоустройства за день до снятия ополчения с места стоянки отправлялся вперед авангардный обоз, т.н. *пишхане* (پيشخانه), после прибытия которого начинали устанавливать палатки (Багратиони 1972b: 201). Если была возможность, к лагерю по трубам проводили воду (*О нынешнем персидском шахе* 1825: 364).

Джеймс Морьер (1818: 279), путешествовавший по Ирану, описывая организованный в 1813 г. военный лагерь в Уджане (недалеко от Тавриза), отметил, что там находилось около 80-90 тыс. человек, из которых лишь половину составляли воины. Другая же половина была представлена шахской гвардией, представителями административно-государственного аппарата, двора, принцами, гаремом, а также слугами, ремесленниками и торговцами. Во время военных походов размер лагеря иррегулярной армии значительно увеличивался, особенно если его возглавлял сам шах.

Для безопасности долговременного лагеря вокруг него возводили каменную или глинобитную стену. Иногда вокруг лагеря возводили бастионы и сооружали рвы для предупреждения внезапного нападения противника (Багратиони 1972a: 33). Проведение всех этих работ требовало большого количества рабочих рук. Во время лагерной стоянки, по сообщению Морьера (1818: 278), входившие в состав шахского войска кочевые племена, в частности бахтиары, афшары, иракцы [видимо, автор имеет в виду кочевников из Персидского Ирака—*Н.Т.О.*], шахпесенды и др., располагались обособленно. По общему признанию европейских авторов, в иранском лагере царил полный беспорядок. Друвиль (1826, II: 152) писал: “Лагерь войск нерегулярных...представляет самую странную смесь людей, палаток, лошадей, мулов, верблюдов и проч.”. Согласно сообщению Жобера (1997: 158), в Султанийском лагере он увидел площади, базары, мечети и даже школы. В лагере можно было встретить представителей разных племен, прибывших со всех уголков империи.

Базар или *ордубазар* (اردوبازار) был неотъемлемой частью долговременного военного лагеря. Сразу после разбивки лагерной стоянки в середине лагеря появлялся базар. Ордубазар ничем не отличался от обычного городского базара. Здесь можно было видеть торговцев и разных ремесленников (среди них были шапошники, портные, сапожники, оружейники и др.), которые раскладывали товар перед своими палатками (Друвиль 1826, II: 152).

Интересное и подробное описание иранского военного лагеря оставил служивший в иранской регулярной армии французский офицер Бартеlemi Семино. В письме Луизе де ля Мариньер от 9 июля 1827 г. он, в частности, рассказывал: “Я попробую дать Вам представление о том, что такое персидский лагерь. В центре помещается палатка государя, выше всех других... Эта громадная палатка внутри разделена на несколько отделений и окружена в виде квадрата оградой из разрисованного холста... За этим громадным четырехугольником, заключающим все палатки, принадлежащие лично государю, расположены все прочие палатки принцев царской фамилии, министров и других важных особ двора... они поставлены там и сям, без всякого порядка.

Базары находятся в середине лагеря, а в центре базаров возвышается громадный столб, наверху которого помещается род позолоченного брильного блюдечка, называемого капук: у подножья этого столба выставляются преступники или их головы; туда же бросают головы пленников...

Было бы бесполезно искать форму в лагере персидской армии: ни круг, ни квадрат, никакой другой род правильной фигуры не может быть ему уподоблен, в особенности, нигде в нем положительно не может встретиться прямая линия...

За несколько дней грязи накапливается столько в месте, где персы стоят лагерем, что не знаешь, куда ступить ногой... Лагерь всюду, вдоль и поперек одинаково загрязнен: право, днем выпадают часы, когда поднимается такое зловоние, что причиняет головную боль...

Полиция содержится в персидском лагере настолько плохо, что в Хое, хотя там находился сам государь, не проходило ночи без того, чтобы не совершались кражи во всех сторонах лагеря,—и они начинались тотчас, как закатывалось солнце...

Войска шаха, грабившие друг друга в собственном Его Величества лагере, творили еще больше безобразий в деревнях и окружных селениях. Всю эту массу без рациона и аккуратного жалования можно было сравнить с тучою саранчи, с ужасным остервенением в один момент уничтожающий все средства страны, через которую проходит. Но саранча уничтожает только хлеб, находящийся на поверхности земли, между тем как эти привилегированные грабители, захватив все, что попадало им в руки, рыли, кроме того, во всех деревнях землю, в надежде найти там то, что могли схоронить крестьяне. Опустошив окончательно какое-нибудь селение, вырвав из рук крестьян все, до последнего куса хлеба, они снимали балки, образовывавшие крышу дома, чтобы воспользоваться ими, как топливом для приготовления пилава и т.п.

Когда я спрашивал объяснение у людей, которые казались мне наиболее сведущими..., то меня уверяли, что это всего лишь только простой обычай, свойственный персидским войскам в походе: грабить свою же собственную страну..." (Борщевский 1960, V: 42-43).

Вышеприведенный живописный отрывок из письма французского офицера наглядно показывает характерные особенности иранского иррегулярного войска. И если все это происходило в лагере, в присутствии самого шаха, в мирное время, то легко себе представить, что творило войско в военное время. Нет сомнения, и это подтверждается историческими источниками, что войско проявляло невероятную жестокость и насилие в отношении мирного населения, ярким свидетельством чего служит бесчеловечная расправа, учиненная шахскими войсками над жителями Кермана в 1794 г., а также разбойничий поход Ага Мохаммад-хана в Грузию в сентябре 1795 г. По замечанию иранского историка Ханек Эшки (1353: 28), "нашествие Ага-Мохаммад-хана на Грузию повлекло за собой ужасные последствия, в частности, оно усилило стремление народов Кавказа к России".

Грабеж был обычным явлением в походе. Когда не существовало возможности для грабежа, ополченцы дрались без особого желания. В этой связи М. В. Коцебу отмечал, что "главная цель персиян в битве состоит не в завладении местом сражения, а в получении богатой добычи" (*О нынешнем персидском шахе* 1825: 365).

Снабжение иррегулярного войска провиантом и фуражом; денежное довольствие ополченца

Как известно, в иранской армии не существовало специального ведомства, занимающегося обеспечением иррегулярного войска провиантом и фуражом. Хотя, по сообщению члена посольства русского генерала А. П. Ермолова в Тегеран в 1817 г. Г. Коцебу, формально снабжением войска провиантом и фуражом заведовали т.н. *назеры* (ناظران), у Э. Уоринга—*амбардары* (انباردار) (Waring 1807: 81, 85), которые рассылали местным правителям—*калантарам* (کالانتر) и *кетходам* (کخددا)—список требуемого провианта и фуража. Натуральный налог на содержание ополчения полагалось учитывать при сборе податей. Однако изъятые у населения продукты, как правило, никем не фиксировались, что, фактически, приводило к разорению провинции (*О нынешнем персидском шахе* 1825: 362).

Ввиду отсутствия стационарных провиантских складов ополчение испытывало постоянную нужду в провианте. Не был упорядочен и вопрос снабжения войска кормами. Заготовку фуража военные власти не производили, так как надеялись, в основном, на подножный корм пастбищ.²²

²² АКАК 1869, III: 434

Снабжение армии происходило в соответствии с местными условиями. Если местные власти были неспособны или не желали снабжать армию, центральные власти сами обеспечивали ее силой захваченным провиантом. Например, согласно Джеймсу Морьеру, Фатх Али-шах приказал провинции Хамсе рекрутировать и снабдить провиантом пять тысяч кавалеристов. Однако, когда оказалось, что провинция Хамсе не способна удовлетворить это требование, то шах был вынужден использовать для этого государственные доходы (Mogier 1812: 261-262). Из-за нехватки провианта и неполучения жалования ополченцы часто грабили население. "...сии защитники отечества [т.е. ополченцы—*Н.Т.-О.*],—писал В. Бебутов,—производят ужасный грабеж в тех селениях, кои охранять они должныствуют".²³

Не лучшим образом обстояло дело с жалованием, которое ополченцам выплачивалось крайне нерегулярно. Находясь в походе или на гарнизонной службе, ополченцы должны были получать от шахского правительства годовое жалование в размере 5-7 туманов, а также 2-3 выюка пшеницы в виде провианта (Malcolm 1815, II: 498).

По утверждению В. Бебутова, по традиции, после смотра войск каждому ополченцу полагалось жалование, однако они ничего не получали, а если и получали, то лишь малую его часть, а большую часть прибирали к рукам мирзы – писари, ведавшие платежной ведомостью войска.²⁴

Таким образом, денежное довольствие выдавалось не всегда и не полностью. Так, по свидетельству Дж. Мориера (1812: 13), арабский шейх, правитель Бушира вообще не платил милиции города жалования. Поэтому, ополченцы вынуждены были вооружаться за свой счет. Другой английский автор, Дж. Киннейр (1813: 32), указывает, что ополченцы редко получали одежду и жалование и оставались в войске исключительно ради грабежа.

Лишенные средств к существованию, ополченцы часто выражали свое недовольство путем дезертирства из военного лагеря, возвращались к себе домой или же в знак протеста "садились в бест".²⁵ Путешествуя в начале 1840-х годов через Энзели, англичанин Уильям Холмс стал свидетелем дезертирства более 60 тофангчиев (мушкетеров) Астарабада, севших в бест из-за неуплаты причитающегося им жалования со стороны *сардара* провинции Гилян (Holmes 1845: 78). Тем не менее, как отметил в свое время путешественник Джон Киннеир (1813: 32), политический консультант полномочного министра Англии в Иране Джона Малькольма, ополченцы оставались в армии с единственной целью— грабежа населения.

Следует заметить, что в дальнейшем практика обирания воинов нашла широкое применение и в формирующейся иранской регулярной армии, что наглядно показывает преемственность этой традиции, унаследованной от полукумачевого каджарского общества.

Шахская гвардия—постоянная вооруженная сила

В свое время постоянная борьба между шахом и кочевыми племенами вынудила Сефевидских правителей иметь в своем распоряжении личную гвардию. Шахская гвардия состояла из отрядов *голямов*, *тофангчиев* и *джоушан-прушов*.

²³ РГВИА.Ф.446. Оп.І. Д.5. Л.3.

²⁴ РГВИА. Ф.446.Д. Оп.І. Л.5об.

²⁵ В Иране угнетаемые властями отдельные индивидуумы или же группа лиц, ищущая справедливость или же имевшая какое-либо требование традиционно искала убежище в *бесте* т.е. в неприкосновенном месте. На персидском *баст нешастан* обозначает "осеть в убежище". К подобным убежищам относились шиитские святыни, наподобие *имам-заде* (могила сейида), резиденция наследника престола (*валиахда*), а также иностранные миссии (в каджарскую эпоху). Люди оставались там на неопределенное время до разрешения их проблемы. Обеспечение укрывшихся в убежище людей рассматривалось как улажнение господина (Тигранов 1905: 63-64).

Голямы: Голям-шахи и Голям-тофангчи

В распоряжении первых каджарских шахов находился 2-4-тысячный конный отряд *голямов*,²⁶ который исполнял роль лейб-гвардии шаха (Malcolm 1815, II: 497; Holmes 1845: 585). Шахских голямов называли *голям-шах* (غلام شاه). Следует заметить, что принцы тоже имели свою гвардию голямов, схожую с шахской (Malcolm 1815, II: 497). Известно, что Фатх Али-шах (1797-1834 гг.) пополнял ряды голям-шахов, самой привилегированной и уважаемой части иранской армии, представителями могущественных родов. В 1820-х годах западный путешественник Джеймс Фрезер (1826: 256) описал этих людей как верных солдат, исполнявших волю своего повелителя. Они пользовались безграничными правами, и их авторитет редко подвергался оспариванию.

Корпус голямов, состоящий от 2 до 4 тысяч кавалеристов, традиционно находился под командованием *кулларагаси* (قوللر آقاسی)—главы голямов, как правило, кавказского происхождения. Как известно, анонимный автор *Тазкират ал-Мулук-а* называет кулларагаси среди семи столпов сефевидского государства (*Тазкират ал-Мулук* 1332: 5). Традиционно он пользовался значительным влиянием при шахском дворе (Malcolm 1815, II: 497; Holmes 1845: 585). Хотя в свое время *голямы* были выведены на авансцену истории как противовес кызылбашам и даже придали свежую динамику государству и стали играть главную роль в его политике, тем не менее, как замечает Руди Матти (2012: 28), “они не смогли полностью заменить кочевой элемент”.

Голямы по вооружению и способам ведения боя подразделялись на две группы или отряды: первую, сравнительно многочисленную группу, составляли *голям-шахи*—конные голямы, которые на поле боя употребляли карабин, пистолет и саблю; вторая группа кавалеристов, *голям-тофангчиев* (غلام تفنگچی), подобно европейским драгунам воевала также и в пешем порядке. Они пользовались длинными ружьями, которые ставились на длинные сошки (Друвиля 1826, 2: 105-106). Сведения о двух категориях голямов можно встретить у Г. Друвиля и Р. Кер Портера, а также в персидских нарративных источниках (Домболи 1242: 209; Каджар 1327: 19). Что касается таких известных авторов того периода, какими были Дж. Малькольм и Дж. Мориер, следует заметить, что они ничего об этом не сообщают. Однако, упоминания в иранских исторических хрониках об участии отрядов *голям-тофангчи* в боевых операциях (Домболи 1242: 209, 261; Каджар 1327: 19) подтверждают достоверность сведений Друвиля.

Следует заметить, что *голям-шахи*, как и *голям-тофангчи*, представляли самую привилегированную часть иранской армии. По свидетельству Эдварда Уоринга (1807: 84), голям-шахи были самыми высокооплачиваемыми в иранской армии. Так, если во время военных действий ополченцы территориального войска получали ежегодное жалование в размере 5-7 туманов, то голям-шахи получали 12-20 туманов, а иногда до 60 туманов в год. Помимо жалования и провианта, у голямов были дополнительные источники дохода, в частности, в виде вознаграждений, получаемые ими от сбора налогов (там же: 84). Согласно Портеру (1822, 2: 585), по сравнению с *голям-шахами*, *голям-тофангчи* получали на порядок меньше, и их ежегодное жалование достигало 15 туманов. Помимо жалования, *голям-тофангчи* могли рассчитывать на определенное количество провианта, обычно пшеницу в виде фуража.

²⁶ *Голям* (غلام)—араб. “слуга, юноша”. Гвардия голямов имеет многовековую историю. Еще Махмуд Газнави имел при себе грозную силу—гвардию голямов. Несколько веков спустя шах Аббас I в период военных реформ организовал 10-тысячное регулярное войско голямов.

На рубеже XVIII-XIX вв. голямы, как и в период правления Аббаса I и его преемников—сефевидских шахов, состояли, в основном, из пленных юношей-христиан, которых обращали в ислам. Как выясняется из одного документа эпохи Керим-хана Зенда, голямом мог стать только сирота, купленный на невольничьем рынке или иностранец (Петрушевский 1949: 320).

Голям-шахи продолжали сохранять свой высокий статус самых боеспособных и преданных частей иранской армии вплоть до формирования русскими офицерами-инструкторами кавалерии Персидской казачьей бригады в 1879 г. (Тер-Оганов 2012), что ознаменовало переход иранской военной системы на более современную организационную структуру. В результате, к концу XIX в. численность *голям-шахи* сократилась до 1 тыс. человек (Сани од-Доуле 1306: 36).

Корпус тофангчи-кешикчи

Наряду с голямами, согласно европейским авторам, безопасность первых кадjarских шахов обеспечивал еще и 12-14 тысячный корпус *тофангчи* (تفنگچی)—стрелков, рекрутируемых исключительно из провинции Мазандеран. Среди мазандеранских *тофангчи* самую многочисленную этническую группу составляли кадjarы. Вместе с кадjarами определенное количество *тофангчи* должны были поставлять мазандеранские афганцы и белуджи, а также проживавшие в районе г.Ашрафа грузины и др. (Бларамберг 1853, VII: 83).

По сведениям Джеймса Морьера (1812: 242): “Они разделены на трехтысячные отряды, которые по очереди несут дежурство в царском дворце—арке²⁷. Их называют *кешикчи* (کشیکی),²⁸ т.е. гвардейцами. Во главе каждого отряда стоит *саркешикчи* (سرکشیکی)—начальник гвардии”.

Кешикчи, о которых упоминает английский автор, не являлись новым элементом в иранской армии. Как известно, кешикчи служили в постоянном войске Надир-шаха, где они исполняли обязанности царской стражи и были известны под названием *хамаша-кешикчи* (همشهکشیکی), т.е. постоянных караульных (Арунова/Ашрафян 1958: 132). Согласно сообщению Морьера (1812: 242), на кешикчи была возложена обязанность охраны как собственно царского дворца, так и цитадели в целом. По сведению секретаря английского посла в Тегеране в 1810 г. Уильяма Аузли (1819, 2: 118), *кешикчи* жили внутри шахской цитадели.

Главной обязанностью *кешикчи*, вооруженных кремневыми ружьями, по сообщению Хедайата (1819, 2: 118), была также защита шахского шатра на поле битвы. На основании сведений того же автора можно сделать заключение, что в большинстве своем шахские *кешикчи* были из племени кадjar и уроженцами Мазандерана, что, в свою очередь, подтверждает верность сообщений Дж. Морьера. Тем не менее, афганцы и белуджи, проживавшие в Мазандеране, также как и грузины, жившие неподалеку от Ашрефа, как и другие поставляли определенное количество кешикчиев (там же, 9: 2451).

Джоушан-пушы, или кызылбаши

В начале XIX в., наряду с голямами и тофанчи-кешикчиями, на службе у шаха находились конные кирасиры—*джоушан-пушы* (جوشنپوش)²⁹ Автор исторической хроники *Маасер-е салтанийе*, описывая поход Фатх Али-шаха Каджара (1796-1834 гг.) в Хорасан в 1801г., указывает, что, прежде главных сил, шах направил туда своего двоюродного брата Ибрахим-хана с десятью тысячами конных *джоушан-пушов* (Домболи 1242: 65). К сожалению, у иранского историка мы не находим дополнительных сведений о конных кирасирах. Однако, интересные сообщения содержатся в работах европейских авторов, в частности, у Г. Дривилия и Р. Кер Портера.

²⁷ Морьер ошибается, когда отождествляет арк (ارک) с царским дворцом. Арк, как известно, не дворец, а цитадель (Brydges 1834: 308; Бартольд 1971, VII)

²⁸ *Кешикчи* (کشیکی)—гур. “страж, защитник, дежурный”.

²⁹ *Джоушан-пуш* (جوشن پوش)—военный термин в персидском, букв. “покрытый кольчугой” или “покрытый броней”.

Так, по свидетельству Друвиля, в начале XIX в. шаха сопровождала 4-тысячная кавалерия кирасиров, которых он называет *кызылбашами*,³⁰ рекрутируемых, как мы полагаем, из кызылбашских племен. По его оценке, она насчитывала 20 тыс. человек и набиралась со всего Ирана. Согласно Друвилю (1819, 2: 118), *джоушан-пушы* сидели на высоких туркменских лошадях и были вооружены и одеты в соответствии с традицией. Их вооружение и одежда выглядели довольно устаревшими—они были вооружены длинными и легкими копьями 3-4-х метровой (13-14 футов) длины с бамбуковыми древками, а также саблями. Следует заметить, что они не пользовались огнестрельным оружием. Голову *джоушан-пушов* защищала каска, сделанная из железных колец, а тело—кольчуга. По обычаю, в левой руке кирасир держал круглый щит, а правая рука была защищена налокотником.

Особо следует отметить, что военная служба *джоушан-пушов* была наследственной (Morier 1812: 585). Государство давало им единоразовое денежное пособие для приобретения коня и вооружения. Если конь или оружие приходили в негодность, то шах возмещал убытки путем выдачи денежной компенсации. Как выясняется, кирасир получал в год 24 тумана жалованья и 3-4 харвара³¹ фуража и провианта (Друвиль 1826, 2: 105).

Хотя шах часто прибегал к помощи *джоушан-пушов* в начале своего правления, по мере распространения огнестрельного оружия в Иране их все реже стали использовать. В результате, к 1820-м годам количество конных кирасир с 20 тыс. человек сократилось до 10 тыс. человек (Morier 1812: 585), а в дальнейшем, уже во время правления Мохаммад-шаха (1834-1848 гг.) их существование в составе шахской гвардии не находит документального подтверждения.

Артиллерия и арсеналы

Как известно, задействование артиллерии в военных операциях в Иране непосредственно связано с именем шаха Аббаса I. Однако здесь же следует заметить, что артиллерия не нашла должного применения в иранских вооруженных силах, вследствие чего уже к концу правления Сефевидов этот род войск полностью распался (Абутараб 1354: 79). Позднее Надир-шах Афшар предпринял серьезную попытку к ее возрождению, однако, вскоре после его смерти в 1747 г., его проект окончательно был заброшен. Побывавший в 1786-1787 гг. в Иране Уильям Франклин (1790: 53) писал: “С артиллерией мало знакомы, но еще меньше ее используют”. Многие пушки пришли в полную негодность, и стрельба из них представляла опасность для самих пушкарей. Например, в артиллерийском парке г. Шираза, по сообщению Франклина (там же: 57), стояли старые, уже изъеденные ржавчиной пушки, в основном испанского и португальского производства, которые при первом же выстреле могли взорваться.

В начале XIX в. артиллерия представляла собой самое слабое звено в иранских вооруженных силах. Она состояла из устаревших и негодных орудий разного образца и калибра.³² Отливали эти пушки на литейных заводах *топхане* (توپخانه)³³ в Исфагане, Ширазе, Тавризе и Мешхеде (Gardane 1865: 124). Артиллерийским парком управлял

³⁰ В свое время в создании Сефевидского государства решающую роль сыграли кызылбашские племена туркмен, которые взамен на службу шаху получили земли (Matthee 2012: 27).

³¹ Харвар—мера веса от 6 до 12 пудов в зависимости от местности.

³² Например, во время взятия крепости Ганджа в феврале 1804 г. в руки русских войск попало 12 пушек: 9 медных и 3 чугунных. Медные орудия оказались следующих калибров: 42-фунтовые (1 шт.), 24-фунтовые (1 шт.), 18-фунтовые (2 шт.), 10-фунтовые (2 шт.) и 5-фунтовые (3 шт.), чугунные—2-фунтовые (3 шт.) (ЦГВИА. Ф.ВУА. Д.42583. ч.1. Л.46).

³³ В дальнейшем этим термином стали обозначать и артиллерийский парк, т.е. артиллерию. По мнению иранского военного историка Джахангира Каем Маками (1326), это ошибка, которая восходит к середине эпохи правления Каджаров.

топчибаши (توپچیباشی) командир пушкарей, который согласно сообщению анонимного автора *Тазкират аль-мулюк*, “был ришсефидом глашатаев (*джерчи*), артиллеристов (*тунчи*), тысячников (минбаши) и сотников (юзбаши) топхане” (*Тазкират аль-Мулюк* 1332: 13). По свидетельству французского генерала Гардана (тма же: 121), в то время артиллерийский корпус насчитывал в своих рядах 2 500 человек.

Вообще, рассуждая об артиллерии и ее месте в иранской иррегулярной армии, необходимо помнить, что она выполняла лишь вспомогательные функции и не могла решать на поле боя самостоятельные боевые задачи. Чаще всего она использовалась при осаде или защите крепостей. Как правило, пушки составляли необходимый атрибут каждого крупного города и крепости. К удивлению французского офицера артиллерии Фавье, пушки ставили без лафетов непосредственно на крепостные стены (Нафиси 1335, I: 211).

Наряду с пушками разного калибра и модификации в иранской армии широко был распространен род малокалиберных пушек—фальконетов—замбурак (*زنبورک*),³⁴ которые устанавливали на спинах верблюдов.³⁵ Для производства выстрела из этой экзотической пушки, по команде пушкарей верблюды ложились на землю, после чего пушкар производил выстрелы из своих фальконетов (Друвиль 1826, 2: 134). Следует заметить, что на поле боя этот вид орудия из-за своего малого калибра и неточности стрельбы был малоэффективен. Вообще, Жобер (1997: 168) считал корпус замбураков самой плохо обученной частью артиллерии.

Необходимо отметить, что после неоднократных попыток организовать регулярную артиллерию, начиная с миссии генерала Гардана, она была включена в так называемую “регулярную” армию. Тем не менее создание по-настоящему регулярной артиллерийской части связано с деятельностью австрийских военных инструкторов в Иране в 1879-1890 гг., организовавших артиллерийский батальон, и русских инструкторов Персидской казачьей бригады, сформировавших в 1884 г. конный артиллерийский батальон (Тер-Оганов 2012: 64-65).

С артиллерией, а точнее с производством всего необходимого для артиллерии, был связан арсенал—*курхане* (قورخانه),³⁶ в котором изготавливали порох, ядра, снаряды и т.д. В пользу существования связи между артиллерией и курхане говорит следующий факт: в русских переводах персидских фирманов, собранных Кавказской археографической комиссией, слово “курхане” переводится как “ядро” (АКАК 1868, II: 818-819). Следует заметить, что в источниках—как персидских, так и европейских—нет никаких сведений о том, кем осуществлялось управление этим арсеналом. Тем не менее в персидских нарративных и документальных источниках XIX в. нередко упоминается должность *курсаулбаши* (قورساولباشی),³⁷ который, по нашему убеждению, без сомнения должен иметь непосредственное отношение к ведомству курхане. Судя по этимологии самого термина—*курсаулбаши*, под его руководством должны были находиться рядовые есаулы

³⁴ Этимология слова *замбур* (перс. “оса, пчела”) приводит к предположению, что родиной замбурака должен быть Иран или Афганистан. В пользу этой версии говорит и тот факт, что замбурак во множестве были на вооружении афганской армии (Друвиль 1826, II: 10, 133-134; Гиланенц 1870, XVII, 3: 5).

³⁵ О происхождении и описании артиллерии замбурак высказывает свою мысль австрийский исследователь Манучехр Эскандари-Каджар (Eskandari-Qajar 2005, 5: 53-54, 63-64, 74).

³⁶ “Курхане”—букв. “дом ядер” (от *قور*—араб. “ядро, снаряд”, *خانه*—перс. “дом”). В персидско-латинском этимологическом словаре Вуллера (1855, 3: 748) “курхане” толкуется как “завод, производящий необходимый для артиллерии материал: свинец, порох и прочее”.

³⁷ *Курсаулбаши* (قورساولباشی)—глава есаулов курхане. Следует заметить, что во второй половине XVIII в. должность *курсаулбаши* существовала и при царском дворе правителей Каргли и Кахетии. В грузинских исторических документах *курсаулбаши* упоминается среди придворных чинов (АКАК 1866, I: 194).

курхане. Вполне возможно, что курясаулбаши, если не заведовал курхане, то, по крайней мере, занимал там высокую должность. О том, что он был достаточно влиятельным человеком в военной иерархии в Иране, свидетельствует “Маасер-е салтание”: “Наеб ос-Салтание [т.е. наследник каджарского престола Аббас-мирза—*Н.Т.О.*] назначил Фатх Али-хана Нури курясаулбаши мехмандаром³⁸ послов” (Домболи 1242: 197).

Как показывает анализ первоисточников, холодное и огнестрельное оружие, а также снаряжение воинов производили в оружейной мастерской или арсенале – *джабахане* (جبهخانه).³⁹ Согласно Друвилло (1826, II: 144), в *джабахане* “делалось все нужное для иррегулярных войск”. В *джабахане*, по свидетельству Аузли (1823, 3: 119), не только изготавливали военную продукцию, но и производили починку и чистку оружия и снаряжения. Позднее, в 40-х годах XIX в. в *джабахане*, наряду с саблями, ружьями, кремнями, штыками, рожками и патронташами, производили и чисто гражданскую продукцию—коляски (Мохаммад Хасан-хан Сани од-Доуле 1294, 2: 67, 105).

Следует отметить, что то обстоятельство, что во время описания военных походов иранского войска в персидских нарративных и документальных источниках многократно отмечается факт следования вместе с войском *тупхане*, *курхане* и *джабахане*, свидетельствует о том, что в данном контексте они обозначали не место производства данной продукции, а саму продукцию, соответственно: пушки, т.е. “артиллерию”, склад-мастерскую артиллерийских боеприпасов, а также склад-мастерскую холодного и огнестрельного оружия.⁴⁰

Заключение

Играя особую роль балансира различных секторов иранского полиэтнического общества, иррегулярные вооруженные силы представляли собой зеркало традиционной структуры социально-экономического строя, унаследованного от периода правления Сефевидов и Афшар.

Понимание характерных особенностей армии—ее роли в каджарском обществе, ее организационной и социальной структуры, этнической композиции, и других параметров—поможет нам лучше понять характер самого государства. Под управлением каджаров, по словам Дж. Малькольма (1815, 2: 482), Иран продолжал оставаться под “военной и деспотической властью”. Иррегулярное войско было естественным элементом каджарского абсолютистского режима и, следовательно, оно было задействовано против местных и внешних оппонентов власти. Кроме этого, оно часто использовалось для выполнения некоторых административных функций, в частности для сбора налогов.

Следует отметить, что даже после создания частей регулярной армии в Иране в начале XIX в., что не было обусловлено естественным экономическим развитием страны, а целой цепью военных и политических факторов (в частности, русско-иранскими войнами 1804-1813 и 1826-1828 гг.), иррегулярное войско продолжало играть свою традиционную роль в жизни страны. Между тем иррегулярная кавалерия племен продолжала быть самой боевой и мобильной частью вооруженных сил. Это его свойство было наглядно продемонстрировано во время Конституционной революции в Иране

³⁸ *Мехмандар* (مهمان دار)—официальное лицо, назначаемое властями для сопровождения высокопоставленных гостей, в том числе послов. Он должен был сопровождать гостей до места следования и обеспечивать их всем необходимым—как жильем, так и продуктами питания. Обычно на должность *мехмандара* назначались придворные.

³⁹ *Джабахане* (جبه خانه, или جيبا خانه)—османско-персидский военный термин, от османского *джаба* (جبه) (броне, кольчуга или состоящее из разных частей снаряжение из стали (Будагов 1869: 432)) и персидского *хане* (خانه)—“дом”, т.е. арсенал, где производили холодное и огнестрельное оружие.

⁴⁰ В этой связи следует напомнить, что по причине своей громоздкости в грузинском разговорном языке слово “джабахана” стало синонимом чего-то неуклюжего, неповоротливого и громающего.

(1905-1911 гг.), когда бахтиарская конница сыграла решающую роль в свержении деспотического режима Мохаммад Али-шаха Каджара в июле 1909 г.

На протяжении всего XIX в. центральные власти использовали провинциальное ополчение, как и прежде, для сохранения порядка в провинциях и уравнивания власти племен. Каджарские правители обеспечили себе сбалансированное управление путем разделения гражданской и военной власти между бегларбегом (правителем провинции) и сардаром (высшим военным чином в провинции). И наконец, чтобы контролировать кавалерию кочевников и иррегулярное ополчение каджарские шахи, наподобие своих сефевидских и афшарских предшественников, в своем распоряжении имели постоянную и самую преданную вооруженную силу—личную гвардию. Артиллерия, которая представляла собой самую слабую часть иранской иррегулярной армии, использовалась только при осаде или защите крепостей.

Таким образом, несмотря на изменения социально-общественного порядка в каджарском обществе во второй половине XIX в., все четыре компонента иррегулярного войска—провинциальное ополчение, кавалерия кочевников, шахская гвардия и артиллерия продолжали существовать, претерпев, конечно, некоторые изменения (это касается, в основном, артиллерии, которая со временем стала частью регулярной армии). Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что продолжение существования иррегулярного войска параллельно с частями регулярной армии является свидетельством устойчивости социально-военной традиции в Каджарском Иране в период трансформации общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АКАК 1866 *Акты (собранные Кавказской археографической комиссией)*, Т.1, Тифлис.
— 1868 *Акты*, Т.II, Тифлис.
— 1869 *Акты*, Т.III, Тифлис.
- Арунова М. Р./Ашрафян К. З. (1958), *Государство Надир-шаха Афшара*, Москва.
- Багратиони Т. (1972а), *История Давида Багратиони*, Тбилиси.
— (1972b), “Персидские дневники или кровью писанные мысли”, Шарадзе Г.С., *Теймураз Багратиони. Жизненный путь*, Тбилиси (на груз.яз.).
- Бартольд В. В. (1971), “Персидский арк, "крепость", "цитадель"“, *Сочинения*, VII, Москва: 413-417.
- Баторский (1886), “Проект экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонапарте императорам Павлу и Александру I в 1800 и в 1807-1808 гг.”, *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*, Вып. XXIII, СПб.
- Белозерский Е. (1887), “Письма из Персии от Баку до Испагани 1885-1886 гг.”, *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*, Вып. XXIII, СПб.
- Бернс А. (1849), *Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до моря с подарками великобританского короля и отчет о путешествии по Индии в Кабул, Тартарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанийской службы А. Бернсом*, Т.III, Москва.
- Бларамберг И. (1853), “Статистическое обозрение Персии, составленное в 1841 г.”, *Записки императорского русского географического общества*, Кн.VII, Санкт-Петербург.
- Борщевский Ю. Е. (1960), “К характеристике рукописного наследия В. А. Жуковского”, *Очерки по истории русского востоковедения*, Сборник V, (Памяти В. А. Жуковского), Москва: 5-44.

- Будагов Л. З. (1869), *Сравнительный словарь турецко-татарских наречий*, Т. I, СПб.
- Гиланенц Петрос ди Саргис (1870), "Дневник осады Исфагани афганами, веденный Петросом ди Саргис Гиланенц, в 1722 и 1723 годах", *Записки императорской Академии наук*, Т. XVII, Приложение 3, СПб.
- Деххода (1350), *Лозат-наме*, 169, Тегеран.
- Домболи Абд ар-Резак-бег (1242), *Маасер-е салтание*, Табриз.
- Друвиль Гаспар (1826), *Путешествие в Персию в 1812-1813 годах, содержащее в себе малоизвестные подробности о нравах, обычаях и духовных обрядах персиян; также о древнем и новом состоянии их армии и вообще о всем том, что принадлежит до регулярных и нерегулярных войск*, Ч. II., Москва.
- Жобер Амеде (1322), *Мосаферат бе Арманестан ва Иран*, Тегеран.
- (1997), *Путешествие по Армении и Персии в 1805-1806 гг.* (Перевод с французского, исследование и комментарии Ирины Начкебия), Тбилиси.
- Каджар Джахангир-Мирза (1327), *Тарих-е ноу. Шамел-е хавадес-е доуре-йе Каджари-йе аз сал-е 1240 та 1267 камари*, Тегеран.
- Каем Маками Джахангир (1326), *Тарих-е тахавволат-е сияси-йе незам-е Иран. Аз агаз-е карн-е яздахом-е хеджри та сал-е 1301 хеджри-йе шамси*. Тегеран.
- Кузанлу Джамиль (1315), *Тарих-е незами-йе Иран. Джелд-е доввом. Шамел-е доуре-йе карн-е незам-е джадид (1796 -1871) ва карн-е незам-е моасер (1871-1914) ва Иран дар джанг-е беинолмелал (1914-1918)*, Тегеран.
- Кузнецова Н. А. (1978), "Политическое и социально-экономическое положение Ирана в конце XVIII—первой половине XIX в.", *Очерки новой истории Ирана*, Москва: 5-121.
- Моин (1342), *Фарханг-е фарси*, Джелд-е доввом, Тегеран.
- Мориер Джеймс (1970), *Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана*, Москва.
- Нафиси Саид (1335), *Тарих-е эджтемай ва сияси-йе Иран дар доуре-йе моасер, Джелд-е аввал*, Тегеран.
- "О военной силе Персии" (1828), *Военный журнал*, 1, СПб.
- "О нынешнем персидском шахе, столице его Тегеране и военной силе" (1825), *Азиатский вестник*, май, Москва.
- Петрушевский И. П. (1949), *Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI-XIX вв.*, Москва.
- Ржевуский А. (1890), "Поездка в Мешхед", *Военный сборник*, 5, 6, СПб.
- Сани од-Доуле Мохаммад Хасан-хан (1294), *Мират ал-булдан-е Насери*, 2, Тегеран.
- (1299), *Тарих-е монтазам-е Насери*, 2, Тегеран.
- (1306), *Аль-Маасер ва аль-Асар*, Тегеран.
- Сардавар Абулараб, сарлашкяр (1354), *Тарих-е незами ва сияси-йе доуран-е Надер-шах афшар*, Тегеран.
- Раджаби Парвиз (1350), "Артеш-е Иран дар доуре-йе зенди-йе", *Маджале-йе баррасиха-йе тарихи*, Сал-е шешом, Шомаре-йе севвом, Тегеран.
- Тер-Оганов Н. К. (1984), *Создание и развитие иранской регулярной армии и деятельность иностранных военных миссий в Иране в XIX веке* (диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук), Тбилиси.
- (2012), *Персидская казачья бригада. 1879-1921 гг.*, Москва.
- Тигранов Л. Ф. (1905), *Из общественно-экономических отношений в Персии*, Тифлис.
- Трубецкой В. В. (1978), "Роль оседло-кочевых племен Ирана в период нового времени", *Очерки новой истории Ирана*, Москва: 176-202.
- Туманский (1896), "От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно в 1894 г.", *Сборник материалов по Азии*, Вып. XV, СПб.
- Франкини (1883), "Записка о персидской армии от 20 сентября 1877 г.", *Сборник материалов по Азии*, Вып IV, СПб.

- Хедайят Реза Коли-хан (1339), *Тарих-е роузат ос-сафай-йе Насери*, 9, Тегран.
- Шамим Али Асгар (1398), *Иран дар доуре-йе каджари-йе. Карн-е сиздахом ва ниме-йе аввал-е карн-е чахардахом*, Тегран.
- Энгельс Ф. (1962), “Письмо к Марксу от 6 июня 1853 г.”, <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t09.pdf> (дата обращения 15.09.2020).
- Эшки Ханек (1353), *Сиясат-е незами-йе Руси-йе дар Иран 1790-1815*, Тегран.
- Brydges H. (1834), *An Account of the Transaction of His Majesty's Mission to the Court of Persia in the Years 1807-11*, London.
- Conolly A. (1834), *A Journey to the North of India, overland from England, through Russia, Persia, and Afghanistan*, Vol. I, London.
- Eskandari-Qajar Manoutchehr M. (2005), “Mohammad Shah Qajar's Nezam-e Jadid and Colonel Colombari's Zambourakchis”, *Qajar Studies*, 5.
- Farmanfarmaian Roxane (Ed.) (2008), “Introduction”, *War&Peace in Qajar Persia. Implications Past and Present*, London and New York.
- Fasai Hasan (1972), *History of Persia under Qajar Rule* (translated from Persian by H.Busse), New-York-London.
- Flandin E. (1851), *Voyage en Perse de m.m. Eugène Flandin., peintre, et Pascal Coste, architecte attachés a l'ambassade de France en Perse pendant les années 1840 et 1841*, Vol. II, Paris, 1851.
- Francin W. (1790), *Observation made on a Tour from Bengal to Persia in the Years 1786-7*, London.
- Fraser James (1826), *Travels and Adventures in the Persian Provinces on the Southern Banks of the Caspian Sea*, London.
- (1984), *Narrative of a Journey into Khorasan in the Years 1821 and 1822*, Oxford-New-York.
- Gardane Alfred (1865), *Mission du général Gardane en Perse sous le premier Empire. Document historiques*, Paris.
- Holmes William (1845), *Sketches on the Shores of the Caspian*, London.
- Kinneir John (1813), *Geographical Memoir of the Persian Empire*, London.
- Lambton A. (1960), *Persian society under the Qajars*, London.
- Malcolm John (1815), *The History of Persia from the Most Early Period to the Present Time*, Vols1-2, London.
- Matthee Rudi (2012), *Persia in Crises. Safavid Decline and the Fall of Isfahan*, London-New York.
- Morier James (1812), *A Journey through Persia, Armenia, and Asia Minor to Constantinople, in the Years 1808 and 1809*, London.
- (1818), *A Second Journey through Persia, Armenia, and Asia Minor, to Constantinople, between the Years 1810 and 1816*, London.
- Ouseley William (1819), *Travels in Various Countries of the East, more particularly Persia*, Vol. 2. London.
- Porter Robert Ker (1822), *Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia during the Years 1817, 1818, 1819, and 1820*, Vol. 2, London.
- Rabi Uzi/Ter-Oganov Nugzar (2012), “The Military of Qajar Iran: The Features of an Irregular Army from the Eighteenth to the Early Twentieth Century”, *Iranian Studies*, 45.3: 333-354.
- Stone G. (1961), *Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor in all Countries and in all Times*, New York.
- Waring E. (1807), *A Tour to Sheeraz by the Route of Kazeroon and Feerozabad with Various Remarks on the Manners, Customs, Laws, Language and Literature of the Persia*, London.
- Vullers I. A. (1855), *Lexicon Persico-Latinum Etimologicum*, Bonn.

DOI 10.48200/9789939672571_113

РУССКО-ИРАНСКИЕ ТАЙНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ 1853-1854 ГГ. И ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОНВЕНЦИИ О НЕЙТРАЛИТЕТЕ ИРАНА

Нугзар Тер-Оганов

Центр иранских исследований *Альянс*,
Университет Тель-Авива

Abstract

In anticipation of the war with Turkey, Russia proposed Iran making a military alliance. The Russian-Iranian negotiations, which were held from July to December 1853, did not attain expected results, with the exception of the statement by Naser ed-Din Shah (1848-1896) on Iran's strict neutrality in the case of war against Turkey. Nevertheless, during the next Russian-Iranian negotiations, discussion of two alternative versions of the agreement continued: the conclusion of the Russian-Iranian military alliance or declaration of neutrality by Iran. Taking into account the unfavorable foreign policy situation, the Russians decided not to conclude an agreement on a military alliance with Iran, after which, on September 29, 1854, the convention on Iran's neutrality was signed in secrecy in Tehran.

Keywords: Russian-Iranian Secret Negotiations of 1853-1856, Russian-Iranian Military Cooperation, Qajar Iran, Naser ed Din Shah Qajar, Aqa Khan Nuri, Nikolai I, Prince Dolgorukii, Count Vorontsov, K.S. Neselrode, General Beibutov, General Read, General Sankovsky, N.V. Khanykov

Аннотация

В преддверии войны с Турцией Россия предложила Ирану заключение военного союза. Русско-иранские переговоры, проводившиеся с июля по декабрь 1853 г., не дали ожидаемых результатов, за исключением заявления Насер эд-Дин-шаха (1848-1896 гг.) о соблюдении Ираном строгого нейтралитета в войне против Турции. Тем не менее в ходе следующего раунда русско-иранских переговоров были обсуждены два альтернативных варианта соглашения: заключение русско-иранского военного союза или объявление Ираном нейтралитета. Приняв во внимание неблагоприятное внешнеполитическое положение и избегая его дальнейшего обострения, российская сторона решила отказаться от заключения соглашения о военном союзе с Ираном, после чего 29 сентября 1854 г. в Тегеране в условиях секретности была подписана конвенция о нейтралитете Ирана.

Ключевые слова: русско-иранские тайные переговоры 1853-1854 гг., русско-иранский военный союз, Насер эд-Дин-шах Каджар, Ага-хан Нури, Николай I, князь Долгорукий, граф Воронцов, К.В. Несельроде, генерал Бейбутов, генерал Ред, генерал Санковский, Н.В. Ханыков

Введение

В конце 40-х—начале 50-х годов XIX в. в Европе сложилась крайне напряженная политическая ситуация, когда интересы ее ведущих держав столкнулись не только на европейском континенте, но и на Ближнем Востоке. На этом фоне стало вырисовываться стремление России воспользоваться своими успехами по укреплению монархического режима в Европе и использовать их в деле окончательного решения, в свою пользу,

вопроса о черноморских проливах. Следует заметить, что Николай I необоснованно полагал, что, посулив Британской империи кое-какие уступки в виде территориальных приобретений, он получит согласие на передачу проливов под юрисдикцию России. Планы Николая I, изложенные во время его откровенной беседы с английским послом сэром Хамильтоном Сеймуром в Санкт-Петербурге в январе 1853 г., серьезно встревожили английское правительство (Vulliamy 1939: 52-53). Еще более обеспокоились англичане после того, как стали проявляться контуры русско-турецкого военного противостояния.

На фоне будущего столкновения как на европейском континенте, так и на Ближнем Востоке, стала складываться европейская коалиция, которая вознамерилась воспрепятствовать распаду Османской империи, с одной стороны, и территориальному расширению Российской Империи, с другой.¹

Следует заметить, что уверенность российского императора в скором развале Османской империи еще более окрепла после того, как в начале 1853 г. отношения между Австрией и Османской империей по вопросу Черногории (Монтенегро) крайне обострились. По мнению М. Андерсона (1968: 120), это укрепило в Санкт-Петербурге опасную уверенность в том, что турки всегда уступают, когда на них как следует давят. А в Константинополе стали чувствовать нависшую над ними угрозу и готовиться к ее отражению.

Обсуждение вопроса

К лету 1853 г. русско-турецкие отношения обострились настолько, что Россия разорвала дипломатические отношения с Турцией. Оказавшись наедине с европейской коалицией и Турцией, она стала зондировать почву для заключения военного союза с Ираном против Турции.

Между тем в Иране произошли существенные внутривнутриполитические изменения. В конце 40-х годов, осознав необходимость переустройства страны, иранский премьер Мирза Таги-хан Амир Кабир (1848-1851) приступил к целой серии реформ, включая военную реформу. Под его руководством Иран стал преобразовываться: были заложены основы для создания единой регулярной армии, открыто военное училище для подготовки офицеров, стала развиваться промышленность, в том числе военное производство. За его активной деятельностью пристально следили две могущественные империи—Россия и Британия. У каждой из этих стран были свои интересы в Иране, обе они остро реагировали на любые попытки их игнорирования. Россия была недовольна, например, мятежом в 1846-1850 гг. крупного хорасанского феодала Салара, поддержанного англичанами (История стран Азии и Африки в новое время 1971: 208), приглашением иностранных военных специалистов из третьих стран для обучения иранской армии, а Англия—планами Мирзы Таги-хана по созданию собственного военно-морского флота в Персидском Заливе, поскольку там его считали “английским озером”, и любую активность в этом регионе английский политический истеблишмент воспринимал как угрозу национальным интересам британской империи.

На этом внешнеполитическом фоне, при относительно спокойном внутривнутриполитическом положении, когда к концу 1850 г., благодаря жестким мерам Мирзы Таги-хана Амира Кабира, было окончательно сломлено движение бабидов в Иране, в шахском дворце против инициативного и властолюбивого премьера начали плести интриги. Результатом этих интриг на фоне опасений относительно чрезмерного усиления премьера в ущерб шахской власти и при попустительстве ближайшего окружения молодого шаха

¹ Что касается позиции Николая I, то он был уверен в скорейшем распаде Османской империи и исходя из этого, русская дипломатия действовала именно в этом ключе. Подробнее о европейской коалиции и позиции России по “Восточному вопросу”, см. Тер-Оганов 2019.

Насер эд-Дина (1848-1896), в ноябре 1851 г. Мирза Таги-хан Амир Кабир был сослан в Кашан. Следует заметить, что, несмотря на заступничество российского посланника, иранского премьера не только не восстановили в должности, но и поспешно физически устранили. По утверждению английского востоковеда П. Авери (1965: 59), “По иронии судьбы, меры, предпринятые российским посланником по спасению Амира, скорее всего, ускорили его казнь”, что дает нам основание полагать, что российская миссия была против его смещения с должности и, тем более, не желала ему смерти. Возможно, его считали более приемлемым для России, чем для Англии, что могло породить необоснованное подозрение в его “русофильстве”. Последовавшее назначение на пост нового, проанглийски настроенного, премьер-министра Мирзы Ага-хана (1851-1858), противопоставившего себя политическому курсу Мирзы Таги-Хана, говорит о многом.

Таким образом, попытка России в 1853 г. по сближению с Ираном с целью заключения антитурецкого пакта совпала с изменением внешнеполитической ориентации Ирана. Тем не менее, российскому посланнику князю Д.И. Долгорукому, не питавшему доверия к Мирзе Ага-хану из-за его связей с англичанами, все-таки пришлось с ним общаться (там же: 68). Согласно Генри Роулинсону (1970: 86), англичанам было известно, что Россия предложила Тегерану участвовать в войне против Турции. Со своей стороны, и Иран изъявил готовность использовать удобный момент для возвращения оккупированного Турцией района Котура, для чего он стал скапливать войска в приграничных с Турцией районах. Общность интересов подтолкнула обе стороны к обсуждению вопроса о заключении русско-иранского военного союза.

Переговоры по заключению русско-иранского военного союза

Согласно дипломатической записке, составленной вокруг русско-иранских переговоров, шахское правительство было готово присоединиться к России при условии, что, в случае заключения ею мирного договора с Турцией завоеванные Ираном турецкие земли останутся в его владении, о чем было доведено до сведения МИД России. Уже 25 июля 1853 г. (по старому стилю) иранский премьер-министр Ага-хан Нури, заступивший на эту должность с титулом *Этемад од-Доуле* сразу после убийства бывшего премьера— талантливый Мирза Таги-хана (Mostofi 1997: 48), отправил российскому посланнику князю Долгорукому секретную программу, составленную самим Насер эд-Дин-шахом, суть которой сводилась к следующему:

1. России следует принять во внимание скудность шахской казны и отказаться от одного *корура* туманов контрибуции.²
2. Россия передаст необходимое количество военных припасов Ирану.
3. Россия должна дать свое согласие на союз с Ираном на период войны с Турцией
4. После наступления мира не все захваченные турецкие земли следует вернуть. Но в случае, если Турция будет настаивать на возврате всех земель, тогда Иран потребует возмещения своих военных расходов.

При этом иранское правительство было готово держать под ружьем 60 тыс. пеших, конных и артиллеристов и воевать с Турцией. Более того, оно было готово принять русских офицеров для руководства иранской армией.

Не дождавшись ответа из Санкт-Петербурга на шахское предложение, Долгорукий предпочел проявить осторожность и отказаться от излишней активности. Вместе с тем, он посчитал целесообразным не раздражать англичан, а также не вызывать подозрение у турок преждевременной концентрацией иранских войск недалеко от турецкой границы в районе Солтание. Между тем, стало известно, что, согласно депеше Долгорукого в МИД от 18 августа 1853 г., английская миссия высказалась против поездки шаха в Солтание и,

² Речь идет о выплате Ираном последнего *корура* (пятьсот тысяч) туманов контрибуции, наложенной на эту страну Туркманчайским мирным договором.

чтобы разрулить ситуацию, она передала через иранского консула в Багдаде предложение Порты о необходимости заключения турецко-иранского союза с целью совместного нападения на Закавказье! Согласно Долгорукому, на это предложение англичан иранский премьер ответил отказом, заявив о том, что Иран будет сохранять нейтралитет.

Тем временем, несмотря на предупреждение англичан, шах все-таки отправился в Солтание, где к сентябрю 1853 г. были уже мобилизованы 29 тыс. пеших, 8 тысяч конных и 30 артиллерийских орудий,³ но вскоре, из-за свирепствовавшей в лагере холеры, ему пришлось распустить свои войска. Хотя, по нашему мнению, могла быть и другая причина роспуска войск—не дождавшись ответа из Санкт-Петербурга на свое предложение, то есть не прояснив позицию России с заключением военного союза, шах решил не рисковать и не ввязываться в войну с Турцией. Об этом косвенно свидетельствует и обещание шаха приступить к сбору войск сразу после получения ответа из российской столицы.

Как выясняется из содержания личного письма Долгорукого на имя Наместника на Кавказе графа Воронцова от 2 октября 1853 г., МИД России желал сохранения Ираном дружественного нейтралитета до начала войны с Турцией. Забегая вперед, следует заметить, что этой линии российский МИД придерживался на всем протяжении Крымской войны (1853-1856). Между тем, в ответ на предложение шаха от 25 июля 1853 г., только 6 октября в своей депеше на имя Воронцова министр иностранных дел России К.В.Несельроде просил передать благодарность шаху за “дружественное предложение”. Вместе с тем Долгорукому было рекомендовано воздерживаться от положительных оценок условий союза, поскольку, как там опасались, его неправильное толкование могло сыграть на руку противнику России.⁴

Несмотря на уклонение от конкретного ответа, российский император приказал Долгорукому продолжить переговоры с Ираном, поскольку в случае нападения Турции на Закавказье, Иран мог бы оказать большую помощь в виде “военной диверсии”. Тем не менее, Николай I воздерживался от заключения военного союза с Ираном, но за оказанную военную поддержку был готов отказаться от выплаты оставшейся суммы контрибуции.

Военные приготовления Ирана вынудили Англию объявить о прекращении политических отношений с этой страной. Тогда, для ускорения переговорного процесса, Ага-хан Нури назначил своими уполномоченными по переговорам с Долгоруким Мирзу Джафар-хана и Фарух-хана.

Следует заметить, что после того, как Турция объявила войну России в начале октября 1853 г., вопрос о сборе иранского войска для русской стороны стал актуальным. В виду изменившейся ситуации Долгорукий предложил шаху следующее: 1. передать в распоряжение императора 60-тысячное иранское войско; 2. из этого количества войск 40 тысяч следовало отправить в район Хоя, на самый стык русско-иранско-турецкой границы; 3. все военные операции следовало согласовывать с главнокомандующим императорскими войсками; 4. иранский главнокомандующий—*сардар-е колл*—должен был отправиться в Тавриз для установления связи с предварительно направленными туда русскими офицерами; и 5. иранской стороне следовало действовать быстро.

После завершения переговоров иранские уполномоченные потребовали от Долгорукого передачи секретной депеши Несельроде. Необходимо заметить, что копию данной депеши Долгорукий получил с тем условиями, что ее содержание не должно разглашаться, а иранские войска должны быть немедленно направлены к турецкой границе. Несмотря на предпринятые меры предосторожности, о содержании переговоров и их судьбе изначально было известно англичанам, скорее всего, благодаря

³ ЦГИА Грузии, Ф.11, Д.2890: 168.

⁴ Там же: 171.

англофильской позиции иранского Садр Азама Ага-хан Нури. Об этом свидетельствует и генерал-майор сэр Генри Роулинсон (1970: 86), который по этому поводу пишет следующее: “К счастью, переговоры, начатые в 1853 г., провалились отчасти благодаря оппозиции со стороны Садр Азама, который в тот момент, не обремененный личными соображениями, был больше склонен в сторону Англии, чем России”.

Как выясняется из письма Воронцова на имя Несельроде, отправленного 8 ноября 1853 г., для руководства стратегическими движениями иранских войск на линии Хоя, согласно высочайшему повелению, следовало отправить в Тавриз одного генерала и двух штаб-офицеров для встречи и совещания с иранским главнокомандующим Азиз-ханом. Для выполнения данного поручения был назначен генерал А.С. Санковский, который должен был связаться с командующим русскими войсками, начальником особого корпуса генералом В.О. Бейбутовым, находившемся на самой турецкой границе, и сообщать ему о передвижениях иранских войск. Для налаживания связи русских офицеров с иранцами был использован статский советник Н.В. Ханыков.⁵

В тот момент, когда русская сторона ждала начала движения иранских войск в сторону турецкой границы, согласно сообщению Долгорукого, возникло существенное разногласие между шахом и его премьером: если шах хотел послать войско и установить союз с Россией, то Садр Азам хотел, путем отправки на границу войск, лишь предотвратить возможные нарушения. Однако, по заверению шаха, деньги для содержания войска уже были отправлены по назначению, кроме того, готовился к отъезду и иранский главнокомандующий. Однако, вскоре выяснилось, что стороны так и не смогли договориться по отдельным пунктам. Более того, Ага-хан Нури выдвинул требование, согласно которому, прощение одного *корура* контрибуции должно было стать предусловием для дальнейших действий.⁶ По справедливому заключению Долгорукого, Иран хотел воевать за свои интересы под покровительством русского оружия. Но когда затягивание переговоров дошло до предела, Ага-хан Нури был вынужден сослаться на ложный тезис о том, что якобы ведению наступательной войны против Турции не было оправдания в глазах духовенства и народа. С другой стороны, и шах, наткнувшись на такое сопротивление со стороны премьера, также не сдержал своего слова. Между тем, как выясняется, иранский премьер был готов оказать России всего лишь “моральную поддержку”.⁷

Вскоре, как только стало известно об изменении иранской позиции, Воронцов приказал направлявшемуся в Иран генералу А.С.Санковскому и двум штаб-офицерам— гвардии полковнику И.А.Бартоломео и подполковнику Генерального Штаба П.К.Услару⁸—остаться в Ереване, о чем была уведомена русская дипломатическая миссия в Тегеране.

От военного русско-иранского союза к нейтралитету Ирана

Однако, как вскоре выяснилось, шах изменил свою позицию относительно заключения военного союза и изъявил желание сохранить строгий нейтралитет, о чем уже 14 декабря 1853 г. Воронцов уведомил Несельроде. Таким образом, русско-иранские переговоры по вопросу заключения военного союза, которые велись с июля 1853 г. по декабрь 1853 г., окончились безрезультатно. Тем не менее, по мнению заместителя на Кавказе, для России было важным, чтобы Иран не переметнулся в стан ее противников.⁹ Там считали, что

⁵ Там же: 177.

⁶ Там же: 183.

⁷ Там же: 184.

⁸ Об истории отправки этих офицеров в Иран, см. Гоков 2013.

⁹ Кстати, опасение, что в случае образования коалиции из европейских стран и Турции, враждебных России, Иран, соблазненный финансовой помощью, обещаниями или просто под угрозами, мог к

Иран был в состоянии выставить один вооруженный отряд для предотвращения грабительских набегов иранских курдов на приграничные районы российской империи. Вместе с тем, была высказана мысль о том, что следовало способствовать распространению мнения о праве Ирана на обладание Багдадом, что могло оттянуть турецкие силы от Кавказского фронта.

21 декабря 1853 г., после того как в Санкт-Петербурге узнали о провале русско-иранских переговоров, Несельроде через наместника направил Долгорукому депешу с двумя инструкциями, из которых одна была официальная, а другая—секретная. В официальной части выражалось сожаление по поводу несостоявшегося союза и указывалось, что Россия, якобы, не искала этого союза, но, когда его предложили, она приняла его. В связи с этим Долгорукому было указано на необходимость довести до сведения шахского правительства, что русская сторона не была готова принять моральную поддержку (*appui moral*), предложенную Садр Азамом вместо обещанной военной поддержки (*cooperation armee*), и предпочитала нейтралитет Ирана.¹⁰

Как следует из содержания секретной части инструкции Несельроде Долгорукому, русское правительство изначально не надеялось на получение пользы от иранского войска. Главная цель заключалась в недопущении военного союза между Ираном и Турцией.¹¹ По мнению Несельроде, “...удержать Персию в строгом нейтралитете должна быть цель всех усилий и стараний нашего посланника”.¹²

Поскольку нейтралитет Ирана устраивало русское правительство, по настоянию Долгорукого, согласно его депеше на имя Несельроде от 14 января 1854 г., “персидское правительство решилось опубликовать свой нейтралитет в виду возникшей между Россией и Турцией войны, что и сделано посредством статьи, напечатанной в официальной газете Тегеранской”.¹³

Но не прошел и месяц после объявления нейтралитета, как узнав о победах России в Азиатской Турции, иранская сторона изъявила желание заключить с ней военный союз. Тогда Несельроде дал согласие на продолжение переговоров лишь с целью недопущения сближения Ирана с противниками России.¹⁴ В то же время Долгорукому было рекомендовано неофициально подтолкнуть Иран на поход на Сулейманию или Багдад. Между тем, о желании возобновления переговоров со стороны Ирана заявил представитель иранского Садр Азама Мирза Мохаммад Хосейни, отправившийся из Санкт-Петербурга в Тегеран. Со своей стороны, и генеральный консул в Тифлисе Касемхан передал письмо Мирзы Ага-хан Нури, в котором тот просил Воронцова оказать помощь в возобновлении переговоров. Кроме того, как выясняется, Садр Азам стал жаловаться на вызывающее поведение Долгорукого. Одновременно и генеральный консул в Тифлисе стал жаловаться генералу Реаду, временно заменившему на посту наместника Воронцова, на то, что донесения князя Долгорукого к императорскому двору не отражают правду и что, якобы, именно он препятствовал осуществлению данного проекта. Иранский консул даже заявил, что, явившись к шаху, Долгорукий, якобы, пригрозил Ирану экспедицией в Гилян и Мазендаран в случае отказа этой страны провозгласить свой нейтралитет.¹⁵ По мнению генерала Реада, такая интерпретация событий нужна была

ней примкнуть, и позднее циркулировало в русских военных кругах. См., например, Артамонов 1889: 1.

¹⁰ ЦГИА Грузии, Ф.11, Д.2890: 189-190.

¹¹ Там же: 191.

¹² Там же: 192.

¹³ Там же: 194. Скорее всего, имеется в виду издававшаяся в Тегеране по инициативе Мирзы Таги-хана газета *Рузنامه-йе эттефакийе*.

¹⁴ Там же: 194-195.

¹⁵ Там же: 208.

иранской стороне для оправдания провала переговоров, вину за который намеревались возложить на Долгорукого.

Между тем, 12 марта 1854 г. Англия и Франция подписали соглашение с Османской империей, по которому взяли на себя обязательство защищать ее от России. Вслед за этим, 28 марта в Лондоне и Париже официально была объявлена война против России (Anderson 1966: 131).

Очередной раунд русско-иранских переговоров по заключению союза

Это обстоятельство не могло не подвинуть русское правительство на скорое заключение соглашения с Ираном. Как следует из депеши Несельроде генералу Реаду, отправленной 27 марта 1854 г., последнему было поручено вести переговоры с прибывшим в Тифлис иранским поверенным и заключить с ним трактат или конвенцию на следующих условиях:

1. Россия отказывается от одного *корура* туманов контрибуции, которую Иран должен был выплатить.
2. Обе стороны договариваются, что ни одна из сторон не заключит сепаратного мира.
3. Россия дает слово Ирану, что после окончания заключения мира она предусмотрит интересы Ирана.
4. Вместе с тем, Россия осознает, что не может стать гарантом сохранения за Ираном земель, захваченных им в результате похода на Багдад или Солейманию. Но Россия гарантирует Ирану согласие на возврат Ирану оккупированных турками земель, принадлежащих ему согласно Эрзерумскому трактату.
5. Военное снаряжение и деньги, которые требует Иран от России, могут быть ему переданы лишь в случае продолжения военных действий более одного года.

Что касается обязательств Ирана, по мнению Несельроде, эта страна должна была взять на себя обязательство в кратчайшие сроки собрать в районе Хоя 40-тысячное войско, которое ранее было обещано русской стороне. Оно должно было подчиняться указаниям русских офицеров. Кроме того, Иран должен был недопустить нападения курдских племен на российскую границу.

28 апреля 1854 г., на основании указания из Санкт-Петербурга, генерал Реад представил на рассмотрение императору Николаю I “Краткую записку по персидскому вопросу”.¹⁶

Согласно этой записке, генерал Реад разделял точку зрения Воронцова о том, что в случае продолжения войны с Турцией наилучшей позицией Ирана было бы соблюдение им жесткого нейтралитета. При этом генерал не преминул упомянуть об “интригах” английского и турецкого консулов в Тегеране.¹⁷ По мнению генерала, не следовало требовать от Ирана сбора сильного войска в районе Хоя, поскольку в случае провала переговоров не была исключена возможность его использования против России. Генерал считал, что было бы целесообразнее направить иранское войско в сторону Багдада с целью отвлечения сил карсского корпуса турецкой армии.¹⁸ Вместе с тем, генерал Реад проявлял осторожность, считая приезд иранского переговорщика в Тифлис всего лишь уловкой, поскольку, по его утверждению, иранская сторона одновременно вела тайные переговоры с турецким консулом. По его мнению, если подписание конвенции состоялось бы в Тегеране, то русская сторона наверняка потребовала бы ее исполнения, а также удаления английских и турецких агентов из Ирана.¹⁹

¹⁶ Там же: 211.

¹⁷ Там же: 212.

¹⁸ Там же: 213-214.

¹⁹ Там же: 215-216

Как выясняется, оправдались догадки генерала Реада о ведении иранской стороной закулисной игры. Так, в отправленной 14 апреля 1854 г. депеше Долгорукого был указан не только на факт уклонения шаха и его первого министра от посылки уполномоченного по переговорам в Тифлис, но и возможного отказа от его ведения. Тем не менее, после долгих проволочек, 25 апреля 1854 г. Долгорукий, наконец, сообщил о предложении иранского премьера о разделе поровну расходов по содержанию иранского войска, сославшись на тяжелое финансовое положение своей страны. В случае согласия русской стороны Садр Азам был готов выставить 80 тысяч пехоты, 20 тысяч кавалерии и 10 тысяч артиллеристов. Кроме того, иранский премьер обещал передать в распоряжение России лучшие войска в количестве 35 тысяч человек, а остальную часть направить на Мохаммару, Багдад, Герат, Мерв и прочие места. В конце концов курьер был отправлен.²⁰

Чтобы далее не обострять ситуацию с Долгоруким, на которого жаловались шах и его премьер, Несельроде решил отозвать его из Тегерана и на его место назначить временно исполняющим обязанности поверенного в делах, многоопытного бывшего генерального консула в Тавризе Н.А. Аничкова. В конце концов, иранское правительство передумало и не отправило своего уполномоченного в Тифлис. В этих условиях Аничкову было дано указание, согласно которому, в случае отказа иранцев от союза, для российской стороны нейтралитет был бы самым желательным.²¹ Тем не менее, в МИДЕ России все-таки теплилась надежда на заключение союза при содействии опытного Аничкова.

Исходя из этого, была составлена очередная “Официальная инструкция”. Николай I считал, что в случае заключения военного союза с Ираном против Турции, Англия могла напасть на Персидский Залив со стороны Афганистана, Белуджистана и Кермана, однако Россия не смогла бы оказать ей военную помощь. Поэтому он полагал, что нужно было заключить такое соглашение, которое не дало бы повод Англии для вторжения, то есть этот союз не должен был носить наступательный характер. По указанию императора, Аничков должен был подписать соглашение, по которому Иран брал бы на себя обязательство не предоставлять врагам России никакой помощи, не допускать вывоза хлеба и военных припасов для турецкой армии, а также перехода турецкими войсками иранской границы, держать в узде иранских курдов с целью недопущения их грабительских набегов на русскую границу. Император указывал на необходимость сохранения этого акта в тайне. Со своей стороны, Россия брала на себя обязательство простить Ирану выплату одного *корура* туманов контрибуции.

Помимо “Официальной инструкции”, Н.А. Аничкову была дана и “Секретная инструкция”, согласно которой, военная помощь со стороны иранцев признавалась бесполезной. В ней раскрывалась цель русско-иранских переговоров: недопущение заключения военного союза Ирана с противниками России. Отметалась опция передачи денег иранской стороне для содержания войска, поскольку, как справедливо полагали в России, с одной стороны, войска существовали на бумаге, а деньги были бы использованы исключительно в интересах Ирана и, вместе с тем, затруднили бы заключение мира России с Османской Турцией и ее союзниками. По мнению Николая I, поход на Сулейманию и Багдад был личным вопросом Ирана. Аничкову было дано указание не соглашаться с предложением об участии России в войне Ирана против Турции и Англии.

Заключение конвенции о нейтралитете Ирана

²⁰ Там же: 219.

²¹ Там же: 220-221.

Наконец, в результате русско-иранских переговоров 29 сентября 1854 г., в Тегеране была подписана конвенция о нейтралитете.²² По требованию иранского правительства эту конвенцию следовало хранить в тайне.²³ Статьи о нейтралитете сводились к следующим четырем пунктам:

1. Иран отказывается от оказания военной помощи врагам России на протяжении всей войны с Турцией и ее союзниками. Иран не допустит вывоза провианта для войск стран, действующих против русской армии, не позволит им пересекать российскую границу с целью нападения, не допустит курдские племена к границам России.

2. Иран не допустит вывоза военных припасов для войск стран, воюющих против России.

Россия берет на себя обязательство, что если Иран будет соблюдать условия конвенции на протяжении всей войны, то она откажется от взимания последнего *корура* контрибуции.

3. Эта конвенция не меняет ничего в соглашениях, заключенных между двумя странами. Следует заметить, что в связи подписанием конвенции о нейтралитете Ирана, Садр Азам в своей ноте, переданной русской стороне иранским уполномоченным, подтвердил условия этой конвенции. В ней он подчеркнул, что будет запрещен вывоз провианта, хлеба и риса для войск, воюющих против России из Азербайджана²⁴ и Геруса, а также Керманской провинции. Иран заявил об установлении квот на вывоз хлеба для нужд паломников в размере 100 вьюков на один караван и их прохождение только через один таможенный пункт—Зохаб. Вместе с тем не запрещалась продажа хлеба кочевникам, живущим по обе стороны границы. Вслед за подписанием конвенции состоялась ее ратификация.²⁵

Заключение

Таким образом, противостояние России с европейской коалицией и Османской Турцией, разрыв дипломатических отношений с последней стали прелюдией начала Крымской войны 1853-1856 гг. В надежде найти союзника в борьбе против Турции Россия обратила свой взор в сторону Каджарского Ирана, которому она предложила заключение военного союза. В июле 1853 г. были заложены основы для ведения русско-иранских переговоров для согласованных военных действий против Турции. Одним из важных пунктов переговоров был отказ России от выплаты Ираном последнего *корура* контрибуции. Несмотря на обнадеживающее начало, из-за расхождения интересов сторон в декабре того же года переговоры были прерваны.

Как показал ход переговоров, при невозможности заключения военного союза с Ираном, главной целью российской дипломатии стал нейтралитет Ирана. Хотя 14 января 1854 г. иранское правительство объявило о своем нейтралитете в Крымской войне, тем не менее после победы русских войск над турками в начале 1854 г. шахский двор опять настроился на продолжение переговоров. Тем не менее вопрос о нейтралитете Ирана оставался в центре внимания русской дипломатии. Для облегчения переговоров был даже смещен со своего поста российский посланник Долгоруков и на его место назначен опытный генеральный консул в Тавризе Аничков. В конце переговоров российская сторона пришла к выводу о бесполезности военной помощи со стороны Ирана. В результате, 29 сентября 1854 г. в Тегеране была подписана конвенция о нейтралитете Ирана, что обеспечило безопасность тыла русской армии, воевавшей с турками на Кавказском фронте.

²² Нельзя согласиться с утверждением Н.Н. Туманович (1982:146) о том, что якобы в период Крымской войны присутствие английского флота в водах Персидского залива вынудило шахское правительство в 1854 г. объявить о своем нейтралитете.

²³ ЦГИА Грузии, Ф.11, Д.2890: 223-225.

²⁴ Имеется в виду историческая северо-западная область Ирана.

²⁵ ЦГИА Грузии, Ф.11, Д.2890: 229.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Артамонов Л.К. (1889), *Персия как наш противник в Закавказье*, Тифлис.
- Гоков О.А. (2013), “Русская военная миссия 1853-1854 гг. в Персию в контексте “Восточного вопроса””, *Иерусалимский вестник ИППО*, III-IV, http://jerusalem-ipro.org/sv_z/vestnik/3-4/v/2/ (дата обращения 20.11.2020).
- История стран Азии и Африки в новое время* (1971), Москва: Издательство Московского университета.
- Тер-Оганов Н.К. (2019), “Геополитические предпосылки Крымской войны (1853-1856 гг.) и тайные русско-иранские переговоры”, *Сумский историко-архивный журнал*, XXXII: 27-45.
- Туманович Н.Н. (1982), *Европейские державы в Персидском Заливе в 16-19 вв.* Москва. ЦГИА—Грузии Центральный государственный исторический архив Грузии.
- Anderson M.S. (1966), *The Eastern Question 1774-1923. A Study in International Relations*, London and Basingstoke.
- Avery Peter (1965), *Modern Iran*, London.
- Rowlinson Henry (1970), *England and Russia in the East. A Series of Papers on the Political and Geographical condition of Central Asia*. New York-Washington-London.
- Mostofi Abdollah (1997), *The Administrative and Social History of the Qajar Period. [The History of My Life]*. Volume I: *From Agha Mohammad Khan to Naser ed-Din Shah (1794-1896)*, Costa Mesa, CA.
- Vulliamy C.E. (1939), *Crimea. The Campaign of 1854-1856. With the Outline of Politics and a Study of the Royal Quartet*, London.

DOI 10.48200/9789939672571_123

“ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ” КРИКОРА ЗОХРАБА К КУРСУ ЛЕКЦИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ В ОСМАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 1908 Г.

Геворг Галтакян

Институт востоковедения Российско-Армянского Университета, Ереван

Abstract

The article presents the original of Krikor Zohrab's "Opening speech" he delivered before the start of the semester at the Faculty of Law of the Ottoman University (*Darülfünun-ı Osmanî*). Krikor Zohrab was a member of the Ottoman Parliament, a well-known jurist and a renown Armenian writer.

The text of his speech, as well as his lecture notes in Ottoman Turkish, were published as a separate volume in Istanbul in 1909.

The original of the "Speech" with the Russian translation, is preceded in this article with a short commentary note on the historical context of the time. "Ottomanism" is closely related to the constitutional type of governing, but even Zohrab, who believed in law and justice, had concerns about the improper ways of implementation of the 1908 Constitution's ideas, what, in fact, happened and resulted in a humanitarian tragedy.

Keywords: Ottoman Empire, Second Constitutional Period, Krikor Zohrab, Ottomanism, Criminal Law in Turkey

Аннотация

В статье представлен оригинал "Вступительной речи" депутата Османского парламента, ученого-правоведа и известного армянского писателя Крикора Зохраба, произнесенной им перед началом семестра на Юридическом факультете Османского университета (*Darülfünun-ı Osmanî*). Текст данной речи, вместе с заметками лекций Крикора Зохраба, были опубликованы отдельным томом в Стамбуле в 1909 году на османско-турецком.

Оригинал текст «Вступительной речи» Зохраба с русским переводом предваряет краткий комментарий касательно исторического контекста данного документа, который дает представление об идеологическом развитии, а также о хрупкости идеи османизма, особенно во время Второго конституционного периода. Османизм тесно связан с конституционным типом управления государством, но даже у Зохраба, верившего в право и справедливость, были опасения по поводу того, что идеи конституции 1908 года не будут имплементированы должным образом, что, собственно, и произошло, приведя к гуманитарной трагедии.

Ключевые слова: Османское государство, Второй конституционный период, Крикор Зохраб, османизм, уголовное право в Турции

Депутат (*mebus*) Османского парламента (*Meclis-i Mebûsan*), ученый-правовед и известный армянский писатель Крикор Зохраб (о нем подробно: Цѳцѳѳѳѳѳ 2003), помимо политической, адвокатской и литературной деятельности, начиная с 1908 года преподавал уголовное право на Юридическом факультете Стамбульского университета. Заметки его лекций были собраны в книге *Hukuk-ı ceza* ("Уголовное право") и опубликованы на

османском языке в 1909 году (Zohrab 1908a; см. также *idem* 1908b). Перевод указанной книги никогда не публиковался, и представляемый в данной статье ее фрагмент может стать шагом для привлечения дальнейшего внимания к истории юриспруденции и, в частности, наследию Крикора Зохраба.

Анализ исторического контекста данного текста дает возможность не только ближе рассмотреть эпоху упадка и крушения Османского государства, но и взглянуть на нее сквозь призму опасений одного из влиятельных политических деятелей и мыслителей того времени—Крикора Зохраба.

Критической точкой произошедших исторических развитий стало начало Второго конституционного периода, который знаменателен тем, что внушил надежду миллионам граждан Османского государства на справедливую правовую систему и возможную вестернизацию страны. На практическом уровне было понятно, что османский тип исламской правовой системы не обеспечивал равными правами граждан Османского государства. Наглядным примером этого может служить то, что в основе этой правовой системы присутствовал принцип религиозной дискриминации немусульман (*gayrimüslim*). Принятая в 1876 году конституция была отменена султаном Абдулгамидом, стремившимся к абсолютной власти и отрицавшим даже намек на разделение власти в государстве.

Конституцией 1908 года восхищался и Крикор Зохраб, однако у него были опасения, о которых он открыто говорит в своей вступительной речи, отмечая: *“Ужасающая бронетехника, построенная новейшими методами, бесхитростна в руках тех, кто не умеет пользоваться ею”*. Зохраб тем самым дает понять, что конституция является оружием в руках государственного аппарата и может привести к положительным результатам лишь в том случае, если имплементируется должным образом.

Политическая идеология османизма, возникшая во второй половине 19 века, пережила свой ренессанс после младотурецкой революции 1908 года и имела некое влияние вплоть до начала Первой мировой войны, после чего была вытеснена пантюркизмом и панисламизмом. Судя по всему, османизм был популярен в маргинальных кругах на данном этапе, и, принимая во внимание социальную структуру Османского государства, можно сказать, что он не имел шансов внедриться в политическую жизнь широких кругов общества. Этим и можно объяснить, кстати, тот факт, что Зохраб употреблял лозунг *“Да здравствует родина, да здравствуют османы”*, подразумевая по этим, что Османское государство должно быть родиной всех проживающих в нем народов, что все граждане—равноправные османы (*Osmanlılar*), вне зависимости от их этнической и религиозной принадлежности. В конечном итоге, политические идеологии тюркизма и исламизма, а потом уже *“национальная идеология Ататюрка”* стали тем базисом, который превратил Османское государство в Турецкую Республику, проводя ее сквозь катаклизмы, которые вылились в трагедию для миллионов армян, греков и других нетюркских и немусульманских общин.

Этот небольшой исторический фрагмент показывает, что нехватка внутренних и внешних механизмов имплементации конституции в Османском государстве, чего, собственно, и опасался Зохраб, привела к правовому беспределу и трагическим событиям начала 20 века.

Вступительная речь (перевод)

Господа,

Конституция ведет нас к новому периоду жизни. У нас новое право, и мы взяли на себя новые обязанности. Но [только] в случае надлежащего применения они могут быть плодотворными. Ужасающая бронетехника, построенная новейшими методами, бесхитростна в руках тех, кто не умеет пользоваться ею. И вот, вы собрались здесь, чтобы

приобрести это самое умение. Вот как я объясняю факт того, что в этой высшей школе так много студентов.

Вы пришли получать юридическое образование не для того, чтобы добывать средства к существованию. Вы пришли сюда не только для того, чтобы заработать на жизнь в должности прокурора или, будучи адвокатом, заработать денег и обеспечить [себя] всеми материальными благами, разъезжая на гнедой лошади,¹ но, возможно, благодаря более высокой идее, вы пришли сюда для того, чтобы совершенствовать свою личность и стать османами, знающими, что такое право и обязанность.

Я же, в свою очередь, в обмен на ваши усилия и энергию, не задумываясь о своих недостатках и нехватке времени, принял возложенную на меня обязанность. Я обязался представить вам уголовное право, которое является самым важным предметом юриспруденции, прочно связано с жизнью каждого человека и с общественной жизнью, и имеет [непосредственное] отношение и к тому, и к другому.

Учитывая, что первостепенной и основной целью учителя и студента является служение нашей величественной родине, давайте громко скажем: «Да здравствует родина, да здравствуют османы». И поскольку сохранение нашей родины и османизма возможно [только] в случае укрепления и надлежащего применения нашей Конституции и конституционной системы, стоит вновь повторить следующий лозунг: «Да здравствует Конституция, да здравствует конституционная система!». Эта патриотическая молитва—успешное начало нашего урока.

Прежде всего, хочу обратиться ко всем вам с одной просьбой. Учитывая, что мы являемся третьей группой первого потока, те же дисциплины будут проходить студенты еще четырех потоков. Волей-неволей это создает для нас некую конкурентную среду. Но разве весь мир не является полем боя и соревнования? Разве не так проявляются совершенствование и прогресс? Мы не можем не замечать эту очевидную истину.

И поэтому, если в нас есть честолюбие, то, учитывая, что для нас крайне важно обогнать в своих знаниях другие потоки, давайте начнем наш урок с решимости работать над тем, чтобы всем вместе в конце года обеспечить этот результат, этот почетный результат.

¹ Гнедая лошадь как показатель высокого социального статуса—Г.Г.

حقوق مجمل

مؤلفی:

دعوی و کلمہ بردن و دارالفنون عثمانی حقوق فاکولتہ سی مہتممان بردن

در سہادت معہونی

کرقود زہراب

کتب حقوقیہ تقریر اولئان درس بردن

ترتیب ایڈیشندر

استانبول

احمد ساقی بک مطبعہ سی — برہ باناندہ نومبر ۲۲

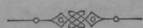
۱۳۲۵

نطق افتتاحی

اقتدیلر ،

قانون اساسی بزی یکی بردوره حیاته سوق ایدیور. یکی حقوقه مالک، یکی وظیفه لره مکافز. فقط بونلر حسن تطبیق ایله مشراوله بیلور. الکی اصولده انشایدلمش هیبتلی برز رهلی ماکنه لرینی قوللانمق بیلیمیانلرک النده برشیده یاراماز. سز ایشته بواهلیتی استحصال ایچون بورایه قوشش دیکز . بومکتب عالی طلبه سنک عددینک بومرتبه چوق اولسنی بن بوصولته تفسیر ایدیورم . مدار معیشت اولمق اوزره حقوق تحصیلنه کلدیگز . برمدعی عموملک مأمورتی الده ایدره رک کچنمک یاخود آوقاتلق ایدره رک پاره قزانمق کی بالکرتا مین منفعت الجا آتیه دکل، بلکه دهاعلوی بر فکرک سوبقه تکمل شخصکز ایچون ، حقوق ووظیفه نه دیمک اولدیغنی بیلور عثمانلیلر اولمق ایچون بورایه کلدیگز . بن دخی بوبولده کی سسی واملکزک قارشوسنده کفایتسز لکمی ووقتمک مساعده سز لکنی دوشنمیه رک بکاتودیع ایدیلن وظیفه نی قبول ایتم. حقوق جزا کی علم حقوقک الهمم و حیات بشریه وسیاسیه شدت تعلق وارتباطی اولان بردرسی سزه کوسترمکی درعهمده ایتم . شو حالده معلم و متعلمک یکانه مقصدی ، مقصد اصلیبی ، وطن، عزز مزه خدمت اولدیغنی ایچون « یشاسون وطن، یشاسون عثمانلیلر » دیه باغیره لم ! . چونکه وطنمزک³ و عثمانلیلنگک محافظه سی قانون اساسیمزک و اصول مشروطیتک ادامه سی و حسن تطبیق ایله نمکندر، شو حالده « یشاسون قانون اساسی، یشاسون اصول مشروطیت » زمزمه سنی تکرار ایدم !! . شو دعای حجت درسمز ایچون

برمقدمه خیردر . ابتداء پکزدن بر جاده بولنه جغم . بزبوراده برنجی سنه نیک
او چنجی شعبه سنی تشکیل ایله یکمزه کوره اوتده عین درساری کوره جک تحصیل
ایده جک درت شعبه طلبه سی دهواردر . بوزم ایچون ایسترایسته من بر نوع
مسابقه عالمی وجوده کتیریور . ذاتا بتون دنیا بر میدان مجاهده و مسابقه دکلیدر ؟
تکمل و تعالی ده بونکاه وجود پذیر اولیور می ؟ بو بدیهاتی نظر دن دور طوته
مهیز . بناء علیه اگر عزت نفسه مالک ایسه ک تحصیل مزله دیگر شعبه لره تقدم
ایتمک همزه واجب اولد یغدن ال بر لیکله سنه نهایتنده بو نتیجه یی ، بو نتیجه
فاخره یی تأمین ایچون چالشمق عز میله درسه باشلا یه لم .

БИБЛИОГРАФИЯ

Zohrab K. (1908a), *Hukuk-ı ceza*, İstanbul.

— (1908b), *De l'Empêchement, en droit ottoman, de recevoir par succession pour cause de divergence de nationalité*, Paris.

Ավագյան Ռ. (2003), *Կրիկոր Զորիարի և Գրիգոր Զորբարյանի իրավական միտքը*, Երևան.

DOI 10.48200/9789939672571_129

МОТИВ БОРЬБЫ СЫНА И ОТЦА В ОСЕТИНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Константин Рахно

Национальный музей-заповедник украинского гончарства,
Опошное

Abstract

The article is devoted to the Ossetian version of the motive of father's struggle with his son, which is vividly presented in the famous legend about Rustam and his son Sohrāb from *Shahnameh* by Ferdowsi. There is no correspondence to this motive, which has Scythian-Saka origins, in the Ossetian Nart epic, but it is presented in one Ossetian ethnogenetic legend. This legend is cited by Ossetian writer Akhmed Tsalikov in his autobiographical novel *Brother against Brother* (1926). It has certain parallels in the Ossetian folklore and probably reflects the events of the ancient migration of the Alanian tribes to the Caucasus and the Northern Black Sea region from Asia.

Keywords: Folklore, Legend, Tradition, Ossetians, Ahmed Tsalikov

Аннотация

Статья посвящена осетинской версии мотива борьбы отца с сыном, которая ярко представлена в знаменитом сказании о Рустаме и его сыне Сохрабе из «Шахнаме» Фирдоуси. В осетинском нартовском эпосе нет соответствий этому мотиву, имеющему скифо-сакские истоки, но он есть в одном осетинском этногенетическом предании. Это предание приводится осетинским писателем Ахмедом Цаликовым в автобиографическом романе «Брат на брата» (1926). Оно имеет определённые параллели в осетинском фольклоре и, вероятно, отражает события древней миграции аланских племён на Кавказ и в Северное Причерноморье из Азии.

Ключевые слова: Фольклор, легенда, предание, осетины, Ахмед Цаликов

Одним из наиболее важных мотивов персидского эпоса является борьба витязя Рустама с его сыном Сохрабом, где сын ведёт войска враждебного Ирану туранского правителя Афрасиаба. Исследователи рассматривают Рустама как персонажа систанской эпической традиции, восходящей к богатырским сказаниям среднеазиатских скифов—саков. В Авесте он не упомянут. По мнению востоковедов, все сказания о Рустаме возникли среди аборигенов Систана и Заболистана иранского происхождения. Позднее, с приходом на эту территорию также ираноязычных сакских племён, эти легенды сгруппировались вокруг систанских богатырей сакского происхождения (Короглы 1983: 36-37, 93-95, 97-102, 147). Вместе с тем, именно такого мотива нет в нартовском эпосе осетин—северокавказских потомков скифов, сарматов и алан, что усложняет признание его общеиранским.

В качестве параллели предлагалось нартовское сказание о непредумышленном убийстве вождём нартов Урызмагом своего безымянного сына, хотя уже Всеволод Миллер, который первым её предложил, отметил, что обстоятельства случившегося с Урызмагом не имеют ничего общего с трагедией Рустама и Сохраба (Миллер 1892: 17; Абаев 1990: 147, 171; Сатцаев 2008: 31). По мнению Елезара Мелетинского, это сказание вовсе не следует рассматривать как результат влияния иранских сказаний о Рустаме и

Сохрабе, наоборот, в нем содержатся более архаические элементы, чем в типичном героико-эпическом сюжете о бое отца с сыном (Мелетинский 2004: 189). Юрий Дзицойты тоже отметил, что южноиранский мотив борьбы отца и сына сильно отличается от осетинского мотива нечаянного убийства отцом своего сына (Дзицойты 2017: 235). К его суждению примкнул Зураб Джапуа (2003: 78).

В то же время мотив вражды отца и сына содержит историческое предание осетин, зафиксированное тонким знатоком осетинского быта и культуры Ахмедом Цаликовым в автобиографическом романе “Брат на брата” (1926):

“—Бог проклял нас! — заявляет он с неожиданной решительностью и горячностью. — Проклял! Проклял!.. А проклятие то висит над нами давным-давно...

— За что проклял, что мы такое сделали? — стараюсь я вызвать Дриса на разговор.

— За что? — Дрис опускает голову так, что борода его закрывает грудь. — За что? — поворачивает голову в мою сторону. — Послушай, мальчик, ещё дед рассказывал мне то, что он слышал от своего деда. А было это так...

Дрис концом плети поправляет сбившуюся в ненадлежащую сторону гриву коня.

— Было это давным-давно, и счет годам прошёл. Когда-то и где-то в Азии народ наш осетинский имел свое царство. И царём был старик. А у старика был сын. И восстал сын против отца. И началась между ними война. Долго они воевали друг с другом. Перебили много народа. Разорили много городов и сел. Наконец, отец победил сына. Сын вместе со своими сторонниками бежал на Кавказ. Но отец, видя, сколько зла наделал сын, — проклял его вместе со всеми теми, кто бежал с ним. И проклятие царя-старика было таково:” Да будет вечная междоусобная брань в потомстве вашем, из рода в род! Да не будет у вас никогда единого языка! Да восстанет брат на брата, сын на отца!”. И постигло нас это отцовское проклятье... Постигло... Больше я тебе, мальчик, ничего не могу сказать. Ничего...” (Цаликов 2002: 323).

Это предание, очевидно, из родного писателю Ногкау, где жили выходцы из Куртатинского ущелья, ещё не служило предметом подробного рассмотрения ни литературоведов, ни фольклористов, а, между тем, оно отражает тот же мотив противостояния отца и сына и победы отца, что в “Шахнаме” Фирдоуси (Фирдоуси 1994: 7-96; Короглы 1983: 146-152). Есть мнение, что данный мотив попал в эпос Ирана именно как результат культурного влияния скифо-сакских племён. Причём, помимо Сохраба, Рустам точно так же борется с двумя другими своими сыновьями (Короглы 1983: 103, 147). Южноиранская традиция относилась истоки многовековой борьбы Ирана и Турана к началу вражды сыновей Трайтаоны (Фаридуна) и войны двух старших—Туры (Тура), родоначальника туранцев-саков, и Сайримы (Салма, Сельма), родоначальника сарматов, за наследие отца с самим отцом и младшим братом, праведным родоначальником персов Арьей (Аириком, Иреджем), которому при разделе достались лучшие земли. Старшие братья, объединившись, вместе пошли войной на Иран, восстав против отцовской воли. Разгневанный отец в своём послании устыдил восставших сыновей, призвал их обратиться на путь добра и объявил, что не выполнит их требования о пересмотре земельных владений. В ответ старшие братья убили младшего, пытавшегося убедить их в неправоте и даже обещавшего сложить венец, а голову его отправили отцу (Рак 1998: 198-200). Таким образом, схватка Рустама и Сохраба—лишь один из эпизодов долгого противоборства, в котором время от времени повторяется мотив отца и сына или сыновей, стоящих по разные стороны. Но есть в предании ещё одна важная деталь.

Дело в том, что аланский военно-этнический союз, давший начало предкам осетин, действительно возник “когда-то и где-то в Азии”, когда под ударами коалиции восточноиранских племён пала Греко-Бактрия. Письменные и археологические свидетельства позволяют противопоставлять аланов собственно сарматам и считать их выходцами из Центральной и Средней Азии. Опираясь на сведения античных источников, исследователи предполагают, что в середине—конце II века до н.э. какая-то часть алан,

оторвавшись от основной орды, завоёвывавшей Туран и Восточный Прикаспий, вышла к границам Азиатской, а затем и Европейской Сарматий, где очень скоро заняла абсолютно доминирующее военно-политическое положение. Археологические материалы свидетельствуют об их родстве с бактрийскими юечжами. Эти аланы, которых следует рассматривать как субэтнос в составе единого аланского этноса, именовали себя роксаланы “светлые аланы”, отражая свою привилегированность и правящий статус. Страбон (VII. 3. 17) сообщал о помощи крымским скифам в борьбе с Диофантом со стороны роксолан во главе с Тасием в конце II века до н. э. “У них в ходу шлемы и панцири из сыромятной бычьей кожи, они носят плетёные щиты в качестве защитного средства; есть у них также копья, лук и меч. Таково вооружение и большинства прочих варваров. Что касается кочевников, то их войлочные палатки прикрепляются к кибиткам, в которых они живут. Вокруг палаток пасётся скот, молоком, сыром и мясом которого они питаются. Они следуют за пастбищами, всегда по очереди выбирая богатые травой места, зимой на болотах около Меотиды, а летом на равнинах”. В декрете в честь Диофанта они названы ревксиналами, а у Птолемея—ревканалами, что, возможно, с учётом осетинского наёл “самец, мужчина”, должно пониматься как “светлые мужи”.

Здесь следует вспомнить, что аналогичные “светлые” племена были известны уже у среднеазиатских скифов-саков, которые и образовали вместе с другими аланский племенной союз—это сакараулы (сакарауки) Страбона и са(ка)рауки Помпея Трога. В разных частях сармато-аланского этнополитического ареала происходят схожие процессы. В западной части ареала окончательно уничтожается военная мощь скифов, и принуждаются к данничеству греческие полисы Северного Причерноморья. В центре ареала аланы около 79 года до н.э. подчиняют своему политическому протекторату племена саков и массагетов, завоевывают и заселяют страну Яньцай в Мугоджарах, получивших впоследствии у китайцев название Аланьяля, устанавливают новую границу с Парфией по северо-западным отрогам Копетдага и притоке Узбой. На востоке в 71-70 годах до н.э. асы Усуни наносят решительное поражение хуннам—представителям монголоидного расового типа, после чего держава хуннов теряет свою ведущую роль в Восточной Скифии, а хуннуский этнос распадается на ряд остро конфликтующих друг с другом кочевых орд. Подобно роксаланам на западной стороне этнополитического ареала, асы Усуни стали периферийным, но только восточным субэтносом аланской этнической системы. Характерно, что этногенетические легенды усуней перекликаются с осетинским нартовским эпосом, в частности, со сказаниями о Сауае, вскормлённом волками, и фамильными преданиями осетин о животных-покровителях рода.

Возможность более широкого и эффективного применения на западе своих военных и организационных способностей, а также засилье китайского этнического элемента в Усуни способствовали постоянному, а с 55 года до н.э. — всё более массовому оттоку населения в центральные и западные части сармато-аланской ойкумены. Это способствовало резкому усилению военно-политического потенциала Кангюя, который, занимая центральное положение в границах сармато-аланского этнического ареала, к рубежу новой эры превратился в крупнейшую азиатскую кочевую империю. Китайские источники объясняли, что это “кочевое владение” и “в обыкновениях сходствует”, с одной стороны, с юечжами, а с другой—с Яньцаем. Отток активной части населения на запад, а также его гибель в разного рода военно-политических эксцессах, резко участвовавших с разделом усуньской державы на два владения, привело к ослаблению политического потенциала асов Усуни. Усилению этой негативной тенденции способствовали китайские эмиссары Хань в Восточной Скифии, которые инициировали и всемерно поощряли процесс самоуничтожения асской этнической элиты. Всё это, вместе взятое, по мнению Николая Лысенко, привело к утрате асской Усунью того лидирующего положения среди кочевых держав “северных варваров” Восточной Скифии, которое страна асов по праву заняла после сокрушительных походов её армии и разгрома империи

хуннов в 71-70 годах до н.э. Замедлившись на востоке иранского ареала, этногенез алан по-прежнему полнокровно развивался на западе. В 35 году н.э. армия алан (или, возможно, роксалан) впервые вторглась через Дарьял в Закавказье, где разгромила армянские и парфянские войска. В 72 году аланы Кангюя, пройдя по территории Гиркании, вторглись в Мидию и Армению. Была захвачена богатейшая добыча, а парфянская армия во всех крупных сражениях неизменно терпела поражение. Продолжая методичные военные балцы в Парфию, аланы дошли в 135 году до Каппадокии, где выдержали жёсткое столкновение с римскими легионами. Приблизительно в этот же исторический период, в I веке н.э., роксаланы энергично штурмуют линию римских оборонительных укреплений по Дунаю, неоднократно вторгаются в пределы римской провинции Мезия. В 62 году н.э. римскому легату Мезии Плавтию Сильвану пришлось столкнуться на поле битвы уже непосредственно с аланами. К концу I века н.э. сармато-аланский этнос в полной мере устанавливает своё военно-политическое господство в евразийских степях к западу от Тарбагатая (Страбон 1964: 280-281; Стрижак 1991: 14, 25-29, 60-63, 65-70, 95-99, 125-128, 150-159, 194-200; Габуев 1999: 121-130; Вайнберг 1999: 266-285; Гутнов 2001: 84-92, 102-103; Лысенко 2002: 246, 273-409, 419; Габуев 2002: 9-10, 38-44; Зуев 2002: 17-19, 21; Туаллагов 2014: 271-304, 329-330, 367). Отражением миграций этого времени исследователи считают некоторые фольклорные повествования осетин (Туаллагов 2014: 338). Например, согласно одной из легенд о происхождении осетин-дигорцев, записанной в 1913 году, их предок Дигорук в незапамятные времена жил в далёкой стране, где были широкие, “как море, безбрежные” степи, спокойные реки и озёра. Но на него напал злой враг, с которым Дигорук воевал с переменным успехом долгие годы, пролив много своей и вражеской крови. В конечном итоге, Дигорук истощил свои мощные силы и, не выдержав жестокой борьбы, вынужден был покинуть родину. После многолетнего перехода (“семью семь месяцев и столько же недель”) он прибыл в нынешнюю Дигорию, ещё девственную, где поселился и стал поклоняться небожителям (Периодическая 2006: 197-198). Эта легенда о полуисторическом первопришельце в Дигорский край, положившем начало местному населению и давшем ему своё имя, выглядит значительно архаичнее других, касающихся происхождения дигорцев (Гутнов 1989: 23). Таким образом, у предания, воспроизведённого Ахмедом Цаликовым, есть некоторые параллели, что подтверждает его достоверность.

Мотив вражды отца и сына, в которой сын проигрывает, не попал в нартовские сказания, но сохранился в этногенетическом предании о взбунтовавшемся царевиче, который потерпел поражение в борьбе за трон и был проклят. Это лишний раз доказывает необходимость тщательного изучения как мифологических и исторических сведений, наличествующих в осетинской несказочной прозе, особенно исторических и фамильных преданиях, так и фольклорных элементов в осетинской литературе XIX—первой половины XX века, авторы которой сохраняли связь с народной культурой.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев В.И. (1990), *Избранные труды: Религия, фольклор, литература*, Владикавказ.
- Вайнберг Б.И. (1999), *Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э.*, Москва.
- Габуев З.К. (2002), *Этногонические представления древних кочевников Великой Степи: Иранцы и тюрки*, Москва.
- Габуев Т.А. (1999), *Ранняя история алан (по данным письменных источников)*, Владикавказ.
- Гутнов Ф.Х. (1989), *Генеалогические предания осетин как исторический источник*, Орджоникидзе.
- (2001), *Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории*, Владикавказ.

- Джапуа З.Д. (2003), *Абхазские архаические сказания о Сасыркуа и Абырскиле (Систематика и интерпретация текстов в сопоставлении с кавказским эпическим творчеством. Тексты, переводы, комментарии)*, Сухум.
- Дзицойты Ю.А. (2017), *Вопросы осетинской филологии*, том I, Цхинвал.
- Зуев Ю.А. (2002), *Ранние тюрки: очерки истории и идеологии*, Алматы.
- Короглы Х. Г. (1983), *Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана*, Москва.
- Лысенко Н.Н. (2002), *Асы-аланы в Восточной Скифии (Ранний этногенез алан в Центральной Азии: реконструкция военно-политических событий IV в. до н.э. – I в. н.э. по материалам археологии и сведениям нарративных источников)*, Санкт-Петербург.
- Мелетинский Е.М. (2004), *Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники*, Москва.
- Миллер В.Ф. (1892), *Экспурсы в область русского народного эпоса*, Москва.
- Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах* (2006) (составление, примечания и комментарии Л.А. Чибирова), кн. 6, Владикавказ.
- Рак И.В. (1998), *Мифы древнего и раннесредневекового Ирана*, Санкт-Петербург-Москва.
- Сатцаев Э.Б. (2008), *Нартовский эпос и иранская поэма Шахнаме (сходные сюжетные мотивы)*, Владикавказ.
- Страбон (1964), *География в 17 книгах* (перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского), Москва.
- Стрижак О.С. (1991), *Етнонімія Птолемеєвої Сарматії. У пошуках Русі*, Київ.
- Туаллагов А.А. (2014), *Ранние аланы: монография*, Владикавказ.
- Фирдоуси (1994), *Шахнаме*, т. 2, *От сказания о Ростеме и Сохрабе до сказания о Ростеме и хакане Чина* (перевод Ц.Б. Бану-Лахути, комментарии А.А. Старикова), Москва.
- Цаликов А. (2002), *Избранное*, Владикавказ.

DOI 10.48200/9789939672571_135

КАДЖИ И КЕНТАВРЫ: К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ АТТРИБУЦИИ МИФО-ЭПИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Олег Гуцуляк

Прикарпатский национальный университет имени Василя Стефаника,
Ивано-Франковск

Abstract

An analysis of the Caucasus and Middle Eastern mythologies allows to consider of the possibility of revealing historical realities in them: events, characters, and ethnic environment. Despite the fact that, epics and legends have been preserved in the form of compilations and later historicisations, they may contain some hints on sociocultural realities of hoary past. This article is an attempt to interpret such mytho-epical creatures as *Kaji* and Centaurs as a reflection of a real ethnopolitical force—the Kassites who captured Babylon and controlled trade relations of the Middle East and Transcaucasia.

Keywords: Kaji, Kassites, Centaurs, Babylon, Nart Epic, Mythology, the Caucasus, Greek mythology

Аннотация

Анализ мифологием народов Кавказа и Ближнего Востока приводит к рассмотрению возможности отображения в них исторических реалий, как событий, так и персонажей и этнической среды. Ведь, несмотря на то, что эпосы и сказания дошли до нас в виде компиляций и позднейших историзаций, все же в них сохраняется определенная часть начальной информации о социокультурных реалиях по целому ряду аспектов, изложенных метафорически. В рассматриваемой статье предлагается интерпретировать таких мифо-эпических существ как «каджи» и «кентавры» как отражение реально существовавшей этнополитической силы—касситов, захвативших Вавилон и контролировавших торговые связи Ближнего Востока и Закавказья.

Ключевые слова: Каджи, касситы, кентавры, Вавилон, эпос нартов, мифология народов Кавказа, греческая мифология

Существует версия, согласно которой некоторые этносы, кроме сферы реально-исторического бытования для народов Ближнего Востока и Кавказа, также занимали определенную часть мифо-эпического пространства, предстая в нем как весьма конкретная этническая группа, враждебная, злая или дружественная, добрая творцам эпоса, живущая среди них или в стране по соседству (по крайней мере, доступна).

По мнению Т.М. Алборова и других фольклористов, в мифологии народов Кавказа (грузин, армян, осетин) под именем «каджи» («кадзи», «каджк») (Алборов 2014: 3-9) представлен кавказско-загросский народ касситов (аккад. kaššū, кашшу, коссеи), поскольку в некоторых нартовских источниках используется как вариант названия каджей этноним «къæццитаæ» («каццита») (Алборов 2014: 7).

Касситам удалось захватить власть в Вавилоне в 1595 г. до н. э., поскольку в качестве ударной силы своего ополчения они использовали колесницы. При изготовлении этих колесниц необходима была кооперация ремесленников нескольких профессий и

самой высокой квалификации: столяров, медников, кожевников, оружейников. Усовершенствованию подверглось и другое вооружение: появились чешуйчатые панцири для пехоты, а также броня для лошадей, мощные луки и т.п. «... С появлением колесницы, запряженной лошадьми, прежняя спокойная жизнь уступила место новой – более беспокойной и опасной. Начался настоящий «героический век», когда вожди и их соратники отправлялись в походы на поиски добычи и славы, готовые совершать набеги на соседние племена и грабить иноземные селения. В древних стихах зороастрийских писаний говорится, что божественные существа *сражались* «так же, как отважные воины на колесницах, опоясанные своим оружием, за завоеванное добро» (Яшт 113, 67). Иногда добычей война становилось угнанное силой стадо. За славу великого героя приходилось платить кровью убитых и страданиями слабых и беззащитных. В то буйное и тревожное время, когда правила сила, а не закон» (Бойс 1988: 9). Важно заметить, что именно касситские правители являлись большими ревнителями шумерских традиций и хронологически касситы—современники хуррито-арийского Митанни и египетского фараона Эхнатона. Возможно, что часть касситов, с более доминирующим в них кавказским элементом, выступала под инвариантом общего имени—«каска/кашки», происходящим от хаттского имени бога Луны Кужуха (касситский Кашшу), происходящее, однако, от праиндоарийск. *kas* «сверкать, сиять», *kaših* «солнце, свет, сияние». Другая часть касситов известна под именем каспиев (*kaspioi*; где *kas/kash* «касы/каска» + *-p* показатель множественности), населяющих юго-западное побережье каспийского моря (и давшее ему имя), которые славились добычей и обработкой металлов (живут в «Медном городе»), в частности—серебра (откуда элам. *kaspu*, угарит. *ksp* «серебро» как «металл каспиев»). Неудивительно, что в эламской традиции этноним касситов-каджей преобразовался в общее наименование специалистов по металлообработке (элам. *kaszi*, *kašzi*, *kazzi* «кузнец», *-p* «кузнецы»).

Захватив Вавилон, касситы превратились в привилегированный класс вавилонского общества. Значительное время Нижним Египтом владели династии переднеазиатского происхождения—гиксосы. Иероглиф «гиксосы» состоит из значков «хе-ка хасут»—«правители хасут» (пастухов, чужестранцев), и, возможно, это слово «хасут» происходит от обозначения именно касситов. «... В Месопотамии в это время происходят грандиозные перемены. Достаточно сказать, что серебро как основная плата за работу повсеместно сменяется золотом. Видимо, это новшество пришло вместе с касситами, захватившими Вавилон. В искусстве Вавилонии появляются совершенно новые мотивы. Например, касситский крест... Именно в касситское время появляются первые представления о том, что такое предсказания по небесным явлениям и о том, что такое зодиак» (Емельянов 2014). Тогда же происходит и переосмысление представлений о планете Нибиру: она стала обозначаться не крылатым диском, а новым символом – крестом с расходящимися лучами, что соответствовало древнему шумерскому описанию планеты Нибиру как «пересекающей небо». Этот способ изображения давно недоступной для наблюдения планеты Нибиру становился все более распространенным, и вскоре касситские цари Вавилона упростили его до обычного креста и заменили им символ Крылатого Диска на царских печатях... «... Этот символ в виде креста, очень похожий на мальтийский крест христиан, в научных трудах, посвященных древней символической, называется «касситским крестом». Как свидетельствует другой рисунок, крест обозначал планету, явно отличную от Солнца, которая изображалась отдельно рядом с полумесяцем Луны и шестиконечной звездой, обозначавшей Марс. С началом первого тысячелетия до н. э. символ креста, которым обозначали Нибиру, распространился из Вавилона на печати соседних земель. В отсутствие религиозных или литературных текстов касситов можно лишь предполагать, что эти изменения в символической сопровождались мессианскими ожиданиями. Как бы то ни было, они усилили яростные атаки верных Энлилу государств—Ассирии и Элама—на Вавилон, а также их сопротивление гегемонии Мардука. Эти атаки отсрочили, но не предотвратили принятие символа в виде креста в самой Ассирии. Памятники древним

царям свидетельствуют, что ассирийские цари открыто носили крест на груди, около сердца ...—точно так же, как его носят сегодня набожные католики. Это был важный жест—с точки зрения и религии, и астрономии. Тот факт, что крест получил широкое распространение, подтверждается найденными в Египте изображениями, на которых царь-бог, подобно своим ассирийским собратьям, носил на груди знак в виде креста... Планета появлялась вновь и снова становилась Нибиру, когда человечеству было даровано земледелие и скотоводство, в середине VIII в. до н. э.; на изображениях (цилиндрических печатях), иллюстрирующих зарождение сельского хозяйства, для обозначения видимой в земном небе Нибиру используется символ креста. И, наконец, самым памятным для шумеров было последнее появление планеты приблизительно в 4000 г. до н. э. в Эру Тельца, когда на Землю с государственным визитом прибыли Ану и Анту. В их честь был основан город, впоследствии известный как Урук, а со ступеней построенного зиккурата можно было наблюдать за появлением планет в темнеющем закатном небе. Когда в небе стала видна Нибиру, послышался крик: «Образ Создателя взошел!» —и все присутствующие запели гимн в честь «планеты Владыки Ану»...» (Ситчин 2008: 98, 99, 100, 101). Этот же «касситский крест» использовали и митаннийские хурриты (известны по росписям во дворце в Хасанлу), и жившие в Южной Палестине сутии. На печатях касситского времени изображения почти исчезают и заменяются длинной, по всему полю, надписью—молитвой за владельца. Часто изображена только одна фигура божества или молящегося.

Поскольку для управления своей империей касситы использовали аккадский язык, а также являлись большими ревнителями шумерских традиций, то факты касситского языка весьма незначительны, однако дают основания для его идентификации с кавказскими языками. Например, слова *daKaš* «звезда», *hašmaḡ* «сокол», *iašu* «страна», *janzi* «царь», *mašḡu* «бог», *miriaš* «загробное царство», *simbar* «молодой», *šimdi* «давать», *allak* «обод колеса», *ḡameḡu* «ступня», *bugaš* «титул», *dardaraḡ* «небольшой металлический орнамент», *baziḡarzi* «кожаный предмет». Весьма интересны имена божеств касситов, в которых встречаем явные индоарийские параллели: *Bugash*, возможно, имя бога-героя, так как также используется в качестве титула; *Buriash*, *Ubriash* или *Burariash*, бог бурь, (= греческий Борей); *Duniash*, божество земли, низа; *Dura*, бог, соответствует Нергалу; *Gidar*, соответствующее вавилонскому Адар; *Hala*, богиня заклинаний, супруга Гидара; *Harbe*, главное божество пантеона, которое символизирует птица, соответствуют Белу, Энлилу и Ану; *Hardash*, имя бога; *Hudha*, бог грозы и грома; *Indash*, возможно, соответствует санскр. «Индра»; *Immiria*, бог-покровитель царского рода (= ср. с германским первопредком «Имиром»); *Kamulla*, соответствует вавилонскому Эа; *Kashshu* (Кассу), бог одноимённого предка касситских царей; *Maruttash* или *Muruttash*, возможно соответствует ведийским Марутам, форма множественного числа; *Miriash*, богиня (земли?); *Mirizir*, богиня, соответствующая Белет, вавилонской богини *Beltis*, то есть Иштар = планета Венера; *Nanai*, или *Nanna*, возможно, имя вавилонской богини Иштар (Венера) как охотницы, изображается как женщина, сидящая на троне; *Nusku*, бог огня; *Shah*, бог солнца, соответствующий вавилонскому Шамашу, и, возможно, санскритскому Сахи; *Shala*, богиня, символизируется ячменным стеблем, зовется также и *Hala*; *Shihu*, одно из имен Мардука; *Shipak*, бог Луны; *Shugab*, бог подземного мира, что соответствует вавилонскому Нергалу; *Shugurra*, соответствует вавилонскому Мардуку; *Shumalia*, *Shimalia* богиня, которую символизирует птица на жерди, одна из двух божеств, связанных с инвеститурой касситских царей; *Shuqamuna*, бог, которого также символизирует птица на жерди, один из двух, связанных с инвеститурой касситских царей; *Shuriash*, соответствует вавилонскому Шамашу, и, возможно, ведийскому Сурья, также богу солнца, но это также может быть звезда Сириус, которая имеет стрелку, как символ; *Turgu*, божество с неясными функциями. Считается, что самое высокое положение занимали боги Шукамуна (Шугамуна, Шуму, Шугаб) и его супруга Шималия, в храме которых в Вавилоне короновались правители. Последняя в имунитетной грамоте Навуходоносора I

(1146-1123 гг. до н. э.) названа «владычицей светлых гор, обитающей на высоте, попирающей вершины». Культы касситских божеств утвердились также во многих областях Западной Мидии, где они сохранялись до распространения зороастризма. Л. С. Клейн приводит аргументы в пользу тождества касситского языка с митаннийским арийским (Клейн 2007: 39). Таким образом, принимая во внимание феномен хуррито-арийского симбиоза в царстве Митанни, аналогичным симбиозом других закавказских племен (в данном случае— картвельских), родственных хурритам, с потомками прагреко-арийских племен оказываются и касситы.

В библейской этнологической традиции касситы представлены под именем Касидим (Касдим, Каседим; Kasdim), эпитета вавилонского города Ура, родины арамейского пророка Авраама. Для редакторов и читателей *«Библии»* «Касидим» уже был непонятен, ибо касситы в то время уже утратили политическую власть, с IX в. до н.э. уступив её арамейскому племени халдеев, а Приморье, которое касситы называли Кар-Дуниаш и где и находится город Ур, ассирийцы называли Халдея. Поэтому в *«Библии»* Ур определен как Халдейский и понятия «халдеи» и «каседим» отождествились: «... Ур, сын Кеседа (сына Арпахшада, старшего сына Сима (Шема), сына Ноя (Ноаха)—*О.Г.*), построил город Ару Халдейскую и назвал его по имени себя и по имени отца своего. И он делал им звезды и поклонялся каждому идолу, которого он лил себе. И они начали делать изваяния, и статуи, и нечистое, и духи нечистые помогали в этом и обольщали их совершать грех и нечистоту. И князь Мастема (высший из духов—*О.Г.*) прилагал свою власть, чтобы делали это, и побуждал чрез духов, которые были отданы в его руки, совершать различного рода злодеяния, и грехи и всякое развращение, чтобы развращать, и губить, и проливать на земле кровь. Посему ему было наречено имя Серух, ибо он удалился, чтобы свободнее совершать грех и злодеяние. И он сделался великим, и жил в Уре Халдейском, вблизи родителей (своей матери), и поклонялся идолам. И он взял себе жену в тридцать шестой юбилей, в пятую седмину, в первый год, по имени Мелка, дочь Кгебера, дочь (сестры) его отца. И она родила ему Накгора в первый год этой седмины; и он возрос и жил в Уре, в Уре Халдейском. И его отец, мудрец Халдейский, научил его предсказанию и гаданию по знамениям неба» *«Книга Юбилеев»* (гл. XI). Если Касед(-им) — это касситы, то Арпахшад (Арп-кшд; Арья-Пакшата)— это хурритское царство Арапча, сосед Ашшура (Ассирии), где имя соседей переосмыслили фактом своего языка: ассирийское «arba kischschati» — «четыре части света». В *«Топе»* и *«Библии»* Арпахшад, родившийся через два года после всемирного потопа третий сын Шема (Сима), сына Ноя,—дед предка евреев Эвера (Евера «Перешедший реку»), при котором и было «Вавилонское столпотворение».

Согласно нарсткому эпосу осетин, за каццитов (каджей) выходит замуж дочь вешуны нартов. Сама молодежь кадзи часто гостит у нартовского рода Бората, но одному из них Сослан во время ссоры отрубил голову, а с хитрыми кадзи и их племянником Мукара сражается нартовский герой Батрадз. Из-за того что кацтиты во главе с Гомрусом надругались над нартовскими девушками, по приказу Шатаны нарты вторгаются в страну каджей и наказывают обидчиков (Алборов 2014: 8); по другому варианту, нарт Сосруко надругался над девушками каджей, и те захватывают героя и распинают его на скале, но затем его освобождает нарт Батрадз (Кузнецов 1980: 68-69) (ср. с тем, как, согласно легенде, царица саков Томирис поступила с телом царя персов Кира Великого).

Традиционно каджи хотя и могут наделяться демоническими или волшебными чертами, но, как правило, это—живущие обычной жизнью люди, наделенные умом и силой, красивые или уродливые, веселые или горюющие, у них есть цари, а иногда ими правит царица и т.д. (Кузнецов 1980: 66-68).

В грузинской мифологии они—духи ветра, бурь и войны, что в общем согласуется с воинственными касситами, поклоняющимися богами бури. Слово «кадж» в армянском языке означает «храбрый», а в грузинском—«дикий, смелый».

В мифологии Кавказа, как правило, «... каджи ... представлены довольно скромно, в качестве второстепенных персонажей. Их характер, повадки, природа, и даже происхождение являют собой пример непрояснённости и противоречивости представлений, отражённых в мифологии. Так, описание внешнего вида каджей колеблется от стихийно-природного до антропоморфного, от прекрасного до уродливого. Их сущность трактуется то исполненной света и добра, то зла и разрушительной силы. Будучи невидимыми (бесплотными), они способны к превращениям. Умение очаровывать и подчинять себе людей и окружающую природу породили рассказы не только о злоупотреблении такими способностями, но и о благородстве их нрава. Однако во мнении, что этот народ храбр и непобедим в бою – сходятся всё... оккультное знание, которым владеют искусные каджи, имеет индифферентную природу, подобно, к примеру, огню, что может быть и спасительно согревающим, и смертельно сжигающим» (Верещагина 2019: 437, 438).

«... Каджи—это те же люди, только, тайнами владея, Каждый кадж напоминает колдуна и чародея... Поднимают ураганы, топят лодки, корабли, По морям умеют бегать и, кошуствуя вдали, Ночь в сиянии скрывают, день – в тумане и пыли. Потому название каджей и дано им здесь народом, Что они, людьми рождаясь, помыкают нашим родом» (перевод Н.А. Заболоцкого); «Каджи—люди, их обитель—гор скалистых вышина»,— получает ответ Автандил, друг главного героя, в поэме Ш. Руставели «*Витязь в тигровой шкуре*» («*Вепхисткаосани*»). Но также, согласно осетинским сказаниям, каджи (кадзи) обитают на дне моря (Нарты 1988: 247).

На дочери царя Каджети женится герой армянского эпоса Давид Сасунский. Сами герои эпоса «Сасна Црер» со второго поколения богатырей, начиная с Мгера, частично являются каджами, так как Санасар и Багдасар женились на царевнах страны каджей, Дехцун и Лустняк соответственно. Этим и объясняется их нечеловеческая сила, не считая того, что сами Санасар и Багдасар имеют божественное происхождение.

В эпической поэме «*Витязь в тигровой шкуре*», страна каджей там зовётся Каджети. Царицей Каджети является Дулардухт, также в эпосе присутствуют Росан и Родья—племянники царицы, а также Рошак—военачальник Каджети. Из плена в стране каджей освобождает свою возлюбленную Нестан-Дереджан индийский принц Тариэль (Тариаэл).

В армянском эпосе «*Випасанк*» именно каджи похищают царя Артавазда (очевидно, события из более архаической древности, а именно победа касситов и пленение царя, соотносились с более близким событием—разгромом царя Армении Артавазда I парфянами в 115 г. до н.э.)—они унесли его в пещеры Масиса (Арарата) и заковали, и до сих пор Артавазд является там пленником и считается, что два аралеца (крылатых пса) грызут ему цепи. Дабы не допустить освобождения одиозного владыки, кузнецы в определённый день бьют молотами по наковальне, тем самым «укрепляя» цепи, сдерживающие Артавазда.

Каджи ради забавы могут избить и волочить человека за волосы по земле, а крестьяне часто сами жертвовали каджам небольшую часть своих припасов, что можно было бы проводить с каджами сделки, за определённую плату, они делились знаниями, либо помогали в свершении какого-либо дела, очень щепетильно и ответственно относятся к долгу, поэтому они никогда не предадут тех, кто им самим помог. «... Мифы повествуют, что каджи нередко вступают в определённые отношения с человеческим сообществом. И не всегда эти отношения выгодны для могущественных существ. Заключение сделок иногда приводило к вынужденной службе у смертных» (Верещагина 2019: 437). Каджи взымали с нартов дань в виде девушек свадебного возраста. Нередко женщины-каджи, отличающиеся неземной красотой, выходили замуж за смертных, или же помогали им. Эти факты указывают на то, что касситы как взымали с подчиненных им народов дань, так и торговали и демонстрировали им как свою власть, так и покровительство.

Каджи испытывают слабость к хорошей музыке, они и сами являются великими музыкантами. Примечательно, что их музыка и танцы зачаровывают людей подобно пению сирен или пляске эльфов, что зачарованный человек может потерять ход времени. А это чревато разными последствиями. Зачарованный музыкой каджей, человек может прожить в их обители множество лет, ведь время для них течёт по другому. Но может он и умереть в беспрестанной пляске, не сумев возобладать над собой. В некоторых мифах каджи сами нанимают людей для своих праздников. Так, они нанимают музыкантов, шутов, танцоров, поваров, цирюльников и многих других, причём плата за услуги всегда очень щедрая.

Как на смену историческим касситам доминирование в регионе перешло к ассирийцам, так в осетинском эпосе причиной гибели каджей становится некий нарт с именем, явно являющимся переосмыслением этнонима победителей,—Уазыр (*Нарты* 1957: 281-284).

Видимо, утратив политическую власть и став лишь одним из этносов Вавилонской и Персидской империи, каджи-касситы все больше уничижаются в представлении окружающих народов, низводятся к уровню фольклорных «чертей» («ходят пятками вперед», «криворотые», «чурбанные глупцы», «пропадают пропадом»). По рассказам, каджд седлает лошадь и ездит на ней, пока хозяин спит; проникает в хлев, гоняет до изнеможения лошадей, заплетает гривы и хвосты. Однако, каджа можно поймать, и воткнув иголку или булавку ему в бок, заставить служить. А чтобы каджд не смог сесть на коня, на ночь спину скакуна надо смазать смолой. Найти каджда по местным поверьям можно было в заброшенных строениях, таких как мельницы. Бывало, что каджи служили целым семьям, сроком семь лет, как правило. Вольные каджи могут завлекать путников, принимая иной облик. К примеру, мужчин каджи завлекают, превратившись в красавиц. Каджи любят красть одежду у людей, однако часто они просто заимствуют, возвращая владельцу через некоторое время. Чаще всего это делают женщины каджи. Дабы предотвратить кражу одежды, полагается втыкать в одежду иглы или булавку. Воткнувшаяся острая игла вредит каджду.

Но особенно интересным, по нашему мнению, является эпизод в армянском эпосе «*Випасанк*» о том, как мать Артавазда, царица и аланская царевна Сатеник, была влюблена в царя каджей Аргавана (перс. «красный пурпур»), а её муж, царь Арташес, овладевает любимой наложницей Аргавана красавицей Манд. В осетинском нарттовском эпосе она представлена как мудрая хозяйка нарттов Сатана (Шатаней), хотя встречается и вариант существования у нарттовской Шатаней демонического подземного двойника—кадзиевской Шатаней, которая предводительствовала злыми существами кадзи (она—дочь колдуньи нарттов, которую те отдали кадждам в залог перемирия, подменив ее Шатаней) и преследовала нарта Созырыко (Сосруко) (Абаев 1939: 48-49; Кузнецов 1980: 66-69). Но, видимо, здесь была попытка трактовки неоднозначного поведения Шатаней в разных кавказских традициях. Ведь в армянской версии Арташес, муж Сатеник, влюбленной в царя каджей, расправляется с соперником во время пира, устроенного свергнутому Аргаваном во имя примирения, а в нарттовском эпосе хотя Шатаней и хранит верность своему мужу Урызмагу, но тот на пиру расправляется с посягнувшими на его жену Сафой, сыном горы-вулкана, и нартами. Отцу Арташесу помогает его сын Артавазд (захватив трон каджей), а Урызмагу—не его сын Сослан, а племянник Батрадз. Правда, у Урызмага был еще и Безымянный сын, воспитанный в водном царстве и живший в подземном мире, который помог ему одолеть охраняющих стада могущественных существ (волка с железной мордой, ворона с железным клювом и жеребца с железной мордой) в самой богатой в мире стране Терк-Турк. После удачного совершения набега на эту страну, мальчик выбрал себе из добычи белого быка для поминок в его честь и вернулся в царство умерших, где стал почивать на коленях владыки подземного мира Барастыра.

В этой связи, в качестве параллели напрашивается эпизод из греческой мифологии—знаменитая битва кентавров с мифическим народом лапифами (др.-греч. Iaripthai «хвастуны»), произошедшая на свадьбе царя лапифов Пирифоя и Гипподамии. В истреблении кентавров особенно отличился знаменитый герой Тесей Как и пир, устроенный Аргаваном, был примирительным, так и приглашение кентавров на свадьбу было еще и актом примирения в войне, которая была спровоцирована претензиями кентавров на часть власти Пирифоя (в бытность его родственниками), после отказа Пирифоя этой властью поделиться. Однако, поведение пьяных кентавров на свадьбе возобновило вражду: царь кентавров Эвритион, опьяненный вином, задумал посягнуть на честь невесты. За это лапифы и Тесей обрубили Эвритиону уши и нос, убили большую часть кентавров, а прочих изгнали из города Ларисса, столицы Фессалии. Кентавры хватают жен лапифов, заставляют их сесть на коней и мчатся вместе с ними к себе домой. Однако вскоре кентавры собрались с силами и напали на лапифов, разгромив их и вынудив бежать в Фолою (гора в Аркадии), а затем, когда кентавры захватили и её (обосновавшись там и совершая грабежи в окрестностях), лапифы были вынуждены бежать на полуостров Малею и обосноваться там (*Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», IV 70, 3 ; Палефат «О невероятном», кн. I. О кентаврах; Овидий, «Метаморфозы», XII, 210*). Только Гераклу удалось затем разбить и кентавров (Эвритион посягал и на жену Геракла Деяниру), и лапифов, став союзником их врагов—дорийцев (букв. δορεῦς, doreus «живодеров»).

Поражает, что как нартовский герой Сослан, сын Шатаней, гибнет от волшебного огненного Колеса Балсага (бог солнца Хур оскорблен тем, что Сослан отказался взять женой его дочь и посылает колесо, которое перерезает герою ноги и тот постепенно погружается в землю) (Кузнецов 1980: 123-129), так и колесо стало роком для царя лапифов Иксиона, которого Зевс привязал в царстве Аида к огненному колесу, обвитому змеями, быстро вертящемуся, и ветры понесли его вдоль поднебесья (*Пиндар, «Ликийские песни», II 21; Овидий, «Ибис», 176; Вергилий, «Георгики» III 38-39*), за то, что он дерзнул распространить слух о связи своей с Герой (он, совокупившись с богиней облаков Нефелой в образе Геры, породил сына Кетавра, а тот смешался с магнесийскими кобылицами, которые и произвели на свет полчище существ с нижней частью от матерей, верхней—отца).

Принявший участие в кентавромахии лапиф, Кеней (др.-греч. Καίνευς), бывший сначала девушкой, но затем превращенный Посейдоном в мужчину—неуязвимого для меди и железа, но его можно было убить древесными сучьями, чем и воспользовались кентавры—и его поглотила земля, и в Аиде его снова превратили в деву (*Гесиод, «Перечень женщин», фр.87 М.-У.; Акусилай, фр.22 Якоби // Комм. 20 к Палефату; Платон, «Законы» XII 944d; Палефат, «О невероятном» 3; Гигин, Мифы 14*) явно вызывает в памяти образ прекрасного германского асса Бальдра, неуязвимого для всех вещей, но поверженного стрелой из омелы!

Сами лапифы явно малоазиатского происхождения, так как отцом их первопредка Лапифа был бог хетто-хурритского происхождения Аполлон (бог ворот и дверей Апулунас, Апалунас, ликийцы называли его Пулен, Pulen, у этрусков—Апулу, у хурритов—бог чумы Аплу), от которого родила первого Кентавра океанида Стилба (дочь Океана и Тефиды, или дочь речного бога Пеняя и нимфы Креузы). По другой версии, царь лапифов Иксион посмел домогаться богини Геры, но Зевс предоставил ему вместо Геры её образ из облака (или олицетворенное облако)—богиню Нефелу («облако») и от этой связи Нефелы и Иксиона родился чудовищный и отверженный всеми Кентавр, от которого магнесийские кобылы произвели на свет многочисленное потомство (*Лукиан, «Разговоры богов», б, 4*). Это аналогично тому, как нарты в ответ на сватание каджей к Шатаней подменяют её дочерью колдуньи Кулбадагус из рода Бората. Эта Лже-Шатаней, став царицей каджей, рождает сына и всячески вредит нартам (Кузнецов 1980: 68-69; *Нарты* 1957: 271-281).

Вероятнее всего, образ кентавров восходит именно к касситским воинам-всадникам, ведь по границам своей империи касситы воздвигали огромные каменные изваяния

богов-хранителей, среди них—кентавров. Одно из них изображало крылатое существо с лошадиным туловищем, двумя лицами—человеческим, глядящим вперед, и драконьим, обращенным назад, и двумя хвостами (лошадиным и скорпионьим); в руках—лук с натянутой тетивой. Другой известный монумент—изваяние классического кентавра без крыльев, с одной головой и одним хвостом, готового выстрелить в противника из своего лука. Разумеется, то, что касситы изображали кентавра в своих скульптурах, вовсе не означает, что они же его и придумали. Существо, известное как кентавр, появилось на Ближнем Востоке между 1750 и 1250 годами до н. э. и служило духом-хранителем, главным оружием которого были лук и стрелы. Древнейший из дошедших до нас гороскопов был составлен около 410 года до н. э. в Вавилоне. Не вызывает сомнений то, что зодиакальный Стрелец (Кентавр), так же как Скорпион и Козерог («антилопа подземного океана» Эя),— образы, навеянные касситскими пограничными монументами («кудурру»).

Двуприродный момент кентавров явно напрашивается к сравнению кентавра с шумерским персонажем – побратимом героя Гильгамеша Энкиду, вначале диким и воспитанным среди парнокопытных, но затем приобщенным к нормам цивилизации (с помощью опьянения и ласк женщины). Тот факт, что кентавр Эврителион был первым, кто ощутил на себе зло пьянства, вызывает в памяти библейский сюжет об опьянении Ноя и о проклятии, павшем на голову потомства Хама (*Быт. 9, 18-27*).

Весьма вероятно, что соотнесение мифологических каджей и кентавров с историческими касситами ставит вопрос о возможности соотнесения других мифологических народов с демоническими характеристиками с реальными историческими этносами. Ведь, несмотря на то, что эпосы и сказания дошли до нас в виде компиляций и позднейших историзаций, все же в них сохраняется определенная часть начальной информации о социокультурных реалиях по целому ряду аспектов, изложенных метафорически.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев В.И. (1939), *Из осетинского эпоса: 10 нартовских сказаний, текст, перевод, комментарии*, Москва-Ленинград.
- Алборов Т.М. (2014), “Мифопоэтический образ «Кадзи» в нартовском эпосе осетин”, *Вестник Института цивилизации*, № 8, Владикавказ: 3-9.
- Бойс М. (1988), *Зороастрийцы: верования и обычаи*, Москва.
- Верещагина Т.Н. (2019), “«Что он Гекубе? Что ему Гекуба?: мифологическое восприятие мира в поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»”, *Мир науки, культуры, образования*, № 4 (77), <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-on-gekube-chto-emu-gekuba-mifologicheskoe-vostryatie-mira-v-poeme-shota-rustaveli-vityaz-v-tigrovoy-shkure> (дата обр. 26. 06. 2020).
- Емельянов В. (2014), “«Небеса посылают нам знаки...»: основные этапы развития месопотамской астрологии”, http://kobil-caprica.blogspot.com/2014/01/blog-post_25.html (дата обр. 26. 06. 2020).
- Клейн Л. С. (2007), “Древние миграции и происхождение индоевропейских народов”, СПб. : 39. – https://www.studmed.ru/kleyn-ls-drevnie-migracii-i-proishozhdenie-indoevropeyskih-narodov_cf8f46fd5d1.html (дата обр. 26. 06. 2020).
- Кузнецов В.А. (1980), *Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа*, Орджоникидзе.
- Нарты. Эпос осетинского народа* (1957), Москва.
- Нарты. Осетинский героический эпос* (1989), кн. 2, Москва.
- Ситчин З. (2008), *Боги Армагеддона: Иногда они возвращаются*, Москва, http://www.e-reading.co.uk/chapter.php/90482/12/Sitchin_-_Bogi_Armageddona_Inogda_oni_vozvrashchayutsya_.html (дата обр. 26. 06. 2020).

DOI 10.48200/9789939672571_143

АХЛЬ АЛЬ-БЕЙТ В ЕЗИДСКОМ РЕЛИГИОЗНОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Виктория Аракелова

Институт востоковедения Российско-Армянского Университета, Ереван

Abstract

The Yezidi eclectic tradition has adapted numerous heterogeneous elements of the religious landscape of Northern Mesopotamia. This is, first of all, a serious Sufi component, which is quite natural for the ethno-confessional community rooted in Sufism. Besides, this is a number of obvious parallels with the Extreme Shi'a field, what is explained, among other things, by the Gnostic segment in the both religious systems. Finally, these are common Islamic elements, preserved in the tradition despite its complete rejection of Islam and formation of a fundamentally new identity. The most controversial fact here is the references to the *Ahl al-Bayt*—representatives of the Prophet Muhammad's family, in the Yezidi religious code (*qawl-ū-bayt*). The article presents several examples of the Yezidi lore, reflecting this phenomenon.

Keywords: Yezidism, Yezidi Religious Lore (*Qawl-ū-bayt*), Muslim Elements, *Ahl al-Bayt*

Аннотация

Эклектичная традиция езидизма адаптировала множество разнородных элементов религиозного поля северной Месопотамии. Это, прежде всего, серьезная суфийская компонента, вполне закономерная для этно-конфессиональной общности, выросшей из суфийского ордена. Это и ряд очевидных параллелей с крайнешиитским полем, которые объясняются, в том числе, наличием гностического сегмента в обоих религиозных системах. Это и, несмотря на полный отход от ислама и формирование принципиально новой идентичности, определенные общеисламские элементы. Наиболее противоречивым и труднообъяснимым фактом видится упоминание в езидском религиозном своде (*qawl-ū-bayt*) представителей семейства Пророка Мухаммеда—*Ахль аль-Бейт*. В статье приводятся несколько знаковых образцов езидского фольклора, отражающих данный феномен.

Ключевые слова: Езидизм, езидский религиозный свод (*qawl-ū-bayt*), исламские элементы, *Ахль аль-Бейт*

Помимо собственно суфийского наследия в езидизме, вполне закономерного для этно-конфессиональной общности, выросшей из суфийского ордена Адавийя,¹ езидская традиция обнаруживает и целый ряд очевидных параллелей с крайнешиитским полем (Arakelova 2004; eadem 2015; также Asatrian/Arakelova 2014: 121-123), и сохранившиеся, несмотря на полный отход от ислама и формирование принципиально новой идентичности, общеисламские элементы. И если параллели с крайними шиитами во многом объясняются, в том числе, наличием гностического сегмента в обоих феноменах (Asatrian/Arakelova 2014: 124-126), то упоминание в езидском религиозном фольклоре (своде гимнов *qawl-ū-bayt*) наиболее знаковых фигур ислама, включая *Ahl al-Bayt*—представителей семейства пророка ислама—требует специального анализа в свете

¹ О происхождении езидизма см., в частности: Аракелова 2006, также Guest 1987; о суфийских элементах в езидизме см.: Asatrian/Arakelova 2014: 128-129, также Arakelova 2001.

подчеркнуто немусульманской идентификации езидов. Кроме того, в некоторых образцах следует отметить сугубо шиитскую коннотацию контекста. Последнее кажется еще более неправдоподобным, учитывая, что именно шииты являлись теми *Inimical Others*, на чьем фоне не просто формировалось принципиально новое самосознание ранней езидской общины, но и, в конечном итоге, обозначился и закрепился ее главный этноним—«езид» (см. подробно: Arakelova 2006; eadem 2010).

Практически все персонажи, за исключением Пророка Мухаммеда, полностью адаптированы традицией и представлены в фольклорных религиозных текстах в качестве езидских героев.

Имена Пророка Мухаммеда и первого шиитского имама Али упоминаются в одном из наиболее сакральных гимнов езидского религиозного свода—заупокойной молитве *Qawlē Saramargē* (букв. «Гимне на смерть») (Şex K'eleş: 16):

Řūh' čū, mā qadībī qālib,
Řāwāstīya sar ma dastakī tālib;
Avā k'āsā vaḫwārīya navī Mah'madē bin A'vdila,
A'İyē bin A'būt'alīb.

*Душа ушла, осталась пустая форма,
Над нами нависла отбирающая [душу] десница;
Эту чашу испили [даже] пророк Мухаммад сын Абдуллы,
[И] Али сын Абуталиба.*

Заметим, в данном четверостишье нет никакой отсылки к собственно езидским реалиям. Вне контекста заупокойного езидского гимна семантика данного отрывка отражает универсальные реалии ислама, так что текст вполне можно было бы воспринять как образец фольклора курманджиязычной мусульманской традиции. Поразительно, что в религии, ныне полностью отрицающей всякую связь с исламом, именно смерть пророка ислама и первого шиитского имама выступает как *terminus comparationis*, призванный подчеркнуть бренность бытия и неизбежность ухода. Это, насколько нам известно, единственный езидский текст, в котором упомянут пророк ислама.

Али, однако,—вполне адаптированный езидской традицией персонаж и фигурирует в религиозном фольклоре как легендарный герой, сражающийся с неверными за езидскую веру. Здесь он, как и у шиитов, носит эпитет «Божий лев»—*Şērē xwadē* (араб. *Asadullāh*). Кроме того, езидский Али ездит на Дундуле,² в исламе—легендарном коне шиитского имама, который, согласно традиции, скакал на нем во время битв с неверными. То же имя носил и серый конь пророка ислама.

Дундул (*Dundul* или *Dādul*), по сути, тоже шиитский элемент, закрепившийся в езидизме настолько, что хозяином его, помимо Али, выступает также Шейх 'Ади—член езидской священной триады (наряду с Малак-Тавусом (Ангелом-Павлином) и Сутланом Езидом).³ Ср.:

Şixādī mi habū A'rabistānē,
Xudānē Dādul ū dāna (Celil/Celil 1978: 319).

² Слово восходит к арабскому *dundul*—«дикобраз». В качестве имени сказочного коня оно широко распространено в фольклоре центральноазиатских и северокавказских народов (узбеков, памирцев, адыгов, кабардинцев и проч.).

³ О езидской священной триаде—Малак-Тавусе (Ангеле-Павлине), Шейхе 'Ади и Султане Езиде—см.: Asatrian/Arakelova 2014: Ch. 1-3.

*У меня был шейх в стране арабов (т.е. Шейх Ади),
(Который) хозяин Дундула и dān (?).*

В езидской традиции хозяином Дундула слывет и сам Малак-Тавус, правда, в своем иносказательном обозначении—Шарфадине,⁴ ибо само имя Ангела-Павлина частично табуировано как в высшей степени сакральное для езидов. Ср.:

Šarfadīnō, xarzē gulē,
A'māmata (скорее—a'lāmat—«знак, символ, воплощение») dastē gulē,
Šarfadīn sīyārē Dundulē.
Šarfadīna—dīnē mina,
Šarfadīna—dīnē mina (Asatrian/Arakelova 2014: 41).

*Шарфадин (т.е. Малак-Тавус), (ты) —зелень цветка,
Воплощение букета цветов (т.е. многоцветен),
Шарфидин—всадник на Дундуле,
Шарфадин—моя религия,
Шарфидин—моя религия.*

Возвращаясь к образу Али в езидизме, особо следует отметить один из наиболее интересных образцов религиозного фольклора—рассказ о путешествии Али в загробный мир «Али Божий Лев в Загробном Царстве» (*A'lī Šērē Xwadē Āxiratēdā*). Довольно распространенный во многих традициях сюжет о странствиях души героя в потустороннем мире во многом напоминает пехлевийскую «Книгу о праведном Виразе». В ином мире Али имеет возможность убедиться своими глазами в наказании грешников за содеянные грехи и нарушение заповедей езидизма (Asatrian 2002).

Среди прочих текстов с упоминанием представителей *Ахл аль-Бейт*, зафиксирован также «Гимн Али, Божьему льву» (*Bayt 'ā A'lī Šērē xwadē*), где, помимо Али, упоминаются и Фатима—как в форме *Fāt*, так и в полной форме *Fātima* в выражении *Fātima dēm šalāla*—«Фатима с сияющим ликом», сыновья Али и Фатимы—Хасан и Хусейн (*H'asan, H'usayn*), Зейнаб (*Zīn*) и Айша (*A'yša*), жена пророка ислама (см. Celil/Celil 1978: 403-412). Ср.: например, читаем:

Či sibaka nahīna!
Digrī A'yš, Fāt ū Zīna
Savā hard kuřē A'līna.

A'lī dihāta māla,
Fātīmē pēřā šař ū qāla;
Gōta: “Ta girtī kirina zīndānē”,
Aw Fātima dēm šalāla (там же: 403).

*Какое ужасное утро!
Плакали Айша, Фат (т.е. Фатима—В.А.) и Зейнаб
Из-за двух сыновей Али (т.е. Хасана и Хусейна.—В.А.).*

*Али шел домой,
Фатима ругалась с ним;*

⁴ Подробнее об эпитете Шарфадин применительно к Малак-Тавусу см.: Asatrian/Arakelova 2014: 29-30.

*(Она ему) сказала: «Ты заключил узников в тюрьму»,
Та Фатима с сияющим ликом.*

Сокращение имени Фатима, т.е. отпадание последних слогов, обусловлено, по всей видимости, переосмыслением имени на языковой почве курманджи: *Fātima* (или *Fāīma*) воспринималось как изафетное сочетание: *Fāī ma* (*Fātā ma*)— «наша Фат». Таким образом краткая форма *Fat* стало выступать отдельно, что закрепилось и в имени женского божества Пира Фат (*Pīrā Fāt*)—праматери езидов, сохранившей езидское семя, покровительницы рожениц и новорожденных младенцев (подробно см. Asatrian/Arakelova 2014: 72-76).

Нет необходимости подчеркивать, что многое из упомянутого проникло в традицию на самом раннем этапе формирования езидской общины, а, возможно, еще ранее—в ее адавийский период общины. Сохранились большинство из этих элементов в силу отсутствия в езидизме централизованного религиозного института и догмы в строгом смысле этого слова.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аркелова В. (2006), «К истории формирования езидской общины», *Гришъ-ġuwiġi*, 40: 63-66.
- Arakelova (2001), “Sufi Saints in the Yezidi Tradition: I. *Qawlē Husēyīnī Halāj*”, *Iran and the Caucasus*, vol. 5: 183-192.
- (2004), “Notes on the Yezidi Religious Syncretism”, *Iran and the Caucasus*, vol. 8.1: 19-28.
- (2005), “Sultan Ezid in the Yezidi Tradition: Genesis of the Character”, *Journal of Persianate Societies*, vol. 3: 198-202.
- (2010), “Ethno-religious Communities: To the Problem of Identity markers”, *Iran and the Caucasus*, vol. 4.1: 1-19.
- (2015), “The Shibboleths of Heresies: On Some Essential Markers of the Near Eastern Non-Dogmatic Milieu”, *Studies on the Iranian World-II: Medieval and Modern* (Ed. by Anna Krasnowolska, Renata Rusek-Kowalska), Krakow: 119-128.
- Asatrain G. (2002), “The Yezidi *Divina Comedia*”, Paper read at the international symposium *Religious Texts in Iranian Languages*, Copenhagen, May, 2002.
- /Arakelova V. (2014), *The Religion of the Peacock Angel: The Yezidis and their Spirit World*, Durham.
- Celil O./Celil C. (1978), *Zārgōtinā k’urdā*, Erevan.
- Guest J. (1987), *The Yezidis: A Study in Survival*, New York.
- Şex K’eleş H. (1995), *Řē-řizmā milatē ēzdī āngōrī qirārē dīn*, Rewān.

DOI 10.48200/9789939672571_147

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНО-РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АРМЯН

Нелли Хачатурян

Институт археологии и этнографии НАН РА

Abstract

The article focuses on some peculiarities of theoretical approaches to the study of the ethno-religious identity of the Armenians, as well as specifics of their religious consciousness and behaviour. The current article is part of a wider ethno-sociological research on the ethno-religious identity of the Armenians in their own and alien ethnic environment.

Keywords: Armenians, Armenian Ethnos, Religion, Ethno-Religious Identity, Armenian Apostolic Church, Confessional Affiliation, Globalisation, Different Ethnic Milieu

Аннотация

Целью данной статьи является выявление особенностей теоретических подходов к исследованиям по этно-религиозной идентичности армян, специфики религиозного сознания и поведения. Статья представляет собой часть программы этносоциологического исследования по этно-религиозной идентичности армян в своей и иноэтничной среде.

Ключевые слова: армяне, армянский этнос, религия, этно-религиозная идентичность, ААЦ, конфессиональная принадлежность, глобализация, иноэтничное окружение

*Нечто есть благодаря своему качеству
и, теряя свое качество,
оно перестает быть тем, что оно есть.
(Г. Гегель)*

Понятие “идентичность” сегодня широко применяется в этнологии, психологии, культурной и социальной антропологии, социологии, востоковедении, религиоведении и во многих междисциплинарных исследованиях. В самом распространённом понимании оно означает осознание человеком своей принадлежности к какой-либо группе, позволяющее ему определить свое место в определенном социокультурном пространстве. Необходимость в идентичности вызвана потребностью человеком в упорядоченности своей жизнедеятельности в сообществе других людей (Ляушева/Нагой 2009).

В наши дни, в условиях интенсивного развития глобализационных процессов и межкультурных контактов, когда кажется, что все унифицируясь теряет свою уникальность и особенность, становится ясно, что среди многочисленных групп наиболее стабильными и устойчивыми во времени являются именно этнические и религиозные

группы, и несмотря на тенденции глобализации, этническое (национальное) и религиозное самосознание никуда не исчезают (Агаджанян 2016).¹

Это вызвано целым рядом причин, основной из которых можно считать возникшее в результате современных социальных процессов ощущение нестабильности окружающего мира, что естественно вызывает стремление к внутригрупповому единству и солидарности.

На опыте 20 века становится очевидным, что модернизация не только не устраняет этнические узы и этническую идентичность (Джангозян 2014: 116), но в новое время возникают сильные этноцентристские инстинкты вкупе с развитым транснациональным опытом (Агаджанян 2016: 352). Данную реальность при сильной взаимосвязи этнического и религиозного можно спроектировать и в религиозную сферу.

Этническая идентичность—составная часть социальной идентичности личности, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности (Попова/Верещагина 2015).

Религиозная же идентичность—форма коллективного и индивидуального самосознания, построенная на осознании принадлежности к определенной религии и формирующая представления о себе и мире посредством соответствующих религиозных догм. Религиозная идентичность является одной из первых форм самосознания человека и потому находится у истоков формирования других видов идентичностей (Крылов: 223, 273-274). Она также имеет важную особенность способствовать их усилению (Перепелкин/Стельмах 2010: 377).

История развития этнических общностей свидетельствует о том, что чувство идентичности формировалось и ассоциировалось, в первую очередь, с религиозной (конфессиональной) принадлежностью (Джангозова 2010: 263-266), а уж затем—с территориальной, языковой и т.д. И в этой связи этно-религиозную (этно-конфессиональную) идентичность можно смело рассматривать как одну из форм этнической идентичности (Рыжова 2015: 137).

Становление этно-религиозной идентичности, ее кристаллизация, формирование основных маркеров—динамичные явления, отдельные этапы которых порою делятся несколько столетий, а может и более. Каждая этническая группа в тот или иной период своей истории, пытается создать ценностную систему, ценностную иерархию и тип собственной национальной духовной жизни. И в каком виде она будет представлена, зависит от множества факторов воздействия политического (геополитического), культурного, демографического, географического (климатического), этноконфессионального окружения и т.д.).

С этой точки зрения, исследования по этно-религиозной идентичности имеют своей целью выявление базирующихся на религиозном факторе механизмов самосохранения этнических сообществ как в определенные исторические периоды, так и на протяжении всей истории данного этноса.

Данная статья преследует цель формирования теоретической основы для программы изучения этно-религиозной идентичности армян в своей и иноэтнической среде. Эта категория впервые становится предметом широкого и длительного исследования.

¹ См. также, Ляужева/Нагой 2009; Джангозян 2014; Agadjanian 2014.

Историческое развитие такого многофакторного и сложного явления как этно-религиозная идентичность армян, у которого имеется своя особая история формирования в каждой стране и в каждом регионе, к сожалению, мало отслежена. Имеющиеся исследования нащупывают проблему,² оставляя возможность для дальнейших изысканий.

Исследуя динамику формирования этно-религиозной идентичности армян, предполагается также изучение ее нынешнего состояния, перспектив развития, воздействующих факторов и явлений. Стратегия исследования направлена на выявление механизмов воспроизводства духовных ценностей и духовной жизни типичной для данной этничности. В дальнейшем результаты исследования могут стать базой для понимания действующих этнокультурных процессов среди армян как диаспоры, так и на Родине, уровнях их взаимосвязи и взаимозависимости, а также для выработки научных концепций и положений в данных сферах.

Среди поставленных задач приоритетными являются:

- выявление воздействия религиозного (конфессионального) фактора на состояние этничности, этнической консолидации и ее нынешнего развития;
- выявление механизмов изменения этно-религиозной идентичности и факторов, воздействующих на эти изменения или их провоцирующие;
- выявление механизмов осмысления этно-религиозной идентичности;
- выявление роли ААЦ (Армянской Апостольской Церкви) в становлении и развитии армянской этничности;
- выявление воспроизводимых, “оживающих” и угасающих духовно-культурных ценностей,
- выявление степеней восприятия социальной реальности сквозь призму этнических и религиозных категорий,
- определение проблемы мультиидентичности,
- выявление воздействия секуляризма на формирование мультиидентичности и т.д.

Для более полной информации важно и выявление сегментированности армянских общин по следующим признакам: характеру расселения (компактность - дисперсность), уровню самоорганизации (политической, социальной, культурной, экономической и т.д.), этносциальному окружению, демографическому состоянию (половозрастной и семейной структуре, миграционной динамики и т.п.), происхождению, конфессии и т.д.

В силу исторических особенностей, взаимосвязь между этнической и религиозной идентичностью в ее лучших проявлениях видна именно на Востоке. Что же касается армянского этноса, то в нем может происходить такое глубокое взаимопроникновение этнической и религиозной идентичности, что на некотором уровне они просто неразделимы.

Исследования по изучению степени соотносимости этнической и религиозной идентичности армян значимы также с точки зрения понимания механизмов самосохранения этноса, его современного состояния и перспектив развития в условиях своего, иноэтнического и/или инорелигиозного (иноконфессионального) окружения.

² См.: Agadjanian 2014; Агаджанян 2016; также Дзанхотова 2010; Акопян/Хачатрян 2015; Суишурцши 2020 и др.

Связывая степень религиозного (религиозности) со степенью этнокультурной гомогенности (однородности) (Андерсен 2016: 173). Б. Андерсен вводит в оборот термин “этнического христианства” (там же: 278), (то есть, понятия этнической религии), что на наш взгляд как нельзя лучше подходит для изучения и представления особенностей этно-религиозной идентичности армянского этноса.

Именно религия чаще ассоциируется с этнической культурой, национальным культурным наследием и, в конце концов, с патриотизмом и национализмом. Армянское христианство всегда рассматривается в качестве символа национальной идентичности (Agadjanian 2014: 72). А Армянская Апостольская Церковь была и остается носителем исторического наследия армянского народа (Агаджанян 2016: 346).

В силу разных исторических обстоятельств, в условиях потери государственности и при опасности ассимиляции армяне всегда возводили, своего рода, культурную стену, культурный барьер в сознании, в основе которых лежали именно религиозная традиция, язык, история и т.д. И как только эта стена рушилась, происходила ассимиляция (Саркисян 2014: 15).

В условиях проживания на чужой территории именно религиозные организации помогали и помогают иммигрантам легче адаптироваться в новой социальной среде, а успешность адаптации обеспечивается, в основном, за счет религиозных факторов адаптации (Янакова 2016). Для армянской диаспоры в инонациональном окружении сегодня цементирующим звеном служит именно Армянская Апостольская Церковь, способствующая сохранению этнической идентичности (Арутюнян 2016: 158).

Много веков назад, приняв христианство в качестве государственной религии, армянский этнос и государство создали тем самым своеобразный культурно-идеологический барьер против идеологий противников. Принятие христианства не только не повлекло размывание самобытности, а наоборот, способствовало кристаллизации процесса самоидентификации, формированию армянского национального самосознания (Саркисян 2014: 16). Создание письмен, в свою очередь, обеспечило, с одной стороны, культурную независимость Армянской Апостольской Церкви, а с другой стороны, стало основой для создания культуры на национальном языке, что является уникальным для Средневековья, когда культура развивалась преимущественно на *lingua franca*: латинском, греческом и арабском (там же: 16).

В результате, под исламским натиском армянский этнос сохранил свою специфическую этно-религиозную идентичность. И именно осознание значимости культурного фактора привело к небывалому взлету армянской культуры V-VII вв., которую, в дальнейшем, назвали “золотым веком”, появлению средневековых университетов-вардапетаранов (11-14 вв.), развитию книгопечатания (с 1512 г.) и т.д. (там же: 17).

А. Алпояджян (Ալբոյաճյան 1964: 67-84) в своем труде “Искусство печатания и армяне”, на основе богатого фактического материала наглядно описывает и представляет важную консолидирующую роль типографий и изданий национальной и духовной литературы на армянском языке, а также духовного и светского образования при абсолютной поддержке Церкви, в вопросах развития этно-религиозной идентичности армянских общин под игом Османской империи.

Национальное и духовное книгопечатание поддерживало жизнедеятельность и этно-религиозную идентичность армянских общин не только в пределах Османской

империи, но и в Европе, Индии, Российской империи и т.д. И в этом процессе незаменимую роль также играла Армянская Апостольская Церковь (Martin 1995: 388; Suny/Kennedy 2001: 89; Ишханян 1977: 351-379; История армянского народа 1980; Абгарян 2001: 55).

Информацией для размышления могут послужить и результаты исследования американского ученого Кента Ф. Шулля.

Представляя анализ тюремных документов Османской империи за период с 1912 по 1918 гг. исследователь приводит сведения о том, что в данный период в опросах, проводимых в тюрьмах, обязательно стояла категория “национальная принадлежность заключенного” (*milliyet-i mahkumin*), подразумевающая его этно-религиозную принадлежность (Schull 2011: 80). Приводится список всех национальностей, которые по документам участвовали в опросах: евреи, ассирийцы, болгары, европейцы, персы, греки и т.д. Что же касательно армян, то по опросам 1912 г. там были представлены лишь две категории— армяне-католики и/или армяне-протестанты (там же: 79-80). По какой же причине не были представлены армяне-последователи ААЦ? На наш взгляд это могло означать или то, что эта категория этно-религиозной принадлежности тем или иным способом игнорировалась—или о ней умалчивали, или от армян-последователей ААЦ изначально избавлялись. Причина же могла состоять в том, что именно они (армяне-последователи ААЦ) и воспринимались теми самими носителями этно-религиозной идентичности армянства, которая так мешала младотурецкой политике.

Это наводит на мысль о том, что в чистом виде армянская этническая идентичность, связанная с историей, языком, территорией и т.д., более ярко выражена именно в принадлежности к ААЦ. Далее, при переходе в иные конфессии и/или группы, возможно, происходит постепенное ступенчатое угасание базовых маркеров и показателей данной этно-религиозной идентичности.

Таким образом, одной из основных целей исследований этно-религиозной идентичности армян должно быть выявление именно этих базовых маркеров и показателей.

Исследуя вопрос этно-религиозной идентичности армян, нельзя обойти стороной и тему криптоармян, которая на сегодняшний день мало изучена из-за комплексных проблем в данной области. Впервые в 2018 г. по вопросу криптоармян Турции³ была опубликована книга итальянского ученого иранского происхождения Фатеме Габоарди Малекки Мино под названием “Путешествие мечты сквозь историю забытых людей: криптоармяне Анатолии”. Труд Ф. Габоарди является первым и единственным на данный момент крупным исследованием по проживающим на территории Турции криптоармян. На момент начала исследования в 2013 г. о криптоармянах в Турции практически никто не говорил. Лишь убитый в 2007 году армянский журналист Грант Динк, а также некоторые активисты поднимали эту проблему. Исследования, как считает автор, опасны с точки зрения противодействия турецких властей, в контекст политики которых само существование криптоармян не вписывается (Евстратов 2020).

³Криптоармяне—потомки западных армян, проживающие в настоящее время в Турции и по разным причинам скрывающие свое армянское происхождение. Они живут в основном на землях исторической Западной Армении и в официальных документах проходят как курды, ассирийцы, арабы и др.

Таким образом, изучая ниши этнического сознания, подкрепленные религиозным компонентом, появляется потребность и в уяснении механизмов конверсации, или трансформации—перехода из одного сообщества в другое, и определении возможности реконверсации, и понимании механизмов переосмысления своей этно-религиозной идентичности.

Таким образом, армянский этнос, в силу своих национальных, исторических, культурных и религиозных особенностей сформировал особый вид этно-религиозной идентичности, где важную нишу занимает высокий культурный фон. На этой основе сформирована особая этническая солидарность, этническая религиозность, а также обнаруживается особая значимость этих факторов в социально-политических, социально-экономических и этнокоординационных процессах как на Родине, так и за ее пределами.

Мы имеем дело с феноменом этно-религиозной идентичности, которая, выстояв натиски мировых империй древности, логически войдя в эпоху кристаллизации самоидентификации посредством принятия христианства, смогла отразить сильнейший “глобализационный” напор ислама, а в наши дни—и современных “геополитико-глобализационных” явлений, донеся до нас особый “код” жизнеспособности этноса.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абгарян Г. (2001), *Предыстория армянского книгопечатания*, Ереван.
- Агаджанян А. (2016), “Этнос, нация и религия: научные парадигмы и реальность Южного Кавказа”, *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 2, Москва: 331-356.
- Акопян Н.Р./Хачатрян А.Г. (2015), “Некоторые особенности исследования этно-религиозной идентичности личности”, *Հոգևորական և հոգևորական հոգևորական հոգևորական*, т. 6 (2), Международный научно-образовательный центр НАН РА, Ереван: 53-55.
- Андерсен Б. (2016), *Воображаемые сообщества*, Москва.
- Арутюнян Ю. В. (2016), *Российские армяне. Этносоциологическое исследование*, Ереван.
- Джангозян С. (2014), “К вопросу проявления этнической идентичности в диаспоре (теоретические подходы)”, *Республиканская научная конференция (5 ноября 2013г.) “Проблема национальной идентичности в условиях глобализации (междисциплинарные аспекты)”*, Ереван: 115-125.
- Дзанхотова А. А. (2010), “Этноконфессиональная идентичность”, *Молодой ученый*, 4 (15), Москва: 263-266, <https://moluch.ru/archive/15/1377/> (дата обращения: 23.06.2020).
- Евстратов А. (2020), “Что заставило иранского ученого из Италии написать книгу о криптоармянах?”, *Армянский музей Москвы и культуры наций*, интервью, <https://www.armmuseum.ru/news-blog/kryptoarmeane-fateme-kniga>, (дата обращения: 16.07.2020).
- Ишханян Р. (1977), *История армянской книги*, Т. 1, Ереван.
- Крылов А. Н. (2014), *Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве*, Москва.
- Ляшова С. А./Нагой А. А. (2009), *Религиозная идентичность в современной культуре*, <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-identichnost-v-sovremennoy-kulture> (дата обращения 15.09.2020).
- Перепелкин Л. С./Степелян В. Г. (2010), “Человек верующий: религия и Идентичность”, *Вопросы социальной теории*, т. IV, Москва: 373-395.

- Попова В. В./Верещагина М. В. (2015), “Понятие религиозной и этнической Идентичности”, *Международный научно-исследовательский журнал*, <https://research-journal.org/psychology/ponyatie-religioznoj-i-etnicheskoj-identichnosti> (дата обращения 15.09.2020).
- Рыжова С. В. (2015), “Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций”, *Социологические исследования*, 10, Москва: 136-144.
- Саркисян О. Л. (2014), “Осмысление некоторых аспектов понятий “национальная Идентичность” и “глобализация”, *Республиканская научная конференция (5 ноября 2013г.) “Проблема национальной идентичности в условиях глобализации (междисциплинарные аспекты)”*, Ереван: 53-63.
- Янакова Е. (2016), “Религиозный аспект социальной адаптации иммигрантов в современном мире”, *Конференция “Ломоносов 2016”, Секция “Социология семьи и демографии”*, https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8531/uid107576_report.pdf (дата обращения: 14.07.20).
- Agadjanian A. (ed.) (2014), *Armenian Christianity Today: Identity Politics and Popular Practice*, London-New-York.
- Martin Henri-Jean (1995), *The History and Power of Writing*, Chicago.
- Schull, Kent F. (2011), “Conceptualizing Difference During the Second Constitutional Period: New Sources, Old Challenges”, *Religion, Ethnicity and Contested Nationhood in the Former Ottoman Space*, Ed. by Nielsen, J., Leiden: 63-87.
- Suny Ronald G./Kennedy Michael D. (2001), *Intellectuals and the Articulation of the Nation*, Ann Arbor.
- Ալպոյաճյան Ա. (1964), “Զմյուռնիո սուլթանները”, *Պատմա-քանադիպական հանդես*, 2, Երևան: 67-84.
- Տանաջյան Լ. Ա. (2020), “Կրոնական վարքագծի որոշ առանձնահատկություններ Թեհրանի եվ Լոս Անջելեսի հայկական համայնքներում (Էթնոսոցիոլոգիական հետազոտության տվյալներ)”, *ՀՄԻ աշխատություններ*, Երևան (в печати).

DOI 10.48200/9789939672571_155

ЛЕКСЕМЫ *LĀT* И *LĀR* В ТОПОНИМИИ ЮЖНОГО КАСПИЯ

Гарник Асатрян

Институт востоковедения Российско-Армянского Университета, Ереван

Abstract

The lexemes *lāt* and *lār*, used predominantly as toponymic formants in the South Caspian region, have a pretty wide semantic spectrum in the dialects of the area as simple appellatives. The first (with its variant *lād*) denotes: “field, pasture; riverbed (dry/stony)” in Gilaki, “stone (large and sloping with a flat surface); riverbank without vegetation” in Mazandarani, “shore (of river or paddy field); plot of land, estate” in Talishi; “rocky ground; dry riverbed” in Southern Tati. The second: “empty, hollow” in Gilaki, “free, without barriers; green meadow with an abundance of flowers; (mineral) source in the composite *lārū* (-*ū* “water”, from *āb*); a certain plant with yellow flowers” in Mazandarani; “wooden container for water; solid wood aqueduct” in Talishi and Southern Tati, “wetland, marshy place” in Zaza (*lāra/lārika*, in the language of the descendants of Daylamites in Eastern Anatolia, migrated from the mountainous area of Gilan), and “crooked” in Kurdish.

The article presents the entire corpus of the compound place-names formed with these lexemes, with an attempt of their interpretation and etymology.

Keywords: Iranian Toponymy, South Caspian Toponymy, Iranian Etymology, Gilaki, Mazandarani, Talishi, Southern Tati, Zaza

Аннотация

Широко представленные в качестве топоформантов в южнокаспийском ареале лексемы *lāt* и *lār* как простые аппелятивы в иранских наречиях региона покрывают довольно широкий семантический спектр. Первое (с вариантом *lād*) обозначает: в гилянском— «поле, пастбище; русло реки (высохшее/каменное)», в мазандарани— «камень (большой и покаты с ровной поверхностью)»; лишенный растительного покрытия берег реки», в талышском— «берег (реки или рисового поля, наполненного водой); участок земли, поместье, имение» и в южнотатском— «каменистая земля; высохшее русло реки». Второе: в гилянском— «пустой, полый»; в мазандарани— «свободный; зеленый; с обилием цветов луг; (минеральный) источник в композите *lārū* (-*ū* «вода», из *āb*); некое растение с желтыми цветами»; в талышском и в южнотатском— «деревянная емкость для воды; акведук из цельного куска дерева»; в заза (*lāra/lārika*, в языке переселенцев из горной части Гиляна, Дейламана, в Восточной Анатолии)— «влажная земля, болотистая местность», а в курдском— «кривой».

В статье приводится весь корпус сложных топонимических единиц, образованных с помощью этих форм, и делается попытка их интерпретации и этимологии.

Ключевые слова: Иранская топонимия, южнокаспийская топонимия, иранская этимология, гилянский, мазандарани, талышский, южно-татский, заза

1. Один из сравнительно заметных топоформантов в провинциях Гилян и Мазандаран, а также, частично, в примыкающей с юга к Мазандарану и исторически принадлежащей к этому краю вновь созданной провинции Алборз в Иране,—*lāt*.

Как простой апеллятив *lāt* (*lād*) в прикаспийских диалектах имеет следующие значения: в гилянском—«поле, пастбище; русло реки (высохшее/каменное)», в мазандарани—«камень (большой и покатый с ровной поверхностью)»; лишенный растительного покрытия берег реки», в талышском—«берег (реки или рисового поля, наполненного водой)», и в южнотатском—«каменистая земля; высохшее русло реки». В северном Талышистане (в Азербайджанской Республике) *lāta*—это «участок земли, поместье, имение», или в топониме *Lāt-lengā* в Мазандаране, в котором *lāt*—однозначно «земельный участок» (дсл. «земля (деревня), принадлежащая дехестану *Lengā* в шахрестане Аббас-абад»).

Тем не менее, значения слова в живом языке не всегда находят зеркальное отражение в топонимике. Нам удалось идентифицировать в отмеченном ареале около трех десятков названий деревень, образованных с *lāt*, но, разумеется, при более детальном подходе к географической номенклатуре ареала, число подобных образований можно увеличить в разы.

- *Lāt* (لات) —два одноименных поселения в районах Рашт и Фуман провинции Гилян.
- *Lātak* (لاتک) и *Lāte* (لاته)—названия деревень в шахрестане Рудсар той же провинции. Суффиксы *-ak* и *-e*—дими́нүтивны́е морфемы, восходящие к ср.-иран. *-ak*.
- *Gardā-lāt* (گردلات)—в Рудбаре (Гилян); ср. гил. *gard*, перс. *gerd* «круглый, имеющий круглую форму».
- *Derāz-lāt* (درازلات)—в Рудбаре (Гилян) и в *шахрестане* Тонекабон (Мазандаран); ср. гил., маз. *dārāz*, перс. *derāz* «длинный, данной формы».
- *Zarxān-lāt* (زرخان لات)—Рудсар (Гилян); *zarx* в гил. означает «вонючий, пахнущий гнилью», суффикс *-ān* указывает на место, пространство; *zarxān*, следовательно,— «место, источающее гнилой запах», судя по всему,—«болото, топь». Название дословно можно перевести как «земля рядом с болотом».
- *Tūl-lāt*—там же; официальное название пишется с ط, т.е. طول لات; *tūl* «слякоть, ил, болото» (см. Asatrian 2014).
- *Lāt-līl* (لات لیل)—там же, в шахрестане Лангеруд; *līl* «слякоть, тина, жижа» (см. Asatrian, op. cit.).
- *Xošk-lāt* (خُشک لات)—Рудсар, там же; *xošk* «сухой».
- *Siyāh-lāt* (سیاه لات)—там же; *siyāh* «черный».
- *Miyān-lāt* (میان لات)—в двух шахрестанах Мазандарана, в Тонекобоне и в Рамсаре; в маз. *toyōn/məyūn*, перс. *miyān* «середина, в среде, внутри». Подобные названия обычно обозначают поселения, находящиеся между двумя известными населенными пунктами, как бы в середине дороги, связывающей их. Хороший пример город *Miyāneh* (старое название *Miyānaḡ*), находящийся почти в середине дороги, ведущей от Табриза к Занджану и далее к Казвину.
- *Sarv-lāt* (سرو لات)—Рудсар (Гилян); *sarv* «кедр».
- *Kandā-lāt* (کند لات)—Рудбар, там же; *kand* в гилянском—«щели в каменном русле реки, где собираются для нереста рыбы», но здесь, скорее, имеем дело с *kand-əl* «ров, неровный ландшафт» (ср. в курдском *kand-āl* «тж.»), с суффиксом *-VI* (см. Асатрян 2019: 199). То есть первоначальная форма названия деревни, по-видимому, звучала как **Kandəl-lāt*. Данный топоним, как и следующий (*Mahmūd-lāt*), мною были интерпретированы неверно (см. Асатрян 2016: 243-244).
- *Mahmūd-lāt* (محمود لات)—Рудсар, там же; *Mahmūd*—имя собственное.
- *Dāvəsta-lāt* (دوست لات)—Сиях-кал; там же; *dāvəsta* «закрытый, труднодоступный», от глагола *dāvəstan* (гил.), *dāvəstən* (маз.) «закрывать, преграждать».
- *Lāt-kenār* (لات کنار)—Тонекабон (Мазандаран); *kenār* «рядом, в соседстве, берег».

- *Kol-lāt* (كل لات)—там же; *kol* в маз.—«возвышенность, холм», ср. также *kul* «куст, кустарник» в талышском.
- *Bābū-lāt* (بابو لات)—там же; *bābū* в маз.—«дед, бабушка».
- *Tūtūn-lāt* (توتون لات)—Фуман (Гилян); *tūtūn* «табак».
- *Behēšt-lāt* (بهشت لات)—Лангеруд, там же; *behēšt* «рай, райское место».
- *Šabxūs-lāt* (شبخوس لات)—Амлаш, там же; гил. *šavxūs*, перс. *šabxūs* «тамаринд, шелковое дерево» (дсл. «ночью спящее»).
- *Marzā-lāt* (مرز لات)—Лангеруд, там же; *marza* «чабрец» или «розмарин». Земля, деревня, изобилующая этими растениями.
- *Lāt-malā*—три деревни с таким названием: две—в Гиляне (в шахрестанах Рудсар и Лангеруд) и одна—в Мазандаране (в Рамсаре). Официально называются *Lāt-maḥalle* (لات محله). В гил. и маз. *mal* означает «виноградник» (<**madu-*), а *malā*—«деревня; поле, земля», что является, очевидно, адаптацией араб.-перс. *maḥalla*.
- *Sarasbī-lāt* (سراسبی لات)—Тонекабон (Мазандаран); *Sarasbī*—название административной единицы, *дахестана*.
- *Lāt-dīsar* (لات دیسر)—Рамсар (Мазандаран); *dīsar* в маз. значит «крышка кастрюли»—судя по всему, по аналогии, сходству ландшафта или географического положения поселения.
- *Kiyāsar-lāt* (کیاسر لات)—в шахрестане Карадж, провинции Алборз; *Kiyāsar*—название административной единицы.
- *Lāt-paršū* (لات پرشو)—Рудсар (Гилян); *paršū*, с уменьшительным суффиксом *-ī* (<**-īk*). Наверное, от гил. *parč-*, основы наст. вр. глагола *parčəstan* «фильтровать; сравнивать, выравнивать» (основа прош. времени *parəxt-*, возможно, из др.-иран. **pari-raič-*). В маз. *parj* «ровное (место); пристанище, стоянка». Компонент *-paršū* в указанном топониме должен, по видимому, означать «ровная (земля), равнина (участок земли)». В топонимическом инвентаре Мазандарана засвидетельствовано три названия с этой формой: *Parčū* (پرچو) в шахрестане Рамсар, *Parčəvar* (پرچور) в дахестане Аббас-абад и *Parčī-kalā* (پرچی کالا) в дахестане Калиджан шахрестана Каем-шахр (*kalā* «крепость; поселение»).
- *Koterō-lāt* (کترو لات)—Тонекабон (Мазандаран); *kot* в маз. «вершина холма или возвышенности», *kote-rā/ō* «дорога через вершину».
- *Čālkāš-lāt* (چالکش لات)—в шахрестане Рашт, Гилян; *čāl* «низменность; яма, колодец», *kāš(ə)*, перс. *kaš* «пазуха» (в качестве ландшафтного термина); *čālkāš* должно обозначать географическое положение деревни с ее ландшафтной характеристикой.
- *Davīlāt* (دویلات)—Нур (Мазандаран); из **Davīl-lāt*; по поводу *davīl* ср. южнотат. *dūl* «низменное, глубокое место» (?). Или *davīl/dabīl* как «холм».
- *Lādamax* (لادمخ)—старый населенный пункт в Гиляне, ныне не существующий; из **lāt-damax*, дсл. «сырое поселение (деревня в сыром, влажном месте)»; гил. *damax(t)* «сырой, влажный», маз. *damxət* «тж.».
- *Lāt-rū(d)* (لات رود)—один из притоков Сефидруда в Гиляне; видимо, «каменистая река» (*rū(d)* «река»).

Судя по приведенному материалу, элемент *-lāt* почти во всех случаях означает «земля, участок земли; поселение, деревня», выступая с разными определениями—по географической диспозиции, ландшафтным характеристикам, качеству почвы (земли), внешним аналогиям, административной принадлежности, наличию определенных видов растительности и т.д. Только в двух случаях лексема в качестве названия населенного пункта представлена в голой форме и в двух примерах—с простыми суффиксами *-ak* и *-e*. В одном (последнем) случае *lāt* обозначает водный ресурс.

Происхождение *lāt* можно объяснить, опираясь на его параллельную форму, зафиксированную в мазандарани, т.е. *lād*, с допущением оглушения конечного звонкого *-d*.

Последнее в классическом персидском, а также в гилянском означает «стена» (ср.-согд. *ḍāt* «тж.») и восходит к др.-иран. **daHta-* «уложенное, устроенное, построенное, установленное» (от **daH-* «ставить, класть, устанавливать, воздвигать, творить, создавать») со спорадическим, но довольно частым переходом **-d(-ḍ-)* в *-l-* (как, например, *lašt* в гилянском топониме *Lašte-neša* близ Рашта (= перс. *dašt*), маз. *mal* «виноградник», из **madu-*, или маз. *lārdə* «неотесанные деревянные доски», из **dāru-* с частичкой *-d¹* и т.д.), отмеченным не только в восточноиранском и в заимствованиях, но и в западноиранских диалектах, далеко расположенных от ареала иранских языков восточной группы, проявляющих подобное фонетическое развитие (например, бактрийский) (см. подробно Asatryan/Nakobian 2018; также Eilers 1954: 350). Таким образом, по крайней мере чисто фонетически, предполагаемое ср.-иран. **dād* могло давать как *lād* (ср. также перс. *bunlād* «основа стены, строения»), так и *lā(y)* «теснина, ущелье; слой; середина», но с другим отражением **-d(-ḍ-)>-y-* (как в *bunyād* «основа, фундамент»).² То, что *-lāt* вариант *lād*, думаю, не подлежит сомнению: оглушение конечного *-d-*, кроме чисто фонетических причин, может быть обусловлено влиянием широко распространенного термина *lāt(e)* со смежной семантикой – «участок земли, кусок пространства; сад и т.д.».

Последнее значение видно в названии исторической местности *Lādiz*³ в Сархадде, в Белуджистане (провинция Систан-Балучистан, Иран), на склоне горы Тафтан. Деревня, населенная исключительно белуджами, расположена рядом с руинами старого замка (крепости), близ реки Ладиз, текущей по глубокому ущелью, отчего она, по-видимому, и получила свое название—«замок (крепость) в ущелье (рядом с ущельем, тесниной)». В. Айлерс переводит топоним *Lādiz* как “Schluchtbürg”, “Schlucht der Burg” (Eilers 1954: 351), т.е. «ущелье с замком, крепостью». Проход через узкую теснину на старой дороге, ведущей из Исфахана в Кум, называемый в народе *Lā-šotor* (дсл. «верблюжье ущелье»), — также показательный пример.

В диалектах юго-востока Ирана *lā(y)* вообще означает «помещение, пространство», что видно в таких устойчивых социальных терминах как, например, у луров и бахтияр *lā-merdūn* «мужская часть в шатре, помещение для мужчин», *lā-zanūn* «женские покои в шатре» (*lā-žanōn* «тж.» у лаков) и т.д.

2. Но есть, по-видимому, еще один потомок или, вернее, параллель, предполагаемого **dād* (<др.-иран. **daHta-*), то есть *lār*, которое тоже имеет довольно заметную представленность в местной топонимии. Вне Прикаспия отмечены лишь единичные случаи употребления этой лексемы в качестве топонима (например, *Lār* и *Lāristan* в Фарсе). При этом, также надо учесть, что в Атурпатакане с превалирующим тюркоязычным населением топонимы с *lār*, если не в голой форме, то в силу контаминации с тюркским суффиксом мн. числа *-lar*, выступающим как активный топоформант, либо полностью исчезли, либо трудно выделяемы. Зато чуть дальше, в курдоязычном ареале, названия с *-lār* отмечены, хотя и не в изобилии. В восточном направлении конечный предел распространения подобных топонимов—центральный Хорасан (Хорасане Рази).

Происхождение *lār* от **lād* (<**dād*) можно было бы объяснить явлением ротацизма, то есть перехода *-ḍ-* в *-r-*, свойственного прикаспийским диалектам талышскому и южнотатскому, предполагая, что форма первоначально возникла именно в

¹ Название деревни *Lārdə* (لارد) в Гиляне, по-видимому, из *lār* и *də/de* «деревня» (см. ниже).

² Сюда же, видимо, и *lāy* в сочетании *gil-ū-lāy* «глина, жижа, слякоть, жидкая грязь» (вряд ли из **daw-*, как в Расторгуева /Эдельман 2003: 382).

³ В официальном топонимическом реестре Ирана деревня фигурирует как لاديز (*Lādīz*), что отражает местное произношение и исторически неверно, ибо *-i-* во втором слоге, несомненно, краткое, соответствующее современному персидскому *-e-*. Персоязычное население области как раз называет деревню *Lādez*.

ареале распространения этих наречий, а затем расплзлась по соседним территориям и дальше. Однако, это маловероятно по двум веским причинам. Во-первых, ротацизм тут, во всяком случае, в талышском,—спорадическое явление и, во-вторых, он затрагивает лишь интервокальное *-t-* после его озвончения, а историческое *-d-* полностью исчезло в этом языке—возможно, как считает А. Г. Периханян (1965: 115, прим. 19), даже до начала действия ротацизма. Вообще, по ее мнению (там же), этимологическое *-d-* могло, скорее, перейти в *-h-*, чем и обусловлена его полная утеря. Более того, и *-t-*, превратившись в *-r-* через ступень *-δ-*, тоже вскоре бесследно исчезло, как, впрочем, и историческое *-r-*. Во всяком случае, нет ни одного примера в исконном словаре талышского, где бы иранское *-t-* в середине слова сохранилось. Ср. *bōa* «фруктовое сусло» <др.-иран. **bātaka-*, ср.-перс. *bātak* «вино; виноградное сусло» (перс. *bāda* «вино; чаша вина»), *zōa* «сын» <др.-иран. **zāta-* (перс. *zāda*), *mō(a)* «мать» (в южных диалектах «телка; пчелинная матка») <др.-иран. **mātar-* (перс. *mādar*), *vō* «ветер» <др.-иран. **wāta-* (перс. *bād*), *vī* «дуб» <др.-иран. **waiti-* (перс. *bīd*), *ka* (мн.ч. *kaōn*) «дом» <др.-иран. **kata-* и т.д.⁴ На самом деле, настоящий рефлекс **lād* (<**δād*) в талышском выглядел бы как **lō*.

Переход *-t-* (> *-δ-*) в *-r-* в талышском действовал, видимо, с X века н.э. до XIV-XV вв., после чего *-r-* вообще отпало в середине и в конце слова. Сохранился только один пример в топонимии, в котором этот переход материально присутствует—название столицы Талышистана Ленкорань (*Lankarān*), которое восходит к ранней форме **lan-kar-ān*, дсл. «(поселение) с домами, сделанными из камыша» (*lan* «камыш, тростник», *kar* «дом» < **katā-*).

Таким образом, остается либо допустить праформу **lāl*, дающую вследствие диссимилиации *lār*, либо, вместе с В. Айлерсом (Eilers 1954: 350), предложить совсем иной этимон—*др.-иран. **dārā-* «лезвие, клинок» (ЭСИЯ II: 451), к которому Г. Моргенштерне (Morgenstierne 2003: 44) возводит афг. *lor* «сторона, край, направление и т.д.», *lērāi* «горный хребет» < **dāryaka-* (ср. также Ав. *dārā-* «клинок, лезвие», др.-инд. *dhārā-* «тж.»). Тем не менее, Айлерс (там же: 364-365, прим. 218) выдвигает еще одну версию происхождения *lār*, а также маних. ср.-перс. *rār* «долина», а именно, из **rāvar-* (< **rāvād-*), из *rāyvaδ* (< др.-иран. **rāgawaī* «благодатное место на склоне горы»), по его словам, «(местность,) богатая *висячими* (садами и т.д.)».

Итак, откуда же идет топонимическая основа *lār* и какого ее значение? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно, поскольку мы имеем дело, вероятнее всего, с группой омонимических форм, с отличающейся первоначальной семантикой и, соответственно, происхождением. Иначе говоря, перед нами разные по генезису и значению лексемы с одинаковым фонетическим оформлением. Возможно, кроме, пожалуй, предположения о ротацизме, все указанные версии происхождения *lār* могли бы быть обоснованы в зависимости от конкретного примера. Даже, казалось бы, довольно спекулятивная интерпретация о *lār* < **lāl* (< *lād* < *δād*) могла бы получить некое подтверждение в наличии ряда топонимов с **lāl* (ср. *Lālam*⁵ в Соме-сара (Гилян), *Lālā(n)* в Сари (Мазандаран), *Lālān* в Арасбаране (пров. Восточный Азербайджан) и т.д.). Уже не говоря о том, что при более внимательном подходе возможно появление иных ассоциаций и вариантов, скажем, некоторые из этих *lār*, ровным счетом могут восходить к др.-иран. **dāru-* «дереву».

⁴ В силу этого в талышском произошло упрощение целого ряда сочетаний: *-vār* > *-ō* (*hamō* = перс. *hamvār* «ровный»), *-arān* > *-ōn* (*Anbōn* = *Anbarān*, район близ Астары, или *Lankōn* = *Lankarān*, столица Талышского ханства). *-adra* > *vū* «молния» (в сочетании *āva-vū*) < **wadra-* «молния, палица» = перс. *bā'ir* «тж.» (см. подробно Asatrian 2019), *-vū*, суффикс, показывающий место, поселение < **ā-wahana-* (отмечен в следующих топонимах в Талышистане: *Bārzāvū*, дсл. «деревня на возвышенности», *Hāvzāvū* дсл. «зеленая, утопающая в зелени деревня» и т.д.) и т.д.

⁵ Очевидно из **lāl-lam*: второй компонент в значении «низкий, глубокий, находящийся в яме».

Как бы то ни было, перед рассмотрением топонимического ряда с *lār* нужно определить семантический спектр аппелятива *lār* в южнокаспийском языковом континууме, который включает следующие значения: 1) «пустой, полый» (гил.); 2) «свободный, без преград» (маз.); 3) «деревянная емкость для воды» (тал., южнотат.); 4) «акведук из цельного куска дерева» (там же); 5) «зеленый, с обилием цветов луг» (маз.); 6) «(минеральный) источник» (маз.), в композите *lārū* (-ū «вода», из *āb*); 7) «некое растение с желтыми цветами»; 8) «влажная земля, болотистая местность» (*lārallārika*, в заза, в языке переселенцев из горной части Гиляна, Дейламана, в Восточной Анатолии), 9) «кривой» (курд.).

Отсюда нетрудно вывести четыре основные семантемы, на которых основываются все эти значения: «дерево», «полый, пустой», «луг, зеленое пространство» и «водоем, емкость для воды»; «источник» развилось из значения «пустой» на примере таких топонимов как *Lār(a)-xānī* (لارخانی) в Дейламане (Гилян) и *Lār-xān* (لارخان) в шахрестане Гонабад (Хорасане Резави), обозначающих «высохший, пустой источник». Понятие «водоем» отражено в названии озера *Lār* (لار) на западном подножье горы Дамаванд. А «свободный» соотносится с «пустотой», «цветок» же—с «лугом, изобилующим цветами». Особняком стоит значение «кривой», засвидетельствованное в Саккезе, курдоязычной области к юго-востоку от озера Урмия, которое, впрочем, могло развиваться от образа дерева, веток дерева.

Происхождение этих омонимов в целом прозрачно: *lār* в значении «дерево» восходит к др.-иран. **dāru-*, «луг, зеленое пространство»—к *dārā-*, а «пустой, свободный» выступает как семантическая параллель *lā(y)*, одного из рефлексов др.-иран. **dāta-* (через *ḍād*), рассмотренного выше (ср. в маз. *lā-č(e)* «открытый; свободный», *lāč-vā* «тж.» (*vā* = перс. *bāz*), *lā-ju* «русло реки» и т.д.). К последнему примыкает и понятие «водоем, емкость, озеро».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Асатрян Г. С. (2016), “Крепость, укрепление” в иранской топонимии”, *Caucaso-Caspica* I: 241-248.
- (2019), “Образования с суффиксальным элементом *-l-* в новоиранском”, *Caucaso-Caspica* IV: 193-205.
- Периханян А. Г. (1965), “Арамейская надпись из Зангезура”, *Историко-филологический журнал* 4: 107-128.
- Расторгуева В. С. / Эдельман Дж. И. (2003), *Этимологический словарь иранских языков*, Том II, Москва.
- Asatrian G. S. (2014), “A Caspian Term for ‘Mud, Clay, Slime’”, *Iran and the Caucasus*, vol. 18: 389-392.
- / Nakobian G. (2018), “On **-d-* > *-l-* and **-š-* > *-l-* in Western New Iranian”, *Iran and the Caucasus*, vol. 22: 215-225.
- Eilers W. (1954), “Der Name Demawend. I”, *Archiv Orientalni* 22: 267-374.
- Morgenstierne G. (2003), *A New Etymological Vocabulary of Pashto*, Wiesbaden.

DOI 10.48200/9789939672571_161

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ХИНДИ И АРМЯНСКИМ

Анора Сантош Кумари

Институт востоковедения Российско-Армянского Университета, Ереван

Abstract

The article presents a comparative analysis of phraseological units denoting action in Russian, Hindi and Armenian.

Keywords: Comparative Phraseology, Russian, Hindi, Armenian

Аннотация

В статье представлен сравнительный анализ семантико-тематических групп фразеологических единиц со значением действия в русском, хинди и армянском.

Ключевые слова: Фразеология, русский язык, хинди, армянский язык

Научный интерес к семантике фразеологической единицы разных языков предопределен своеобразием содержания самой фразеологической единицы, как особой единицы языка, по природе своего лексического значения (по типу номинации) отличающейся от лексического значения. В данной статье анализируются семантико-тематические группы фразеологических единиц со значением действия в русском языке и их соотношение с подобными фразеологическими единицами в армянском и хинди.

Невозможно правильно выделить ту или иную семантико-тематическую группу фразеологических единиц со значением действия любого языка вне связи с другими глагольными семантико-тематическими группами, наличие которых и обуславливает объективность ее выделения через такое сопоставление. Этим, в частности, семантико-тематическая группа отличается от синонимического ряда фразеологических единиц, организованного как семантическое соотношение единиц, противопоставляемое антонимии и омонимии единиц. Парадигматические отношения между глагольными фразеологическими единицами свидетельствует о наличии разной степени семантической близости или различия единиц, но не о разной степени их тематического разнообразия. Работы В.Т. Шклярова (1962; 1964), М. И. Сидоренко (1967; 1969; 1982), Т.Б. Черкасовой (1983) и других ученых, посвященные синонимии глагольных фразеологических единиц, подтверждают это положение.

Соотношение семантико-тематических групп русской глагольной фразеологии¹ и семантико-тематических групп глагольной фразеологии в языке хинди и в армянском непрямолинейно ни по количеству семантико-тематических групп, ни по количеству единиц в группе, ни по близости значений фразеологических единиц. Однако, поскольку исходными в этом сопоставлении являются семантико-тематические группы глагольных фразеологических единиц русского языка, к которым подбирались соответствующие семантико-тематические единицы в языке хинди и в армянском, то естественно, что за

¹ См., в частности, Виноградов 1977; Ларин 1977; Молотков 1967; Мокиенко 1982. По фразеологизмам в армянском см. Ավետիսյան (2018), Բեդիրյան (1971), Նիկողոսյան (2017).

границами этого соотношения остались некоторые группы в сопоставляемых языках, не имеющие соответствий с русскими фразеологическими единицами. К числу таких групп, например, относится группа фразеологических единиц с общим значением «увеличивать от чего-либо» (от работы, разговора и т. д.): आजकल करना, हीले - हवाले करना, आना - कानी करना, टालमटोल करना, अगर - मगर करना अब - तब करना.

Соотношение семантико-тематических групп фразеологических единиц русского языка с фразеологическими единицами языка хинди и армянского представлено следующим образом:

1. Фразеологические единицы семантико-тематической группы с общим значением «сильно, жестоко побить, избить, поколотить кого-либо» и их соответствия в языках хинди и армянском²:

пересчитать ребра; किसी की हड्डी - पसली एक *լողղորդ հասկերի*⁴
(दुरूस्त) करना³

пересчитать кости; किसी की हड्डी- हड्डी तोड़ना⁵
किसी की हड्डियाँ गड़ना या तोड़ना⁶

намять бока / किसी की पसलियाँ ढीली करना *լողղորդ ջարդերի*⁷

помять бока / किसी की पसलियाँ ढीली करना

наломать бока / किसी की पसलियाँ तोड़ना

обломать бока / किसी की पसलियाँ तोड़ना

нагреть бока; किसी की पसलियाँ गर्म करना⁸

² Примеры употребления фразеологических единиц без ссылки на источник принадлежат автору. Фразеологические единицы русского языка взяты из «Фразеологического словаря русского языка» (1978). Если автор перевода не хинди указан, приведен перевод автора статьи.

³ «Много и сильно бить кого-либо (букв. «кость, ребро объединить (исправить)» (ХРС, т.2: 55); आज तो जा रही है फिर कभी आई तो तेरी हड्डी—पसली एक कर दूंगी।—Сегодня уходишь, но если еще вернешься, я переломаю (букв. *перемешаю*) все твои кости и ребра.

⁴ «Сильно бить» (букв. «нумеровать ребра») (РАФС: 234).

⁵ «Сильно избивать, колотить кого-либо» (букв. «сломать каждую кость») (हिंदी शब्दसागर, छटा भाग 1969: 2903); ज्यादा बक - बक की तो तेरी हड्डी—हड्डी तोड़ दूंगा।—Будешь много болтать, переломаю тебе все кости (букв. *каждую кость*).

⁶ «Очень сильно и много избивать кого-либо»: (букв. «шлифовать, ломать кости чьи-либо»), (там же: 5434) क्या किसी की हम गड़ेंगे हड्डियाँ, बात गड़ लेवें अगर गढ़ते बने (अयोध्यासिंह उपाध्याय 1947)—*He stoit (букв. не сможем) выправить кому-то кости, если могли бы, исправили бы слова.*

⁷ «Сильно бить» (букв. «ломать ребра») (РАФС: 20).

⁸ Для всех форм «сильно избивать кого-либо» (букв. «мять (чьи-либо) ребра», «ломать ребра», «греть ребра») (ХРС, т. 2: 55); अगर मालिक को तुम्हारी शैतानी की खबर हो गयी तो यह तुम्हारी पसलियाँ तोड़ देंगे।—*Если хозяин узнает о твоих выходках, переломает тебе ребра. जब तुम्हारी पसलियाँ गर्म कर दी जायेगी तो तुम्हें होश आयेगा—Как только помнут (букв. согреют) тебе ребра, сразу же придешь в себя.*

किसी की खबर लेन
किसी को जूता खिलाना²³

2. Фразеологические единицы семантико-тематической группы с общим значением «сильно, жестоко выпороть, высечь кого-либо» и их соответствия в языках хинди и армянском:

<i>спустить шкуру!</i>	किसी की चमड़ी (चमड़ा, खाल)	<i>կաշին քերթել</i>
<i>спустить три шкуры / спустить семь шкур;</i>	उतारना (उधेड़ना, खींचना, उड़ाना) ²⁴	<i>երկու ասկ կաշին քերթել</i> ²⁵
<i>всыпать горячих/ влечь горячих;</i>	किसी की हड्डियाँ (बदन) गर्म करना ²⁶	<i>կռնակը շափել</i> , ²⁷ <i>մեջքը սուրացնել</i>
<i>дать прикурить/ дать пить / дать березовой каши;</i>	किसी को मुँह की देना. ²⁸ किसी पर लाठी चलाना ²⁹	

3. Фразеологические единицы семантико-тематической группы с общим значением «произвести расправу над кем-либо, строго наказать кого-либо» и их соответствия в языке хинди и армянском:

1) <i>снять голову / сорвать голову;</i>	किसी का सिर (खोपड़ी) तोड़ना ³⁰ किसी का सिर गंजा करना ³²	<i>շան օրը գցել</i> ³¹ <i>մեկի տղանը տալ</i>
<i>показать кузькину мать;</i>	किसी को मजा चखाना ³³	<i>մեկի ճաշը եփել</i> ³⁴

²³ «Сильно колотить кого-либо» (букв. «угощать ботинками, обувью кого-либо или кормить ботинками, обувью»); जब तक जूता नहीं खाते, तुम ठीक नहीं होते।—*Пока не получишь как следует (букв. обуви не попробуешь), не справишься.*

²⁴ «Наказывать розгами, плетью, выпороть, высечь кого-либо» (букв. «спускать, сдирать кожу, шкуру с кого-либо») (ХРС, т.1: 515); अगर ज्यादा शरारत करोगे तो चमड़ा उधेड़ दूंगा. (भोलानाथ तिवारी <https://www.44books.com/hindi-books/dr-bholanath-tiwari>).

²⁵ «Жестоко выпороть» (букв. «содрать кожу») (РАФС: 588).

²⁶ «Высечь, выпороть, наказать кого-либо» (букв. «греть (чь-либо) тело, кости»); जरा ठहर, मैं अभी तेरी हड्डियाँ गर्म करती हूँ।—*Погоди ка, сейчас получишь у меня (букв. «согрею твои кости»).*

²⁷ «Жестоко выпороть» (букв. «измерить спину, греть спину») (РАФС: 111).

²⁸ «Давать по заслугам кому-либо, проучить, разбить и т. п. кого-либо» (букв. «давать по рту кому-либо») (ХРС 1972, т.2: 381). हम शत्रु को मुँह की देंगे।—*Враг получит по заслугам (букв. «получит по рту»).*

²⁹ «Наказывать розгами, плетью, выпороть, высечь кого-либо» (букв. «действовать палкой, дубинкой, избивая кого-либо») (हिंदी शब्दसागर, 8 भाग: 4281). लाठी न चलाओ, नहीं तो वह मर जायेगा। (भोलानाथ तिवारी: 5522).

³⁰ «Сильно, жестоко избивать, наказывать кого-либо» (букв. «ломать чью-либо голову»); बिना किसी गलती के किसी का सिर तोड़ने से हम बुरे कर्म कमाते हैं।—*Жестоко наказывая (букв. «ломая голову») невинного, мы зарабатываем себе плохую карму.*

³¹ «Расправиться» (букв. «бросать в собачий день»), (РАФС: 102).

³² «Строго наказывать, сильно и много бить кого-либо» (букв. «делать лысым кого-либо»); अब अधिक शरारत करोगे तो सिर गंजा कर दूंगा (भोलानाथ तिवारी: 555); मारे जूते से सिर गंजा कर दूंगा। (हरिवंश राय शर्मा: 293) .

³³ «Проучить, дать по заслугам, наказать за какие-либо проступки» उन दिनों सूरदास ने हम लोगों को कितना बदनाम किया। तभी से मुझे उससे घृणा हो गयी थी।मैं उसे मजा चखाना चाहती थी। (प्रेमचंद 1924).

		<i>մայրիկը լացացնել³⁵</i>
<i>казать, где раки зимуют;</i>	किसी की अक्ल ठिकाने लगाना ³⁶	<i>այնպես անել, որ խնամա յուրը մածն</i>
5) <i>Прописать ижицу;</i>	किसी की तबियत साफ़ करना ³⁸ किसी को दिन में तारे दिखाना ³⁹ किसी के कान गर्म करना ⁴⁰ किसी के कान धरना ⁴¹ किसी को छटी का दूध याद दिलाना ⁴²	<i>նսկասոր դառնել⁴³</i>
4. Фразеологические единицы семантико-тематической группы с общим значением «одурачивать, вводить в заблуждение кого-либо, обманывать» и их соответствия в языке хинди и армянском:		
<i>Водить за нос;</i>	किसी को फेर में डालना ⁴⁴	<i>մտանդակի վրա խաղացնել,⁴⁵</i>
<i>Втирать очки;</i>	किसी को चूना लगाना ⁴⁶ किसी को गुड़	<i>սքրելը կապել⁴⁷</i>
<i>обвести вокруг</i>	खिलाकर ढेला मारना ⁴⁸	<i>ծուրը տանել ծախսվելու</i>

³⁴«Расправиться, рассчитаться» (букв. «помолоть чье-то зерно, сворить чей-то обед») (РАФС: 102).

³⁵«Расправиться» (букв. «заставить маму плакать») (РАФС: 274).

³⁶«Проучить кого-либо, строго наказать кого-либо» (букв. «поставить на место чей-либо ум»); ऐसी दशा में हमारा कर्तव्य है कि यवनों का दुरभिमान झाड़कर उनकी अक्ल ठिकाने लगावें (हरिश्चंकर शर्मा, हरिवंश राय शर्मा: 11).

³⁷«Наказать» (букв. «сделать так, чтобы знал, что масло из простокваши») (РАФС: 408).

³⁸«Строго наказать кого-либо, проучить кого-либо» (букв. «прочистить самочувствие») अभी पिताजी आएँगे. तुम्हारी तबियत साफ़ कर देंगे।—*Сейчас отец придет, проучит тебя* (букв. «прочистит твое самочувствие»).

³⁹«Жестоко наказывать кого-либо» (букв. «показывать днем звезды кому-либо»); रामू को मालिक ने दिन में तारे दिखा दिये।—*Хозяин наказал его* (букв. «показал днем звезды»).

⁴⁰«Строго наказывать кого-либо» (букв. «греть чьи-либо уши»); मास्टर जी ने अपना गुस्सा बच्चों पर निकाला और सबके कान गर्म कर दिये।—*Учитель весь свой гнев излил на детей и строго наказал их* (букв. *нагрел им уши*).

⁴¹«Строго наказывать кого-либо» (букв. «ставить на место чьи-либо уши»). दादी ने मुन्ने के ऐसे कान धरे कि सारी जिन्दगी मेहमानों के आगे कुछ न माँगगा।—*Бабушка строго наказала малыша* (букв. *поставила ему уши на место*), *он больше не будет просить что-то в присутствии гостей*.

⁴²«Жестоко наказывать кого-либо» (букв. «напоминать о молоке, выпитом на шестой день жизни»); मुहल्ले वालों ने गुंडों को छटी का दूध याद दिला दिया।—*Жители района сурово наказали хулиганов* (букв. «напомнили им о молоке, выпитом на шестой день жизни»).

⁴³«Сильно бить» (букв. жечь лоб) (РАФС: 201).

⁴⁴«Вводить в заблуждение, обманывать кого-либо» (букв. «водить по кругу кого-либо»), तुमने तो उसे बड़े फेर में डाल दिया। (हिंदी शब्दसागर, 7 भाग: 3317).

⁴⁵«Обманывать кого-либо» (букв. «заставить играть на пальцах») (РАФС: 320).

⁴⁶«Обманывать кого-либо» (букв. «белить известью кого-либо») (ХРС, т.1: 546) मैं तुझे चूना लगाऊँगी. तू करनी का फल पायेगी। मैं लीप।—*पोत कर रख दूँगी, तू जो।—जो चित्र बनायेगी।* (गुरुभक्त सिंह, हरिवंश राय शर्मा: 104) .

⁴⁷«Обманывать кого-либо» (букв. «завязать глаза») (РАФС: 343).

<i>пальца;</i>		<i>բերելի</i> ⁴⁹
<i>объехать на кривой</i> <i>объехать на кривых /</i> <i>объехать на козе /</i> <i>объехать на воронных;</i>	किसी को आसमान दिखाना ⁵⁰	<i>բրթից բռնած ման անելի</i> ⁵¹
<i>замазывать глаза;</i>	किसी को अंधेरे में रखना ⁵²	<i>աչքին թռչ փակել</i> ⁵³
<i>натянуть нос;</i>	किसी को बेवकूफ बनाना ⁵⁴	<i>բրթից բռնելի, բրթից բռնած ման անելի</i> ⁵⁵
<i>наставить нос /</i> <i>наклеить нос;</i>	किसी को उल्लू बनाना ⁵⁶ किसी का सिर मूंडना ⁵⁷	
<i>провести на бобах;</i>	किसी को कोरे उस्तरे से मूंडना ⁵⁸	
<i>братъ на пушку;</i>	उल्लू फसाना ⁵⁹	<i>կրկիսայի տնդ դնելի</i> ⁶⁰
<i>братъ взять на</i> <i>арапа;</i>	किसी को उल्लू का गोशत खिलाना ⁶¹	<i>գլխին աղ անելի, գլխին փռչի անելի</i> ⁶²

⁴⁸ «Обманывать кого-либо» (букв. «манить сладким и бить камнем») (ХРС, т.1: 464); मियाँ को तो बीबी ने गुड दिखाकर देला मार दिया।—Жена обманула (букв. «приманила сладким и ударила камнем») мужа.

⁴⁹ «Обманывать кого-либо» (букв. «взять на море и вернуть жаждающим») (РАФС: 344).

⁵⁰ «Обманывать кого-либо» (букв. «показывать небо кому-либо») (ХРС, т. 1: 217); पति के रिश्तेदार बहू को आसमान दिखाकर चले गये।—Родня мужа обманула невестку (букв. «показала невестке небо»).

⁵¹ «Обманывать кого-либо» (букв. «водить, держа за нос») (РАФС: 240).

⁵² «Вводить в заблуждение, обманывать, отвлекать внимание» (букв. «оставлять в темноте»); यदि मेरे भाईयों ने मुझे अंधेरे में न रखा होता तो आज मेरी यह दुर्गति न होती।—Если бы братья не ввели бы меня в заблуждение (не оставили бы в темноте), я сегодня не был бы в таком состоянии.

⁵³ «Обманывать кого-либо» (букв. «бросать пыль в глаза») (РАФС: 73).

⁵⁴ «Одурачивать, обманывать кого-либо» (букв. «делать глупым кого-либо») (ХРС, т.2: 274). यहाँ जनता के धर्म गुरुओं और नेताओं ने बेवकूफ बनाया है और अपना उल्लू सीधा किया है। (प्रेमचंद 1924).

⁵⁵ «Обманывать кого-либо» (букв. «водить, держа за нос») (РАФС: 322).

⁵⁶ «Одурачивать кого-либо» (букв. «делать соевой кого-либо») भोले-भाले नवयुवकों को उल्लू बनाकर बड़ा आनंद आता है। (कन्हैयालाल कपूर https://en.m.wikipedia.org/wiki/Kanhaiya_Lal_Kapoor) अपना उल्लू सीधा करने के लिए दूसरों को उल्लू बनाना। (जय बसंत अकादमी, मनहर चौहान <https://epustakalay.com/writer/61-manhar-chauhan/>).

⁵⁷ «Обманывать кого-либо» (букв. «брить чью-либо голову»); कब तक दूसरों का सिर मुंडोगे, एक दिन कोई तुम्हारा भी सिर मूंड देगा।—Обмануть наивную молодежь (букв. сбрить голову наивной молодежи) — одно удовольствие.

⁵⁸ «Небольшим обманом вводить в заблуждение, одурачивать кого-либо» (букв. «новой бритвой брить чью-либо голову»); मैं इतना बेवकूफ निकला कि समझ नहीं पाया कि तुमने मुझे कोरे उस्तरे से मूंड दिया।—Я вышел таким глупцом—не понял, как ты ввел меня в заблуждение (букв. «обрil новой бритвой»).

⁵⁹ «Одурачивать, перехитрить, провести кого-либо» (букв. «ловить сову»); अरे भाई वाह, मान गये।तुमने अच्छा उल्लू फंसाया।—Ну ты даешь, брат, ловко ты его одурачил (букв. поймал сову)!

⁶⁰ «Обманывать кого-либо» (букв. «держат за ребенка») (РАФС: 402).

<i>пускать пыль в глаза;</i>	किसी की आँखों में धूल झोंकना ⁶³	<i>us̄p̄h̄n̄ j̄onq̄ ʃ̄s̄l̄q̄</i> ⁶⁴
<i>морочить голову / дурить голову;</i>	किसी को मूर्ख बनाना ⁶⁵	<i>h̄h̄n̄s̄ar̄h̄ int̄n̄ ʃ̄n̄l̄q̄, q̄n̄īh̄ ḡas̄ʃ̄l̄ḡn̄l̄q̄,⁶⁶ h̄h̄n̄s̄ar̄h̄ int̄n̄ ʃ̄n̄l̄q̄, q̄n̄īh̄ ḡas̄ʃ̄l̄ḡn̄l̄q̄⁶⁷</i>
<i>играть в прятки / играть в жмурки;</i>	कन्नाई काटना ⁶⁸	<i>ūq̄ūh̄n̄n̄nḡh̄ ʃ̄ūs̄ar̄s̄q̄</i> ⁶⁹
<i>отводить глаза;</i>	किसी की आँखों पर पर्दा डालना ⁷⁰	<i>us̄p̄h̄n̄ h̄n̄q̄ n̄l̄ ʃ̄n̄ʃ̄ūʃ̄n̄ ʃ̄s̄l̄q̄</i> ⁷¹

5. Фразеологические единицы семантико-тематической группы с общим значением «разорять кого-либо» и их соответствия в языке хинди и армянском:

<i>пустить в трубу;</i>	किसी का दिवाला निकालना ⁷²	<i>p̄as̄n̄n̄l̄ us̄uq̄, p̄n̄n̄ n̄l̄ ʃ̄n̄īn̄z̄ ʃ̄n̄l̄q̄</i> ⁷³
	किसी को खाल करना ⁷⁴	
<i>пустить по миру;</i>	किसी के हाथ में ठीकरा देना ⁷⁵	<i>ʃ̄n̄n̄l̄n̄n̄n̄n̄ q̄ḡl̄q̄, or̄ʃ̄ū h̄ūḡʃ̄l̄n̄ ʃ̄ūar̄n̄n̄ j̄on̄ʃ̄l̄q̄</i> ⁷⁶

⁶¹ «Оставлять в дураках кого-либо» (букв. «кормить мясом совы кого-либо») (ХРС, т. 1: 275).

⁶² «Одурачивать, перехитрить, провести кого-либо» (букв. «положить соль на голову, пыль на голову») (РАФС: 4).

⁶³ «Создавать ложное впечатление о себе у кого-либо, представляя себя, свое положение и т.п. лучше, чем есть на самом деле» (букв. «пускать пыль в глаза кому-либо») (ХРС, т.1: 168).

⁶⁴ «Одурачивать, перехитрить, провести кого-либо» (букв. «бросать пыль в глаза») (РАФС: 402).

⁶⁵ «Одурачивать, обманывать кого-либо» (букв. «делать дураком кого-либо»). वह अपने आप को बहुत चालाक समझता था , लेकिन तुमने उसे अच्छा मूर्ख बनाया।—Он считает себя очень хитрым, но ты его одурачил (букв. сделал дураком).

⁶⁶ «Одурачивать, перехитрить, провести кого-либо» (букв. «делать больно голове», «держаться за дурака») (РАФС: 95).

⁶⁷ См. ссылку 65.

⁶⁸ «Обманывать, вводить в заблуждение кого-либо» (букв. «резать веточку») (ХРС, т. 1: 315).

⁶⁹ «Одурачивать, перехитрить, провести кого-либо» (букв. «играть в прятки») (РАФС: 396).

⁷⁰ «Обманывать, оставлять в дураках кого-либо» (букв. «натянуть занавес (штору) на чьи-либо глаза»); मेरी आँखों पर पर्दा नहीं डाल सकते।—Тебе меня не одурачить (букв. не натянуть занавес мне на глаза).

⁷¹ «Одурачить, перехитрить, провести кого-либо» (букв. «бросить землю и золу в глаза») (РАФС: 79).

⁷² «Разорять кого-либо, лишать денег, имущества и т.д.» (букв. сделать банкротом кого-либо). यहाँ के कुछ लोगों ने सेठ जी का दिवाला निकाल दिया। (भोलानाथ तिवारी: 320).

⁷³ «Разорять кого-либо, лишать денег, имущества и т.д.» (букв. «бросать на ветер, делать слепым и пустым») (РАФС: 528).

⁷⁴ «Разорять кого-либо» (букв. «делать пустым кого-либо»); वह इतना निकम्मा निकला कि पिता को बिलकुल खाल कर दिया।—Он оказался таким бездельником, что разорил (сделал пустым) отца.

⁷⁵ «Лишать средств к существованию» (букв. «дать черепок в руки») (ХРС, т.2: 802).

<i>снимать (последнюю) рубашку;</i>	किसी को नंगा करना ⁷⁷ किसी के आखिरी कपड़े तक उतारना ⁷⁸	<i>վերջին շապիկն էլ հանել, նրան ու դառնարկ թողնել</i> ⁷⁹
-------------------------------------	---	---

6. Фразеологические единицы семантико-тематической группы с общим значением «заставлять молчать кого-либо» и их соответствия в языке хинди и армянском:

<i>затыкать рот;</i>	किसी के मुँह (ज़बान) पर ताला लगाना ⁸⁰	<i>բերանը զոցել</i> ⁸¹
<i>закрывать рот;</i>	किसी का मुँह बंद करना ⁸²	
<i>зажимать рот;</i>	किसी का मुँह (ज़बान) पकड़ना ⁸³	
<i>Замазывать рот</i>	किसी के मुँह पर मोहर लगाना ⁸⁴ किसी का मुँह बंद करना (किसी चीज़ से) ⁸⁵	<i>բերանը ցիլել</i> ⁸⁶

Таким образом, соотношение семантико-тематических групп русских фразеологических единиц и в языке хинди, и в армянском представлено неравнозначно.

⁷⁶ «Разорять кого-либо, лишать денег, имущества и т.д.» (букв. «бросить с двери на дверь», «оставить скучать по ежедневному хлебу») (РАФС: 286).

⁷⁷ «Разорять, отбирая все самое последнее, самое необходимое» (букв. «обнажать»); तुम्हें शर्म नहीं आती उसे लूटते हुए देखो न, बिलकुल नंगा कर दिया सीधे सादे व्यक्ति को।—И не стыдно тебе обкрадывать его, разорил (букв. «обнажил») наивного человека.

⁷⁸ «Разорять, отбирая все самое необходимое» (букв. «снимать даже последние одежды с кого-либо») (हिंदी शब्दसागर, 2 भाग: 481).

⁷⁹ «Разорять кого-либо, лишать денег, имущества и т.д.» (букв. «снять последнюю рубашку», «оставить горьким и пустым») (РАФС: 418).

⁸⁰ «Заставлять молчать кого-либо» (букв. «вешать замок на чей-либо рот (язык)») (ХРС, т.1: 712).

⁸¹ «Заставлять молчать» (букв. «закрывать рот») (РАФС: 416).

⁸² «Заставлять молчать» (букв. «закрывать рот (язык) кому-либо»); इन सब का मुँह बंद करो। (भोलानाथ तिवारी: 480).

⁸³ «Заставлять молчать кого-либо, не давать говорить» (букв. «держат чей-либо рот (язык)»). जब मैं बातें करता हूँ तो मेरा मुँह न पकड़ा करो। (हरिवंश राय शर्मा: 259).

⁸⁴ «Заставлять молчать кого-либо каким-либо путем» (букв. «запечатать чей-либо рот»); उसने अपने जवाब से मौसी के मुँह पर मोहर लगा दी।—Он своим ответом заставил тетю замолчать (букв. «запечатал тете рот»).

⁸⁵ «Заставлять молчать кого-либо чем-либо» (букв. «закрывать чей-либо рот чем-либо»); वह तो अब घर तभी आयेगा, जब वह पैसे के बल से सारे गाँव का मुँह बंद कर सके। (प्रेमचंद 1924).

⁸⁶ «Заставлять молчать кого-либо» (букв. «замазать рот») (РАФС: 416).

С одной стороны, семантико-тематической группе русских фразеологических единиц, объединенных общим значением группы и разграничивающихся частными значениями каждой единицы, соответствуют и противопоставляются семантико-тематическая группы в хинди и в армянском со своими наборами фразеологических единиц, из которых только некоторые сопоставляются с русскими фразеологическими единицами. Это свидетельствует о различном составе единиц в соотносимых семантико-тематических группах разных языков и о наличии соотносимых и несоотносимых фразеологических единиц в группах.

С другой стороны, семантико-тематической группе русских фразеологических единиц, объединенных общим значением группы, соответствует и противопоставляется не семантико-тематическая группа в языке хинди, а лишь одна единица этого языка, причем не дифференцированно к той или иной фразеологической единице русской семантико-тематической группы. Значение этой фразеологической единицы соотносится в сущности с общим значением группы.

Примером этому может служить соотношение семантико-тематической группы русских фразеологических единиц с общим значением «заставлять, принуждать кого-либо к каким-либо действиям, поступкам» и фразеологической единицы в языке хинди *किसी का गला घोटना* «вынуждать, принуждать» (буквально «душить кого-либо»). Возможно, естественно, и обратное соотношение, когда одной фразеологической единице русского языка противопоставляется семантико-тематическая группа единиц в языке хинди. Так, например, фразеологическая единица «строить воздушные замки» — «предаваться несбыточным мечтам, придумывать неосуществимые планы», стоящая вне семантико-тематических групп русских фразеологических единиц, соотносится с семантико-тематической группой в языке хинди с общим значением, идентичным русской фразеологической единице «строить воздушные замки» и включающей такие фразеологические единицы как:

- हवाई किले (महल) बनाना (буквально «строить воздушные замки»);
- हवाई पुल बनाना (буквально «строить воздушные мосты»);
- कोरी कल्पना करना (буквально «иметь чистые представления»);
- मन के लड्डू फोड़ना (буквально «ломать сладкие шарики сердца»);
- मन के लड्डू खाना (буквально «есть сладкие шарики сердца»);
- मनमोदक खाना (буквально «есть, кушать несбыточную мечту»);
- ख्वाली पुलाव पकाना (буквально «готовить воображаемый (иллюзорный) плов»);
- धुँए के बादल उड़ाना (буквально «гонять дымные облака»).

И, наконец, семантико-тематической группе фразеологических единиц русского языка, объединенных общим значением группы, вообще не находится соответствий не только среди семантико-тематических групп в языке хинди, но и среди глагольных фразеологических единиц в целом. Такой семантико-тематической группой русских фразеологических единиц является группа с общим значением «косвенно помогать, содействовать своим поведением, своими действиями», включающая в свой состав фразеологические единицы «играть на руку кому-либо», «лить воду на чью-либо мельницу».

Анализ ошибок перевода идиоматики русского языка на язык хинди (в данной работе на примерах употребления глагольных фразеологических единиц со значением действия) и наоборот – ошибок перевода идиоматики языка хинди на русский язык — указывает на то, что одной из причин таких ошибок является игнорирование или просто незнание системных отношений и связей фразеологической единицы с другими

категориально однотипными единицами в одном языке и системных отношений между семантико-тематическими группами.

Так, например, при переводе русской глагольной фразеологической единицы «снимать последнюю рубашку с кого-либо» на язык хинди естественно воспользоваться фразеологической единицей *किसी के आखिरी कपड़े तक उतारना*, которая соотносима с русской единицей по значению и образной основе, но не соотносима по форме, ср.: «снимать последнюю рубашку с кого-либо» в русском и «снимать последние одежды с кого-либо» в хинди. Перевод русской фразеологической единицы с сохранением ее компонентного состава искажает восприятие русской единицы индийцем, делает этот перевод искусственным и нарочитым.⁸⁷

Примеров буквальной передачи фразеологических единиц на другой язык без учета соотношения их по значению, форме и образной основе как единиц, категориально отличающихся от словосочетания, много, в том числе—глагольных фразеологических единиц со значением действия при переводе с хинди на русский язык. Ср., например, следующий отрывок из «Арены» Премчанда: *बजरंगी—औरों की कमाई पसीने की होती होगी, तुम्हारी कमाई तो खून की है। और लोग पसीना बहाते हैं तुम खून बहाते हो। एक—एक जजमान के पीछे लहू की नदी बह जाती है। जो लोग खोमचा सामने रखकर दिनभर मक्खी मारा करते हैं, वे क्या जाने तुम्हारी कमाई कैसी होती है। (प्रेमचंद रंगभूमि 1924)* и русский перевод: «Верно,—подтвердил Бадзранги,—есть люди, которые своим потом добывают средства на жизнь, а ты добываешь их кровью. Чтобы получить покровителя храма, брахманы проливают реки крови. Они даже в драку вступают из-за них. Но откуда знать об этом бездельникам, которые весь день стоят с лотком и бьют мух».

Нельзя, естественно, назвать переводом передачу фразеологической единицы в языке хинди *मक्खी (मक्खियाँ) मारना* «бездельничать» (буквально: «бить мух») через буквальную передачу значений слов «бить» и «мух». Наличие соотносимых фразеологических единиц в языке хинди и в русском языке—*मक्खी (मक्खियाँ) मारना* и «бить баклуши»—предполагает и корректность перевода их с одного языка на другой.

Игнорирование соотношения фразеологических единиц разных языков по значению, форме и образной основе приводит к неточностям или ошибкам при переводе даже соотносимых единиц. Так, например, при переводе фразеологической единицы в хинди *किसी के खून से हाथ रंगना* «убивать кого-либо, быть причастным к убийству, казни кого-либо», соотносимой с русской фразеологической единицей «обагрять руки в крови» по значению, форме и образной основе, была переведена в следующем контексте на русский язык так: «уже скольких безвинных обагрены руки в крови», вместо «уже обагрены мои руки в крови многих невинных людей *अभी इतने बेगुनाहों के खून से हाथ रंगे हुए हैं, कहीं सोफी ने*

⁸⁷Ср. два перевода отрывка из повести В. Распутина «Живи и помни»: в одном игнорируется различие по форме русской единицы и соотносимой с ней единицы в языке хинди, в другом - это различие учтено: «Мы с Колей в разных находились взводах: я в первом, он в третьем. А взводы в разведку по очереди ходили. Мы не часто и видались. А чуть подфартит все вместе. Он холостой еще был... Хороший *бы* мужик вышел. Добрый, простой и умелый—все мог. Последнюю рубаху с себя скинет, а там—последнюю пайку отдаст» (Распутин 1974). *Искаженный перевод*: *वैसे हम अलग—अलग प्लाटूनों में थे। मैं पहली में, वह तीसरी में। तोह अभियानों पर प्लाटूने बारी - बारी से जाती थीं। हम मिलते भी अक्सर नहीं थे। जब किस्मत जरा साथ देती थी तो साथ - साथ होते थे। वह अभी कवारा था ... अच्छा मर्द बनता। भला सीधा—सादा और निपुण—उसे सब आता था। अपनी आखिरी कमीज भी उतार दे और रोटी का आखिरी टुकड़ा तक दे दे।* *Правильный перевод*: *वैसे हम अलग—अलग प्लाटूनों में थे। मैं पहली में, वह तीसरी में। तोह अभियानों पर प्लाटूनें बारी - बारी से जाती थीं। हम मिलते भी अक्सर नहीं थे। जब किस्मत जरा साथ देती थी तो साथ - साथ होते थे। वह अभी कवारा था ... अच्छा मर्द बनता। भला सीधा—सादा और निपुण—उसे सब आता अपने आखिरी कपड़े तक उतार दे और रोटी का आखिरी टुकड़ा तक दे दे।*

गुप्त हत्याओं का अभिनय आरंभ किया तो उनका खून भी मेरी ही गरदन पर होगा। (प्रेमचंद, रंगभूमि 1924).

Игнорированием фактов соотношения фразеологических единиц разных языков или их незнанием объясняется свободный, часто неточный, описательный перевод фразеологической единицы с одного языка на другой. Так, например, русской фразеологической единице «гранить мостовую»—«болтаться без дела, бездельничать», которая включена в семантико-тематическую группу со значением «праздно проводить время, бездельничать», соответствуют в хинди:

1) बाजार नापते फिरना—«слоняться без дела» (буквально «бродить, измеряя шагами базар»);

2) जूतियाँ चटकाना (चटकाते फिरना)—«бродить без цели» (буквально «скрипеть обувью или гулять, скрипя обувью») и

3) मटरगश्त करना—«слоняться, шататься без дела» (буквально «совершать прогулку»).

Соответственно, с учетом контекстуальной обусловленности употребления русской фразеологической единицы она может быть переведена одной из трех фразеологических единиц в языке хинди. И, наоборот, каждая из трех единиц в языке хинди может быть переведена фразеологической единицей русского языка «гранить мостовую». Поэтому нельзя считать правильным перевод фразеологической единицы मटरगश्त करना описательным оборотом «ничего не делать», например: एक पापी तो मैं ही हूँ कि सारे दिन मटरगश्त करता हूँ, और वह भोजन करता हूँ कि बड़ों—बड़ों को मयस्सर न हो। (प्रेमचंद, रंगभूमि) «- Вот как ты рассуждаешь, брат,—сказал Наякрам,—по-твоему, выходит, я тоже грешник, потому что целый день ничего не делаю и ем то, что недоступно даже богачам» (Премчанд, «Арена» 1924).

В общем составе глагольной идиоматики русского языка фразеологические единицы со значением действия выделяются в особый разряд единиц, противопоставляемый другим глагольным разрядом фразеологических единиц. Их семантическая характеристика получает свое полное выражение в 32 семантико-тематических группах, соотносимых между собой.

Наличие прямых смысловых связей и отношений между фразеологическими единицами в составе каждой семантико-тематической группы и между семантико-тематическими группами в границах более общих разрядов таких групп нельзя игнорировать при решении проблемы перевода фразеологических единиц с одного языка на другой. Приемы перевода глагольных фразеологических единиц со значением действия на язык хинди могут быть распространены не только на перевод глагольных фразеологических единиц других семантико-тематических групп, но и на фразеологические единицы разных лексико-грамматических разрядов (адъективных, глагольно-пропозициональных, именных и т.д.).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Виноградов В.В. (1977), «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке», *Лексикология и лексикография (Избранные труды)*, Москва: 140-161.
- Ларин Б.А. (1977), «Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов)», *История русского языка и общее языкознание*, Москва: 125-149.
- Мокиенко В.М. (1982), «О тематико-идеографической классификации фразеологизмов», *Словари и лингвострановедение*, Москва: 108-121.
- Молотков А.И. (1967), «Фразеологизмы русского языка и принципы их лексико-графического описания», *Фразеология словарь русского языка* (под ред. А.И. Молоткова), Москва: 7-23.

- Распутин В. (1974), «Живи и помни», *Наш современник*, 10: 2-88.
- РАФС—Русско-армянский фразеологический словарь (1975) (под ред. Р. Л. Мелкумяна и П. М. Погосяна), Ереван.
- Сидоренко М.И. (1967), «К определению фразеологических синонимов», *Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе*, Вологда: 192-200.
- (1969), «О смысловой структуре фразеологизма», *Уч. Зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена*, т.370: 5-53.
- (1982), *Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке*, Ленинград.
- Фразеологический словарь русского языка* (1978), (Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, И.А. Фёдоров; под ред. А.И. Молоткова), Москва.
- ХРС—Хинди-русский словарь в двух томах* (1972), (А.С. Бархударов, В.М. Бескровный, Г.А. Зограф, В.П. Липеровский), Москва.
- Черкасова Т.Б. (1983), *Синонимия глагольных фразеологизмов современного русского литературного языка* (диссертация на соискание канд. филол. наук), Ленинград, 1983.
- Шкляр В.Т. (1962), «О фразеологических синонимах в русском языке», *Труды кафедр русского языка вузов Востока Сибири и Дальнего Востока*, вып. 2, Иркутск: 112-132.
- (1964), «О словаре фразеологических синонимов», *Проблемы фразеологии*, Москва: 227-231.
- Ավետիսյան Լ.Ն. (2018), Հաննանտություն-դարձվածային միավորների ժանանակալից հայերենում, Երևան.
- Բեդիրյան Պ.Ս. (1971), *Դարձվածարևմտալեզու քաղաքական բառարան*, Երևան.
- Նիկողոսյան Ս. Գ. (2017), Հայերենի դարձվածքների բառարան, Երևան.
- बदरीनाथ लोकभारती (1979), *मुहावराकोशा*, इलाहाबाद.
- गुलाबराय (1990), *हिंदी लोकोक्तियाँ और मुहावरे*, दिल्ली.
- जैन नारायण प्रसाद (1973), *बोलती हिंदी*, बंबई.
- भोलानाथ तिवारी (1951), *हिंदी मुहावरा कोशा*, इलाहाबाद.
- विशाल शब्दसागर* (1958) (संपादक श्री नवल जी), दिल्ली.
- रूसी-हिंदी शब्दकोशा* (1957) (संकलनकर्ता एवं संपादक वीर राजेन्द्र ऋषि), नई दिल्ली.
- शर्मा हरिवंशराय (1983), *मुहावरा लोकोक्ति कोष*, नई दिल्ली.
- हिंदी शब्दसागर* (1965-1975), ग्यारह भागों में, वाराणसी.
- गुप्त ओमप्रकाश (1960), *मुहावरा मीमांसा*, पटना.

DOI 10.48200/9789939672571_173

К АРМЯНО-ТАЛЫШСКИМ ЛЕКСИЧЕСКИМ СООТВЕТСТВИЯМ: ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЛИ СЛЕДЫ ОБЩЕГО СУБСТРАТА?

Саргис Асатрян

Институт востоковедения Российско-Армянского Университета, Ереван

Abstract

The paper focuses on some lexical parallels in the Talishi language and Armenian.

Keywords: Talishi, Armenian, Lexical Parallels, Substratum

Аннотация

Статья анализирует некоторые лексические соответствия в талышском и армянском.

Ключевые слова: Талышский, армянский, лексические соответствия, субстрат

Талышское *šil* означает «усик растения» (см. TTL: s.v.) и, судя по всему, не имеет параллелей в новоиранском и не поддается иранской этимологии. Зато в армянском оно имеет свое почти полное лексическое соответствие, засвидетельствованное при этом в классических текстах, т.е. в древнеармянском. Это—*šil* (*šīwl*, *šel*) «веточка, сучок, щепка»; в новоармянских диалектах *šil* «заросли тростниковых растений».

На первый взгляд, талышская форма может показаться древним арменизмом, заимствованным до 10-го века: как известно, арм. графема *l*, обозначающая ныне фрикативное *ɣ*, до указанного периода произносилось как *l*, отраженное и в современных диалектах. Но при отсутствии достоверных данных о непосредственных армяно-талышских контактах заимствование представляется маловероятным.

Почти аналогичное положение мы имеем и в случае с талышским *šāɣ* «роса» (об интерпретации данного слова на основе иранского см.: Asatryan 2018) и арм. *šāl* с тем же значением. Последнее также засвидетельствовано в древнеармянском, но талышская параллель, по сути, отражает его новоармянское произношение с фрикативным *-ɣ*. То же самое с талышским *šiv* (*šīv*) «ветки, свежий побег» и арм. *šiv* «ветки и кора винограда».

Арм. *šil*, *šāl* и *šiv* не имеют достоверной индоевропейской этимологии (см. НАВ III: 487, 517, 521; Джаукян 1967: 201, 260); их талышские соответствия также не могут быть интерпретированы на основе иранского. Следовательно, остается объяснять такое лексическое совпадение общим или, скорее, родственным субстратом, несомненно наличествовавшим в языках обоих автохтонных народов региона.

Как известно, армянский, будучи индоевропейским языком, сформировался на основе хуррито-урартского субстрата. Оба древних языка, хурритский и урартский, засвидетельствованы в клинописных текстах с конца 3-го тысячелетия до н. э. и в целом хорошо изучены—насколько, конечно, позволяет объем дошедшего до нас языкового

материала. Генетические связи хуррито-урартского довольно спорны. И.М. Дьяконов, например, доказывал общность хуррито-урартского с языками нахско-дагестанской группы, но эта теория отвергается ныне большинством кавказоведов.

О доиранском субстрате ираноязычных народов практически ничего не известно: языки кадусиев (возможных предков талышей), гелов (предков гилянцев), тапиров, мардов, каспов и делимов (дейламитов) не зафиксированы ни в текстах, ни в виде отдельных глосс в иноязычных памятниках. Но, тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что это были местные языки, не индоевропейские. При этом очень возможно, что они состояли в близком родстве с хуррито-урартским, чем, собственно, мы и склонны объяснять вышеприведенные армяно-талышские лексические совпадения.

Еще один показательный пример родственности субстрата—название дикого съедобного растения *hālādor/xəlāndor* в арм. диалектах и *halandōr/halamdūr* (о последней форме см. ТТЛ: 466) в талышском. Заимствование маловероятно, ибо названия дикой флоры (не культурной) редко переходят из одного языка в другой, к тому же, при отсутствии прямых контактов. Они могут быть лишь частью субстратного наследия. Значимость данного флористического термина в том, что в нем обнаруживается номинативный суффикс *-or* (в арм.)/*-ō/ūr* (в талыш.), отмеченный в субстратных названиях флоры в армянском: *xən-jor* «яблоко», *sal-or* (*šal-or*) «слива», *dand-uī* «портулак». В армянском это окончание, несомненно, восходит к хурритскому суффиксу *-uri/-ori*.

Интересное армяно-талышское совпадение можно усмотреть и в возможном соответствии армянского *pind* «крепкий, твердый» талышскому *pənd* «густой, плотный». Армянская форма имеет довольно спорную индоевропейскую этимологию (см. подробно: Martirosyan 2010: 552), а для талышской не просматривается убедительной иранской этимологии.

Если лексика субстратного происхождения в армянском языке более или менее хорошо изучена, то субстратные элементы в прикаспийских иранских диалектах никогда не были объектом специального исследования (за исключением отдельных заметок Ф. Андреаса по топонимии Прикаспия, вышедших в конце 19 века в известной энциклопедии классических древностей Паули-Виссова). Между тем, данное направление при серьезном подходе обещает быть очень перспективным в плане выявления следов доиранского наследия не только в языках населения прикаспийского региона, но и в топонимии этого интереснейшего ареала.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Джаукян, Г. Б. (1967), *Очерки по истории дописьменного периода армянского языка*, Ереван. ТТЛ—Ф.Ф. Эбосзода, *Талышэ-тыркэ дугэт*, Москва, 2010.
- Asatrian G. (2018), “Ice in Western New Iranian”, *Iran and the Caucasus*, 22.4: 377-381. НАВ
- III—Н. Асаѳян, *Hayerēn armatakan baṛaran*, vol. III, Yerevan, 1977.
- Martirosyan H. (2010), *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*, Leiden-Boston.

DOI 10.48200/9789939672571_175

ГАЗ (ТУРЦИИ) И ВОЙНА (В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ)

Ара Марджанян ¹

Евразийский экспертный клуб, Ереван

Abstract

Analysis of data on purchases of natural gas by Turkey over the past 10 years reveals a recurring behavior (pattern) in the dynamics of gas and LNG imports in early 2016 and 2020. This characteristic behavior is interpreted as an element of Turkey's comprehensive preparation for providing military-political and military-technical assistance to Azerbaijan in unleashing the "Four-day war" of 2016 in Nagorno-Karabakh and the Second Karabakh War in 2020.

Keywords: War in Karabakh, Turkey, Azerbaijan, Nagorno-Karabakh/Artsakh, Gas

Аннотация

Анализ данных по закупке природного газа Турцией за последние 10 лет выявляет повторяющееся поведение (паттерн) в динамике импорта газа и СПГ в начале 2016 и 2020 годов. Это характерное поведения интерпретируется как элемент комплексной подготовки Турции по оказанию военно-политической и военно-технической помощи Азербайджану в развязывании «Четырехдневной войны» 2016 г. в Нагорном Карабахе и Второй Карабахской Войны 2020 г.

Ключевые слова: Война в Карабахе, Турция, Азербайджан, Нагорный Карабах/Арцах, газ

Введение

За последний год Россия стремительно теряла важный для нее турецкий рынок природного газа. Так, в первой половине 2020 года объем «трубного»² газа, закупленного Турцией из России (4,67 млрд куб.м.), снизился на 41,5% по сравнению с аналогичным периодом 2019 года (7,99 млрд куб.м). Снижение российских поставок газа в Турцию за первое полугодие 2020 г. по сравнению с первым полугодием 2019 г. составило 3,32 млрд куб.м.

Российский газ поставляется в Турцию по *долгосрочным* контрактам, а цена на газ определяется по формуле, привязанной к стоимости нефтепродуктов (с временным лагом). Не вдаваясь в подробности этого несколько запутанного ценообразования, отметим лишь следующее. Прописанные по такому долгосрочному контракту цены мало меняются в зависимости от внешних условий, и в этом, собственно, заключается их суть. Согласно portalу компании Gaspool, в третьем квартале 2020 г. Турция получала российский газ по долгосрочной цене в \$188 за тыс. кубометров. Причем, по действующим на то время контрактам, турецкие компании должны были выкупать не менее 80% законтрактованного газа по условию «бери или плати».

С другой стороны, обвал 2019-20 гг., усиленный реалиями пандемии COVID-19, существенно понизил *краткосрочные* (спотовые) цены на газ. К началу 2020 г. на

¹ Национальный эксперт ПР ООН по энергетике, военный эксперт «Евразийского Экспертного Клуба».

² Природный газ, поставляемый магистральными газопроводами, такими, например, как «Турецкий поток», «Голубой поток», «Баку-Тбилиси-Эрзерум» или газопровод «РФ-Грузия-Армения».

спотовом рынке Европы газ продавался на уровне \$86/тыс.куб.м., а на своей электронной (спотовой) площадке к этому времени «Газпром» продавал его всего за \$76/тыс.куб.м. Таким образом, в начале 2020 г. Турция оказалась в тисках «ценовых ножниц» между долгосрочными и краткосрочными ценами на импортируемый из РФ газ, и разница эта была весьма значительна—порядка \$100 в каждой тысяче кубических метров российского газа. Сложившаяся ситуация вызвала волну судебных исков турецких компаний к «Газпрому».³ В похожем (но не аналогичном) положении оказалась и Армения—разумеется, с поправкой на масштабный коэффициент.⁴ В похожей ситуации оказалась и Беларусь.

Итак, снижение российских поставок «трубного» газа в Турцию за первое полугодие 2020 г. по сравнению с первым полугодием 2019 г. составило 3,32 млрд куб. м. Если допустить, что Турция приобрела этот «не докупленный» у России газ у другого поставщика, скажем, у Азербайджана, и приобрела его не по долгосрочным ценам (скажем, в 180 \$/тыс. куб.м), а за некую «бонусную» цену (скажем, в 76 \$/тыс. куб.м), то легко подсчитать, что в первом полугодии 2020 г. подобным «газовым маневром» Турция «сэкономила» порядка \$345 млн. Много это, или мало?

На эту сумму можно, например, купить у Турции 69 беспилотников «Bayraktar TB2». А если быть более точным—10 дивизионов разведывательно-ударных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) «Bayraktar TB2» (по три БПЛА в дивизионе, всего 30 БПЛА) плюс 10 дивизионных наземных станций управления и не менее 1000 управляемых ракет «Roketsan MAM-L». В эту сумму входят также комплекты запасных частей, сервисное сопровождение, а также обучение личного состава.

Разумеется, мы не утверждаем, что именно так все и происходило на самом деле в первом полугодии 2020 г. или накануне Второй Карабахской Войны (27 сентября—10 ноября 2020 г.). Мы не утверждаем, что «газовый маневр» был совершен Турцией *исключительно* с целью сгенерировать возможность поставки «Байрактаров» в Азербайджан, обеспечив при этом его технологическое превосходство на поле боя, а за одно и поддержав финансово семейный бизнес Эрдоганов.⁵ Для подобных утверждений необходимо опираться на весьма специфичную и трудно доступную информацию, которой мы не располагаем.

Наша задача более скромна, но, в некотором смысле, и более фундаментальна. Мы собираемся показать, что Вторая Карабахская Война—не изолированный эпизод Карабахско-Азербайджанского конфликта, не случайная эскалация того или иного инцидента на линии соприкосновения и не сиюминутная блажь военно-политического руководства вовлеченных сторон.

³ Турецкая госкомпания «Botas» подала в международный арбитраж иск к «Газпрому», оспаривая цену на российский газ еще в октябре 2015 г. Причем Россия и Турция договорились о снижении цены еще в 2014 году. Эта договоренность была увязана с разрешением на строительство газопровода «Турецкий поток».

⁴ Потребление газа в Турции за последние пять лет колебалось в районе 43,0-51,0 млрд куб.м в год. Более половины этого объема—российский газ. Потребление газа в Армении за последние 5 лет составляло порядка 2,0-2,5 млрд куб.м. в год. Более 80% этого объема—импорт из РФ, остальное—из Ирана, в рамках бартера «газ взамен на электричество». С 1 января 2019 г. «Газпром» повысил цены на газ для Армении с \$150 до \$165 за 1 тыс. куб.м. При этом, для потребителей внутри Армении тарифы на газ не изменились.

⁵ Идейным вдохновителем разработки и производства БПЛА «Байрактар» является технический директор и совладелец компании «Ваукар Макина» Сельджук Байрактар—зять президента Турции Р.Т. Эрдогана.

На наш взгляд, **подготовка Азербайджана и Турции к Второй Карабахской войне носила комплексный характер, имела значительный горизонт планирования и потребовала реализацию ряда целенаправленных усилий и долгосрочных мероприятий.** Развернутое обоснование этого утверждения, разумеется, требует комплексного исследования и потребует не одну статью. Здесь же нас будет интересовать только энергетический аспект этой подготовки, точнее—ее «газовая» компонента.

Анализ

Вплоть до недавнего времени Турция не обладала собственными *доказанными* запасами природного газа.⁶ Статистические ежегодники компании British Petroleum (BP) за последние 40 лет неизменно опускают Турцию в списке стран с доказанными запасами газа. Нет ее и в списках стран, добывающих природный газ в заметных количествах. Турция являлась (и является) чистым импортером природного газа, этого второго по значимости (после сырой нефти) энергоносителя.

Природный газ импортируется Турцией двумя способами. Из России, Ирана и Азербайджана газ поставляется магистральными газопроводами («трубный» газ). На Графике 1 мы обобщили данные по поставкам в Турцию «трубного» газа за последние 10 лет из указанных стран.⁷ Помимо «трубного», Турция импортирует и сжиженный природный газ (СПГ). Кривая этих поставок также приведена на этом графике, а детальная информация по странам-поставщикам СПГ в Турцию за последние 10 лет сведена нами в Таблицу 1 (см. ниже).

Из приведенного массива данных вычленим те характерные фрагменты информации, которые имеют непосредственное отношение к интересующему нас вопросу.

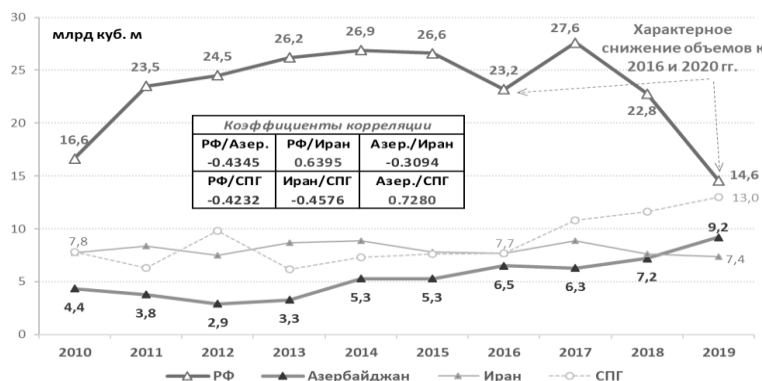

График 1. Импорт в Турцию «трубный» газ (по странам) и СПГ (суммарно). Ежегодные объемы за 2010-2019 гг., млрд куб.м.⁸

⁶ В августе 2020 г. турецкая госкомпания ТРАО объявила об открытии залежей природного газа у южного побережья Черного моря, в акватории площадки «Тупа-1», расположенной в 133 км от г. Сакарья. Предположительные запасы—320 млрд куб.м. 17 октября 2020 г. было объявлено об открытии на той же площадке дополнительных залежей природного газа с предположительным запасом в 85 млрд куб.м.

⁷ На момент подготовки статьи данные по итоговым показателям за 2020 г. отсутствовали. Традиционно статистические ежегодники BP за прошедший год публикуются в июне-июле следующего года.

⁸ Источники: BP 2020; расчеты автора.

А. Основой газового потребления Турции является «трубный» газ. За последние 10 лет его доля не опускалась ниже 75% от общего потребления природного газа в Турции. В свою очередь, доля природного газа в общем потреблении первичной энергии (primary energy consumption) не опускалась ниже 25% от общенационального потребления (BP 2020). Россия являлась и к концу 2019 г. все еще продолжала оставаться основным поставщиком «трубного» газа в Турцию. Однако **характерным является постепенное снижение закупа Турцией российского «трубного» газа, начиная с максимального значения в 2017 г. (27,6 млрд куб.м), до минимального—в 2019-ом (14,6 млрд куб.м, снижение почти в двое, см. Гр. 1).** Итоговые показатели 2020 г., по всей вероятности, лишь подчеркнут эту тенденцию. Об этом говорят приведенные выше данные за первое полугодие 2020 г.

Б. За истекшее десятилетие это не единственное снижение закупа российского «трубного» газа Турцией. **Аналогичное падение произошло и в 2016 г.** Тогда поставки российского газа в Турцию снизились до 23,2 млрд куб.м, по сравнению с 26,6 млрд куб.м годом ранее (см. Гр. 1). Симптоматично, что по своему объему, **снижение 2016 г. (3,4 млрд куб.м) вполне сопоставимо со снижением российских поставок «трубного» газа в Турцию за первое полугодие 2020 г. (3,32 млрд куб.м).**

В. Другой характерной особенностью динамики является **заметное наращивание объемов поставок природного газа из Азербайджана в Турцию.** За последние 10 лет они наращивались тремя скачками: в 2014 (5,3 млрд куб.м, годовой прирост—1,6 раз), в 2016 (6,5 млрд куб.м, прирост—1,2 раз) и в 2019 годах (9,2 млрд куб.м, прирост—1,3 раз). Причем, в 2018, впервые за истекшие 10 лет, **Турция закупила у Азербайджана почти столько же «трубного» газа (7,2 млрд куб.м), сколько и у Ирана (7,6 млрд куб.м).** А в 2019 году поставки Азербайджана в Турцию составили уже 9,2 млрд куб.м, что на 1,8 млрд. куб.м выше поставок иранского газа в Турцию (7,4 млрд куб.м). И произошло это опять-таки впервые за истекшие 10 лет (см. Гр. 1). Ожидается, что **по итогам 2020 г. объемы закупа Турцией азербайджанского газа («Шахдениз-2») будут вполне сопоставимы уже с объемами закупаемого у РФ «трубного» газа.**

Г. Для более отчетливого выявления закономерностей в динамике закупок природного «трубного» газа Турцией за последние 10 лет, вычислим коэффициенты корреляции между парами временных рядов по поставкам газа в Турцию из РФ, Азербайджана и Ирана. Результаты приведены на Гр. 1. Характерным тут является *отрицательная* величина коэффициента корреляции между поставками газа из РФ и Азербайджана за истекшее десятилетие (РФ/Азербайджан— -0,43; см. Гр. 1), что подчеркивает противоположность тенденций в поставках газа из этих стран в Турцию, их, так сказать, *анти-фазный* характер. На наш взгляд, это является прекрасной иллюстрацией и отчетливым подтверждением конкурентной природы двух основных газотранспортных проектов нашего региона — «Южного Газового Коридора» и «Турецкого потока», их, если угодно, **геополитического противостояния.**

Иначе обстоит дело с поставками газа в Турцию из РФ и Ирана. Корреляция тут, во-первых, положительная (РФ/Иран— +0,64; см. Гр. 1), а во-вторых, она больше по абсолютному значению. Т.е. тенденции поставок газа из этих стран подобны, или *синфазны*. Иными словами, можно сказать, что поставки газа из РФ и Ирана рассматриваются Турцией как бы в одном геополитическом ключе.

В случае с Азербайджаном картина иная — значение коэффициента корреляции между временными рядами поставок газа из Азербайджана и Ирана в Турцию

отрицательна (Азербайджан/Иран— $-0,31$; см. Гр. 1). Иными словами, поставки трубного газа из Азербайджана и Ирана для Турции имеют противоположное геополитическое значение.

Д. Для полноты картины обратимся теперь к данным о поставках СПГ в Турцию (Табл. 1). Первое, на что тут следует обратить внимание, — темп их роста. За последние 10 лет объемы тут выросли более чем в 1,6 раз—с 7,8 млрд куб.м в 2010-м до 13,0 млрд куб.м СПГ в 2019 г. Более того, **в 2019 г. впервые за истекшие 10 лет суммарный закуп СПГ Турцией (13,0 млрд куб.м) почти сравнялся с объемом закупленного у России «трубного» газа (14,6 млрд куб.м; см. Гр. 1).** Вполне вероятно, что по итоговым данным 2020 г. объемы этих поставок либо сравняются, либо превысят объемы импорта российского газа в Турцию. Добавим, что в 2009-16 гг. доля СПГ в общем потреблении природного газа в Турции составляла всего 14-17%, а в 2019 г. она составила уже около 30% от годового потребления (44,2 млрд куб.м; ВР 2020).

Тот факт, что проводимая политика по закупке СПГ и «трубного» газа из Азербайджана рассматривается Турцией если не как полноценная альтернатива, то, по крайней мере, как способ снижения зависимости от поставок «трубного» газа из РФ (и Ирана), наглядно иллюстрируется характером корреляции между этими поставками. Действительно, если коэффициенты корреляции между поставками СПГ—с одной стороны и «трубного» газа из РФ и Ирана—с другой, имеют отрицательные значения (РФ/СПГ— $-0,42$, Иран/СПГ — $-0,46$, см. Гр. 1), то корреляция между поставками СПГ и трубного газа из Азербайджана, во-первых, положительна (Азербайджан/СПГ— $+0,72$), а во-вторых, коэффициент этой корреляции имеет заметно большее абсолютное значение, чем коэффициенты для пар РФ/СПГ и Иран/СПГ.

Е. Показательна и картина поставок СПГ по странам. Согласно данным ежегодников ВР, основными поставщиками СПГ в Турцию являются (по мере снижения значимости) Алжир, Нигерия, Катар, Египет, США и Норвегия. Картина суммарных поставок за последние 10 лет разнится весьма существенно. Так, в 2009-2019 гг. Турция из Алжира закупила суммарно 44,0 млрд куб.м СПГ, а из США— всего около 2,6 млрд куб.м СПГ (см. Табл. 1, третья строка снизу).

Для лучшего понимания действующих тут тенденций целесообразно проанализировать динамику поставок СПГ по странам, особенно к началу 2016 и 2020 гг.—картина, как мы ожидаем, окажется более информативной. Поскольку на момент подготовки нашей статьи итоговые данные ежегодников ВР за 2020 г. отсутствовали, ниже рассматриваются изменения поставок СПГ в 2019 г. по отношению к 2018 г.

В последних двух строках Табл. 1 вычислены изменения поставок СПГ в 2016 и 2019 годах, по сравнению с предыдущими годами (%) для стран-поставщиков. Величина, превышающая 100%, означает рост поставок СПГ, величина менее 100%— их снижение. Как видим, **в 2016 г. отмечен двукратный рост (200%) поставок СПГ в Турцию из США по сравнению с предыдущим годом. А в 2019 г. по сравнению с 2018 годом—уже трехкратный рост (300%, см. последние две строки Табл. 1).**⁹

⁹ Помимо этого, в 2019 г. в 2,5 раза увеличились поставки СПГ в Турцию из Египта. Поставки из Алжира и Нигерии в 2019 г., по сравнению с 2018 г., увеличились лишь на 23% и 14% соответственно. В 2016 г., по сравнению с предыдущим годом, поставки из Алжира возросли всего на 16%, а для Нигерии и вовсе снизились (на 7%). Поставки СПГ из Катара и Норвегии в Турцию для 2016 и 2019 гг. демонстрируют тенденцию к снижению (см. Табл. 1).

	Алжир	Нигерия	Катар	Египет	США	Норвегия	Тринидад и Тобаго	Прочая Африка	Прочая Европа	Всего
2010	3,9	1,3	1,9	0,3		0,3	0,3			7,8
2011	4,0	1,3	0,6	0,4						6,3
2012	4,8	2,7	1,2	0,9		0,2				9,8
2013	3,8	1,3	0,4	0,2		0,2		0,1	0,2	6,2
2014	4,1	1,5	1,1			0,3	0,1		0,2	7,3
2015	3,8	1,5	1,7		0,1	0,2	0,2		0,1	7,6
2016	4,4	1,4	1,0	0,1	0,2	0,1	0,3		0,2	7,7
2017	4,7	2,1	1,6		0,7	0,9	0,4	0,3	0,1	10,8
2018	4,7	2,2	3,1	0,2	0,4	0,1	0,4	0,2	0,3	11,6
2019	5,8	2,5	2,5	0,5	1,2	0,1	0,2	0,1	0,1	13,0
Всего	44,0	17,8	15,1	2,6	2,6	2,4	1,9	0,7	1,2	88,1
2016/15	116	93%	59	-	200	50%	150	0%	200	
2019/18	123	114	81	250	300	100	50	50	33%	

Таблица 1. Поставки СПГ в Турцию, 2010-2019 гг., млрд куб. м.¹⁰

Хотя по своим объемам поставки СПГ из США в Турцию (пока) не очень велики—в 2019 г. они почти в 5 раз уступали алжирским поставкам, однако их динамика, в свете интересующего нас вопроса, весьма любопытна. Поэтому имеет смысл проанализировать ее более подробно, особенно для 2020 г. С этой целью обратимся к официальным данным Администрации Энергетической Информации США (АЭИ США, U.S. Energy Information Administration, EIA) по поставкам СПГ из США в Турцию (EIA 2020). Эти данные¹¹ обобщены нами на Графике 2, где мы пересчитали используемые EIA единицы величин¹² в более привычные нам метрические единицы.

В отличие от справочников BP, АЭИ США не только публикует данные по объемам поставок СПГ в годовом и месячном разрезе, но и приводит цены этих поставок в текущих долларах США, усредненные за данный год. Поэтому на Гр. 2 у нас две оси ординат («ось—Y»): левая соотносена с объемами поставок (млн куб.м), правая—с ценой поставки, усредненной за год (\$/тыс. куб.м).

¹⁰ Источники: BP *Statistical Review of World Energy* (2010-2020 гг.); расчеты автора.

¹¹ <https://www.eia.gov/outlooks/aeo/> (дата обращения: 15.12.2020).

¹² млн кубических футов (MMcf), \$ США за тыс. куб. футов (\$/Mcf), зачастую вводящих в заблуждение даже специалистов.

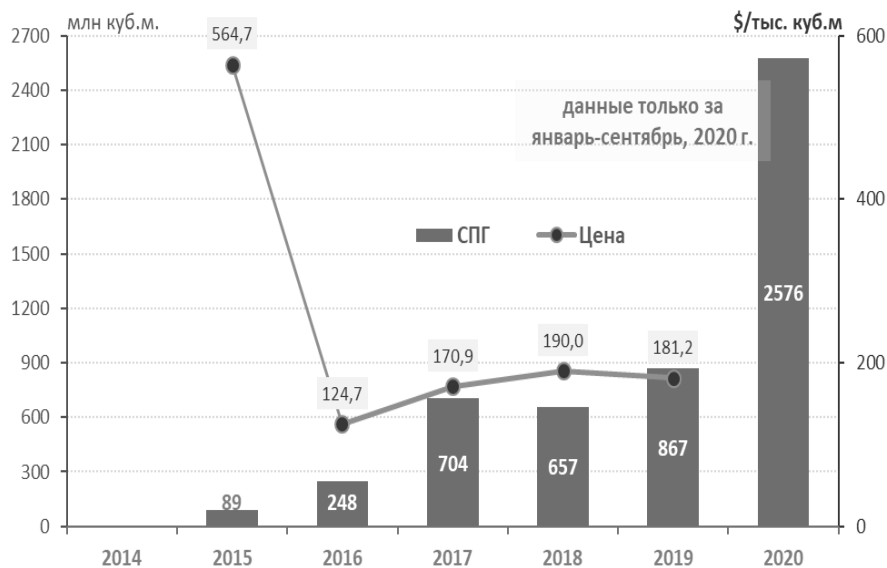

График 2. Поставки СПГ из США в Турцию (млн куб.м.) — левая ось ординат, и их цена (\$/тыс. куб.м.) — правая ось ординат.¹³

Как следует из Гр. 2, за последние 10 лет поставки СПГ из США в Турцию начались в конце 2015 г. В декабре в Турцию было поставлено 89,1 млн куб.м СПГ по цене \$564,7/тыс. куб.м. Но уже в следующем, **2016 году, цена на поставляемый в Турцию СПГ из США была снижена более чем в 4,5 раз**, и составила \$124,7/тыс. куб.м., а **объем поставок возрос почти втрое**, составив 248 млн куб.м. Еще через год объемы поставок возросли до 704 млн куб.м. при цене \$170,9/тыс. куб.м. В 2019 г. поставки из США достигли¹⁴ 866,9 млн куб.м, при цене \$181,2 за тыс. куб.м. СПГ (см. Гр. 2).

Однако, подлинный скачек в поставках СПГ из США в Турцию произошел в **2020 году**, и именно эта информация, к сожалению, отсутствовала в справочнике ВР (ВР 2020), доступном на момент подготовки нашей статьи. Согласно (EIA 2020), **только за период времени январь-сентябрь 2020 г. из США в Турцию было поставлено более 2,5 млрд куб.м СПГ, т.е. почти в три раза больше, чем за весь 2019 год.**¹⁵

¹³ Источники: EIA 2020; расчеты автора.

¹⁴ Согласно данным ВР (ВР 2020), поставки СПГ в Турцию из США в 2019 г. составили 1,2 млрд куб.м (см. Табл. 1), а согласно данным EIA, (EIA 2020) они составили 0,867 млрд куб.м (см. Гр. 2). Здесь мы не анализируем расхождения между этими данными. Подобные расхождения особенно часты в отношении Азербайджана, Турции и Израиля. Это отдельный и сложный вопрос, отчасти затронутый нами в более ранних публикациях (см., например, Марджанян 2013).

¹⁵ К сожалению, на момент запроса в базу данных EIA цена поставок СПГ в Турцию отсутствовала. Традиционно информация о цене поставок будет доступна на сайте EIA с апреля следующего года.

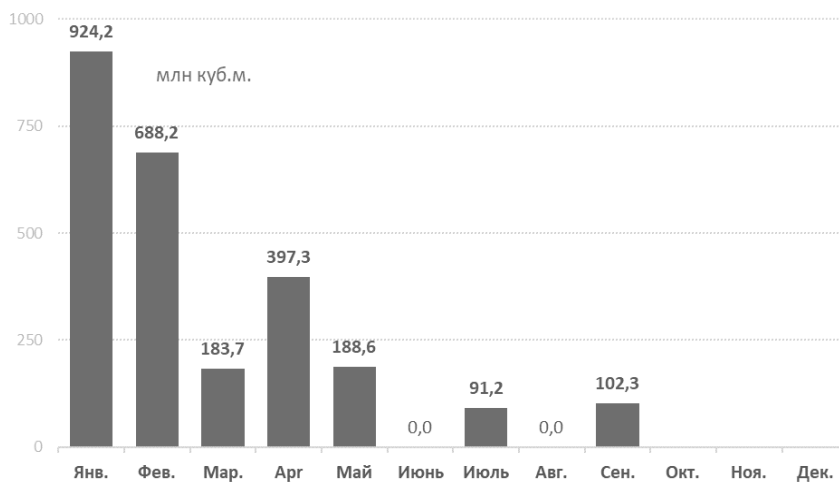

График 3. Поставки СПГ из США в Турцию в 2020 г. по месяцам, млн куб.м.
Данные по состоянию на декабрь 2020 г.¹⁶

На Гр. 3 мы приводим динамику американских поставок СПГ в Турцию по месяцам (EIA 2020). Как видим, **только за январь 2020 г. в Турцию было поставлено 924,2 млн куб.м СПГ из США (или 32,64 млрд куб. фута), т.е. на 6,6% больше, чем было поставлено за весь 2019 год (867 млн куб.м, или 30,61 млрд куб. фута).** А февральские поставки 2020 г. превышают суммарные поставки американского СПГ в Турцию за весь 2018 г. (см. Гр. 3). Иными словами, **за первые два месяца 2020 г. Турция получила больше сжиженного природного газа из США, чем за два предыдущих года вместе взятых.**

Выводы и заключение

Таким образом, за последние 10 лет:

- ✓ Турция дважды снижала объемы закупа российского «трубного» газа, оба раза к началу 2016 и 2020 гг. В обоих случаях снижение составило порядка 3,4 млрд куб.м.
- ✓ Турция дважды наращивала закуп азербайджанского «трубного» газа, оба раза к началу 2016 и 2020 годов.
- ✓ Турция последовательно наращивала закуп СПГ. В 2016 г. объемы закупа СПГ сравнялись с поставками «трубного» газа из Ирана. В 2019 г. они вплотную приблизились к поставкам российского «трубного» газа, а по итогам за 2020 г., возможно, превысят их.
- ✓ Начало поставок СПГ из США в Турцию датируется началом 2016 г., а за первые два месяца 2020 г. Турция получила больше СПГ из США, чем за два предыдущих года вместе взятые.

Приведенные данные отчетливо выявляют повторяющийся *паттерн* в динамике поведения Турции в отношении импорта природного газа и СПГ именно к началу 2016 и 2020 годов. Напомним, что «4-х дневная война» была начата Азербайджаном в Нагорном Карабахе в ночь на воскресенье, 1 апреля 2016 г..

¹⁶ Источник: EIA 2020.

Вторая Карабахская Война была развязана Азербайджаном в ночь на воскресенье, 27-го сентября 2020 г.¹⁷

На наш взгляд, повторяющееся поведение Турции в начале 2016 и 2020 гг. следует интерпретировать как составной элемент комплекса мероприятий по подготовке к войне, имеющий целью:

- во-первых, по возможности снизить зависимость от Российского газа накануне и в процессе ведения активных силовых действий на Южном Кавказе, ослабить рычаги возможного экономического и политического давления РФ на Турцию.
- во-вторых, учитывая ситуацию с «ценовыми ножницами» на газ и привилегированный характер поставок газа из Азербайджана (проекты «Шахдениз-2» и «Южный Газовый Коридор»), высвободить определенный финансовый ресурс, эквивалентный 3,3-3,4 млрд куб.м газа, для оказания военно-технической помощи Азербайджану и ведения боевых действий на Южном Кавказе.

Кроме этого, история и особенности развития нефте - и газопроводной инфраструктуры в нашем регионе, динамика поставок СПГ в Турцию, а также характерное поведение цен на природный газ и СПГ в начале 2016 и 2020 гг. приводят к заключению, что поведение военно-политического тандема Турция-Азербайджан включено в более широкий геополитический контекст стратегии по «растягиванию России» (RAND 2019).

Считаем, что Вторая Карабахская Война явилась неизбежным следствием «Доктрины Клинтона-Нетаньяху-Алиева», разработанной в начале 90-х прошлого века (Марджанян 2013, Гл. 2, Макиенко 2020). В течение последних десятилетий материальным выражением реализации этой доктрины явилось одностороннее развитие региональной энерго-транспортной инфраструктуры Южного Кавказа, нацеленного на социально-экономическое «удушение» Армении, изоляцию России и Ирана от процессов развития региона в целом и энерго-транспортной инфраструктуры региона в частности.

Вторая Карабахская Война была, на наш взгляд, обусловлена:

- логикой региональной геополитики последних десятилетий, сформированных реалиями «Большого Торга 1994 г.», вызванного развалом СССР (Марджанян 2020);
- особенностями стратегии энергетического и экономического развития Турции и Азербайджана;
- характером государственных комплексных программ по милитаризации этих стран.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Макиенко К.В. (2020), «Как Россия проиграла во второй карабахской войне», *Ведомости*, 10.11.2020, <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/11/10/846462-rossiya-proigrala> (дата обращения 18.12.2020)
- Марджанян А.А. (2013), *Социально-экономическая система Азербайджана*, в двух томах, Ереван, (на арм. языке), http://www.noravank.am/arm/books/detail.php?ELEMENT_ID=12315 (дата обращения 10.11.2020).

¹⁷ См. подробно ЦАСТ 2018: 155-156; Пухов 2020.

- (2020), “Дроны и Регион”, *Orbeli Centrer*, 02.06.2020, <https://orbeli.am/ru/post/460/2020-06-02/%D0%94%D1%80%D0%BE%D0%BD%D1%8B+%D0%B8+%D0%A0%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD> (дата обращения 20.11.2020).
- Пухов Р.Н. (2020), «Вторая карабахская: промежуточные итоги», *HBO*, 22.10.2020, https://nvo.ng.ru/nvo/2020-10-22/1_1114_karabakh.html?fbclid=IwAR0EcAMYGBAOheL9PgPDwKupgurcoox-Vpy5nufXiibSNbHgCMDYaDWHOg0 (дата обращения 10.12.2020).
- ЦАСТ (2018), *В ожидании бури: Южный Кавказ* (под ред. К.В. Макиенко), Москва: Центр анализа стратегий и технологий, 2018.
- BP (2020). *British Petroleum Statistical Review of World Energy 2020*, 69th Edition, London, UK, <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (дата обращения 15.12. 2020).
- EIA (2020). *U.S. Liquefied Natural Gas Exports to Turkey*, https://www.eia.gov/dnav/ng/hist/ngm_epg0_eng_nus-ntu_mmcfa.htm (дата обращения 15.12. 2020).
- RAND (2019), “Extending Russia: Competing from Advantageous Ground”, *RAND Corporation, Arroyo Center’s Strategy, Doctrine, and Resources Program*, RR3063, https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR3000/RR3063/RAND_RR3063.pdf (дата обращения 20.11.2020).

DOI 10.48200/9789939672571_185

ДИСКУССИЯ О ХАРАКТЕРЕ ГЛАВНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ В СТАНОВЛЕНИИ КИТАЙСКОЙ НАУКИ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ¹

Сюй Цзинь, Ли Вэй

Институт мировой экономики и международных отношений,
Китайская академия общественных наук

Abstract

In *Caucaso-Caspica*, vol. 2-3 (2017—2018), we published the Russian version of Yan Xuetong's "Theoretical Principles of Moral Realism". The efforts of the Chinese scholar of international relations Yan Xuetong aimed at the creation of a theory of international relations with the Chinese characteristics, got serious attention of scholars outside China. However, relatively little is known about the state and development of Chinese research on international relations: its ideological attitudes and their evolution, the analytical apparatus, prominent representatives, and the mutual influence between foreign policy thought and diplomatic practice. The present work partially closes this gap.

Keywords: Chinese Foreign Policy Thought, Chinese Diplomacy, Chinese Ideology, Marxism, International Justice

Аннотация

В *Caucaso-Caspica*—2-3 (2017-2018) была опубликована русская версия части труда Циньхуа Яня Сюэтуна «Теоретические принципы морального реализма». Работы китайского учёного-международника Яня Сюэтуна по созданию теории международных отношений с китайской спецификой привлекли наибольшее внимание зарубежной общественности. Однако за пределами Китая сравнительно мало было известно о состоянии и развитии китайской науки о международных отношениях: её идеологических установках и их эволюции, аналитическом аппарате, ярких представителях, о взаимовлиянии внешнеполитической мысли и дипломатической практики. Настоящая работа частично закрывает этот пробел.

Ключевые слова: Китайская внешнеполитическая мысль, внешнеполитическая доктрина Китая, китайская дипломатия, марксизм, международная справедливость

Концепция основных международных противоречий—это типично марксистский подход в науке о международных отношениях, который является приложением марксистской теории противоречий к международным отношениям. Конкретно, в центре внимания этой концепции находится вопрос борьбы между основными силами

¹ Данная статья представляет собой перевод части *Исследования об эволюции внешней политики Китая со времени реформ и открытости* Сюй Цзинь и Ли Вэй (Пекин, Академическое издательство литературы по общественным наукам, 2017). В работе подробно рассматриваются все научные дискуссии, имевшие место в кругах китайских учёных-международников со времени начала политики реформ и открытости, в результате которых состоялось становление направления «Международные отношения» как самостоятельной дисциплины в китайских общественных науках. Перевод текста —Лариса Смирнова.

в международной системе. Хотя западные учёные-международники не используют термин «основные международные противоречия», на Западе также существуют аналогичные дискуссии: идея «конфликта цивилизаций», предложенная Хантингтоном, на самом деле, похожа на концепцию основных международных противоречий².

Поскольку под основными международными противоречиями понимаются противоречия между крупными державами, точная оценка международного расклада сил является логической отправной точкой для анализа основных международных противоречий. Изменения в международном раскладе, или в международной структуре, обычно вызывают изменения в основных международных противоречиях, что, в свою очередь, стимулирует обсуждение и выработку различных точек зрения об основных международных противоречиях. Следовательно, споры по поводу основных международных противоречий и споры по поводу международной структуры обычно связаны друг с другом.

Кульминация дискуссий по вопросу о том, в чём конкретно заключаются основные международные противоречия, пришлась на начало 1990-х годов, когда этот вопрос был самым обсуждаемым в научных и политических кругах китайских международныхников. Связано это было с появлением в мире большого количества сложно переплетённых противоречий после разрушения биполярной структуры в результате окончания Холодной войны. В связи с резкими изменениями в балансе главных сил в мире, основные противоречия начали претерпевать изменения, острота некоторых вновь появившихся в международной системе противоречий возросла, и они стали постепенно вытеснять основные противоречия предыдущего периода. В этой ситуации метод выявления основных противоречий приобрёл большое значение как для теории международных отношений, так и для дипломатической практики. Об этом хорошо говорил Хэ Фан (Фан 1992: 4): «Своевременное понимание основных противоречий в международных отношениях является не только важным методом изучения международных проблем, но и важной основой для разработки политики».

В течение достаточно долгого периода времени после Второй мировой войны в Китае было принято мнение о том, что противоречия между Востоком и Западом, представленные американо-советским противостоянием, являются главным противоречием в международном сообществе. Однако в конце 1960-х и начале 1970-х годов, когда произошло усиление китайско-советского конфликта с последующей вспышкой китайско-советских пограничных столкновений, а также состоялось историческое примирение между Китаем и Соединёнными Штатами, Китай перестал настаивать на том, что противоречие между Востоком и Западом является главным в международном сообществе. Тогда на повестке дня научного сообщества оказался вопрос: в чём же теперь главное международное противоречие? Объективно говоря, вплоть до окончания Холодной войны сверхдержавное противоречие между США и СССР и двумя соответственно возглавляемыми ими системами всё же следовало считать наиболее важным международным противоречием.

Здесь следует особо оговорить, что обычно существует только одно главное международное противоречие, а вот основных международных противоречий может быть несколько, причём, главное противоречие часто формируется в результате эскалации основных противоречий. В 1980-х годах некоторые учёные считали, что: «В современном мире существуют три основных группы противоречий,

² После 11 сентября 2001 г. журнал «Знания о мире» организовал семинар для обсуждения этих событий. На этом семинаре обсуждалось, стал ли конфликт цивилизаций основным противоречием международного сообщества. Подробнее см.: Сюэтуан и др. 2002. По теме, см. также: Шулуан 2003.

а именно: противоречия между капиталистическими и социалистическими странами; внутренние противоречия между капиталистическими странами; противоречия между империалистическими странами и национально-освободительными движениями за независимость. Именно эти три основных группы противоречий составляли центральное содержание политической экономики и международных отношений в современном мире» (Чаовэнь 1988: 1-2).

В начале 1990-х годов в международной обстановке произошли серьёзные изменения: война в Персидском заливе и распад Советского Союза нанесли сильный удар по сложившейся международной структуре. Поскольку основные международные противоречия неотделимы от изменений, через которые проходят основные мировые державы, то изменения в международной структуре вполне естественным образом привели к изменениям в характере основных международных противоречий. Некоторые учёные отмечали, что с точки зрения социальных и политических систем в мире существуют три основные системы, а именно: капитализм, социализм и демократический капитализм. С точки зрения общей национальной мощи в мире сформировались три основных центра сосредоточения силы и пять основных силовых акторов, а именно: Америка, Европа и Азия как регионы сосредоточения основных сил; США, Китай, Япония, Германия и Россия как основные силовые акторы; причём, характеристикой пост-биполярного порядка после Холодной войны стало формирование в этих трёх силовых системах и среди этих соответственно лидирующих в них пяти основных силовых акторов самых различных противоречий неодинаковой глубины и сложности (Синьго 1995: 22).

Если после окончания Холодной войны исчезли противоречия между США и Советским Союзом, то какие же новые основные противоречия возникли в международном сообществе? Сегодня с оглядкой назад можно сказать, что китайские учёные того времени, как правило, выделяли в качестве основных противоречий «противоречия внутри лагеря западных стран», «противоречия между Югом и Севером», «противоречия нового типа между Востоком и Западом», противоречия между Соединёнными Штатами и другими странами мира» и т.д., однако, в научных кругах разразились оживлённые дискуссии относительно того, какое из этих противоречий следует считать главным. 18 августа 1992 г. Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук провёл семинар на тему «Тенденции изменения основных и главного мировых противоречий». 14 марта 1995 г. редакция журнала «Исследования современных международных отношений» пригласила в Пекин более 20 учёных для обсуждения основных мировых противоречий. Дискуссии, имевшие место в рамках этих³³ двух конференций, носили содержательный характер, а высказанные точки зрения отличались разнообразием, что стало свидетельством наличия у китайских учёных того времени широкого спектра мнений по вопросу об основных международных противоречиях. Материалы этих двух конференций, а также опубликованные до и после них научные статьи, являются основными источниками, которыми мы пользовались при написании содержащегося в этой главе обзора научных споров об основных международных противоречиях.

1. Гипотеза «противоречий внутри лагеря Западных стран»

В начале 1992 года Хэ Фан опубликовал статью о том, что конфликт внутри лагеря Западных стран станет основным международным конфликтом в эпоху после окончания Холодной войны (Фан 1992а: 4-5). Эта статья пользовалась очень большим успехом и стала отправной точкой дискуссий об основных международных противоречиях в научном сообществе Китая. В своей статье он утверждал, что «в период

биполярной структуры главным противоречием в международных отношениях было противоречие между Востоком и Западом, которое сосредоточилось вокруг противоречий между Соединенными Штатами и Советским Союзом», причём «противостояние и конкуренция между Соединенными Штатами и Советским Союзом на протяжении этого периода времени были основным источником международной напряжённости и угрозы ядерной войны». Резкое сокращение силы Советского Союза и реализация линии «нового мышления» Горбачева привело к потеплению в американо-советских отношениях, что дало старт постепенному процессу трансформации основных противоречий, а полный крах Восточного блока и распад Советского союза означают, что «противоречия между Соединенными Штатами и Советским Союзом больше не являются главным противоречием в международных отношениях: количественные изменения в главном противоречии привели к его качественным изменениям, что завершилось его состоявшейся трансформацией. Сегодня противоречия внутри лагеря западных стран сконцентрированы в противоречиях между Соединенными Штатами, Европой и Японией, и именно они стали главными в современных международных отношениях» (Фан 1992b: 22-25). Среди причин, по которым противоречия внутри западных стран вышли на уровень главного международного противоречия, он называл неравномерность экономического развития, которая вызвала относительное сближение уровней мощи держав (конкретно, относительный упадок США и нарастающий подъём Европы и Японии), что привело к нарастанию противоречий внутри лагеря западных стран, между которыми постоянно возникают экономические и другие трения. Причина, по которой «противоречия внутри лагеря западных стран» носили, прежде всего, экономический характер, была связана с тем, что именно экономика оказалась в центре международных отношений и стала главной областью международной конкуренции. В результате распада Советского Союза Запад лишился общего противника, что встряхнуло фундамент под альянсом западных стран, а следовательно, противоречия между ними стали более явственными». Другие же основные противоречия в мире, будь то противоречия между Севером и Югом или между социализмом и капитализмом, не смогут сыграть решающей роли в воздействии на общий расклад, а также на развитие и изменения в мировой экономике и международной ситуации (там же: 4-5).

Хэ Фан не смог принять участие в конференции, проведенной Институтом современных международных отношений в марте 1995 года, но он написал организаторам конференции письмо: «Считается, что четыре года назад я стал инициатором дискуссии о главном противоречии в международных отношениях после окончания Холодной войны. За эти годы моя позиция вызвала немало дискуссий, я получил много критики <...> Я надеюсь, что ваша конференция продвинется вперёд в плане поиска ответов на два вопроса, а именно: возможно ли, чтобы в международных отношениях вообще не было главного противоречия? (в философии считается, что оно обязательно должно быть и не может исчезнуть); если это так, то в чём сегодня состоит главное противоречие?» (Синьго 1995: 2).

На семинаре, проведённом Институтом мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук в августе 1992 года, наибольшее количество участников поддержали гипотезу «противоречий внутри западного лагеря» (Чжоу 1992: 24-30). Одним из сторонников идеи Хэ Фана был Вэй Линь, директор Исследовательского бюро мировой политики Института мировой экономики и политики. Он полагал, что в ситуации, когда период гегемонии двух сверхдержав закончился тем, что одна из противоборствующих сторон заявила о принятии ею взглядов другой стороны, то главным международным противоречием стали противоречия внутри

лагеря развитых странах, а суть этого противоречия заключается в борьбе за лидерство, особенно за мировое экономическое лидерство. Что касается противоречий внутри социалистической системы и взаимных противоречий между странами третьего мира, то хотя бывают случаи разрешения таких противоречий насильственным путём, всё же эти столкновения и локальные войны чаще всего не в состоянии оказывать такого воздействия на международную систему, чтобы быть достойными считаться основными противоречиями. Соглашаясь с Хэ Фаном, Вэй Линь подчёркивал, что метод разрешения главного международного противоречия в сегодняшнем мире—это уже не использование военного флота и артиллерии для завоевания территории противника, как это было принято в XVIII веке, а также и не борьба за победу в гонке вооружений, как это было во времена конфронтации после Второй мировой войны и на протяжении Холодной войны; в сегодняшнем мире разрешение главного противоречия достигается путём определения преимущества сильных и устранения слабых в конкуренции за комплексную национальную мощь, основанную, прежде всего, на экономической науке и технике (Линь 1992: 39-40; он же 1993: 7-10).³ На конференции, проведенной Институтом современных международных отношений почти три года спустя, Вэй Линь продолжал придерживаться гипотезы «противоречий внутри лагеря западных стран». Он сказал: «За распадом Советского Союза и окончанием Холодной войны сразу же последовало превращение борьбы Соединенных Штатов, Европы и Японии за глобальное экономическое лидерство в главное международное противоречие, оказывающее влияние на мировой процесс исторического развития» (Синьго 1995: 3-4).

Выдвижение гипотезы «противоречий внутри лагеря Западных стран» дало непосредственный толчок большой дискуссии о главном международном противоречии в Китае. Основной посылкой гипотезы «противоречий внутри лагеря Западных стран» было то, что после распада Советского Союза развитые страны Запада потеряли своего общего противника, а поэтому противоречия между ними возросли. Окончание Холодной войны привело к снижению вероятности мировой войны, а международная конкуренция стала в основном принимать форму экономической конкуренции. Считалось, что ключевым фактором, формирующим главное международное противоречие, станет фактор экономических противоречий между Соединенными Штатами, Японией и Европой—тремя наиболее развитыми экономикой в мире. В методах и средствах борьбы за гегемонию произошла эволюция, выразившаяся в отходе от насильственных действий, таких как война, в сторону использования военного устрашения в качестве опоры для постепенного установления контроля над миром посредством экономической экспансии и культурного проникновения. Закон неравномерности развития капитализма продолжал играть роль и после Холодной войны: в сравнительном соотношении сил между Соединенными Штатами, Европой и Японией произошли заметные изменения, в целом, приведшие к уравниванию их потенциалов. В этом контексте экономическая конкуренция стала решающим фактором, оказывающим влияние на взлёт и падение великих держав, заменив вооруженные силы как определяющий элемент мирового расклада. Некоторые учёные полагали, что наибольшую политическую проницательность проявили те, кто своевременно заметил тенденцию усиления противоречий внутри западного лагеря после окончания Холодной войны (там же 1995: 25).

³ См. также статью с похожими взглядами: Линь 1993.

Кроме того, сторонники гипотезы «противоречий внутри лагеря Западных стран» сделали на её основе вывод, касавшийся политического курса: «Поскольку, — решили они, — главное противоречие—это противоречие между западными странами, а именно Соединёнными Штатами, Европой и Японией, то они не смогут договориться об объединении против нас», как тогда говорили, «им не до нас», то есть мы можем заключить, что для нас сейчас существует «благоприятная международная обстановка». Если бы вопрос о главном международном противоречии был тогда решён по-другому, то и оценки международной ситуации были бы совершенно другими: на этой основе мы можем заключить, что дискуссии о главном международном противоречии не были просто речевой казуистикой, а стали важной доказательной основой при определении политического курса, как то и предполагает марксизм, являющийся «удобным методом для исследования проблем и направления реальной деятельности» (Фан 1995: 88).

Тем не менее, гипотеза «противоречий внутри лагеря Западных стран» также столкнулась с определённым количеством критики. Позиция критиков основывалась на том, что, хотя противоречия внутри лагеря Западных стран становились всё более заметными, их всё же вряд ли можно было называть «главным международным противоречием». Во-первых, полагали они, степень взаимопроникновения и взаимозависимости между западными странами постоянно углубляется, внешнеэкономическая деятельность транснациональных компаний происходит на основе уже сформировавшейся экономической модели «вы ко мне, а я к вам», существующие стимулы для сотрудничества между развитыми странами очень сильны. Кроме того, показатель общей мощи таких стран, как Япония и Германия, далеко недостаточен для их конкуренции с США за мировое лидерство. Даже если внутри западных стран часто или непрерывно идёт конкурентная игра с высокими ставками, между ними также действуют механизмы координации и сотрудничества по основным международным делам, а конфликты и трения между ними чаще всего разрешаются в переговорном формате и путём механизма компромиссов. Во-вторых, в эпоху взаимозависимости нелегко провести различие между врагами и друзьями: многие международные проблемы выходят за пределы национальных границ и требуют совместных усилий международного сообщества для их решения. Сотрудничество между странами выходит за рамки географической концепции «Востока, Запада, Юга и Севера», различных социальных систем и различных систем ценностей. В-третьих, западным странам легко объединить свои силы, так как у них много общего в «дипломатии прав человека» и ориентации на продвижение западных ценностей по всему миру, а также в других стратегических целях. Наконец, в силовой структуре международных отношений играют роль не только западные державы: главные противоречия в будущем Азиатско-Тихоокеанского региона зависят не от отношений США-Япония-Европа или США-Япония-Россия, а от отношений в треугольнике США-Япония-Китай (Синьго 1995: 27). Критики гипотезы «противоречий внутри лагеря Западных стран» также пришли к выводу, касавшемуся определения политического курса: если степень противоречий между западными державами снова возьмёт верх над степенью их сотрудничества, то мир вполне вероятно может вновь оказаться «на пороге новой империалистической войны».

Подводя итоги, отметим, что гипотеза «противоречий внутри лагеря Западных стран» оказала в своё время большое влияние, хотя и подверглась немалой критике. Когда в конце XX века вышла статья, в которой учёные вернулись к обзору спора о «противоречиях внутри лагеря западных держав», то они пришли к выводам, что, как показали произошедшие в последующие годы события, противоречия между

развитыми странами Запада тогда преувеличивались, а механизм координации и сотрудничества не придавалось должного значения; между странами Запада существовала общность в вопросах идеологии, ценностных ориентациях и стратегических интересах; разрыв в потенциалах между Соединенными Штатами, с одной стороны, и Японией и Европой, с другой, не сокращался, а, наоборот, продолжал расти; интеграционные процессы в Европейском союзе столкнулись со сложностями и даже объединённой Европе трудно было конкурировать с Соединенными Штатами, то есть, на самом деле, участникам дискуссии следовало бы заключить, что противоречия внутри лагеря западных стран, не могли стать главным международным противоречием.⁴

2. Противоречия между США и другими странами мира

Ещё одна группа учёных полагала, что главным международным конфликтом после Холодной войны является конфликт между Соединенными Штатами и другими странами мира. В этой точке зрения подчёркивалось, что при определении главного международного противоречия роль переднего плана должна принадлежать Соединенным Штатам, которые практически неизбежно должны будут оказаться вовлечёнными практически в любые международные противоречия просто в силу того, что они оказались на положении единственной сверхдержавы и располагают значительными преимуществами во всех аспектах, таких как политика, экономика и военная сфера. Эта гипотеза была в чём-то схожа с гипотезой «противоречий внутри лагеря Западных стран», поскольку «другие страны мира» включали в себя «западные страны».

Подобно сторонникам гипотезы «противоречий внутри лагеря Западных стран», сторонники гипотезы «противоречий между США и другими странами мира» также признавали, что наиболее заметным изменением в ситуации в области международной безопасности после окончания Холодной войны стало исчезновение факторов военной конфронтации и выдвижение на первый план факторов экономической конкуренции. Они считали, что крупнейшие державы мира перенесли свою основную энергию на борьбу за комплексную национальную мощь; что доминировавшее в прошлом противоречие между Востоком и Западом отошло на второй план в связи с распадом Советского Союза и роспуском организации Варшавского договора, но они также считали, что «называть главным международным противоречием «противоречия между западными странами было недопустимым обобщением» и выступали против такого анализа, так как понятие «западные страны» сложно и запутанно, его содержание следовало конкретно проанализировать.

Чжу Чэнху, занимавший в то время должность доцента Института стратегических исследований Университета национальной обороны, считал, что «внутризападные противоречия» имеют как минимум три уровня. Первый уровень—это конфликт между Соединенными Штатами и другими капиталистическими странами, включая противоречия между Соединенными Штатами и Японией, а также между Соединенными Штатами и европейскими капиталистическими странами. Эти противоречия носят многогранный характер, в том числе, конфликты в политической, экономической областях и в сфере безопасности. Второй уровень — это японско-европейский конфликт, который в основном проявляется в экономической и политической областях, особенно остро в экономической сфере. Третий уровень — это конфликт между европейскими странами. Противоречия между ними очень сложны, среди них присутствуют не только противоречия между большими и малыми странами, но и

⁴ Подробнее см.: Чжоу 2000.

между большими державами, такие как противоречия между Великобританией и Германией, Францией и Германией, а также конфликт между Великобританией и Францией. Эти противоречия настолько многообразны, что всех их просто невозможно обобщить одним понятием «главное международное противоречие» (Синьго 1995: 6).

Именно по этой причине Чжу Чэнху не соглашался считать американско-европейские или американско-японские противоречия главным противоречием в тогдашних международных отношениях. По его мнению, главным международным противоречием следовало считать противоречия первого уровня, то есть противоречия между Соединенными Штатами и другими крупными капиталистическими странами. Конкретная причина для такого умозаключения заключалась в том, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе главными были американско-японские противоречия, где они доминировали над всеми остальными региональными противоречиями. Борьба оппонентов в этом конфликте развивалась в форме экономической борьбы за долю международного рынка в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а методом этой борьбы являлось создание экономической группы во главе соответственно с каждым из двух оппонентов. В европейском регионе борьба развивалась за региональное доминирование: в Европе переплеталось множество стратегических сил, каждая из которых хотела бы играть ведущую роль в этом регионе, но ни одна из них не была в состоянии это осуществить (Синьго 1995: 6).

На основании вышеприведённого анализа, Чжу Чэнху придерживался мнения о том, что при переходе к многополярной модели противоречия между Соединенными Штатами и другими капиталистическими странами являлись главным противоречием в международных отношениях и по-разному проявляются в разных регионах. Чжу полагал, что противоречия между Соединенными Штатами и другими крупными капиталистическими странами повлияют на будущую международную структуру в Азии, Европе и даже в мировом масштабе, однако, каким бы ни был исход этого конфликта, он будет в корне отличаться от главных конфликтов Холодной войны, так как он, по крайней мере в обозримой перспективе, не будет представлять угрозы для выживания крупных стран. Объясняется это тем, что государства-оппоненты в этих противоречиях нуждаются друг в друге больше, чем противостоят друг другу, координации между ними больше, чем трений, а сотрудничества больше, чем конкуренции. В общем, гипотеза «противоречий между США и другими странами» предполагала, что при анализе главного международного противоречия не стоит слишком серьёзно воспринимать существующие между западными странами противоречия.

Некоторые учёные, например, Янь Сюэту, рассматривали противоречия между Соединенными Штатами и другими странами в широком смысле как противоречие между гегемонизмом и антигегемонизмом и полагали, что это противоречие приобретёт ограничивающий развитие других противоречий характер и окажет решающее влияние на развитие международных отношений. Выявление главного международного противоречия Янь Сюэту предлагал начать с трёх критериев: 1. Вовлечены ли в это противоречие главные державы; 2. Связано ли это противоречие со стратегическими интересами этих стран, то есть с их жизненно важными потребностями; 3. Оказывает ли это противоречие влияние на внешнюю политику большинства стран мира (Сюэту 2000: 1). Международное политическое противоречие может рассматриваться как главное международное политическое противоречие только в том случае, если оно одновременно удовлетворяет всем трём указанным условиям.

Рассуждая на этой основе, Янь Сюэту полагал, что замена «американско-советской борьбы за гегемонию» «американскими претензиями на гегемонию» стала

важнейшим международно-политическим различием между эпохами до и после окончания Холодной войны. Следовательно, при определении главного международного противоречия после Холодной войны необходимо начать анализ с противоречий между Соединенными Штатами и другими основными силами в мире. Проанализировав противоречие между гегемонизмом и антигегемонизмом в период после Холодной войны, Янь Сюэтуан заключил, что оно соответствовало трём вышеуказанным характеристикам: противоречие между претендующими на гегемонию Соединёнными Штатами и противостоящими гегемонизму крупными державами являлось типичным противоречием между главными мировыми силами; стремление к гегемонии и противостояние гегемонии носили характер стратегического противоречия между основными силами после Холодной войны; противоречие между американскими гегемонистскими претензиями и антигегемонизмом других крупных держав уже оказало большое влияние на внешнюю политику подавляющего большинства стран мира. Следовательно, можно было считать, что это противоречие стало главным международным политическим противоречием после Холодной войны. Янь Сюэтуан также отмечал, что стремление к гегемонии и противодействие гегемонии являются типичным международным политическим противоречием, но это противоречие по-разному проявляется в разные исторические периоды. В период после Холодной войны это противоречие проявлялось в двух основных аспектах, а именно в системности американских претензий и вызванной ими борьбе за международные нормы, на фоне чего противоречия между Соединенными Штатами и Китаем стали проявляться особенно явно (Сюэтуан 2000: 2).

Некоторые учёные прямо описали противоречие между гегемонизмом и антигегемонизмом как противоречие двух мировых порядков. «После окончания Холодной войны первая задача народов мира – это установление глобального (в том числе, региональных) международного политического и экономического порядка. Кто является главным препятствием на пути установления нового международного политического и экономического порядка? Ответ ясен: гегемонизм в лице Соединенных Штатов» (Синьго 1995: 33). Эти учёные считали, что суть главного противоречия заключалась в противоречии между Китаем и США по поводу установления нового международного порядка (Дэсун 1996: 6-9).

С другой стороны, ключевым вопросом, на который наводит гипотеза, согласно которой гегемонизм и антигегемонизм являются главным международным противоречием, является вопрос о том, смогут ли противостоящие гегемону силы образовать одну из двух сторон, необходимых для наличия противоречия. По мнению оппонентов этой гипотезы, хотя в международном сообществе предпринимаются некоторые попытки ограничить гегемонию США, однако, такие попытки чаще всего бывают слабыми, их отличает несконцентрированность усилий и слабая воля участников, а потому они оказываются неэффективными. В краткосрочной перспективе международному сообществу будет трудно сформировать сильный единый антиамериканский фронт. То есть противоречие между претензиями США на мировую гегемонию и антигегемонистским ответом со стороны мирового сообщества является асимметричным. В краткосрочной перспективе сложно представить себе созревание этого противоречия, не говоря уже о его способности доминировать или оказывать влияние на развитие других противоречий в международном сообществе» (Жэньго 2003: 12).

3. Гипотеза о «противоречиях между Югом и Севером»

Некоторые учёные подчеркивали важность «противоречий между Югом и Севером» и полагали, что после распада биполярной структуры уже существующие экономи-

ческие, политические, социальные, культурные и идеологические различия и противоречия между развитыми и развивающимися странами стали более заметными. Углубившись, противостояние между Югом и Севером стало очень важной проблемой, и это противоречие является трудноразрешимым (Синьго 1995: 10).

Се Исянь считал, что при разрешении вопроса о главном международном противоречии следует выбирать из двух: «противоречий внутри лагеря западных стран», которые постоянно нарастают, и «противоречий между Югом и Севером», которые также по-прежнему очень заметны. Проведя такое сравнение, сам он склонялся к тому, что главным международным противоречием являются «противоречия между Югом и Севером». Объясняя, почему это противоречие следует считать главным международным противоречием, Се Исянь исходил из анализа двух аспектов: экономического и политического. Прежде всего, в экономическом отношении разрыв в уровнях благосостояния между развитыми западными державами и развивающимися странами возрастает, и при этом развивающимся странам наносит ущерб невыгодный международный экономический порядок, контролируемый западными странами. С политической точки зрения, развитые страны пытаются навязывать другим свои ценности и свои политические и экономические модели, нарушая тем самым суверенитет других стран и вмешиваясь в их внутренние дела, демонстрируя признаки гегемонизма и политики грубой силы. Более того, при этом они открыто заявляют, что внутреннее устройство страны влияет на международный порядок,—утверждение, которое оправдывает вмешательство иностранных государств во внутренние дела. По этим основным вопросам у развитых и развивающихся стран сложились два разных взгляда на новый международный порядок, что и отражает суть «противоречия между Югом и Севером» (Исянь 1993: 51).

Однако в другой своей статье Се Исянь писал: «В современном мире «противоречия внутри лагеря западных стран» развиваются день ото дня и «противоречия между Югом и Севером» очень заметны, однако, нынешнее состояние их таково, что сложно сказать, какое из этих противоречий первично, а какое второстепенно». И всё же, учитывая, что в определении главного противоречия говорится, что «оно должно наиболее характерным образом отражать все тенденции общественного развития и прогресса в данную эпоху», можно заключить, что «противоречие между Югом и Севером» является главным, так как именно от его состояния будет зависеть будущее развитие и прогресс международного сообщества (он же 1992: 25, 27).

Цзинь Дэсян, приводя в поддержку своего мнения цитаты из третьего тома «Избранных произведений Дэн Сяопина», делал следующий вывод: «В качестве «главного вопроса или центральной задачи», которые в настоящее время «должны решить» народы всего мира, следует рассматривать вопросы развития; в качестве главного международного противоречия в сегодняшнем мире следует рассматривать общие задачи экономического развития и разрешения мирового экономического дисбаланса, который приводит к тому, что потребности народов во всех странах, а особенно в странах третьего мира, далеки от удовлетворения» (Дэсян 1994: 38-41). Исходя из теории Дэн Сяопина «Восток-Запад-Юг-Север», Ли Чжипин пришёл к выводу, что основным проявлением проблемы развития является проблема Юг-Север в её экономическом смысле (Чжипин 2001: 65).

Некоторые учёные детально проанализировали содержание и изменения «противоречия между Югом и Севером» и пришли к выводу, что традиционное видение «противоречия между Югом и Севером» относит его к экономическим противоречиям, которое проявляется в дисбалансе между экономиками Юга и Севера. Однако с окончанием Холодной войны политические факторы в «противоречиях между

Югом и Севером» усилились, в силу обострившихся противоречий и борьбы между развивающимися и развитыми странами создались условия для жёсткой конфронтации между ними (Синьго 1995: 17-18).

Признание «противоречий между Югом и Севером» в качестве главного международно-политического противоречия в период после Холодной войны имело большое значение для определения политического курса. Это стало аргументом в пользу того, что международная обстановка в период после Холодной войны не содержала рисков мировых войн, а, наоборот, обещала сравнительно длительный период мира во всем мире, и, следовательно, долгом народов всего мира было воспользоваться этим мирным временем для развития своей экономики. Из этого следовало, что и Китаю должно было сосредоточить свои усилия на экономическом строительстве, что вполне соответствовало основной политической линии китайского правительства.

С другой стороны, некоторые учёные подвергли критике мнение о том, что «противоречие между Югом и Севером» является главным противоречием в международных отношениях. Их аргументы строились на том, что ситуация, когда в силах между Югом и Севером наблюдался сильный дисбаланс, а среди развивающихся стран были на лицо острые различия, приводила к росту «противоречий между южными странами», которым было сложно выступать единым лагерем. В результате, в диалоге с Севером южные страны занимали более слабую и пассивную позицию. По мнению этой группы учёных, влияние «противоречий между Югом и Севером» на мировую стратегическую ситуацию не увеличивалось, а, наоборот, ослабевало. Если провести сравнение с периодом, предшествовавшим Второй мировой войне, то в те годы конфликт между полуколониальными и империалистическими странами проявлялся очень остро, но даже в те годы он не стал главным международным противоречием, так что и в современный период «противоречие между Югом и Севером» не обладало потенциалом достичь уровня, способного оказывать решающее воздействие на развитие международной стратегической структуры (Синьго 1995: 18).

Вэй Линь, сторонник гипотезы «противоречий внутри лагеря Западных стран», был оппонентом гипотезы о «противоречиях между Югом и Севером». Он считал, что закон неравномерности экономического развития начал играть роль и в развивающихся странах, что ведёт к дальнейшему углублению различий между развивающимися странами и возникновению так называемых «отношений между Югом и Севером среди стран третьего мира». Проявлением этого стало то, что национальные интересы и проблемы, с которыми сталкиваются успешно осуществившие индустриализацию развивающиеся страны, стали сильно отличаться от тех вопросов, которые стоят перед развивающимися странами, низведёнными до положения стран-должников, в силу чего развивающиеся страны уже не могут выступать единым лагерем, как это часто случалось в 1970-е годы (Линь 1992: 40).

Чжао Цзюньцзе считал перерастание противоречий между Югом и Севером в главное международное противоречие «нежелательным». Он полагал, что разрыв в уровнях развития между Югом и Севером в настоящее время не только не увеличивается, а как раз наоборот, в некоторых регионах мира этот разрыв сократился, в силу чего наметилась некоторая степень зависимости развитых стран от развивающихся (Синьго 1995: 27).

4. Гипотеза «исчезновения главного международного противоречия»

Некоторые учёные предложили следующий подход: для решения вопроса о главном международном противоречии нужно наблюдать за международной ситуацией, исходить из её реалий, искать истину из фактов, но если такое наблюдение остаётся

безрезультатным, то не надо делать однозначных выводов о том, что главное международное противоречие существует или что его не существует. Исторические изменения главного международного противоречия при отсутствии какой-то чрезвычайной ситуации не осуществляются за один день—то исторический процесс, который требует определённого переходного периода. Если пока ещё непонятно, какое противоречие является главным среди всех сегодняшних противоречий, то не следует торопиться заключать, какое из них стало главным, можно ещё понаблюдать за эволюцией противоречий до тех пор, пока количественные изменения не приведут к качественным и пока главное противоречие не проявится со всей очевидностью (Синьго 1995: 8, 10, 23-24). В целом, сегодня нам действительно пока ещё сложно определить, какой фактор или какое противоречие являются доминирующим международным противоречием.

Эта точка зрения, в основном, сложилась как критический ответ на гипотезу «противоречий внутри западного лагеря» как главного противоречия в международных отношениях. Большинство учёных этой школы полагали, что в период перехода от международной структуры Холодной войны к структуре после Холодной войны, процесс перераспределения разных сил в мире ещё продолжается, между ними ещё не сложились достаточно устойчивые взаимоотношения, существуют различные факторы для возгорания региональных конфликтов и конфликтов между отдельными странами: это могут быть территориальные споры, межнациональные конфликты, межрасовые и религиозные противоречия, борьба за экономическую выгоду, конфликты из-за разницы в политических системах, ценностные различия, различия в основополагающих атрибутах цивилизаций, гегемонизм и проведение политики с позиций силы и др. В настоящее время пока трудно сказать, какой из этих факторов или какое из этих противоречий окажется доминирующим. Взаимоотношения между большими державами являются особенно сложными: не существует пары абсолютно враждующих между собой держав, все они соперничают в каких-то вопросах и сотрудничают в других, в настоящее время пока неясно, как структурируются отношения между основными державами, здесь ещё требуется дальнейшее наблюдение, и не следует торопиться с поверхностными выводами (там же: 7).

Цзинь Цзюньхуэй из Китайского института международных исследований отметил, что, хотя между развитыми странами существуют противоречия и борьба, особенно в экономических и торговых аспектах, а также конкуренция за лидерство в некоторых регионах, однако, взаимосвязи между ними всё же проявляются очень сильно: это экономическая взаимозависимость, ответы на некоторые вызовы, исходящие от «стран Юга», сходство политических систем и ценностей, ответ на происходящие в России изменения и её возможную будущую экспансию, ответ на так называемую «потенциальную угрозу» со стороны Китая и так далее. Действительно, можно говорить о том, что координация и сотрудничество между развитыми западными странами являются важным аспектом международных отношений. Однако в том, что принято называть «главным противоречием» должен содержаться если не потенциал вызвать серьёзное противостояние, например, войну, то, как минимум, хоть какой-то характер противостояния, а если никакого противостояния нет, то не может быть и главного противоречия. Следовательно, «противоречия между западными странами» не являются главным международным противоречием (там же).

Ли Чанцзю полагал: «В развитии и эволюции основных противоречий в современном мире имеются три основные характеристики: во-первых, содержание противоречий изменилось, военные факторы в большинстве противоречий значительно сократились, а влияние экономических факторов возросло <...>; во-вторых, изме-

нилось отношение к конфликтам и методам их разрешения: в прошлом это была в основном конфронтационная борьба, а в настоящем – это сочетание конфронтации и координации, борьбы и сотрудничества, причём, в некоторых случаях, координация и сотрудничество становятся основным методом; в-третьих, направление развития этих противоречий довольно непредсказуемо и несёт в себе большой элемент неопределённости» (там же: 23).

Однако эта группа учёных всё же признавала, что хотя на тот момент времени в международном сообществе ещё не возникло и не сформировалось новое главное противоречие, которое стало бы играть ведущую роль в международных отношениях, но относительно важные противоречия всё-таки существовали и постоянно возникали. Например, Цзянь Вэньжун считал, что хотя в середине 90-х годов XX века явного «главного противоречия» видно ещё не было, но «если его непременно необходимо найти, то больше всего похожа на главное противоречие экономическая война между развитыми странами» (там же: 11). Были и такие учёные, кто считал, что противоречие между глобализированной рыночной экономикой и национализмом является относительно более важным и заметным, чем «противоречия внутри лагеря западных стран» или «противоречия между Югом и Севером» (там же: 28).

5. Альтернативные точки зрения

Небольшая группа учёных полагала, что распад Советского Союза знаменовал вступление в новый этап борьбы между социализмом и капитализмом, и предлагала не игнорировать «противоречия нового типа между Востоком и Западом». Линь Яньчжи утверждал, что противоречие между международным монополистическим капитализмом и социализмом является главным противоречием человеческого общества на современном историческом этапе. При этом нужно учитывать, что главное мировое противоречие может принимать три формы: горячая война, холодная война и открытость. В наше время противоречие сохраняется, но проявляется оно в форме «открытости». Автор этой концепции не давал дополнительных пояснений относительно того, почему открытость является формой выражения противоречий наряду с горячей и холодной войнами (Яньчжи 2005: 22-23).

Фактически, большинство китайских учёных того времени полагали, что противоречие между Востоком и Западом действительно продолжало существовать и что просто характер борьбы стал более витиеватым и сложным. Поскольку роль идеологических факторов в международных отношениях уменьшилась, то и противоречие между социализмом и капитализмом не могло оставаться главным мировым противоречием. Скорее, ожидалось, что в мире сложится конкуренция и взаимовыгодное сотрудничество по типу «один глобальный мир, две политэкономические системы» (Синьго 1995: 22; Линь 1992: 40).

Приведённые выше различные взгляды на главное противоречие в международных отношениях основаны на концепции о противоречиях между государствами как объектами международных отношений. Однако после окончания Холодной войны, в связи с быстрым распространением глобализации, стало проявляться противоречие между мировым рынком, с одной стороны, и национальными государствами, с другой. Поэтому некоторые учёные, представителем которых был, например, Е Цзян, придерживались альтернативного подхода, предлагая считать главным противоречием в международных отношениях противоречие между национальным государством и мировым рынком.

Е Цзян полагал, что в связи с «внезапным» окончанием Холодной войны стало очевидным влияние экономической глобализации, в основном обусловленной

изменениями в глобальной структуре производства, на международные отношения. «Противоречие «Противоречие между Югом и Севером», «противоречие между западными странами» и «противоречие нового типа между Востоком и Западом» - все эти противоречия объективно существуют и оказывают существенное влияние на современные международные отношения (Цзян 1999: 49).

Эти точки зрения звучали свежо, выделяясь из традиционной схемы, где главное международное противоречие анализировалось с точки зрения борьбы между государствами или группами государств. Они основывались на гипотезе о возрастающей роли международных экономических отношений, что стало отражением в китайской науке находившегося в то время на пике движения глобализации.⁵ Однако, как показали последующие исторические факты, международные экономические отношения не могут стать полностью определяющими в международной политике, поэтому аргументы о том, что противоречия между национальными государствами и мировым рынком являются главным международными противоречием, не были разделены большим количеством учёных.

6. Выводы и комментарии

В переходный для мировой структуры период после окончания Холодной войны научная дискуссия о главном международном противоречии стала для китайских учёных важным этапом познания международной системы. Значение этой дискуссии для определения политического курса весьма очевидно: в соответствии с марксистской теорией противоречий, верно определив главное противоречие, можно правильно определить повестку дня, а правильное определение повестки дня может помочь в поиске подходящих решений для всех возникающих проблем. Эта научная дискуссия создала атмосферу для острого столкновения взглядов нескольких научных групп, что было плодотворно для рождения целого спектра идей, среди которых больше всего внимания на себя обращали четыре гипотезы: гипотеза «противоречий внутри лагеря западных стран», гипотеза «противоречий между Соединёнными Штатами и другими странами», гипотеза «противоречий между Югом и Севером» и гипотеза «об исчезновении противоречий».

В гипотезе «противоречий внутри лагеря Западных стран» в основном подчёркиваются экономические аспекты международных противоречий и считается, что хотя идеологические разногласия, политические конфликты и военные угрозы продолжали в различной степени существовать после окончания Холодной войны, но трения и конфликт экономических интересов стали ещё острее. Поэтому, по мнению представителей этого направления, наиболее сильно проявляются противоречия между тремя наиболее развитыми экономическими субъектами. Кроме того, в качестве ещё одного подтверждающего эту гипотезу аргумента рассматривалось то, что в условиях несбалансированного национального развития в мощи Соединённых Штатов наметилась тенденция к снижению, а в мощи Японии и Европы—тенденция к росту, но стать полноценными соперниками они смогут только в том случае, если достигнут приблизительного равенства по своему потенциалу.

Большинство сторонников гипотезы «противоречий внутри лагеря Западных стран» придерживались традиционных марксистских методов анализа. Особенно большое влияние на их взгляды о международных экономических противоречиях оказала ленинская точка зрения о том, что «империалистические войны неизбежны»

⁵ См. также: Мэйин 2009, статье высказывались похожие взгляды.

и что внутри доминирующего класса капиталистических монополий обязательно происходит внутренняя борьба, что находилось в соответствии с общепринятой марксистской позицией об «определяющем надстройку экономическом базисе».

Развитие международных отношений после Холодной войны доказывает, что разрыв в потенциалах между Соединенными Штатами, Японией и Европой не сокращается, а, наоборот, увеличивается: Япония и Европа всё больше ослабевают и теряют свою способность конкурировать с Соединенными Штатами. Ещё одна важная причина ошибочных прогнозов, основанных на гипотезе «противоречий внутри лагеря Западных стран», заключается в том, что международные экономические и международные политические отношения довольно сильно отличаются друг от друга по своей природе: в экономических отношениях делается упор на взаимовыгодных и беспроигрышных стратегиях, считается, что межгосударственные экономические противоречия можно разрешить с помощью скоординированной политики; политические отношения часто принимают характер «игры с нулевой суммой», а шансы на успешное разрешение политических противоречий посредством координации политики намного ниже. Этим и объясняется, почему экономические противоречия внутри западных стран не переросли в главное международное противоречие.

В гипотезе о том, что «противоречие между Соединенными Штатами и другими странами» является главным международным противоречием, верно подмечалось, что Соединенные Штаты обязательно должны быть вовлечены в него хотя бы в силу своего положения в качестве наиболее влиятельного игрока в международной структуре, но в этой гипотезе присутствовали общие места и недоговорки. Во-первых, у США есть конфликты со многими странами и регионами, так какой же из этих конфликтов является наиболее важным? Во-вторых, конфликты США с другими странами касаются различных сфер: так, конфликт с Россией относится к сфере безопасности, конфликты с Европой, Японией и рядом развивающихся стран – к экономической сфере, конфликт с Китаем – к сфере идеологии, так какой же из этих конфликтов является наиболее важным? Сторонники этой гипотезы не раскрывали своей позиции по этим вопросам. Однако вклад этой группы учёных заключался в том, что они стали постепенно отходить от методов классового анализа, который долгое время доминировал в китайских исследованиях по международным отношениям. Испытывая на себе влияние теории реализма в той форме, в какой она развивалась в западной науке о международных отношениях, они делали упор на анализе международных отношений с точки зрения политики силы, что заложило основы для зарождения школы реализма в китайской науке о международных отношениях.

Гипотеза о том, что «экономические противоречия между развивающимися и развитыми странами» являются главным международным противоречием, также испытывает на себе сильное влияние методов классового анализа, так как и в ней подчёркивались экономические аспекты при анализе основных международных противоречий. Однако после окончания Холодной войны в уровне участия стран третьего мира в усилиях по установлению нового мирового порядка наступил период снижения, а разрыв в потенциалах между двумя лагерями этого противоречия увеличился, это не говоря уже о том, что среди стран третьего мира существуют серьёзные разногласия, им трудно объединиться и составить один из противоборствующих лагерей главного международного противоречия.

В гипотезе «об исчезновении противоречий» предполагалось, что в переходный для международной структуры период произошло усложнение различных международных противоречий, в результате чего главное международное противоречие перестало быть очевидным. Поскольку структуру силы отличает неопределённость,

то соответственно неясно, в чём заключается главное противоречие. Этот аргумент увязывает дискуссию об основных международных противоречиях с дискуссией о международной структуре. С другой стороны, сторонники гипотезы «об исчезновении противоречий» также соглашались, что после окончания Холодной войны роль экономических факторов в международных отношениях значительно возросла, в то время как роль военных факторов снизилась, а следовательно, основы для конфронтации в международных отношениях уменьшились, а факторы сотрудничества увеличились, а значит, главное международное противоречие перестало проявляться со всей очевидностью. Эту позицию разделяло подавляющее большинство сторонников гипотезы «об исчезновении противоречий».

Наконец, были учёные, которые предлагали не забывать о «новых противоречиях между Востоком и Западом» и даже считать их главным международным противоречием, но сторонников этой гипотезы было очень немного. Причины слабости этой позиции очевидны и просты. После распада Советского Союза социалистическое движение пришло в упадок. Ставший крупнейшей социалистической страной Китай придерживался стратегической линии «выжидания, оставаясь в тени» и подчёркивал при этом, что страны с разными идеологиями должны мирно сосуществовать, то есть у Китая не было ни способности, ни желания взять на себя лидерство в новом раунде идеологического противостояния. Поэтому большинство учёных полагали, что в международном контексте «сильный Запад и слабый Восток» и «Запад нападает, а Восток обороняется» уменьшились статус и роль «противоречия Восток-Запад» в мировых делах, а значит, оно перестало играть роль главного международного противоречия. Однако это противоречие далеко не исчезло, потому что, даже если идеологические факторы больше не играют определяющей роли в международных отношениях, ещё рано утверждать, будто бы они вообще перестали играть всякую роль.

Что касается методов анализа, участники этой дискуссии в основном придерживались самых традиционных марксистских методов исследования, особенно метода анализа противоречий и закона неравномерности развития. Исключения составили Янь Сюэтунь, который использовал распространённую на Западе теорию силовой политики, и Е Цзянь, который в своём анализе международных противоречий использовал современные методы политической экономики. Другие методы исследования редко использовались в научных дискуссиях о главном международном противоречии.

Китайские учёные-международники не пришли к единой точке зрения по этому вопросу. Связано это было с тем, что обстановка ежедневного усложнения различных мировых противоречий после окончания Холодной войны не располагала к выделению одного основополагающего противоречия, а также и с тем, что разные углы зрения на эту проблему приводили к разным выводам.

Большинство придерживавшихся методов классового анализа сторонников гипотез «противоречий внутри лагеря Западных стран» и «противоречий между Севером и Югом» рассматривали в качестве центра противоречий борьбу по причине соперничества за экономические интересы, сторонники гипотез идеологического противостояния и «теории конфликта цивилизаций» рассматривали в качестве центра международной борьбы мировоззренческие аспекты, и лишь немногие учёные видели центр международной борьбы в борьбе за господство. Только те учёные, которые полагали, главным международным противоречием является борьба между гегемонизмом и противодействием гегемонизму постепенно пришли к пониманию того, что борьба за господство является сущностью международных отношений. Впрочем, даже сторонники этого взгляда исходили из заявленного Китаем курса

мирной внешней политики и не вдавались для обоснования своих выводов в глубокий анализ характера международных отношений.

Необходимо также отметить, что воплотившиеся в этой дискуссии академическая свобода и свобода мысли были беспрецедентны и очень ценны. Хотя в ходе дискуссии высказывались диаметрально противоположные точки зрения, но при этом не «навешивалось ярлыков» и не устраивалось «критических кампаний» - обмен мнениями происходил в форме равноправного диалога. Такой уровень академической свободы мог быть достигнут, главным образом, потому, что китайское правительство предпочло не вмешиваться в эти дебаты и не спускало в отношении содержания этих дебатов официальных комментариев высокого уровня, что способствовало свободному поиску истины среди учёных. Но, возможно, по этой же причине, а именно потому, что китайское правительство воздержалось от выводов по вопросу о главном международном противоречии, участники научной дискуссии по этому вопросу не смогли в её результате прийти к единому мнению.

В XXI веке больше нет знаменательных событий, которые могли бы мотивировать споры о главном международном противоречии. В кругах учёных среднего и молодого возраста больше не проходят подобные дебаты. Некоторые из основных терминов, применявшихся в процессе этой дискуссии, особенно те, которые касаются классификации стран, например: социалистические страны, империалистические страны, южные страны, северные страны, страны, борющиеся за обретение национальной независимости, - все эти термины сейчас считаются несущими на себе отпечаток идеологии и редко используются в науке о международных отношениях. На смену им пришли более нейтральные термины, такие как развитые страны, развивающиеся страны, наиболее быстро развивающиеся страны и страны-гегемоны. Правительственная линия заключалась в том, что Центральный Комитет Коммунистической партии Китая во главе с Председателем Ху Цзиньтао, выдвинувший концепцию «гармоничного мира», явно стремился избежать воплощения в жизнь международных противоречий. С другой стороны, по мере того как Китай оказывается всё больше вовлечённым в различные международные противоречия, нарастают опасения, что китайской дипломатии будет очень сложно реагировать гибко и активно в ситуации, если Китай столкнётся с реалиями участия в серьёзном международном конфликте. А по мере нарастания таких опасений анализ основных международных противоречий практически исчез и из дискурса китайских научных кругов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дэсун Мао (1996), “О главном противоречии в современных международных отношениях”, *Вестник Фуянского педагогического института*, 4: 6-9 (на китайском).
- Дэсян Цзинь (1994), “Вопрос о главном международном противоречии в сегодняшнем мире”, *Современные международные отношения*, 6: 38-42 (на китайском).
- Жэньго Хуан (2003), “О главном международном противоречии в современном международном сообществе и стратегическом выборе Китая”, *Вестник Цзяннаньского института общества*, 4: 10-14 (на китайском).
- Исянь Се (1992), “Главное международное противоречие сегодня—это противоречие между Югом и Севером”, *Передовые теоретические вопросы в вузах*, 3: 21-28 (на китайском).
- (1993), “Главное международное противоречие сегодня—это противоречие между Югом и Севером”, *Передовые теоретические вопросы в вузах*, 3: 50-52 (на китайском).

- Линь Вэй (1992), “Наше понимание главного международного противоречия в сегодняшней международной системе” *Мировая экономика и политика*, 12: 39-42 (на китайском).
- (1993), “Главное международное противоречие в современной международной системе и формы его проявления” *Вестник Дипломатического института*, 3: 7-10 (на китайском).
- Лю Синьго (1995), “Тезисы конференции о главном мировом противоречии”, *Современные международные отношения*, 4: 2-43 (на китайском).
- Мэйин Хуан (2009), “Новая мысль об основных международных противоречиях”, *Теоретическое обозрение*, 2: 60-62 (на китайском).
- Сюэтуан Янь (2000), “Продолжение истории”, *Современные международные отношения*, 6: 1-12.
- /Байцзя Чжан/Яцин Цинь/Вэйпин Е/Вэй Пань (2002), “Наступила ли эпоха «столкновение цивилизаций»?—Спор о главных противоречиях мира”, *Знания о мире*, 3: 38-39 (на китайском).
- Сяомао Чжоу (2000), “Оценка противоречий внутри лагеря западных стран после исчезновения противоречий Восток-Запад”, Цит. по: *Вестник Хунаньского педагогического института*, 3: 13-17 (на китайском).
- Фан Хэ (1992), “О некоторых вопросах, касающихся переходного периода в международной ситуации”, *Международные перспективы*, 1: 3-6 (на китайском).
- (1992), “Размышления о главном противоречии в современных международных отношениях”, *Форум партийных школ*, 4: 24-28 (на китайском).
- (1995), “Размышления относительно международной среды, в которой Китай окажется в начале следующего века—к обсуждению некоторых спорных вопросов в исследованиях международных отношений”, *Международная среда*, 3: 88-95 (на китайском).
- Цзян Е (1999), “Мировая история после окончания эпохи Холодной войны и главное мировое противоречие”, *Вестник Шанхайского педагогического института* (серия «Философия и общественные науки»), 9: 44-50 (на китайском).
- Чаовэнь Ван (1988), *Политическая экономика и международные отношения в современном мире*, Пекин (на китайском).
- Чжипин Ли (2001), “Анализ главного противоречия после Холодной войны с точки зрения теории «Восток-Запад-Юг-Север» Дэн Сяопина”, *Вестник национального института провинции Гуанси* (серия «Философия и общественные науки»), 3: 64-66 (на китайском).
- Чжоу И (1992), “Дискуссия об основных международных противоречиях, главном международном противоречии и тенденциях их изменения”, *Мировая экономика и политика*, 11: 24-31 (на китайском).
- Шулун Чу (2003), “Является ли цивилизационно-культурный конфликт главным мировым противоречием после Холодной войны?”, *Мировая экономика и политика*, 2: 11-16 (на китайском).
- Яньчжи Линь (2005), “Характер эпохи и главное мировое противоречие”, *Красный флаг* (Hongqi Wengao), 10: 22-24 (на китайском).

DOI 10.48200/9789939672571_203

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ ЧЕРНОМОРСКО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Максим Васьков

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Abstract

The article considers the role of geopolitical processes in the development of political turbulence in the Black Sea-Caspian region and the North Caucasus. Geopolitical risks and their impact on the Russian North Caucasus are discussed in the contexts of comparative analysis of the policies of such players as the USA, Turkey, Russia, and network terrorist organizations claiming to have their role in the regional geopolitics.

Keywords: Black Sea-Caspian Region, North Caucasus, Geopolitics, Risks, Security

Аннотация

В статье рассматривается роль геополитических процессов в турбулентных политических развитиях в Черноморско-Каспийском регионе и на Северном Кавказе. Геополитические риски и их влияние на российский Северный Кавказ изучаются с использованием сравнительного анализа политики главных игроков—США, Турции, России и сетевых террористических организаций, также претендующих на геополитическую нишу в регионе.

Ключевые слова: Черноморско-Каспийский регион, Северный Кавказ, геополитика, риски, безопасность

В современных условиях стали заметны изменения геополитической роли Черноморско-Каспийского макрорегиона и трансформация влияния этих процессов на ситуацию на Северном Кавказе. Можно констатировать, что геополитический фактор и является фактором политической турбулентности в регионе. Данная турбулентность тесно связана с несовпадением интересов ведущих геополитических игроков, взрывоопасностью самого Черноморско-Каспийского региона и Северного Кавказа. Это обуславливается и существенной региональной цивилизационной спецификой и интересами, которые особенно рельефно проявляются, если рассматривать институциональные факторы политической турбулентности, связанные со сферами экономики, идеологии, безопасности.

Используемые в статье географические определения—Черноморско-Каспийский регион и Северный Кавказ—понимаются автором как взаимосвязанные элементы единого социокультурного и политико-экономического пространства. Геополитические комбинации в отношении государств Черноморско-Каспийского региона не могут не оказывать влияния на российский Северный Кавказ и во многом способствуют развитию в нём процессов политической турбулентности.

Различные геополитические факторы, которые оказывают существенное влияние на политическую турбулентность Черноморско-Каспийского региона в его связи с Северным Кавказом, могут быть классифицированы следующим образом:

1) Геополитические и геоэкономические интересы различных региональных и мировых держав, которые связаны с их взаимоотношениями между собой и с Российской Федерацией в целом. Особое место в системе данных интересов занимают вопросы, непосредственно связанные с нефте- и газовыми коммуникациями в Черноморско-Каспийском регионе.

2) Активность негосударственных экстремистских и террористических организаций, преследующих собственные цели и стремящихся создать на территории Черноморско-Каспийского региона и Северного Кавказа собственные сетевые структуры, для реализации поддерживаемой ими идеологии. Их активная деятельность началась в условиях идеологического вакуума и институциональной эрозии власти, после распада Советского Союза и распространяется на весь макрорегион (Панин 2005: 179). Активное проникновение в Черноморско-Каспийский регион и на Северный Кавказ различных экстремистских сил обеспечило их институционализацию и укрепление. Особенно активно проникновение экстремистских элементов происходило во время конфликта в Чеченской Республике в 1990-х гг., при явном участии международных террористических организаций и Турции. Положение было преодолено, хотя и не окончательно, только в конце 1990—начале 2000-х гг. благодаря усилению российского федерального центра и изменению его политики, которая начала опираться на комбинацию военного подавления экстремистов и сепаратистов и поиск опоры среди конструктивных и государственно ориентированных сил в Северо-Кавказском регионе.

3) Существующие заметные противоречия в интересах между Россией, США, Европейским Союзом, Арабскими странами, Турцией, Ираном в отношении как Черноморско-Каспийского региона, так и Северного Кавказа, которые для определенных политических сил остаются оспариваемыми регионами и «слабым» звеном в цепи российской политики, воздействуя на которое можно ослабить институционально-политическую систему России в целом и добиться от нее важных уступок в плане мировой политики.

Актуальность геополитического сюжета процессов турбулентности Северного Кавказа обусловлена целым рядом объективных политических и социальных причин, а также обстоятельств, связанных с глобальными внутренними и внешними факторами мировой и региональной политики:

1) Ролью Северного Кавказа как центра связующего звена между Европой и Центральной Азией. В геополитическом контексте это положение принципиально важно, поскольку обеспечивает выход к трём морям (Азовскому, Каспийскому и Черному) и связанной с ними инфраструктурной системе и ресурсным возможностям. Нельзя не отметить и стратегическое транзитное положение северокавказских республик. Через их территории проходят важнейшие для России транспортные и транзитные пути в Закавказье, а также в государства Азии, в частности, сухопутный путь из Армении, Ирана, Турции. Географические условия не позволяют найти альтернативу данным маршрутам (Авксентьев 1998: 9).

2) Политической ситуацией в России и во взаимодействующих с ней государствах. Угроза исламского терроризма и этнического экстремизма, которые подпитываются как со стороны международных сетевых террористических организаций, например, запрещённой в России террористической организации ИГИЛ, так и со стороны государств, оспаривающих суверенитет России на Северном Кавказе и стремящихся подорвать её отношения с государствами Черноморско-Кавказского региона. Последнее относится к политике Турции по ослаблению российского влияния на Северном Кавказе, которая особенно проявилась в 1990 гг., хотя активность пантюркистских организаций заметна и в настоящее время.

3) Корреляцией состояния и динамики развития современной внутривосточной обстановки в Черноморско-Каспийском регионе и на Северном Кавказе и попыт-

ками её использования со стороны внешних игроков для дестабилизации России. Обстановка на самом деле отличается серьезной нестабильностью и наличием реальных угроз национальной безопасности России в связи с неурегулированными межнациональными конфликтами, осложнёнными системными экономическими проблемами и падением уровня жизни, а также активизирующейся в этих условиях ролью радикального ислама.

Учитывая вышеизложенное, необходимо отметить, что при всём многообразии геополитических комбинаций можно указать на ряд ведущих трендов, взаимодействие которых и противоречия между которыми, по мнению автора, будет определять турбулентный характер Черноморско-Каспийского региона и Северного Кавказа.

США. Важнейшим геополитическим игроком, безусловно, являются США. Автор предлагает в контексте данной статьи руководствоваться определением политики США как «геополитическое доминирование». После распада Советского Союза доминирующим направлением внешней политики США является превентивное предотвращение возникновения конкурирующих политических центров, контроль над ресурсообеспеченными районами и стратегическими транзитными путями. Геополитическое доминирование США строится через систему отношений со странами региона посредством включения их в находящиеся под контролем США различные блоковые и сетевые структуры и поддержание между этими государствами состояния соперничества и противоречий, в которых США выступают в качестве арбитра. Деятельность сетевых и блоковых структур различна по содержанию и направленности. Это политика, экономика, работа различных НКО, глобальных социальных сетей и всё чаще функционирование таких структур носит взаимопроникающий и гибридный характер. Данные структуры могут сохранять определенную относительную независимость на низовом и среднем уровне, но они в любом случае, находятся под руководством США на высшем уровне принятия ключевых политически значимых решений и распоряжения ресурсами, необходимыми для работы данных организаций.

Учитывая многофакторность роли США в процессах политической турбулентности необходимо отметить, что сейчас принципиально важное значение имеет опытность в реализации политики «управляемого хаоса», управления конфликтами и противоречиями. Это необходимо для достижения конкретной экономической выгоды, получения политических результатов в виде продвижения своей идеологии, создания и поддержки системы лояльных политических режимов в формально независимых странах. В своё время сопоставимый уровень опытности и ресурсов в глобальном противостоянии был у Советского Союза, который опирался на коммунистическую идеологию, включавшую в себя привлекательный для достаточно большого количества стран региона пафос антиколониальной и освободительной борьбы и достаточно мощную экономику.

Сейчас у США в этом отношении есть неоспоримые преимущества; хотя на глобальность, со своей точки зрения, претендует и неоосманский проект Турции, и исламский радикализм, но здесь нет сопоставимых экономических и политических ресурсов.

С американской точки зрения, очень важен контроль над производством и транспортировкой стратегически важных сырьевых энергоресурсов. В частности, не только для получения прибыли, но и для сохранения геополитического доминирования и обеспечения успеха в противостоянии в регионе, прежде всего, с Россией и для частичного ограничения амбиций Турции. Хотя для США Турция в любом случае остаётся стратегическим союзником и партнёром по блоку НАТО, и их претензии касаются только недостаточно «послушного» режима Р. Эрдогана.

В качестве инструмента достижения своих геополитических целей, для США характерны действия, опирающиеся как на использование культурного, идеологи-

ческого влияния, т.е. на активное использование мягкой силы, так и на политику, направленную на умеренное ослабление или полную дезинтеграцию государств, относящихся к сфере американских интересов.

Сейчас интересно, как будет на практике выстраиваться политика США в отношении России, Турции и Ирана, особенно в контексте транзита власти в США.

Россия, несмотря на значительное снижение, после распада Советского Союза, ресурсной базы, остаётся важным геополитическим игроком макрорегиона. Основой геостратегических комбинаций России является концепция многовекторной политики, которую автор считает возможным трактовать как действия, направленные на поддержку множества независимых, но лояльно настроенных по отношению к России отдельных государств, с которыми отношения выстраиваются в индивидуальном порядке. Это не исключает внимание к различным блокам и союзам, но приоритетное внимание уделяется именно двусторонним отношениям.

Необходимо всегда иметь в виду, что Россия, находясь в значительно более худших, чем СССР экономических и политико-экономических условиях, пытается выступать геополитическим оппонентом США. Но Россия в большей степени зависит от путей транзита своих энергоносителей и имеет в регионе уже реально существующих, или потенциальных сильных конкурентов, что осложняет многовекторность в межстрановых отношениях, если речь идёт о взаимоотношениях с различными государствами. Другой аспект можно определить как многополярность, как поиск опоры во внешнеполитических отношениях не на один доминирующий, а на несколько независимых крупных политических центров.

Другой фактор относится к формирующим состояние политической турбулентности, которая уже непосредственно сказывается в регионах российского Северного Кавказа. Здесь имеется в виду так называемая «ловушка многовекторной» политики. По мнению автора, она заключается в том, что у стран региона есть особые отношения, но при этом, в рамках логики многовекторности, должны выстраиваться отношения и с государствами-антагонистами союзников, что это приводит к подрыву уже сложившихся отношений и росту недоверия. Примером данного положения служит треугольник Армения-Россия-Азербайджан. Особенно болезненным является вопрос продажи российского оружия Азербайджану. Для армянской стороны это крайне болезненная проблема: резонный вопрос - против кого может вооружаться Азербайджан?

Учитывая эту и иные проблемы практической реализации политики многовекторности, можно говорить о серьёзности влияния данной политики на состояние политической турбулентности. Противостояние между отдельными государствами Черноморско-Каспийского региона не может не сказываться на внутривнутриполитическом положении в России, поскольку существуют достаточно крупные общины государств, находящихся в состоянии конфликта, которые не могут не реагировать на данный внешнеполитический фактор и неизбежно будут привносить конфронтационный аспект и во внутривнутриполитические процессы.

Для России в отношениях между Арменией и Азербайджаном более правильно было бы не пытаться действовать в логике «многовекторности», а опираться на прошедший многовековую проверку фундамент отношений России и армянского народа. Реальным проявлением союзнических отношений, должен стать шаг по распространению российских гарантий безопасности на Арцах, а не только на территорию собственно Республики Армения, а также соответствующее укрепление, по договорённости с армянской стороной, военного контингента в регионе.

Турция. В макрорегионе и за его пределами важное значение имеет текущая политика Турции, ее неосманские и пантюркистские геополитические амбиции. В политической элите Турции неосманский, а в более широком ключе - и пантюркистский

проекты, играют особую мобилизующую роль. Представляется возможным, в аналитических целях, разделить эти проекты на неоосманский проект-минимум и пантюристский проект-максимум.

Логика неоосманства, реализуемого «Партией справедливости и развития» и лично Р.Т. Эрдоганом с 2002 года, очевиден отход от ориентированной на интеграцию со светской западной цивилизацией политикой кемализма (Friedman 2014). Мироззрение Р.Т. Эрдогана основано на том, что современная Турция является преемником Османской Империи, а его миссия - восстановить влияние в Турции на всех бывших территориях Османской Империи (Taspinar 2008).

Вызовы, связанные с неоосманской политикой Турции, затрагивают крымских татар, российские регионы Кавказа и Предкавказья, ранее находившиеся непосредственно в Османской Империи или под её протекторатом. Очевидны эти вызовы и в отношении государств, находящихся в особых союзнических отношениях с Россией; в частности, серьезную угрозу неоосманский проект представляет для Абхазии.

В более масштабном контексте геополитические амбиции Турции и лично Р.Т. Эрдогана проявляются в контексте пантюристского проекта. Здесь уже высказываются претензии на политический контроль не только над всеми тюркскими, но и исламскими народами, поскольку неоосманско- пантюристский проект предполагает претензии на восстановление власти халифов, которыми одновременно провозглашали себя османские султаны. Здесь претензии Турции распространяются и на Татарстан, и на сибирские регионы.

Азербайджан полностью находится в системе практически вассальных политических отношений с Турцией, оказывающей ему абсолютную поддержку при всех обстоятельствах. И в данном случае геополитические аспекты определяются не внутренним положением или противоречиями, которых в Азербайджане достаточно много, а позицией правящей элиты, целиком ориентированной на Турцию.

В этой связи можно говорить о достаточном полном совпадении трендов авторитарного, неоосманского и пантюристского режима Р.Т. Эрдогана и системы власти в Азербайджане, охарактеризованной К.С. Гаджиевым как «наследственная и авторитарная, с элементами восточного типа» (Гаджиев 2010: 181).

В институциональном плане российско-турецкие противоречия ярко выражены в деятельности различных НПО и НКО, а также в работе спецслужб, хотя в последнее время стали заметны и активные демарши со стороны официальной дипломатии соперничающих государств, особенно в контексте противоречий относительно ситуации в Сирии и по отношению к Крыму, который Турция относит к сфере своих интересов в рамках геополитической неоосманской концепции.

Начиная с 2014 года, возможности Турции в противодействии российскому влиянию в регионе дополнились их манипулятивной политикой антироссийской направленности, ориентированной на крымских татар. Кроме того, Турция позволяет высказывать открытые угрозы в адрес России. В частности, во время обострения российско-турецких отношений в связи с событиями в сирийской провинции Идлиб в феврале 2020 г., советника Р.Т. Эрдогана Месут Хакки заявил, что Россия, в которой проживает 25 миллионов мусульман, «будет расчленена изнутри».¹

В этих условиях сложно согласиться с мнением об инфраструктурных проектах России и Турции как о достижениях России. Газопровод «Турецкий поток» становится заложником «качелей» в отношениях России и Турции. Для Турции доход от транзита российских энергоносителей не является критически важным, но для России, в условиях отсутствия перспектив на нормализацию отношений с Украиной в обозримом будущем и при наличии крайне проблемных вопросов в отношении «Северного потока-2»,

¹ https://twitter.com/ahval_en/status/1233165920253751300 (дата обращения 11.05.2020).

альтернативный путь транзита, наоборот, приобретает критически важное значение. Для Турции, таким образом, данный транзитный путь становится инструментом шантажа. А как показывает ситуация с миграционным кризисом в Европейском Союзе, шантаж для руководства Турции - вполне приемлемый инструмент геополитического давления.

ИГИЛ. Необходимо отметить и роль ИГИЛ² в качестве геополитического фактора для Черноморско-Каспийского региона и Северного Кавказа. В деятельности данной организации принимают участие граждане большинства всех стран, относящихся к этим макрорегионам. Идеология данной террористической организации и основанные на ней геополитические доктрины также претендуют на глобальность и представляют серьёзную угрозу безопасности региона.

Обзор основных геополитических акторов не будет актуальным без анализа характеристик военно-политических блоков. Основными структурами, которые представляют интерес в рамках Черноморско-Каспийского региона, являются НАТО и ОДКБ. В настоящее время наблюдается общий кризис блоковых отношений.

Кризис в Сирии между Россией и Турцией в начале 2020 г., который поставил данные страны на грань полномасштабной войны, выявил существенные проблемы во взаимодействии стран-участников блока НАТО. Напомним, что Турция является второй после США страной-участником блока как по величине своих вооруженных сил, так и по объему денежных взносов. Но когда война с Россией стала вполне возможным сценарием, НАТО фактически отказало Турции в поддержке, отметив, что возникшее на тот момент противостояние России и Турции, даже в случае обострения, не являлось поводом привести в действие механизмы коллективной безопасности НАТО. Моральная поддержка Турции со стороны НАТО не играла никакой существенной роли.

Говоря об эффекте такого развития событий для Черноморско-Каспийского региона в целом, оценить позицию руководства блока НАТО по отношению к конфликту Россия-Турция, должны, прежде всего, Грузия и Украина. Если НАТО не готово поддерживать одного из старейших участников альянса, то о каких гарантиях в принципе может идти речь для стран, которые находятся в состоянии конфликта с Россией, но при этом не входят в НАТО, а их «стратегическое партнёрство» не накладывает на НАТО по сути никаких обязательств.

В ОДКБ так же есть существенные проблемные аспекты. В частности, вызывает сомнение, что ресурсы ОДКБ будут в полной мере задействованы для поддержки Армении в случае реализации сценария полномасштабной войны с Азербайджаном. Россия говорит о своей верности союзническим обязательствам и, в ответ на критику, напоминает о ситуации, которая сложилась в отношении с Грузией накануне войны августа 2008 г., когда практически никто не верил в решимость России начать полномасштабные боевые действия для защиты стран, которым давались гарантии безопасности и на территории которых находились российские миротворцы. Но на практике российская сторона смогла обеспечить безопасность Южной Осетии и Абхазии, решившись на полномасштабные боевые действия, за которыми последовал разрыв дипломатических отношений с Грузией и её выход из СНГ. Но это касается собственно России. Учитывая позицию Белоруссии и Казахстана, их сближение с Турцией и Азербайджаном, а также охлаждения в отношениях России и Белоруссии, можно с высокой степенью уверенности сказать, что в плане обеспечения безопасности Армении они свои обязательства в рамках ОДКБ выполнять не станут. В этой связи более надежны именно двусторонние соглашения между Арменией и Россией. Война в Арцахе с определёнными нюансами подтвердила данный сценарий. Агрессия Азербайджана поставила под угрозу собственно территорию Армении, были зафиксированы многочисленные факты

² ИГИЛ – террористическая организация, запрещенная решением суда в Российской Федерации.

обстрелов собственно армянской территории. В этих условиях российская сторона подтвердила свою верность взятым обязательствам, осознавая возможность полномасштабной войны.

Учитывая вышеизложенное, можно отметить, что в современных геополитических условиях блоковая политика как ОДКБ, так и НАТО не может в полной мере обеспечить условия безопасности. Обе системы несовершенны и требуют корректировки принципов своего существования.

Из изложенного анализа следует, что в геополитическом контексте Черноморско-Каспийский регион и взаимозависимый с ним Северный Кавказ — сложная турбулентная по самой своей природе зона. В религиозном и политико-культурном отношении Кавказ является географической границей между Азией, Ближневосточным регионом и Европой, что исторически предопределило сложный, часто трагический характер взаимодействия между различными государствами (Ковитиди 2019). Пограничный характер всего макрорегиона определяется и наличием двух цивилизационных типов – христианского и исламского (Сорокин 2006: 121). В настоящее время возрастающая роль радикальных религиозных и политических элементов усиливает геополитическую турбулентность региона.

Влияние геополитических игроков и попытки институционализации антироссийских структур и организаций в регионе способствуют его дестабилизации и создают дополнительное напряжение (Piontkovsky 2011; Панкратенко 2014).

Описанная выше российская модель многополярности ориентирована на более чуткий учёт интересов различных государств и поддержание баланса сил в регионе. Однако слабостью российской модели является собственно проблема механизма калькуляции интересов различных государств.

Современная геополитика Черноморско-Каспийского макрорегиона отличается повышенной конфликтностью и нестабильностью. И без того сложная обстановка в современных условиях получила два дополнительных дестабилизирующих фактора. Это последствия пандемии, в значительной степени негативно сказавшиеся на экономике всех государств-участников глобальных политических процессов рассматриваемых макрорегионов. Падение уровня жизни и связанные с ним внутривнутриполитические проблемы, ослабление экономического потенциала могут привести к значительным внутренним трансформациям практически во всех государствах, последствия же этих трансформаций слабо предсказуемы.

Внутриполитические проблемы и ослабление национальных экономик могут как привести к значительному снижению геополитической активности, так и, наоборот, усилить стремление отвлечь население от проблем внутривнутригосударственных, переключив внимание на проблемы внешнего характера. Такое «переключение внимания» может и не иметь мирного характера – именно такой негативный сценарий реализуется Азербайджаном и Турцией.

Второй фактор – изменение геополитической ситуации в результате агрессии Азербайджана при поддержке Турции и международных террористических сетевых структур против Арцаха и начавшейся миротворческой миссии России. В данной агрессии просматривается практическая реализация пантюркистского проекта и его дальнейшего вектора, направленного уже против интересов российской государственности. Ближайшая мишень Турции—это, безусловно, Крым.

Сейчас геополитические процессы входят в зону наибольшего риска. Статус Арцаха остаётся неурегулированным и принципиальное решение откладывается на будущее. Присутствие российских миротворцев – гарантия безопасности армянского населения в Арцахе, но и сами миротворцы могут стать мишенью Азербайджана и Турции, если последними будет принято политическое решение о возобновлении боевых действий с целью попытаться втянуть в конфликт на своей стороне НАТО и

противопоставить ресурсы альянса России. Подобный сценарий уже обыгрывался при М.Н. Саакашвили в 2008 году, когда присутствие российских войск не смутило грузинского лидера и российские миротворцы стали мишенью для атаки. Результат, правда, общеизвестен – полное военное поражение Грузии и признание Россией Абхазии и Южной Осетии в качестве суверенных государств с размещением уже не небольшого миротворческого контингента, а полноценных военных баз.

Остается еще и фактор транзита власти в США и ряд вопросов внутриполитической ситуации в России—те нюансы, которые вполне могут повернуть развитие событий в абсолютно не прогнозируемое русло.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авксентьев В.А. (1998), «Этнические проблемы Северного Кавказа в контексте общероссийских и мировых этнических процессов», *Известия ВУЗов. Северокавказский регион. Общественные науки*, N 2: 9-12.
- Гаджиев К.С. (2010), *Кавказский узел в геополитических приоритетах России*, Москва.
- Ковитиди О.Ф. (2019), «Проблемы безопасности в черноморско-каспийском регионе в условиях изменения геополитической ситуации: вызовы для России», *Научное общество кавказоведов*, (<http://www.kavkazoved.info/news/2019/10/01/kovitidi-problemy-bezopasnosti-v-chernomorsko-kaspijskom-regione.html>; дата обращения 11.05.2020).
- Панкратенко И. (2014), «Безопасность Каспийского региона и второй этап «международной войны с терроризмом» США», *Научное общество кавказоведов*, (<http://www.bs-kavkaz.ru>; дата обращения 11.05.2020).
- Панин В.Н. (2005), «Современные тенденции в кавказской американской геополитической экспансии», *Евразийский проект: Кавказский вектор. Южно-Российское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН*, вып. 30, Ростов-на-Дону: 178-189.
- Сорокин К.Э. (2006), *Геополитика современности и геостратегия России*, Москва.
- Firat P. (2008), “The Greater Central Asia Partnership Initiative and its Impacts on Eurasian Security”, *ОАКА*, (<http://turkishweekly.net/article/319/the-greater-central-asia-partnership-initiative-and-its-impacts-on-eurasian-security>; дата обращения 11.05.2020)
- Friedan G. (2014), “Ukraine, Iraq and a Black Sea Strategy”, *Stratfor*, (<http://www.stratfor.com/weekly/ukraine-iraq-and-black-sea-strategy#axzz3CRH0cQgS>; дата обращения 11.05.2020).
- Piontkovsky A. (2011) “North Caucasus: One War Lost, Another One Begins”, *Open Democracy*, (<https://www.opendemocracy.net/en/odr/north-caucasus-one-war-lost-another-one-begins>; дата обращения 5.05.2020).
- Taspinar, O. (2008), “Turkey’s Middle East Policies: Between Neo-Ottomanism and Kemalism”, *Carnegie Endowment for International Peace*, (<https://carnegieendowment.org/2008/10/07/turkey-s-middle-east-policies-between-neo-ottomanism-and-kemalism-pub-22209>; дата обращения 10.06.2020).

DOI 10.48200/9789939672571_211

С. Мирзоян, Г. Авакян (сост.); Р. Варжапетян (ред.), *Евреи Земли Ноя*, Ереван: ВМВ Принт, 2020, 420 с. [Авторы рецензии: Владимир Ружанский, ИГН РАУ/ Арутюн Худанян, Институт истории НАН РА]

Представляемая читателям книга “Евреи Земли Ноя” создана на основе документов Национального архива Армении и повествует об истории местной еврейской общины с первой половины XIX века до настоящего времени. В основе книги—обширная база исторических источников, связанных с различными аспектами жизни евреев в Армении в указанное время.

Книгу с полным основанием можно назвать пионерской в иудаике по ряду причин. Во-первых, по масштабу исследований, поскольку в книге представлена история евреев Армении на протяжении двух веков, во-вторых, потому, что основная масса исторических документов, положенных в основу издания, ранее нигде не публиковались. Наконец, потому что тема евреев Армении до сих пор оставалась одной из самых малоизученных в исторических исследованиях.

Книга “Евреи Земли Ноя” издана Еврейской общиной Армении при финансовой поддержке правительства РА, Всемирного Еврейского конгресса и Евро-Азиатского Еврейского Конгресса на трех языках: русском, армянском и английском в 2020 году. Работу над книгой осуществляла группа специалистов под руководством Р.П. Варжапетян-Феллер—председателя Еврейской общины Армении, инициатора и автора идеи. Особый вклад в создание предлагаемой читателям книги внесли составители к.и.н. Соня Мирзоян и к.и.н. Гоар Авакян, ответственный редактор, историк Владимир Ружанский, историк и переводчик Арутюн Худанян - технический редактор, редакторы Аделина Лившиц и Карен Оганесян.

При работе над книгой были использованы различные методы исторического исследования: историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный и ретроспективный методы, а также метод исторической периодизации. Такое разнообразие подходов связано не только с большим количеством тем, освещаемых в данной книге, но и с проблемой самой периодизации—одного из самых сложных вопросов большинства исторических исследований.

В конечном счете за основу периодизации были взяты не только основные периоды в истории Армении, сначала в составе Российской империи, а потом—СССР, но и качественные изменения, которые происходили в местной еврейской общине на различных временных этапах.

В итоге, структура книги была сформирована из шести глав. В первую главу вошли документы, содержащие общие сведения о евреях Эриванской губернии в период с 1852 по 1918 годы. Это рапорты, предписания и уведомления местных властей о евреях Эриванской губернии в целом и информация о конкретных людях—членах еврейской общины, в том числе.

Особый интерес в этой главе представляет блок документов, освещающих взаимоотношения царских властей и евреев Эриванской губернии в период контрреформ Александра III. Несмотря на все ограничения и препятствия, связанные с контрреформами, местные евреи—в большинстве своем выходцы из черты оседлости, достаточно успешно интегрировались в новую среду и немало сделали для

развития Восточной Армении. Так, например, несмотря на то что доля евреев в ремесленном производстве Эриванской губернии в 1893 году составляла всего 0,6%, из семи владельцев мастерских, у которых работали пять и более работников, двое: Роман Эдельсон и Арон Лейбович принадлежали к местной еврейской общине (Амбарян/Амбаян 1967).

Совершенно уникальными являются документальные материалы, касающиеся истории субботников села Еленовка, также вошедшие в первую главу. Например, «Доверенность иудейского общества с.Еленовка односельчанам о ведении метрикации жителей села (Всего 72 подписи)»¹ от 10 апреля 1887г. несомненно, свидетельствует об осознанности выбора субботниками иудаизма в качестве своих вероисповедания и образа жизни.

Ещё больший интерес представляет другой документ данной главы: «Предписание Эриванской городской управы Эриванскому городскому полицейскому управлению об отводе обществу евреев г.Эривани участка земли под кладбище» от 7 ноября 1897 г.² Этот документ является, по сути, признанием со стороны царских властей факта интеграции двух общин: евреев Эривани и субботников с.Еленовка. Более того, в процессе интеграции двух общин не субботники вливаются в общину эриванских евреев, а наоборот—этот вывод неизбежно следует из анализа документов по данной теме.

Помимо документов во второй главе использованы исследования, опубликованные, в частности, одним из основателей еврейской общины РА Игорем Улановским—ныне сотрудником университета Бар-Илан в Израиле (Улановский 1993) и Александром Львовым (Львов 2015).

Следует отметить, что и в целом, для создания данной книги были использованы не только документальные материалы архивов, но также обширный справочный аппарат, научная литература и опубликованные документы Российской империи. В частности, во вторую главу книги, которая целиком посвящена вопросу генезиса и эволюции сложных взаимоотношений между властями Российской империи и евреями Эриванской губернии, было включено «Положение о подчинении евреев в городах и уездах общему управлению, с уничтожением еврейских кагалов» (Цѣцѣцѣ 2011). Данная глава также базируется на анализе многочисленных документов: начальственных рапортов, предписаний, справок, посемейных списков еврейского населения и прошений евреев (главным образом, эти прошения связаны с разрешением на проживание в Эриванской губернии или открытии здесь собственного бизнеса).

В целом же, из приводимых во второй главе книги документов вырисовывается достаточно сложная картина жизни евреев в Эриванской губернии, где жесткий контроль и ограничения со стороны властей Российской империи тем не менее не препятствовали развитию местной еврейской общины, прежде всего еврейских бизнесов. Что не менее важно—среди документов как этой, так и других глав книги отсутствуют какие-либо сведения об антисемитизме со стороны армян или даже упоминания о мелких конфликтах между евреями и армянами на национальной или религиозной почве.

¹ «Доверенности иудейского общества с. Еленовка односельчанам о ведении метрикации жителей села (Всего 72 подписи)» от 10 апреля 1887г., НАА, ф.1262, оп.2, д.64, лл.3-4 об.

² «Предписание Эриванской городской управы Эриванскому городскому полицейскому управлению об отводе обществу евреев г.Эривани участка земли под кладбище» от 7 ноября 1897 г., НАА, ф.107, оп.1, д.1054, л.13 об.

Особый интерес представляет третья глава, где собраны документальные сведения о евреях Эриванской губернии уже в начале XX века. Опубликованные здесь документы со всей очевидностью свидетельствуют о том, что в начале прошлого века проживавшие в Армении евреи в полной мере оценили необходимость светского и профессионального образования. Об этом говорит прежде всего количество прошений от евреев о зачислении в учебные заведения, а также число полученных в это время евреями аттестатов зрелости и свидетельств о специальном образовании. В целом же стремление к образованию было характерно в этот период времени не только для евреев в Восточной Армении, но и вообще для еврейского населения Российской империи, о чем свидетельствует документ под названием “Из сведений для лиц, желающих поступить в Императорский Санкт-Петербургский университет, о квоте для лиц иудейского вероисповедания”, от 1 апреля 1900 г.³

Четвертая глава книги посвящена вопросу о месте евреев в фармацевтике Эриванской губернии. Документы по данной теме безусловно свидетельствуют о том, что евреи Армении в рассматриваемое время если и не доминировали в этой одной из самых престижных профессий, то, во всяком случае, имели весьма серьезное представительство. Едва ли высокий процент евреев среди фармацевтов Эриванской губернии был связан с политикой властей в этой сфере. Гораздо более вероятным представляется другое объяснение: евреи сумели быстро и эффективно заполнить имевшуюся нишу и удовлетворить спрос на специалистов в данной сфере. Об имевшемся серьезном дефиците специалистов в сфере фармацевтики свидетельствует, например, “Отчет Эриванского военного губернатора о состоянии губернии за 1872 г.” (Ццпцпц 2011), из которого следует, что в Восточной Армении в это время было всего две аптеки: одна в Эривани и ещё одна в Александрополе. Из других документов, приводимых в данной главе, роль евреев в фармацевтике региона становится для читателей ещё более очевидной. А если учесть, что аптекарское дело требует, помимо специального образования и навыков, ещё и значительных капиталовложений, мы можем интерпретировать приводимые здесь архивные документы как свидетельство высокого образовательного ценза, по крайней мере части эреванских евреев, так и их социального статуса.

Пятая глава книги посвящена истории евреев Армении уже в советский период: с 1920 по 1946 годы. Центральные темы здесь—период сталинских репрессий, участие евреев в ВОВ и Холокост. Несмотря на скудные сведения архивных материалов и сухой официальный язык приводимых документов, тем не менее, перед читателем открывается яркая картина как взаимоотношений евреев и армян, так и отношение евреев к Армении, давшей приют выжившим в Холокосте.

Для многих евреев, потерявших семью во время Холокоста, Армения стала приемной матерью—здесь эти люди нашли свой дом. Среди оказавшихся в Армении во время ВОВ евреев были беженцы из Польши, участники боев с нацизмом, прибывшие сюда по ранению, специалисты, эвакуированные из районов СССР, оккупированных нацистской Германией и ее союзниками. По документам, приводимым в данной главе, читатели могут составить вполне определенное представление о количестве еврейских беженцев от нацизма, которых приняла Армения во время ВОВ. Не менее важным аспектом, который проясняет данный блок документов, является отношение армян к евреям и, в свою очередь, восприятие евреями Армении.

³ “Из сведений для лиц, желающих поступить в Императорский Санкт-Петербургский университет, о квоте для лиц иудейского вероисповедания”, от 1 апреля 1900 г., НАА, ф.511, оп.3, д.982, л.29.

Отношения между евреями и армянами в этот, как и в предшествующие периоды времени, были в высшей степени доброжелательными. Об этом, в частности, свидетельствуют заявления евреев, оказавшихся в Арм.ССР и обращавшихся в различные официальные органы советской власти с просьбой разрешить им остаться в Армении.⁴

Наконец, шестая глава данной книги повествует об истории еврейской общины уже в Республике Армения. Данная глава дает читателям представление прежде всего о вкладе местных евреев во все сферы жизни Армении: от искусства до науки.

Об отношениях между армянами и евреями в Армении красноречиво говорит и тот факт, что в еврейской общине РА процент смешанных браков составляет сто процентов.

Следует отметить, что книга снабжена специальными предисловиями, краткими комментариями и пояснениями к основной массе приводимых документов. Однако даже без этих предисловий, комментариев и пояснений читатели, не имеющие опыта работы с историческими источниками, смогут убедиться в том, что в Армении никогда не было антисемитизма, ни на официальном, ни на бытовом уровне.

Это заключение особенно важно сейчас, когда азербайджанская пропаганда постоянно муштрует утверждение об отсутствии в Армении еврейской общины и якобы существующем в Армении антисемитизме.

Исторические документы говорят об обратном. Более того, учитывая тот факт, что в Армении прошла жизнь нескольких поколений евреев, для которых армянский язык стал родным или, по крайней мере, языком повседневного общения, можно утверждать, что живущие сегодня в РА евреи сформировались в качестве субэтнической группы еврейства.

В заключение следует отметить, что книга *Евреи Земли Ноя*, в силу ограниченности объема любого издания, освещает документы по истории евреев в Армении лишь выборочно, чтобы дать читателям представление о главной теме предлагаемого исследования.

Работа над многочисленными документами в Национальном Архиве Армении будет продолжена.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амбарян А.С./Амбарян С.Л. (1967), “К характеристике промышленности восточной армении в конце XIX в”, *Պատմա-քաղաքագիտական հանդես*, 2-3: 195-204, [http://hpj.asj-oa.am/1068/1/1967-2-3\(195\).pdf](http://hpj.asj-oa.am/1068/1/1967-2-3(195).pdf) (дата обращения 17.12.2020)
- Улановский И. (1993), “Субботники села Еленовка”, *Вестник Еврейского университета в Москве*, 2: 32–39.
- Львов А. (2015), “Нежные псалмы”: Этническое и религиозное в культуре русских иудействующих», *Интелрос*, 3: 100-120, http://www.intelros.ru/pdf/GosRelTserkov/2015_03/5.pdf (дата обращения 17.01.2020).
- Մկրտչյան Ա. (2011), “Ալեքսանդրապոլի գավառը Երևանի նահանգապետի հաշվետվություններում (1870-ական թթ)”, *ՀՀ ԳԱԱ Ծիրակի հայագիտական հետազոտությունների կենտրոն. Գիտական աշխատություններ*, 1: 144-153, <http://shirak.asj-oa.am/428/1/144-153.pdf> (дата обращения 17.12.2020).

⁴ Телеграмма братьев Вайнштейн председателю Совнаркома и В. Молотову о желании остаться в Армении, 14 февраля 1946г., НАА. Ф.113. Оп.29. Д.93. Л.72а

DOI 10.48200/9789939672571_215

В.Л. Бигуаа, *Ритуальный мир традиционной религии абхазов*, Москва: МАКС Пресс, 2018, 336 сс. [Автор рецензии: Руслан Сефербеков, ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала]

Книга доктора исторических наук Валерия Бигуаа посвящена традиционным религиозным верованиям и обрядовой культуре абхазов.

Следует отметить, что традиционная абхазская религия с давних пор привлекала внимание специалистов и была предметом изучения этнологов и религиоведов: Джанашвили М. (*Абхазия и абхазцы: Этнографический очерк*. Тифлис, 1892), Джанашиа Н.С. (*Статьи по этнографии Абхазии* (сост. и предисл. Х.С. Бгажба), Сухуми, 1960), Званба С.Т. (*Этнографические этюды* (под ред. и с предисл. Г.А. Дзидзария), Сухуми, 1955), Чурсина Г.Ф. (*Материалы по этнографии Абхазии*, Сухуми, 1956. 265 с.), Аджинджал И.А. (*Из этнографии Абхазии: Материалы и исследования*, Сухуми, 1969), Инал-Ипа Ш.Д. (*Вопросы этнокультурной истории абхазов*, Сухуми, 1976), Зухба С.Л. (*Типология абхазской сказочной прозы*, Майкоп, 1995) и др.

В монографии рассматривается широкий круг проблем традиционной религии абхазов *анцвахацара*, продолжающей оставаться неотъемлемой частью культуры народа, несмотря на господствующее положение в стране христианства.

Структурно монография состоит из 11 глав, включенных в два раздела: 1. Пантеон абхазских богов: опыт структурирования системы. 2. Обрядовая практика.

На основе полевого этнографического материала, собранного автором за последние годы в различных уголках Абхазии, а также данных мифологии и языка, в работе приводится скрупулезный анализ исследуемой проблемы.

В первом разделе книги автор уделяет особое внимание традиционной картине мира и абхазскому пантеону богов, во главе которого стоит демиург *Анцива*. Пантеон абхазских богов он делит на большой (ядром которого являются *Анцива*, *Афы*, *Ацах*, *Апстха*, *Апишаха*, *Агах*, *Хаит*, *Аирг*, *Анан*) и малый (боги небесные— *Анцива*, *Афы*, *Шашвы*, *Апстха*, *Ацвакуа*, *Апишаха*, *Амра* и *Амза*; боги земные— *Ажвейти*, *Ашханцваху*, *Абнанцваху*, *Айтар*, *Джаджа*, *Ажсахара*; подземные боги— *Ацах*, *Апсцваха*, *Аюстаа*, *Цвыблакы*, *Атью*, *Агулияп*, *Амат*, *Хайт*, *Дзахкуажв*, *Дзыдзлан*; а также личные/родовые божества— *Анциваху*, *Маршан инициваху*, *Лешаа рныхва*, *Етных-Агных*, *Лапыр-ныхва* и др.) пантеоны. В таком виде классификация абхазских божеств представлена впервые.

Автор приходит к выводу, что в типологическом отношении абхазская религия входит в орбиту духовной культуры горских народов Кавказа и главным образом— адыгских, с которыми абхазы имеют общие генетические корни и взаимовлияния. Выявлены также историко-этнологические параллели абхазской (и шире— северокавказской нахско-дагестанской и абхазо-адыгской) культуры с древнейшими цивилизациями Передней Азии и Ближнего Востока.

Второй раздел монографии посвящен культово-ритуальной обрядности, вобравшей в себя основы традиционного абхазского мировоззрения и соционормативной культуры. В качестве критерия для классификации культовой практики абхазов взято их представление о хронологическом пространстве годового цикла времени. Начинается он со связанного с земледельческим культом плодородия весеннего праздника *Хважкыра*, за которым следует календарный праздник *Амшапы* (абхазский Новый год). Особое место в обрядовой практике абхазов занимал

окказиональный (не связанный с календарем), посвященный культу верховного бога *Анцва*, праздник—*Анцвахуа*. В конце весны—начале лета абхазы отмечали *Ацуныхвара*—праздник, посвященный культу бога грома и молнии *Афы*. В конце августа праздновали, связанный с культом *Великой матери земли*, праздник *Нанхва*—один из наиболее почитаемых в религиозной системе абхазов. В период зимнего солнцестояния отмечали *Лымдныхва*, а в середине января, связанный с культом бога кузницы и кузнечного ремесла *Шашвы*, —праздник *Ажирныхва*. В последнюю субботу февраля праздновали *Жвабран*, посвященный семидольному (боги-покровители *Жвабран*, *Джабран*, *Хёрах*, *Альшькьынтыр*, *Цабах*, *Чишаиана*, *Анана-Гунда*) богу *Айтару*.

Как это видно по многочисленным календарным и окказиональным праздникам, обрядовая жизнь абхазов была насыщена ритуальной практикой.

Несмотря на процессы мировой глобализации и влияния мировых религий, абхазы до сих пор продолжают придерживаться своей традиционной религии, и это вселяет надежду на сохранение их религиозной и культурной идентичности. Сила религиозной традиции абхазов подкрепляется также их нравственным кодексом *атсуара*, и особенно ее нормативной сферой, которая ревностно соблюдается во время совершения обрядов.

Как нам кажется, новизна работы В.Л. Бигуаа “Ритуальный мир традиционной религии абхазов” заключается в разработке им новой типологии структурирования абхазской религиозной системы, и, в частности, пантеона богов и обрядовой практики. Она является важным вкладом в кавказоведение, в изучение многогранной традиционной духовной культуры северокавказских народов. Монография рассчитана на этнологов, фольклористов, религиоведов, культурологов и широкий круг читателей, интересующихся этнокультурной историей абхазов.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Руслан Сефербеков** – Древние и средневековые петроглифы Дагестана: история, ареал, типология, интерпретации. [**Ruslan Seferbekov** – Ancient and Mediaeval Petroglyphs of Dagestan: Locations, History, Typology].....5
- Ерванд Маргарян** – Язык и письменность как политический инструмент: “Умная сила” против варварской интервенционности. [**Ervand Markarian** – Language and Writing as a Political Tool: “Smart Power” Against Barbarian Interventionality].....27
- Шахбан Хапизов** – Христианские храмы средневековой Аварии (историко-географический обзор). [**Shakhban Khapizov** – Christian Temples of Mediaeval Avaria (Historical and Geographical Overview)].....65
- Самвел Маркарян** – Некоторые аспекты кросскультурных коммуникаций Золотой Орды и государства Тимурленга в конце XIV века. [**Samvel Markarian** – On Some Aspects of Cross-cultural Communication of the Golden Horde and the Timurleng State at the End of the XIV century]75
- Нугзар Тер-Оганов** – Иррегулярное войско, шахская гвардия и артиллерия Каджарского Ирана XVIII-XIX вв. [**Nugzar Ter-Oganov** – Irregular Army, Shah’s Bodyguard and Artillery Corps in the Qajar Iran in XVIII-XIX cc.].....89
- Нугзар Тер-Оганов** – Русско-иранские тайные переговоры 1853-1854 гг. и заключение конвенции о нейтралитете Ирана. [**Nugzar Ter-Oganov** – Russian-Iranian Secret Negotiations of 1853-1854 and the Conclusion of the Convention on Iran’s Neutrality].....113
- Геворг Галтакян** – “Вступительная речь” Крикора Зохраба к курсу лекций по уголовному праву в Османском Университете. [**Gevorg Galtakian** – Grigor Zohrab’s “Opening Speech” to the Course on Criminal Law in the Ottoman University]123

КУЛЬТУРА, ЭТНОГРАФИЯ, ФОЛЬКЛОР

- Константин Рахно** – Мотив борьбы сына и отца в осетинском фольклоре. [**Konstantin Rakhno** – The Motif of the Fight of Son and Father in the Ossetian Folklore].....129

- Олег Гуцуляк** – Каджи и кентавры: к вопросу об этнической атрибуции мифо-эпических персонажей. [**Oleg Gutsulyak** – The Kaji and Centaurs: On the Ethnic Attribution of Some Mytho-Epical Characters].....135
- Виктория Аракелова** – *Ахль аль-беѳим* в езидском религиозном фольклоре. [**Victoria Arakelova** – *Ahl al-Bayt* in the Yezidi Religious Lore].....143
- Нелли Хачатурян** – К вопросу о теоретических проблемах изучения этно-религиозной идентичности армян. [**Nelli Khachaturian** – On the Theoretical Approaches to the Study of the Ethno-Religious Identity of the Armenians].....147

ЯЗЫК

- Гарник Асатрян** – Лексемы *lāt* и *lār* в топонимии Южного Каспия. [**Ganik Asatrian** – The Lexemes *lāt* and *lār* in the South Caspian Toponymy].....155
- Арора Сантош Кумари** – Русские фразеологизмы со значением действия в сопоставлении с хинди и армянским. [**Arora Santosh Kumari** – Russian Phraseological Units Denoting Action in Comparison with Hindi and Armenian.].....161
- Саргис Асатрян** – К армяно-талышским лексическим соответствиям: Заимствования или следы общего субстрата? [**Sargis Asatrian** – On the Armenian-Talishi Lexical Correspondences: Borrowings or Traces of a Common Substratum?].....173

ПОЛИТИКА

- Ара Марджанян** – Газ (Турции) и Война (в Карабахе). [**Ara Marjanian** – The Gaz (of Turkey) and the War (in Karabakh).].....175
- Сюй Цзинь, Ли Вэй** – Дискуссия о характере главного международного противоречия в становлении китайской науки о международных отношениях. [**Xu Jin and Li Wei** – On the Nature of the Main International Contradiction in the Formation of the Chinese Science of International Relations.].....185
- Максим Васьков** – Геополитический фактор в политической турбулентности Черноморско-каспийского региона и Северного Кавказа. [**Maxim Vaskov** – Geopolitical Factor in the Political Turbulence of the Black Sea-Caspian Region and the North Caucasus.].....203

РЕЦЕНЗИИ

- Владимир Ружанский, Арутюн Худанян** – [Рецензия на:] *Евреи Земли Ноя*, Ереван, 2020. [Vladimir Ruzhanskij/Arutyun Khudanyan [Review on:] *The Jews of Noah's Land*, Yerevan, 2020].....**211**
- Руслан Сефербеков** – [Рецензия на:] В.Л. Бигуаа *Ритуальный мир традиционной религии абхазов*, Москва, 2018. [**Ruslan Seferbekov** [Review on:] V. Biguaa, *The Ritual World of the Traditional Religion of the Abkhaz*, Moscow, 2018].....**215**

